

ЭДИТА

ЭДИТА Вып. 28

ВЫПУСК 28

ЭДИТА

№28

Литературный альманах
www.editagelsen2023.com

2024

Серия альманахов "ЭДИТА" запущена в марте 2024 г.
как преемник журнала "EDITA"

Выходит по мере накопления материала

Тексты публикуются преимущественно в авторской редакции

Литературная редакция:
Пётр Бледнёв, к.ф.н. Иоган Манаев,
к.ф.н. Эвдоксия Прянская, м.ф.н. Сильфида Селезнёва

Графика обложки — нейросеть robotext.io

Издатель и главный редактор — Александр Барсуков

Copyright © 2024 bei Autoren
Alle Rechte in dieser Ausgabe vorbehalten

ISBN 978-3-910935-89-1

Gesamtherstellung Edita Gelsen e.V.
logobo2023@gmail.com

Printed in Germany

РАССКАЗ

Дмитрий Игнатов

Воронеж

ПАРАДОКС ФЕРМИ

I

Андрей чуть вздрогнул и открыл глаза. Включившиеся осветительные панели вызывали в них небольшую резь, раздражая сетчатку, отвыкшую от яркого света за долгий период криосна. Он поднял, легко поддавшийся полупрозрачный свод капсулы и свесил ноги к полу. Мысли путались в голове Андрея, но в его случае это было вполне нормально. Слегка помотав головой, словно только что вылезшая из воды собака, и поняв, что его вестибулярный аппарат его слушается, Андрей встал на ноги и неторопливо прошёлся по узкому отсеку с серебристыми стенами.

Рослый, крепко сложенный капитан военно-космических сил, прошедший самый тщательный отбор и подготовку, он многие годы провёл в криокапсуле. Сейчас автоматика приняла решение о его пробуждении. А это значит, что финальная точка маршрута достигнута.

Космолёт уже вошёл в систему звезды 23 Либра. Вытянутая в струнку машина, со стороны напоминающая какой-то фантазмагорических размеров паровозный состав, уже ожила, с механической точностью обрабатывая заложенную программу полёта. От последнего «вагона» в стороны, словно спицы гигантского зонтика, разошлись направляющие солнечного паруса. Оставшуюся часть полёта он будет впитывать энергию света звезды, одновременно тормозя весь корабль и дополнительно снабжая все его системы электричеством. Вдоль всех секций заработали тормозные ионные двигатели. Управляемые центральным компьютером, они начали корректировать курс космолёта, аккуратно направляя его к большому газовому гиганту. Размером примерно в полтора Юпитера, эта планета была единственной в зоне обитаемости местного аналога Солнца. Жизнь на таких планетах невозможна, зато среди множества её каменных и ледяных спутников совершенно точно был один, который подавал сквозь пространство признаки жизни.

Андрей открыл настенный ящик, где его ждал индивидуальный комплект одежды. Облачившись в ботинки и комбинезон, капитан ещё раз взглянул на себя в металлическое зеркало и пригладил тёмно-русые волосы. Он порядком отвык от вида своего собственного лица, и серо-зелёные глаза и ровный нос правильной формы и волевой чуть квадратный подбородок с ямочкой теперь казались ему каким-то незнакомыми. Последствия длительного криосна, о которых часто предупреждали на Земле, давали о себе знать.

От самоанализа Андрея отвлёк неожиданный звук. Из соседнего помещения по непонятной причине доносилась такая громкая музыка, что даже герметичная дверь не могла её полностью заглушить. Войдя в командный отсек, Андрей обнаружил весьма странную картину.

По стенам на скотч были в хаотичном порядке приклеены листы, по всей видимости, вырванные из лётных планшетов, испещрённые рисунками, буквами, цифрами и неизвестными символами. Такие же листы, по большей части смятые и скомканные валялись на полу вперемешку с пустыми тубиками и продовольственными контейнерами. В кресле командира, развалившись и положив ноги на приборную панель, устроилась невысокая миниатюрная блондинка. На ней была серая футболка с логотипом миссии и такой же типовой комбинезон, но полурастёгнутый и завязанный рукавами на поясе. Запрокинув голову назад и закрыв глаза, она словно дирижёр размахивала руками в такт музыке, громяющей из динамиков и беззвучно подпевала: «Ах... А-а-арлекино, Арлекино...».

Капитан молча подошёл к пульту и отключил музыку. Девушка неторопливо открыла глаза:

— Посмотрите-ка, кто проснулся! — чуть язвительно проговорила она и улыбнулась, — Доброе утро! Шар-ах, комрад Андрей!

— Что здесь происходит? — спросил Андрей, пытаясь сохранять спокойствие.

— Ничего такого, — не меняя своей легкомысленной интонации, ответила девушка, — Вот подрабатываю ди-джеем... Диско 80-х! Вся ночь!

— Я повторю свой вопрос. Что здесь происходит, второй пилот Светлана?

— Ой, простите, — картинно вскочила с места Света и пересела в соседнее кресло, — Я и забыла про субординацию. Уступаю вам штурвал нашего фрегата, кэп!

Сев в командирское кресло и машинально проверяя состояние всех приборов и систем, Андрей сухо проговорил:

— Очевидно, у тебя нервный срыв. Попробуй взять себя в руки и доложить обстановку. Что случилось на борту «Первооткрывателя-2» ?

— «Первооткрыватель»..., — скривилась Светлана, — За те три года, которые я осуществляю командование, наш корабль сменил название. Теперь мы предпочитаем называть его «Ностромо».

— Бред...— продолжая проверять приборы, проговорил Андрей.

— Не нравится?! — искренне удивилась девушка, — Может, тогда «Тысячелетний сокол»?

— Постой!— капитан обернулся на девушку, — Ты сказала три года? Ты проснулась три года назад?

— Бинго, капитан! Вы уловили самую суть!

— Чёрт... Тогда всё понятно. Три года изоляции повлияли на твою психику, — он снова перевёл взгляд на приборы, — А что с курсом?

— Ничего... — невинно ответила Света, — Я его просто изменила.

— Изменила?! Ты хоть понимаешь, что...

— Воу, воу, Кэп! Не горячись! — замахала руками девушка, — Андрияша, дай мне всё объяснить... Во-первых, я в своём уме! Никакой изоляции у меня не было. Максимум первые 3 месяца, пока мы с полковником Шен-каром пытались преодолеть языковой барьер...

— С кем?!

— С полковником Шен-каром из третьего отдела дальнекосмического обнаружения второго военного космического флота планеты Шэ-вел.

— О, господи...

— Я серьёзно! Они заметили наш корабль ещё на подлёте к краю системы. И предсказуемо начали посылать сигнал из простых чисел на частоте водорода. Случилось так, что из-за сбоя я проснулась раньше и услышала это послание. Обмениваться цифрами нам быстро надоело... Ну, и закрутилось потом... — девушка заметила загоревшуюся на приборной панели индикацию, и поспешила нажать кнопку приёма, — Ну, вот он уже звонит. Тихо!

— Доброе утро, Светлана, — прозвучал из динамика выразительный мужской голос, — Как дела у вас там наверху? Приятно, что с каждым днём расстояние между нами всё меньше и мне не приходится ждать ответа слишком долго.

— Неисправимый романтик...— вздохнула девушка, а потом нажала кнопку и записала ответ, — Доброе утро! Мне тоже приятно это осознавать, полковник. Что скоро мы сможем поговорить безо всяких ожиданий. Извините, но сегодня я не смогу пообщаться подольше. У нас тут на борту небольшой... эм... организационный момент.

— Надеюсь, ничего серьёзного? Я буду ждать сообщений от вас.

Связь прервалась. Приборная панель продолжала штатно монотонно подмигивать своими индикаторами, словно ничего необычного не произошло.

— С ума сойти...— растерянно пробормотал ошарашенный командир, — Это контакт. Настоящий!

Девушка снова откинулась на спинку кресла и мечтательно произнесла:

— Да... Настоящий полковник.

II

«Первооткрыватель-2», постепенно снижая скорость, пересекал систему 23 Либра. Все системы корабля работали нормально. Сейчас он в автоматическом режиме продолжал маневр, медленно переводящий его в орбитальную плоскость подсистемы гиганта.

Командный отсек весь был наполнен холодным белым светом. На центральном экране уже безо всякого увеличения был виден газовый гигант, потенциально имеющий обитаемый спутник, населённый разумной жизнью. Сейчас на этом чужом небосводе он выглядел как большой желтовато-коричневый блин.

— А ты молодец... Прodelала большую работу, — одобрительно кивнул Андрей, перебирая в руках пачку листов с записями, снятых со стен, когда отсек практически уже был приведён в надлежащий вид.

— Спасибо, я старалась, — отозвалась Света, собирая остатки мусора в пластиковый контейнер.

— Прямоугольная матрица 73 на 23 точки, как в историческом послании Аресибо... Всё, как по учебнику. Ничего себе...

— Да. Мы для теста обменялись картинками с «человечком» и «солнышком», а когда поняли, что адекватно получаем и передаём изображения, перешли на больший размер уже без простых чисел. Они предпочитают вертикально ориентированные дисплеи, очевидно, копируют геометрию своего бумажного листа. 2/3, 3/4 — им это нравится.

— Не используют «золотое сечение». Интересно. Ну, по крайней мере, мы знаем, кто во Вселенной до сих пор снимает на телефон вертикально, — Андрей выбрал из пачки листок с улыбающимся смайликом, — А это он прислал? Мило.

— Да. Кстати, после этого стало очевидно, что они очень похожи на нас. А потом выяснилось, что у них тоже позиционная десятичная система счисления и алфавитное письмо, и стало всё совсем просто. Мы рисовали отдельные понятия в виде рисунков и дополняли надписями на своём языке, но выяснилось, что я плохо рисую. Тогда мы до-

говорились о модуляциях для обмена сигналами и я начала сливать им тот энциклопедический архив, который мы привезли с собой. Они оказались менее подготовленными. Мне в ответ передали анатомический справочник, географический и исторический тексты с иллюстрациями и видами планеты и много местной музыки. Поддаётся машинному переводу, но всё довольно не системно... Похоже, они не особо готовились к контакту...

— Или они просто более осторожны, — заметил Андрей.

— В любом случае, они оказались очень похожими на нас, — возбуждённо тараторила девушка, уверенно оседлав своего астробиологического конька, — Я всегда была уверена, что разумная жизнь развивается во Вселенной по определённому оптимальному маршруту, поэтому принимает сходные формы. Представляешь, у них тоже 6 пальцев. Второй рудиментарный мизинец на руке они удаляют в младенчестве.

— У нас 5 пальцев.

— Только потому, что мы все несём этот признак в рецессивной аллели, а они нет. ДНК тоже базируется на четырёх основаниях, таких же, как у нас. Но генетикой это, конечно, не ограничивается... Они похожи на нас интеллектуально, исторически, культурно...

— Не делай поспешных выводов.

— По крайней мере, мой полковник довольно быстро выучил русский язык.

— О-у, это уже «твой полковник»..., — усмехнулся Андрей, — Ну, фотками-то вы с ним уже обменялись?

Вместо ответа девушка пренебрежительно хмыкнула.

— Естественно, у него там за спиной сидит не один десяток криптографов, филологов и других учёных. Ему не сложно удивить тебя своими широкими познаниями и выдающимися способностями, — продолжил командир, но заметив, что Света начинает по-женски раздражённо поджимать губы, сменил тон на более деловой и вывел на центральный экран анимацию системы газового гиганта, — Ладно... Значит, говоришь, они находятся здесь?

— Да, — Света, кивнув, указала на один из 4 крупных спутников, — Они называют свою звезду Ша-э, этот супер-Юпитер — Ша-эр, а вот их планета — Шэ-вел.

— Ясно. Эта луна вращается слишком быстро и близко к гиганту, буквально трётся об его атмосферу и поэтому она перегрета. Вот эта, наоборот, почти замерла в его тени и не получает достаточно света, — рассуждал Андрей, вращая пальцем виртуальную модель на экране, — Но почему они не живут вот здесь, где мы предполагали изначально?

Тут теплее, больше воды и кислорода. Это явно живая планета, ещё больше напоминает Землю... Но тут их нет. Странно...

— Вот сам и спроси у полковника, — оборвала размышления командира Света, — тем более в это время он обычно мне звонит...

— Я смотрю, у вас уже есть свои милые традиции, — удивился он, и сразу добавил, — Я люблю получать информацию из первых рук. Пожалуйста, запустим парочку зондов по старому адресу и поглядим, что там... А потом сможете любезничать дальше.

Андрей ввёл последовательность команд на вспомогательной приборной панели, и от массивного корпуса корабля отделилась пара небольших автономных модулей. Подключив свои корректирующие двигатели, они быстро ушли с основного курса и устремились к изначально запланированной планете, быстро растаяв в космической черноте.

Несмотря на всю иронию командира, индикация на приборной панели действительно вскоре вспыхнула, сообщая о получении внешнего сигнала.

— Здравствуйте, Светлана, — раздался уже знакомый красивый голос, — Вы так и не вышли на связь. Надеюсь, никаких внештатных ситуаций на борту нет, ваш полёт проходит по плану и вскоре вы придёте к нам. Если мы верно понимаем ваш маневр и габариты вашего корабля, вы планируете пришвартоваться в ближайшей к нам точке Лагранжа. Я могу прислать за вами челнок, чтобы вы могли комфортно сесть для посещения нашей планеты.

— Он такой заботливый, — с нежностью в голосе проговорила Света.

— Слишком... Это подозрительно, — Андрей нажал кнопку для отправки сообщения, — Приветствую, полковник Шен-кар! С вами говорит командир корабля «Первооткрыватель-2» Андрей Звягинцев. Как вы уже знаете, наша миссия носит исключительно мирный исследовательский характер и в неё входит широкий перечень задач по изучению всей вашей системы. В том числе необитаемых тел и второй обитаемой планеты. Наш корабль укомплектован всей необходимой аппаратурой для самостоятельного проведения всех исследований и наблюдений, в том числе и спускаемыми модулями. Но я благодарен вам за ваше желание помочь, любезность и дружелюбие. Считаю наш разговор историческим, а межзвёздный контакт между цивилизациями успешно состоявшимся. Мы непременно воспользуемся вашим приглашением и посетим вашу планету.

— Здравствуйте, Андрей, — через какое-то время ответил полковник, — Для меня честь говорить с таким, безусловно выдающимся и

достойным представителем человечества, которому доверили командование столь почётной и ответственной миссии. Надеюсь, вы не обижаетесь на свою очаровательную спутницу за то, что по стечению обстоятельств честь первого контакт досталась ей. Хочу так же попросить вас, во избежание недоразумений, ставить нас в курс ваших действий в рамках ваших исследований. Уверен, контакт между нашими цивилизациями будет обоюдовыгодным, а ваше пребывание у нас в гостях приятным.

— Он назвал меня очаровательной, — заметила Света.

— Он дипломатичен и многословен, — ответил Андрей, — Но, кажется, ты в восторге. Даже интересно, чем вы ещё занимались все эти годы?

— Ничем таким... Смотрели «Чужих». Он смеялся.

— Это серьёзно.

III

Корабль заканчивал торможение. Спицы гигантского зонтика начали сгибаться и втягиваться в корпус, складывая секции солнечного паруса. Подвесив титановую громадину на тонкой гравитационной ниточке между газовым гигантом и его спутником, автоматика корабля заглушила двигатели и перешла в режим ожидания. Теперь «Первооткрыватель-2» медленно дрейфовал через космическое пространство, покорно подчиняясь общему танцу планетной системы.

— Приехали, — устало произнёс Андрей, сидя за пультом управления.

— Будем следовать программе? — осторожно спросила Светлана.

— Боюсь, нам не дадут. Здесь не райская планета, переживающая свой палеозой, не дикие племена и даже не средневековые как у Стругацких... У нас тут явно высокоорганизованная и технологически подготовленная военная диктатура, давно и уверенно шагнувшая в свой ближний космос.

— Тебе не кажется, что ты сгущаешь краски?

— А тебе не кажется, что с нами общается не учёный с радиотелескопа, а полковник военного космического флота? Кажется, он обещал нам тёплый приём? — сказав это, Андрей вывел на главный экран изображение с внешних боковых камер.

На некотором отдалении от «Первооткрывателя» были видны неизвестные космические аппараты. Больше трёх десятков, небольшие, еле заметные даже в радиодиапазоне, они окружали корабль со всех сторон.

— Что это?

— Похоже, что-то вроде автономных боевых модулей.

— Думаешь, они будут по нам стрелять? — взволнованно спросила Света.

— Пока они просто сканируют нас. Но лучше не дёргаться. Я не уверен, что эти ребята слышали что-то о моратории на размещение ядерных ракет в космосе, — командир посмотрел на боковой дисплей, — И, по крайней мере, один из наших зондов только что явно был сбит. Второй пока ещё жив. Подождём, что он нам покажет...

На борту корабля воцарилось тягостное молчание. Андрей сидел на своём командирском кресле и наблюдал за тем, как автоматика корабля метр за метром сканирует окружающее пространство вместе с еле заметными в нём боевыми аппаратами.

Света расположилась на кушетке в жилом отсеке и неторопливо просматривала на планшете результат работы нейросетевого переводчика, всё это время скрупулёзно обрабатывающего инопланетные тексты.

— Есть информация с зонда, — наконец окликнул её Андрей, — Климат действительно очень напоминает земной. Вода, кислород, растительность... Мягкие субтропики.

— Населена? — спросила Света, неторопливо поднимаясь.

— Есть города... Но я не уверен, что тебе захочется это видеть, — ответил Андрей, но девушка уже стояла за его спиной и расширившись от ужаса глазами смотрела на картинку.

Спутник детально заснял большие города с развитой инфраструктурой, высотными зданиями и широкими прямыми дорогами. Всё это технологическое великолепие утопало в богатой растительности, но почему-то не подавало ни малейшего признака жизни. На следующем кадре, снятом в большем разрешении, становилась понятна причина этой неподвижности. Всё пространство широких улиц и площадей было усеяно костями гуманоидов. Казалось, смерть застала всех их внезапно.

— Не слишком ли много скелетов в шкафу у твоего любезного полковника? — мрачно спросил Андрей.

— Чёрт... Не могу поверить, — прошептала девушка, — Что всё это значит?

— Старый добрый геноцид, — ответил командир, — Действительно, не лучшая достопримечательность для демонстрации гостям.

— Чудовищно... Они так гордятся единством своего народа...

— Возможно, это те, кто не был согласен с «единством». Или их вообще не считали «своим народом». В любом случае, эти ребята явно устроили здесь экстерминатус и выпилили население целой планеты. Похоже, с помощью грязных бомб, потому что фиксируется запредельная концентрация Кобальта-60. И сделали они это не так давно. 20-30 лет назад. И ещё лет двести там не сможет жить ничего сложнее растения...

— Чудовищно...— рассеянно повторила Света.

— Чтобы в этом случае сделал твой любимый Хан Соло?

— Он включил бы погромче «Роксетт» и при первом удобном случае свалил бы из этого места на гипердрайве.

— Хорошая мысль, Чубака, но для начала нам всё-таки нужно посетить Дарт Вейдера и разобраться, что здесь происходит, — Андрей включил передачу, — Полковник, мы готовимся к посадке на вашу планету. Прошу передать координаты площадки.

Капитан решительно встал со своего места и, перейдя в жилой отсек, начал облачаться в лётный скафандр.

— Постой... Как ты меня назвал?!

IV

Посадочный челнок, отделившись от основного корабля, через несколько часов сблизился с планетой и теперь скользил по плавной спиральной траектории, с каждым витком теряя высоту. Под брюхом мелькали заснеженные горы и каменистые равнины, хвойные леса и замёрзшие озёра, большие города и небольшие спрятавшиеся в причудливом рельефе населённые пункты. Все эти виды снизу и ярко голубое небо с белыми облаками над головой очень сильно напоминали Светлане Землю, но как астробиолог она прекрасно понимала, как обманчиво может быть это первое впечатление.

Ближе к поверхности к челноку присоединилась пара военных самолётов. Чёрные остроносые истребители, выровняв скорость, дружелюбно помахали крыльями и прошли слева и справа параллельным курсом. Проводив пришельцев до отдалённой взлётно-посадочной полосы, они сделали круг и скрылись.

Посадив челнок и заглушив двигатели, Андрей открыл люк и аккуратно спустился по трапу на залитую тёмным бетоном площадку. За ним резво спрыгнула Света.

— А как же фраза про маленький шаг, большой скачок и всё такое? Не подготовился? — по внутреннему каналу шлемофона хихикнула она.

— Удачи, мистер Горски! — отозвался Андрей.

— Фу... пошляк! — ответила девушка.

Оба космонавта неторопливо двинулись к полукруглому сооружению, напоминающему ангар, рядом с которым была видна группа гуманоидов. Несмотря на то, что все они были облачены в скафандры с дыхательными масками наподобие земных костюмов химической защиты, их схожесть с людьми была очевидной, поэтому Света сразу же мысленно назвала их «людьми» и даже приветливо помахала рукой, когда они подошли к ним почти вплотную.

От группы на пару шагов отделилась фигура с геометрическими нашивками на рукавах, и космонавты сразу поняли, что это и был полковник Шен-кар. Он очень «по-земному» протянул Андрею руку, тот аккуратно ответил на рукопожатие, после чего полковник жестом пригласил их пройти внутрь полукруглого здания. Всё проходило в полном молчании, но Света сквозь стекло дыхательной маски успела заметить короткий мягкий взгляд, который инопланетянин бросил в её сторону. Андрей настороженно покосился на тех, кто явно держал в руках оружие, но не проявил своей напряжённости. В конце концов меры предосторожности, начиная от опасности заражения и заканчивая внезапной агрессией, были более чем оправданы. Да и люди Земли вели бы себя не иначе.

В сопровождении всей группы космонавты прошли внутрь. Но в тот момент, когда широкие двери ангара закрылись за их спинами, произошло неожиданное: Андрей и Света получили вдруг резкие пронизывающие удары током. И, если командир практически моментально с глухим звуком упал навзничь, то девушка была слегка поддержана чьи-то сильными руками и перед тем, как окончательно потерять сознание услышала над ухом знакомый голос:

— Простите, но мне придётся вас арестовать....

V

Когда Андрей пришёл в себя, то обнаружил, что по рукам и ногам крепко пристёгнут широкими пластиковыми ремнями к тяжёлому металлическому стулу. Он быстро оставил попытки освободиться и огляделся по сторонам. Стены его камеры, тёмно серые и шершавые с виду, не имели даже намёка на какую-либо дверь или окно. Откуда-то сверху, судя по всему, от какой-то мощной лампы прямо на Андрея лился поток яркого света, от него болели глаза, и приходилось щуриться.

Как бы прочитав его мысли, свет стал постепенно становиться более тусклым. На стене перед космонавтом словно из раздвижной ниши появился вертикально повёрнутый прямоугольный экран. На нём за-

жглось видеоизображение гуманоида в военной форме и с приятными чертами лица, поразительно похожими на человеческие черты за исключением, быть может, более блеклого цвета кожи и тонкого, чуть сдавленного по бокам носа.

— Доброе утро, Андрей,— вкрадчивым голосом поздоровался полковник, — Надеюсь, вы с пониманием отнесётесь к сложившейся ситуации. Это ни в коем случае не моя прихоть, а только лишь необходимое требование протоколов безопасности.

— Неужели это означает, что такая мера временная? — чуть язвительно спросил космонавт.

— Не думаю, — спокойно ответил инопланетянин, — Мы вынуждены воспринимать ваши действия как потенциально угрожающие...

— Это какие же?

— Андрей, — чуть грустно вздохнул полковник, — вы прилетаете к нам на планету, но не оказываете должного уважения. Неужели вы думаете, что мы не запеленговали ваш шпионский зонд?

— Ах, вот в чём дело... Только это был исследовательский зонд. И неужели вы думаете, что я не понял, что вы его сбили? — еле сдерживая раздражение, проговорил Андрей, — Вы считаете такое поведение уважительным или гостеприимным? Или думаете, что информация об этом не попадёт на Землю?

— Вы не можете не понимать, что ваш блеф для меня очевиден и поэтому забавен, Андрей, — очень по-человечески улыбнулся инопланетянин, — Вы думаете, что знаете то, чего я не знаю, но в действительности я знаю то, что вы знаете. Вы же, напротив, не знаете того, что знаю я...

— Полковник...,— космонавт устало откинулся на спинку своего кресла, — Это какая-то изошрённая словесная пытка? Или вы просто сами запутались?

— Это правда, — Шен-кар вдруг стал серьёзным, — Я в самом деле запутался... Я изо всех сил хотел бы поверить вам, но факты... Они не позволяют мне считать вашу миссию исследовательской. И этот вопрос волнует меня больше всего... Зачем вы прилетели к нам, Андрей?

Космонавт закрыл глаза, пытаясь лихорадочно соображать. Его догадка могла оказаться ошибочной, или не сработать, психология инопланетянина могла отличаться от человеческой... Но пойти на риск следовало, тем более что слишком долгое молчание в любой ситуации могло быть истолковано просто, как нежелание отвечать на вопросы. Продолжая всё так же устало сидеть с закрытыми глазами, Андрей спросил:

— Вы в достаточной степени изучили наш язык и нашу историю?

— Думаю, да.

— Тогда вы понимаете смысл слова «искупление». В этом и заключается ответ на ваш вопрос, полковник...— Андрей пристально посмотрел в глаза своему собеседнику, — Ведь это именно вы убили тех людей на соседней планете, не так ли? Мой ответ в том, что мы прилетели за ответами. И, несмотря на то, что вы наивно полагаете, что ведёте допрос, на самом деле это ваша исповедь.

Взгляд инопланетянина вдруг помутнел, а глаза словно застыли, смотря куда-то в пустоту. Через секунду прямоугольный экран погас, а следом и вся комната с серыми шершавыми стенами плавно померкла. Андрей остался один в полной темноте, а вскоре и сам словно отключился.

VI

Широкая комната с шершавыми серыми стенами была залита ярким светом. Посередине, на металлическом столе, пристёгнутая пластиковыми ремнями, лежала Светлана. Двое инопланетян в светло-голубых халатах и дыхательных масках на лицах, копошились около её головы, устанавливая датчики и подключая контакты.

В стене раскрылась потайная дверь, и в помещение вошёл полковник Шен-кар. Он неторопливо дождался, когда медики закончат свою работу, потом жестом уточнил, может ли он снять маску и, получив в ответ утвердительный кивок, так же беззвучно попросил всех удалиться.

Светлана лежала, не моргая, глядя в потолок. Полковник прошёл по комнате, взял из угла стул и, поставив его поближе к операционному столу, сел.

— Вы слышите меня, Светлана?

— Да, — еле шевеля губами, ответила девушка.

— Что вы сейчас чувствуете?

— Боль...— её голос был чуть приглушённым и словно сдавленным, — Словно мне вскрыли череп без анестезии и засунули внутрь сотню проводов.

— Технически... Так и есть.

— Тогда, это всё объясняет...— девушка прикрыла глаза и наморщила лоб, пытаясь перебороть и заглушить нестерпимое ощущение.

— Простите, что я вынужден доставлять вам эту боль. Я не хочу этого, — вкрадчиво произнёс полковник.

— Но делаете.

- Я просто хочу понять, что вы знаете...
- Разве для этого недостаточно просто спросить? Ведь это так просто...— на глазах Светы выступили слёзы. Слезинка, робко выскользнув из-под века, быстро сбежала по щеке.
- Не всегда достаточно.
- Мы с вами общались так много... и так о многом...— речь девушки становилась сбивчивой,— я не думала, что могу показаться неискренней.
- Я этого не говорил, — покачал головой полковник.
- Но вы подумали... Знаете, у нас на Земли считали, что тот, кто никому не верит, и есть самый большой лжец.
- Интересная формула. Но теперь вы обвиняете в неискренности меня.
- Нет, вы не лжец...— девушка открыла глаза и от этого слёзы сильнее потекли по её щекам, — Ложь для вас — это только прикрыти-е. Вы убийца...
- Значит, вы всё видели?
- Да.
- И почему-то решили, что это сделал именно я? Почему?
- За те три года, что мы общались, я достаточно вас узнала... К сожалению, хуже, чем было необходимо. Так ревностно охраняют только свои личные секреты...— девушка зажмурилась и издала стон, — Ваша чёртова машина буквально сверлит мой мозг... Я чувствую, как моя кровь стекает по проводам.
- Просто капелька попала вам на лицо...,— Шен-кар вынул носовой платок и аккуратно стёр струйку крови, пересекающую лоб Светы,— Так лучше?
- Да. Спасибо.
- Забавно... Ваш командир недавно тоже выдвинул мне обвинения и даже предлагал исповедоваться.
- Он неплохой аналитик. Думаю, он сразу заметил, что мы встретили единственного полковника и ни одного генерала. Судя по всему, вы и есть главный военачальник на этой планете. Могли бы взять себе любое громкое звание, но остались при своём... Скромняга! — девушка, прищурившись, посмотрела на своего собеседника, — О, да... Исповедь не помешала бы ни одному диктатору. В том числе и вам...
- Диктатура иногда необходима.
- Только если она направлена во благо, но чаще всего она лишь прикрывается благими целями, просто совершая насилие...

— Только диктатура насилия может эффективно управлять человеческими массами. Только диктатура насилия может конвертировать зло во благо и обеспечить прогресс для всех.

— Значит, ваша совесть спокойна на счёт всех тех миллионов трупов?

— Какая уже разница...— вдохнул полковник.

— Расскажите.

— Вы хотите знать эту историю?

— Да... Если это не помешает тому, чем мы сейчас занимаемся.

— Вовсе нет. Только, пожалуйста, Светлана, больше не надо плакать. Я так плохо переношу женские слёзы.

— Хорошо.

Шен-кар ещё раз осторожно вытер кровь с лица девушки и облокотился на спинку стула...

VII

Мы не появились на этой планете... Мы её только колонизировали. А та, что вы видели. Она наш дом... Была когда-то нашим домом. Теперь это кладбище... Они все были нашими братьями. Когда-то...

Когда колонисты поняли, что могут успешно справляться с местным климатом, подстроить под себя условия, наладить производство... Они захотели независимости. В нашем мире накопилось слишком много проблем и слишком много несправедливости, чтобы распространять их на две планеты. Они хотели жить иначе... По-своему. Более справедливо, как им казалось. Метрополии это, конечно, не нравилось. Она накладывала всё больше и больше ограничений, но раз за разом их обходили. Сырьё, технологии, энергия... Скоро всё стало собственным. И своя собственная жизнь. Более честная и более справедливая.

Кажется, такое не раз случалось и в вашей истории... Но в нашем случае, колонистов решили не отпускать и не подавлять, а просто уничтожить. Для этого они послали очень верного военного. Но это не была оборонительная война, это не была наступательная спецоперация... Это была казнь своих собственных братьев. Колонистам нечего было противопоставить военным. Это был преступный приказ. Поняв это, военный решил, что не все приказы стоит выполнять. Он перешёл на сторону беззащитных повстанцев, и его верные солдаты поступили так же.

А потом военный осознал, что его бывшие руководители в метрополии никогда не смирятся с существованием другого мира. Они не смогут позволить, чтобы кто-то похожий на них жил по-другому. Как-то

иначе. Поэтому рано или поздно они найдут другого — не менее верно-го, но менее сомневающегося, который всё-таки выполнит преступный приказ.

И тогда военный решил, что может выполнять приказы, которые отдаёт себе сам. Он и его верные солдаты выполнили этот приказ, но нанесли удар совсем по другой планете. По тем, кто отдавал преступные приказы, но не ожидал, что их применят к ним самим. Он не стал палачом, как от него требовалось. Но всё равно стал убийцей. Хотя до конца осознал это уже несколько позже.

Колонистам была необходима защита, и они отдали власть военному, спасшему их. И он в меру своих сил старался быть справедливым руководителем. Общественное развитие пошло в сторону всеобщего процветания, но в отсутствии внешнего давления и угроз, начало быстро замедляться. Энтузиазм и дисциплину пришлось насаждать изнутри, и у военного это прекрасно получилось. Да, за порядком и дисциплиной, померкли былые идеалы свободы и всеобщей любви... Но высока ли была эта цена? Цивилизация сделала немыслимые ранее технологические успехи. Мы начали добывать топливо прямо с поверхности газового гиганта. Мы вышли и закрепились на дальних космических рубежах. Мы отладили автоматику всех систем безопасности почти до абсолютного идеала...

Но потом вдруг появились два пришельца... Которые заставили военного вспомнить, кто он на самом деле. Герой гражданской войны? Спаситель угнетённых? Эффективный руководитель? Нет. Всего лишь убийца.

***

— Вы обманули меня, Светлана, вы опять плачете, — с грустью в голосе заметил полковник.

— Это не важно. Важно, что вы, наконец, рассказали мне...

— Теперь вы имеете полное право презирать меня.

— Нет... Это признание было ужасным... Но и смелым, — девушка посмотрела на инопланетянина, — Не думаю, что вас можно простить... Но понять определённо можно.

— Спасибо. Мне было необходимо услышать что-то подобное именно от вас.

— Это глупо... Откровенничать с умирающей. Я потеряла слишком много крови и уже отключаюсь...

— Вы не умрёте... Я это вам обещаю, — полковник нежно провёл рукой по запачканным кровью волосам девушки.

— Лжец, — улыбнулась она в ответ, — Всё-таки вы лжец...

— Нет, только убийца.

Не перестав улыбаться, девушка закрыла глаза. На этот раз окончательно.

VIII

Здание триумvirата находилось почти на самой вершине горы, куда вела длинная каменная лестница, местами заснеженная и покрытая льдом. Как того требовала традиция, высеченное и сложенное из больших гранитных монолитов, оно никак не отапливалось и не утеплялось, имея лишь один круглый очаг в центре церемониального зала.

Полковник Шен-Кар, чуть не поскользнувшись на последней ступеньке, отряхнул плечи от снега и, скинув капюшон, вошёл внутрь. Там его уже ждали двое.

— Ты опаздываешь, — заметил один из ожидавших, опуская заранее приготовленный факел в очаг, где тот час же вспыхнуло пламя.

— Похоже, наш диктатор становится слаб...— шутливо отозвался второй.

— Не дождётесь, — сухо ответил полковник, протягивая замёрзшие руки к огню, и наблюдая, как его всполохи играют под потолком на каменном барельефе с круговой надписью: «Правителям необходимо испытывать холод и голод, только так они не забывают о своём народе».

Какое-то время все трое сохраняли молчание, глядя на огонь. Наконец, Шен-кар, вздохнув, проговорил:

— Протокол требует, чтобы я открывал наше собрание... Но вы заранее знаете суть моего вопроса, поэтому я сразу передаю вам слово и жду ваших ответов.

— Пришельцы? — отозвался первый, переворачивая уголь в очаге.

— Да, пришельцы, Советник-идеолог.

— Моё мнение тебе известно... Я его не поменял. Стагнация продолжается, народ апатичен. Внешняя угроза, образ врага, триумфальная победа — те вещи, которые сейчас были бы нам очень кстати.

— Я понял, а что скажет Советник-философ?

— Это логично. И довольно рационально. И технически мы можем обеспечить такой сценарий. Если закачать в корабль пришельцев побольше термоядерного топлива и подорвать... О!.. — Советник-философ мечтательно улыбнулся, — Зрелище будет великолепное! Ночью вспышку можно будет наблюдать невооружённым глазом.

— Вам, учёным, лишь бы что-нибудь взорвать и посмотреть на это, — мрачно ответил полковник.

— А вам, военным, будто бы нет? — всё так же шутливо парировал собеседник.

— Что на счёт самих пришельцев? Вы, умники, смогли проверить их версию?

— В секторе галактики, указанном в их звёздных картах, действительно существовала соответствующая планетарная система...

— Существовала?

— Да. Сейчас тамошний красный гигант поглотил часть своих планет. Не могу сказать, что произошло с землянами, но планета, с которой был отправлен этот корабль, уже не существует, — Советник-философ сделал паузу.

— Продолжай.

— У пришельцев нет сведений и воспоминаний об этом. У них вообще не вполне адекватные представления о том, насколько длительным был их полёт.

— Они ведь сообщили, что пребывали в состоянии криогенного сна? — вмешался Советник-идеолог.

— Да, но... — учёный замаялся, — Нам известны определённые непреодолимые трудности в процессе заморозки живых организмов. К тому же... И мы обсуждали этот факт с полковником...

— Так вы, друзья, держите меня в неведении? — возмутился Советник-идеолог.

— Нам просто была необходима финальная проверка, — объяснил полковник, — Продолжай, Советник-философ.

— На корабле пришельцев не было никакого криогенного оборудования. Да и вообще живых существ...

— Как это?

— Говоря формально, пришельцы вообще не живые существа. Очень напоминают живых... Но это, скорее, андроиды. Хитроумные машины, имитирующие живых существ, которые даже сами не догадываются о своей природе, считая себя людьми.

— Потрясающе! — оживился Советник-идеолог, — Значит, это вполне могут быть роботы-шпионы с агрессивными намерениями. Именно так мы и подадим это общественному мнению. Мой план оказывается всё более и более реалистичным.

— Шпионы? Именно для этого они снарядили свой корабль сведениями о своей цивилизации и запустили в космос, даже не надеясь на его возвращение? — саркастически заметил учёный, — Это не логично.

— Советник-философ считает, что пришельцы сказали правду о целях своей экспедиции? — уточнил Шен-кар.

— И да, и нет. Земляне явно знали, что корабль будет лететь слишком долго, чтобы отправить на нём живых людей. В таких условиях даже исследовательская миссия с использованием роботов и автоматических аппаратов, оказывается бессмысленной. Пройдут сотни тысяч лет и данные от такого корабля-разведчика, возможно, просто некому будет принять...

— Я читал об этом, — прервал его полковник, — Земные учёные подсчитали теоретическое число цивилизаций во Вселенной. Их оказалось очень много. Вселенная буквально кишела разумными существами в разной степени развития. И сам собой напрашивался вопрос: если их так много, то где же тогда они все? Разрешение этого парадокса в удалённости. Время и пространство не позволяет цивилизациям с разных звёзд контактировать друг с другом. Стоит одной только начать подавать во Вселенную свой голос, как её ближайшие соседи оказываются уже погибшими, а те, что ещё существуют, находятся слишком далеко...

Шен-кар замолчал и подошёл к узкому остроконечному окну, из которого сквозил леденящий ветер, и посмотрел на горы.

— Да, — дипломатично продолжил мысль диктатора Советник-философ, — И единственный способ как-то разорвать этот парадокс, это отправить послание... Сообщить о себе тем, кто будет способен его прочесть. А ещё умнее — отправить вместе с письмом, свои собственные копии, способные донести смысл, саму суть человеческой природы землян.

— И что же? — нетерпеливо спросил Советник-идеолог, — Какое нам дело до их экзистенциальных комплексов? Нам требуется решать свои практические задачи и извлекать свои выгоды.

— Мы определённо извлекли их, — ответил учёный, — Более тысячи готовых технологических процессов, включая технологию частичного переноса сознания на кремниевую матрицу.

— Сами земляне... Эти андройды... Ещё нужны нам? — не оборачиваясь к собеседникам спросил полковник.

— Технически, нет. Мы получили исчерпывающую технологическую карту, чтобы произвести свой прототип в течение ближайших 3-5 лет, — ответил советник-философ.

— Значит, их можно безболезненно уничтожить, в качестве демонстрации негнущейся воли нашего правительства в борьбе за свободу и независимость, — подытожил Советник-идеолог.

Оба, ожидая решения, посмотрели на Шен-кара, который по-прежнему молча созерцал горы. Советники не любили эти минуты молчания, когда диктатор погружался в собственные мысли перед вынесением окончательного вердикта. Наконец, он снова заговорил, всё так же, не меняя позы и не оборачиваясь.

— Кажется, сегодня тот редкий случай, когда вы оба вплотную подобрались к решению проблемы, но снова не можете сделать последний и единственно верный шаг... — диктатор сделал паузу, — Появившись однажды, разум рано или поздно сталкивается с проблемой бессмысленности своего существования. Всеобщее благо. Всеобщая победа. Это может сделать осмысленной жизнь одного или нескольких поколений. Но что придаёт смысл существованию всей цивилизации? Мне кажется, земляне нашли ответ на этот вопрос. Вот, что они подарили нам, помимо своих технологий. Смысл, — полковник посмотрел на своих собеседников, — Оставить след во Вселенной. Но не безмолвный памятник былого величия. Не бесполезный монумент мёртвого тщеславия. Быть полезными кому-то ещё, кто будет жить тысячелетия после нас. Бескорыстно. Просто так... Чтобы разорвать цикл жизни и смерти и продлить себя в вечности.

— Кажется, я понимаю, — многозначительно улыбнулся Советник-философ.

— Я всё ещё нет, — пробормотал Советник-идеолог, — Так что мы будем делать?

— Меня больше интересует, что мы будем делать в ближайшие 100-200 лет. Мы примем от землян эту эстафету. Отправим их посланцев дальше в глубины космоса. А потом создадим и своих собственных. Вот наша новая задача. Вот приложение наших сил! — воодушевлённо проговорил полковник и вопросительно взглянул на советников.

— Красивая идея, но... — с сомнением в голосе заметил Советник-идеолог, поглядывая на своего учёного коллегу.

— Я не вижу никаких технических затруднений. Мы переоснастим корабль пришельцев, вновь поместим их внутрь в состоянии стазиса, а потом сверим наши звёздные карты и запустим к ближайшей потенциально обитаемой звезде.

— Именно так, — кивнул полковник, а потом чуть слышно проговорил, — Возможно, это и станет нашим искуплением...

IX

Несколько лет «Первооткрыватель-2» провисел в точке Лагранжа, около газового гиганта, оплетённый титановыми стапелями. День и

ночь вокруг него работали автономные беспилотные аппараты, пристыковывались и отстыковывались челноки с инженерными экипажами. Работа не прекращалась ни на секунду.

Космолёт стал длиннее, нарастив себе обновлённую энергетическую установку и новые отсеки с банками данных. В них теперь помещалась не только вся история человечества Земли, но и история небольшой планеты Шэ-вел, впервые написанная без пробелов и упущений, со всеми чёрными днями позора и светлыми моментами величия, со всеми провалами и достижениями. Весь цивилизационный опыт, который может пригодиться неизвестным разумным существам.

На финальном этапе к кораблю аккуратно подошёл и пристыковался исполинский ускорительный блок. Соединённый с системами «Исследователя-2», он будет призван разогнать его и с максимально возможной скоростью направить к новому пункту назначения.

За час до запуска главнокомандующий космическим флотом Шенкар лично поднялся на борт корабля. Какое-то время он сидел в командирском кресле, наблюдая, как автоматика модуль за модулем проверяет все системы и протраивает новый маршрут, аккуратно перелистывал сложенные стопкой листы, испещрённые рисунками и буквами, вспоминая о чём-то своём.

Из этого задумчивого состояния его вывел сигнал о 20-минутной готовности и осторожное напоминание от инженера о готовящемся запуске. Полковник вырвал из лётного блокнота чистый лист, что-то торопливо написал на нём, а потом быстрым шагом прошёл в жилой отсек.

Лицо Светланы под прозрачным колпаком стазис-капсулы всё так же беспечно улыбалось, источая спокойствие и умиротворение. Медики прекрасно поработали над ней, восстановив бионическую оболочку в первозданном виде. Шенкар приподнял крышку и аккуратно убрал со лба девушки прядку светлых волос.

— Интересно, — думал он, — какой была эта земная женщина? Была ли она разочарована, что никогда не сможет полететь к чужим звёздам сама? Как прожила и закончила свою жизнь на Земле?

Полковник молча вздохнул, а потом подложил под руку девушки какой-то мягкий пушистый комок и сложенный вчетверо лист бумаги, после чего навсегда покинул звездолёт.

Начался и закончился монотонный обратный отсчёт. Освободившись от ступеней, «Первооткрыватель-2» слегка завибрировал и начал набирать скорость. Главный двигатель разгонного блока зажётся ослепительной плазменной вспышкой, выйдя на полную рабочую мощность.

Через пару часов, космический корабль, словно громадный локомотив, уже нёсся к краю планетарной системы, оставив позади, и планету Шэвел, и газовый гигант и все его малые луны. Ещё через какое-то время он распрощается с отработавшим свой ресурс разгонным блоком, включает ионные двигатели и отправится в самостоятельное путешествие к ближайшей потенциально обитаемой системе, унося на своём борту космонавтов Андрея и Светлану.

Неизвестно, сколько они будут спать, прежде чем достигнут новой цели. Но когда-нибудь это непременно произойдёт, и тогда девушка обязательно увидит под своей рукой записку, написанную, хорошо знакомым, аккуратным и твёрдым почерком на её родном языке.

«Дорогая, Светлана!

Жаль, что не могу сказать всего этого лично, но я счастлив, что мы вдруг оказались знакомы вот так: сквозь века и световые годы.

Я не уверен (зачёркнуто) Я уверен, что когда вы придёте к следующей населённой звезде, меня уже давно не будет в живых. Поэтому в качестве сувенира на память о нашем мимолётном знакомстве я оставляю вам эту игрушку. Название этого зверька не переводится на ваш язык, но он пушистый и будем считать, что это кот. Помните, как мы в шутку называли ваш корабль «Ностромо»? Ну, вот теперь у вас есть кот, и вы настоящая лейтенант Рипли.

Хочу пожелать вам счастливого пути и спокойного сна.

Чужой (зачёркнуто) искренне ваш настоящий полковник Шен-кар.»

Анатолий Сахоненко

Мурманск

ВОРОНЬЕ НЕБО

Когда родился мальчик, он подумал: «Ура, Сын! Будет интересно! И никаких кукол!» Отцовскую радость омрачило только то, что мать новорождённого не перенесла роды. Что-то там с сердцем, порок или ещё что... «Ну, у нас-то с сердцем всё хорошо, мужское, сильное! Вон, какой красавец», — быстро нашёл себе утешение Отец.

Планов было много! Сын должен был стать настоящим мужчиной: научиться владеть оружием, водить машину, зарабатывать деньги и уметь постоять за себя, несмотря ни на что. Всё шло своим чередом. В

шесть лет первая драка с соседским мальчишкой — вероятно, не поделили песочницу. Что там ещё может быть, в шесть лет-то?

На все вопросы о причинах ссоры Сын, насупившись, молчал, но глаз не отводил.

— Если считаешь, что тебя пытаются надуть, забрать что-то, что принадлежит только тебе — не отступай от своего, не поддавайся и не дай никому почувствовать твою слабину. Если понимаешь, что без драки не обойтись, — бей всегда первым и как можно сильнее! — так отреагировал Отец на это происшествие и наказывать Сына не стал.

Все дальнейшие поучения были в том же ключе: «Стой на своём, бери всё самое лучшее, ни перед чем не останавливайся для достижения желаемого. И всегда, всегда давай сдачи!».

Отец учил Сына драться — на заднем дворе они сходились врукопашную, и зачастую он не ослаблял силу удара, совершенно не считаясь с разницей в их возрасте и силе. «Крепче будет», — довольно размышлял Отец. Сын же, отлетая от жёстких отцовских оплеух на землю, старался как можно быстрее подняться и, вытирая грязной, ободранной рукой подступившие на глаза слёзы, снова и снова бросался на обидчика. Уже через пару месяцев таких спаррингов он легко одерживал верх в схватках со сверстниками, а иногда и «старшаки» вынуждены были отступить перед его напором. Залогом успеха была его способность идти до конца — качество, которое Отец культивировал в нём с утра до вечера, каждый день. Понемногу Отец знакомил его с оружием, сначала давал просто подержать в руках, почувствовать стальной холод рукоятки — так приятно ощутить в руке вес предмета, придающего значительность всем твоим поступкам и действиям! Показывал, как набивать патронами барабан, как правильно держать пистолет за поясом и как наводить его на предполагаемого врага. Но Сыну уже было невтерпёж, он хотел как можно быстрее начать стрелять.

И вот однажды, воскресным утром, наступил этот долгожданный момент. Они встали раньше обычного и отправились на окраину города, на пустырь, захватив с собой множество пустых банок. На радость Отцу выяснилось, что и в стрельбе у Сына несомненный талант — из пяти целей он стабильно поражал четыре, и это, безусловно, было прекрасным результатом.

«Как бы то ни было, стрелять по бутылкам и жестянкам — это одно, а вот хватит ли у него духа выстрелить в живое существо, когда понадобится, вот вопрос», — так думал Отец, любясь, как уверенно обращается Сын с оружием. Момент, когда ему придётся целиться в реального противника, казался Отцу вполне вероятным. Поэтому после

трёх занятий он объявил, что в следующий раз стрелять они будут по живым мишеням.

— Ты готов к этому! Понимаешь, в чём разница? — он смотрел Сыну в глаза и не видел в них и тени сомнения, когда тот кивнул в ответ. Для этого они отправились далеко за город, туда, где начинаются поля, засеянные пшеницей. Когда урожай созревал, на поля слетались целые полчища ворон, а пугала, установленные для охраны, плохо справлялись со своей задачей. Тамошние фермеры часто дежурили на страже своего урожая, время от времени постреливая картечью из дробовиков в «воронье небо».

Ехать долго им не пришлось. На ближайшем поле, в самом его центре, над высокими и густыми пшеничными волнами, кружилась, то опускаясь на свою цель, то поднимаясь выше, словно выбирая наиболее вкусный участок, воронья стая.

— Смотри, сейчас тихонько иди сквозь заросли, не шуми, руками стебли не отгибай, а там, на расстоянии выстрела, наметь себе цель. Только не стреляй куда попало, а прицеливайся! Потом сразу выбирай вторую, потом третью... И так сколько успеешь, пока не улетят.

Сын внимательно прислушивался к отцовской инструкции, стараясь унять набежавшую от волнения дрожь, в предвкушении чего-то нового, необыкновенного, и если даже не запретного, то и не вполне одобряемого.

— Я постою здесь, меня пшеница полностью не скроет, поэтому подойду, как закончишь стрелять. А там посмотрим на результат. Иди! — и Отец слегка подтолкнул Сына к полю.

Через пять минут один за другим прозвучали три выстрела. Сразу за ними воронья стая, потревоженная и напуганная, стала беспорядочно разлетаться в разные направления. Отец торопливо, переходя на бег, направился в глубь поля. В это время раздался ещё один, четвёртый, выстрел. Он поднял глаза и увидел в небе, раскалённом от стоящего в самом зените солнца, как одна из птиц падает вниз. Но не камнем, а как-то странно дёргаясь из стороны в сторону, словно пытаясь ещё улететь, спастись. Отец увидел, как его Сын бежит к месту падения, и тоже прибавил шаг. Подозрения подтвердились, пуля попала в крыло и не сразу убила ворону, а только ранила, лишив возможности летать. Густая, пушистая пшеница смягчила падение, и сейчас птица, косясь большим круглым глазом, старалась уйти подальше от своих врагов, волоча лохмотья, оставшиеся от крыла. Сын стоял оцепенев и молча наблюдал за её попытками.

«Только бы не заплакал», — такая несуразная мысль мелькнула у Отца. Он потянулся к пистолету, который Сын крепко сжимал в своей руке.

— Давай я добыю! Всё равно её или лисы, или другие хищники загрызут.

— Нет, я сам, это моё дело! — недавняя растерянность вдруг сменилась твёрдой решимостью закончить начатое.

— Хорошо, только не тяни, — Отец повернулся, чтобы уйти, но не успел сделать и двух шагов, как всё было кончено.

Потом они нашли ещё двух убитых ворон. Сын с точностью выполнил отцовский наказ и, подкравшись максимально близко, стрелял в упор.

— Молодчик! — похвалил его Отец. — Но ты должен быть готов выстрелить не только в зверей или птиц, но и в человека, при необходимости. Человек — самый опасный зверь на земле.

Увидев недоумевающее лицо Сына, в глазах которого читался немой вопрос, он продолжил:

— Да, люди гораздо опаснее всех зверей. Никто из животных, даже самых диких, не войдёт без спроса в твой дом, не ограбит тебя, не подвергнет насилию. Никто из животных не посягнёт на твою жизнь, если ты сам не полезешь к ним, в их мир. А вот человек — запросто. Поэтому, если почувствуешь угрозу от кого-либо из людей, и тем более если ваши силы будут неравны, то не раздумывай долго. Не дай никому опередить тебя.

Так Отец рассуждал во всех жизненных ситуациях и всегда давал одни и те же наставления. Часто соседи приходили к нему с жалобами на Сына, тот не стеснялся применять силу к их отпрыскам, когда в дворовых играх возникали спорные ситуации. Всегда это заканчивалось так: Отец выпроваживал гостей вежливо, но твёрдо, обещая разобраться и при необходимости наказать виновника. Но если поначалу он ещё обсуждал с Сыном конфликтные ситуации, из-за которых тому приходилось пускать в ход кулаки, то со временем всё стало ограничиваться лишь совместными заверениями о том, что другого выхода не было. В таких вопросах Отец предоставлял ему право принимать решения самому. Когда Сыну было двенадцать, в их дом с неофициальным визитом пожаловал тренер школьной команды по футболу. Поводом послужил спор Сына с остальными участниками команды из-за капитанского звания. Не желая отдавать капитанскую повязку кому-то другому, он несколько раз убедительно «влепил» своему главному конкуренту за эту почётную обязанность.

— Я заметил, что весь класс его побаивается, потому что он никогда не раздумывает — применять силу или нет, — сказал тренер.

— Но послушайте, он всего лишь отстаивал своё! Ведь в прошлом сезоне именно он был лидером команды, — Отец даже не сомневался, что маленькая нарукавная повязка, придающая особый статус внутри коллектива, на самом деле должна принадлежать его Сыну.

— Мы каждый год в начале нового сезона проводим выборы капитана. Голосуют тайно все ребята, в этот раз они выбрали не его. Хотя я знаю наверняка, он даже пытался угрожать некоторым из них. Но я и на это закрыл глаза, — тренер ещё пытался найти хоть какое-то решение, которое всех бы устроило. — Вы поймите, — убеждал он Отца, — если так будет продолжаться и дальше, то я буду вынужден вывести его из состава команды.

Но оба понимали, что вряд ли тренер решится на этот шаг, ведь Сын был лучшим игроком в своей возрастной категории — без него у команды было бы мало шансов на успех. Ближе к окончанию учёбы, в старших классах, Отца всё чаще вызывали в школу, причиной, конечно, были «подвиги» Сына. Но и здесь Отец старался его выгораживать, просил быть снисходительней, ссылаясь на сложный характер и обещал принять меры. Учителя же, принимая во внимание то, что он воспитывает Сына один, всегда шли ему навстречу, не давая ход жалобам. И даже после таких «вызовов на ковёр», вернувшись домой, Отец не сильно его отчитывал, только просил быть аккуратней — он по-прежнему был уверен, что его воспитание верное, и главное, что понадобится тому во взрослой жизни — это сила и решительность.

Когда Сыну исполнилось пятнадцать, состоялся торжественный для обоих момент: Отец вручил ему в подарок собственный пистолет, с условием — никуда его с собой не брать, пока не получит разрешение на владение оружием. Это был тот самый кольт, из которого Сын учился стрелять. И если раньше Отец давал его только на время тренировочных стрельб, которые, к сожалению Сына, проходили не так часто, как ему бы хотелось, то теперь он лежал у него в комнате, в самом верхнем ящике письменного стола. Обладание такой серьёзной, взрослой вещью будоражило мысли молодого человека. Бывало, он несколько раз за вечер доставал пистолет и прицеливался в воображаемого противника, выискивая его, то в одном, то в другом углу комнаты. Первое время он даже спать ложился, положив кольт под подушку, но потом, словно устыдившись своей детскости, вернул его в ящик стола. В тот же год он стал ходить по вечерам подрабатывать на автомойку, у него завелись собственные деньги. А вскоре случился эпизод, полностью

развеявший сомнения Отца в том, сможет ли его Сын применить оружие для защиты своих интересов.

Дорога, по которой Сын вечерами отправлялся на работу, проходила позади домов. Это, в общем-то, и не дорога была, а так, протоптанная колея, узкая и в колдобинах. С одной стороны тянулись заборы дворов, с другой — бетонная ограда какого-то ремонтного предприятия. Но именно этой дорогой, кратчайшей из всех возможных, он и ходил по вечерам на автомойку, экономя, таким образом, немало времени. Единственной неприятностью, омрачавшей этот короткий путь, была огромная, беспородная псина, которую сосед через три дома от них сажал ночью на цепь для охраны своего участка. Длина же цепи если и позволяла безопасно пройти мимо, то только вплотную к бетонной стене, чуть ли не прижимаясь к ней спиной. И если туда он ещё успевал проскочить до того, как её поставят на пост, то вот уже по дороге обратно она ждала его со всей яростью бешеного зверя. Собака была настроена совершенно недружелюбно и кидалась на редких прохожих, подбегая так близко, что пена, летящая с её клыков, оставалась на их одежде. Вот в такую передерягу он и попадал, каждый раз возвращаясь поздно вечером. Отец, заметивший, что Сын возвращается с работы в слегка взбудораженном состоянии, поначалу не придавал этому особого значения, решив, что всему виной слишком раннее вступление во взрослую жизнь. Но в этот раз Сын, всегда неохотно делившийся с ним своими проблемами, не дожидаясь расспросов, сам рассказал о вечернем препятствии на пути домой. Первой реакцией Отца на такие новости было желание немедленно, не откладывая в долгий ящик, пойти к соседу и обсудить этот вопрос прямо на месте. Но Сын сразу охладил отцовский порыв:

— Я сегодня специально вышел из дома попозже и стал ждать, когда собаку выведут привязывать на ночь. И, дождавшись хозяина, я попросил его укоротить цепь, — он взглянул на Отца: одобряет тот его инициативу или нет?

— Ну-ну, не тяни, что он тебе ответил? — Отец в волнении, ещё полностью не отказавшись от желания идти разбираться, нервно наматывал круги по комнате.

— Ничего, ничего он мне не ответил, — Сын на секунду замолчал, но, увидев на лице Отца непритворную ярость, сразу продолжил. — Ничего, что могло бы меня устроить. Предложил ходить другой дорогой, в обход.

— В обход? Он предложил ходить в обход? — у Отца на секунду даже голос сорвался от возмущения.

Затем, с трудом себя пересилив и собравшись с мыслями, он всё же немного успокоился.

— Ладно, до выходных подождём, а там, если не укоротит цепь, то придётся что-то делать, может, обратиться в полицию...

Но, посмотрев в глаза Сына, стараясь разглядеть в них осуждение или поддержку своих слов, он увидел только стальной холод — выражение, всегда появлявшееся на его лице после принятия сложного решения. Отец понял, что у него уже есть план, как выйти из сложившейся ситуации, а если бы он прочёл мысли Сына, то главной и почти единственной была: «Никакой полиции, эту проблему я решу сам».

Следующий вечер расставил все точки над *i*. Про вчерашний разговор они даже не вспоминали, как будто сговорившись, но обоим было понятно — сегодня всё закончится. Где-то за час до возвращения Сына с работы Отец, переделав все домашние дела, сел в своё кресло напротив телевизора и, поцеживая пиво из большого бокала, стал ждать. Новости, которые он внимательно смотрел каждый вечер, в этот раз пролетали мимо, неспособные отвлечь от раздумий. Какой же выход нашёл или ещё найдёт его Сын из этого положения? Мысль о том, что нет никакого другого решения, кроме самого простого и верного, он старательно отгонял прочь, словно не веря, что тот сможет так поступить. Он поднёс бокал с пивом к губам, и стекло лязгнуло о зубы, когда где-то вдалеке раздался сухой, резкий звук, похожий на удар плетью о камень. Он уже знал, что это. Развернув кресло к входной двери, он с волнением смотрел в коридор. Несколько минут спустя в дом вошёл Сын и совершенно невозмутимо стал раздеваться. Особенно было Отцу приятно, что руки у него не дрожали совсем, все его движения были уверенными и спокойными. «Вот это характер, вот это выдержка», — думал Отец, с удовольствием за ним наблюдая. Сын же, войдя в комнату и осознав, что Отец весь вечер ждёт его, особо в подробности не вдавался:

— Я шёл, никого не трогал, не дразнил. Она на меня набросилась, я был вынужден выстрелить. Это была самооборона, если вдруг хозяин захочет подать заявление, — и, задумавшись на секунду, добавил. — Есть не буду. В душ, и спать. Устал что-то.

Чуть позже, поднимаясь к себе в комнату, он услышал от обычно скупого на похвалу Отца:

— Молодец, сделал всё правильно!

История закончилась ничем. Потерявший собаку сосед приходил выяснять отношения, грозился обратиться в полицию, но понимая, что и сам нарушал закон, так никуда жаловаться и не пошёл. А скорее все-

го, подумал про себя: «Что же можно ждать от людей, так легко пристреливших собаку? Да что угодно! Ну их...»

И так бы всё оно и продолжалось, если бы не появилась Она. Та, которую однажды встретил Сын, та, в которую он влюбился. Девушка с противоположной улицы. Обычная девчонка из простой семьи, каких большинство. Он стал исчезать из дома на несколько дней подряд, забегая только переодеться и взять денег из своих накоплений, после работы где-то задерживался и возвращался почти под утро. Иногда и во все не ночевал дома. На все вопросы Отца о том, где он пропадает, Сын отвечал нехотя, ограничиваясь общими фразами и не скрывая своего раздражения. Но даже из этих скупых ответов было понятно, что всё свободное время он проводит с Ней. То они вместе едут на пикник, на весь день, то с компанией сняли домик за городом. Случалось, и это выводило Отца из себя больше всего, Сын оставался на все выходные у подруги, так как Её отец уезжал в командировку, а мать была не против таких ночёвок.

Слишком поздно он понял, что больше уже не занимает того места в жизни Сына, что и прежде. Между ними непреодолимым препятствием встала Она, в их доверительных и гармоничных отношениях пошла трещина, бывшее понимание с полуслова куда-то делось. Теперь, проводя свои дни в одиночестве, не слыша привычных шагов наверху, в комнате Сына, он отчётливо понимал, что из его жизни, всегда такой размеренной и понятной, вдруг исчезла главная составляющая. Самое ценное, то, ради чего он и жил все эти годы. В горьких размышлениях у Отца никогда не было ни малейшего сомнения, кто во всём виноват, — одна Она.

В год окончания школы Сын неожиданно заявил, что поступать никуда не будет, хочет подзаработать денег. И вообще:

— У Нас — планы!

Было ясно — без Её дурного влияния здесь тоже не обошлось! Какие только проклятия не посылал он мысленно в Её адрес, каких неприятностей не желал. Иногда доставалось и Сыну: «Что этот балбес о себе возомнил? Слишком рано почувствовал себя взрослым!» Самостоятельность и самоуверенность, которые раньше он в нём только поощрял, теперь причиняли боль — Отец ощущал себя ненужным. Знакомиться же, с подругой Сына, он не испытывал ни малейшего желания, но самым оскорбительным было то, что тот, ему этого и не предлагал. В те редкие уже моменты, когда он находился дома, между ними повисало гнетущее, тяжёлое молчание. Прерывалось оно лишь тогда, когда Отец, не дождавшись, что Сын подойдёт и заговорит с ним первый,

срывался на него из-за пустякового предлога. Но даже в таких ситуациях, тот как ни в чём не бывало продолжал заниматься своими делами, не обращая на Отца никакого внимания. Как-то раз, а в тот день вечер казался особенно тоскливым и пустым, он, услышав, как в дверном замке поворачивается ключ, уже не смог себя сдержать. Словно подброшенный невидимой пружиной, он ринулся в прихожую и столкнулся с Сыном почти лоб в лоб. В ход пошли обидные упрёки, самые жёсткие, грубые эпитеты и глупые условия, вроде — «я запрещаю тебе с ней встречаться», «всё равно она тебя бросит» и даже «если хочешь жить в этом доме, то только при условии, что порвёшь с ней». Ещё секунда и Отец готов был наброситься на него с кулаками. И опять, как когда-то, выражение на лице Сына поразило его своей решимостью. Он отступил, пытаясь найти слова, способные смягчить создавшееся положение. Однако то, что он потом услышал, на какое-то мгновение и вовсе лишило его дара речи.

— Давно хотел тебе сказать, да всё не знал, как это сделать. Но, думаю, тянуть дальше нет смысла. Мы решили уехать в столицу. Снимем там для начала комнату, осмотримся. Денег на первое время нам хватит, я в две смены три месяца уже работаю, а там работу можно легко найти, — Сын смотрел прямо и не сводил глаз с Отца, пытаясь предугадать его первую реакцию.

— Я-я... я тебя никуда не отпускаю! Что за бредовые идеи? — возможно, это прозвучало жалко, почти смешно, но ничего другого потрясённый Отец выдать из себя не смог.

— Послушай, мы всё уже решили и обо всём подумали. Возьмём на прокат легковушку, вещей у нас немного, и если в ночь отправимся, то к утру уже будем на месте. Думаю, через недельку и поедем, как раз я зарплату получу, — всем своим видом он показывал, что отговаривать его не имеет никакого смысла, только время зря терять.

— Кто это «мы»? Что вы, малолетки, вообще можете решить? Чья это идея? Наверняка её! Отвезёшь её туда, там она тебя и бросит, при первом удобном случае! Как трамплин тебя использует! — Отец в негодовании вываливал все доводы, какие только приходили в голову.

— Я в любом случае уеду, и Она со мной. Ты меня не остановишь, — он повернулся к Отцу спиной и отправился к себе в комнату, заканчивая таким образом этот ненужный, по его мнению, спор.

— Никуда ты не поедешь, сопляк безмозглый! — в ярости Отец даже не заметил, что впервые позволил себе оскорбления в адрес Сына. Громко хлопнувшая наверху дверь стала единственным ему ответом.

Больше они не разговаривали, до того самого дня, который Сын запланировал для отъезда. Ещё с утра он сложил свои вещи в спортивную сумку, деньги и документы убрал в боковой карман, а на самое дно спрятал пистолет. Оставалось только заскочить на работу за последней зарплатой и, забрав в прокате машину, которую он предусмотрительно оформил ещё вчера, заехать за Ней. Потом домой, за вещами. Конечно, он мог всё сделать и в другой последовательности, но подспудно ему всё же хотелось перед самым отъездом ещё раз увидеть свой дом. Постоять на крыльце, бросить последний взгляд на двор. Однако, несмотря на все хорошие воспоминания, связанные с детством и юностью, он ни на секунду не сомневался, что никогда сюда не вернётся. Он знал, и это было особенно приятно, что скоро, буквально через несколько часов, они помчатся в большой город, навстречу жизни и новым, до этого неизвестным ощущениям. Ничто не могло, и не должно было помешать ему. Не волновало его и то, что Отцу совсем не нравятся его планы. В планы свои он как-то сразу решил Отца не посвящать — ему не хотелось обсуждать то, что обсуждению уже не подлежит, как дело решённое. Знакомить же Отца с Ней не было смысла и вовсе — «всё равно мы уезжаем, ни к чему это».

Как появилась сама идея перебраться в столицу, в город, где открываются большие перспективы и где живёт та самая птица счастья, он уже точно не помнил. Вроде бы в одном из откровенных разговоров Она призналась ему, что мечтает уехать из их маленького городка в столичный мегаполис. Рассказала, как ей всё здесь наскучило и не мило. Какие разные возможности появятся для них, если они туда уедут. Как им будет хорошо вместе! Родители Её совсем не против, если она покинет родной дом, они заняты младшими, сестрой и братом, и разрешили ей самой выбирать, как и где дальше жить.

Он очень быстро загорелся этой идеей и сразу же начал всё обдумывать — подсчитал, сколько денег нужно будет на первое время, просматривал предложения о сдаче жилья, подыскивая вариант подешевле, следил за вакансиями о работе. Решил, что для поездки можно взять напрокат машину, а не трястись в поезде. Даже комнату на первое время он уже нашёл и внёс аванс за первый месяц.

Отец, как обычно, сидел в своём кресле перед телевизором — месте, ставшем привычным для него в последние месяцы. Ещё утром, услышав возню в комнате наверху, он позвонил на работу и взял отгул, сославшись на плохое самочувствие. Он знал, что у Сына сегодня зарплата, не оставалось никаких сомнений — пришёл день отъезда. Сегодня он мог расстаться со всеми своими мечтами. А ведь все они были

связаны только с Сыном! Он представлял себе, как они вместе рыбачат, сидя у воды плечом к плечу и прячась от дождя в одну плащ-палатку, как ходят на охоту, а после с азартом хвастаются трофеями, вместе копаются в машине, отыскивая неисправность и весело подначивая друг друга. Как он приводит Сына в бар на углу улицы, где собираются все «свои», и как тот обыгрывает в бильярд главных завсегдаев заведения. Рисовалась ему картина, что его приятели, каждый по очереди, подходят и, пожимая ему руку, говорят: «Отличный парень у тебя! Всем на зависть!» Теперь же все эти ожидания и планы улетали, как дым в трубу. И он должен, обязан был что-то предпринять. Не в его привычке было пускать всё на самотёк.

В полвосьмого вечера он услышал, как у дома остановилась машина, хлопнула дверь. Пара коротких фраз — он не расслышал слов — и в прихожей раздались быстрые шаги. Тот, кого он ждал уже несколько часов, ждал, тупо уставившись в телевизор и ничего там не различая, пробежал к себе в комнату, коротко кивнув ему на ходу. Отец поднялся с кресла и встал в арке между прихожей и комнатой. Прошло не больше двух минут, как Сын пулей слетел вниз.

— В сумке нет моих документов и денег, я утром убрал всё в боковой карман, верни их.

Отец был удивлён: в голосе Сына не было ни намёка на панику или растерянность.

— В тот наш разговор, вспомни, я тебе сказал: ты никуда не поедешь! Ты думал, что я шучу? — он ни на секунду не сомневался в своём преимуществе, моральном да и физическом тоже.

Выход из ситуации казался ему простым и лёгким: забрав документы, он заставит его остаться хотя бы на какое-то время, а потом будет видно.

— Это мои документы и мои деньги, я вкалывал в две смены, у тебя нет никакого права их забирать.

Голос Сына слегка дрогнул или ему только показалось?

— Послушай! Я — твой Отец, а ты — мой Сын, и пока я за тебя отвечаю, пока ты в моём доме, я решаю, что тебе можно, а что — нет! — атмосфера продолжала накаляться, напряжение заметно росло.

— Ты, может, не заметил, я уезжаю из твоего дома, мне не нужны твоё разрешение и твои правила! — Сын явно не собирался отступить, и до Отца вдруг стало доходить, что не всё так просто, как представлялось вначале.

Он стал заводиться, понимая, что его увещевания бессмысленны, и действовать, видимо, придётся грубой силой.

— Документы я тебе не отдам, и ты куда не уедешь. А если хочешь забрать их, то попробуй, они здесь! — Отец ткнул пальцем в нагрудный карман своей рубашки. — А там посмотрим, чья возьмёт!

Буквально на минуту повисло молчание, прерываемое только бессмысленной трескотнёй в телевизоре, — шло очередное шоу из тех, где все стремятся перекричать, переспорить друг друга, компенсируя громкостью голоса неубедительность своих доводов.

— Я не буду с тобой драться, я предлагаю обмен, — Сын подошёл к креслу, на котором валялся пульт от телевизора, и, взяв его, продолжил. — Смотри, у тебя — мои документы и деньги, у меня — твой пульт от телевизора. Меняемся? Я тебе — пульт, ты мне — документы и деньги. Каждому своё. Тебе — отдых, мне — дорога. Идёт? — и направив пульт в сторону телевизора, он зачем-то медленно, совсем по чуть-чуть, стал прибавлять громкость.

Отец громко расхохотался:

— Парень, да ты совсем умом тронулся со своей девкой? Попробуй забрать их у меня! Если, конечно, силёнок хватит!

Сын никак не отреагировал на отцовский выпад: он продолжал методично нажимать на кнопку увеличения звука, держа пульт в вытянутой руке, не сводя при этом глаз со своего противника. На лице его мелькнуло то знакомое выражение, которое Отец видел и раньше, но всё нарастающий звук — ведущий тоже вступил в соревнование «кто кого переорёт» с участниками передачи — не позволил ему сконцентрироваться на какой-то смутной догадке, мелькнувшей в глубинах памяти.

— Какого чёрта? Что ты делаешь? — он, сделав резкое движение навстречу Сыну, на мгновение перевёл взгляд на экран, но боковым зрением успел заметить холодный, металлический блеск в его правой руке. Выстрел слился с достигшим апогея звуком телевизора, пульт упал на пол. Сын наклонился и, расстегнув пуговицу, достал из кармана паспорт и пачку с деньгами — всё было на месте. Задумчиво оглядевшись, он отправился на кухню, открыл газ, а, вернувшись обратно в комнату, зажигалкой, подаренной когда-то отцом, поджёг её в разных углах. Больше ничего его здесь не держало. Подняв сумку, так и валявшуюся у лестницы, он вышел из дома, запер за собой дверь и поспешил к машине, где его ждала Она.

— Я уже волноваться начала! Ты сказал минут десять максимум, а прошло полчаса. Что-то случилось? Не хотел отпускать? — Она с беспокойством пыталась прочитать на его лице, насколько серьёзной была причина заминки.

— Да нет, всё хорошо! Так, ерунда. Главное, что мы вместе!
— Ты меня с ним так и не познакомил, как-то это неправильно... Он не обидится?

— Это не нужно было. Да он и не обидится! — закинув сумку на заднее сиденье, он завёл машину и тихонечко, стараясь не делать ничего, что могло бы привлечь чьё-то внимание, стал выезжать на дорогу.

Оказавшись на трассе, он прибавил скорость. В этот момент сзади что-то полыхнуло, в зеркалах заалело пламя. Небо окрасилось огненными всполохами. Она, обернувшись, старалась разглядеть, что же произошло.

— Слушай, так ведь это же там, откуда мы уехали! Или совсем недалеко... Как ты думаешь, что это?

Он внимательно на Неё посмотрел и улыбнулся:

— Это заря новой жизни, нашей жизни!

Она весело рассмеялась:

— Мне так хорошо с тобой! Я, наверное, тебя люблю!

Он неожиданно съехал на обочину, остановил машину и, повернувшись к Неё, взял Её за руку:

— А знаешь что? Роди мне Сына!

Оксана Соснина

г. Можга, респ. Удмуртия

ПЛЮШЕВАЯ СКАЗКА

Чух-чух, чух-чух, спешат колёса товарного поезда, бегут далеко на Урал... Подальше от голода и смертельного холода, подальше от войны...

От Ленинграда до Молотова — путь неблизкий, изнурительный путь. Ехать целый месяц! В темных теплушках товарняка — двухъярусные нары и чугунные печурки. Нары покрыты измятой соломой, чтоб мягче спать. Спят на нарах по трое, вповалку.

Кому не хватило места — на полу. На жёстком полу теплушек больно сидеть и лежать. Многострадальные детские пальтишки служат и матрасами, и одеялами, и единственной тёплой одеждой малышам. На худых детских тельцах — в чём только душа держится? — пролежни и

сняйки. Чух-чух, чух-чух, спешат колёса, бегут колёса, гудит паровоз...
Подальше от голода и смертельного холода, подальше от войны...

В теплушках уместился целый детский дом — дети с воспитателями и нянечками, и даже дворник на одной ноге, дядя Коля. В пути — ни радио, ни газет. Не слышно тревожных новостей с фронта — хорошо. Несколько раз в сутки стоянка минут на тридцать. Затёкшим детским ножкам надо размяться, походить по земле.

— Дети, далеко от вагонов не отходить! Скоро едем! — кричат нянечки, а сами отправляются на эвакупункт, что есть на каждой станции, за сухим пайком — хлебом, сахаром, пачкой концентратов.

Воспитатели остаются с детьми. Разве что сходят за кипятком к машинисту, принесут детям, разольют в кружки, растворят в нём концентрат — получится суп. А ещё заварят бледный морковный чай. Морковь в детском доме трут на терке и сушат на печке вместе с чагой, лесным грибом, что на самом деле — нарост на деревьях. И вкусно, и полезно! Всё лучше, чем пустой кипяток. Смесь из моркови и гриба взрослые взяли с собой в эвакуацию и теперь заваривают в кипятке. Чем дальше от Ленинграда, тем труднее достать еду: скуднее обеды, строже — выдача сухого пайка.

В долгой дороге у детей начинается страшный зуд: в одежде — множество паразитов. Они разъедают тело до кровоточащих болячек. Ночами невозможно уснуть. Вши, как известно, любят голодных. Нянечки обрабатывают одежду скипидаром, мажут вонючей мазью истерзанные детские тела. Жаль, что это мало помогает.

Чух-чух, чух-чух, с каждым днём всё дальше от войны, от смертельного холода и голода, на восток. Скорей бы приехать! Хоть куда-нибудь! Дорога изматывает. И днём, и ночью на станциях и разъездах поезд с детьми из блокадного Ленинграда стоит долгими часами, пропуская на запад эшелоны с солдатами, военной техникой, грузами. С запада их теплушки обгоняют санитарные поезда с ранеными. Всюду на вокзалах — беженцы с детьми, больными, стариками.

В одном из вагонов едет девочка Леночка. Одна. Без мамы и папы, как все дети вокруг. Такая маленькая девочка совсем одна — потеряла семью: маму, бабушку, старшего брата... А Леночкин папа бьёт фрицев на фронте. Леночка помнит только своё имя, а фамилию забыла — такая она крошечная и измученная. Гномик с большой головой на то-

ненькой шейке... Девочку нашли, когда дежурные бригады проверяли квартиры — ходили, прислушивались, есть ли кто живой среди разрухи.

Леночке повезло. Девочку нашли в груде тряпья большой кровати рядом с мёртвой молодой женщиной, Леночкиной мамой. Леночка замерзала от неимоверного холода. Услышали, как кто-то тихо плачет. Оказалось, ничего не весящая девочка, крепко обнимающая плюшевого медвежонка. Себя она называла Леночкой. Так, вместе с плюшевым мишкой и отнесли в ближайший детский дом.

А потом детей с воспитателями и нянечками эвакуировали. В одном эшелоне — детские сады, школы, больницы. Сначала грузовиками по Ладожскому озеру, потом — поездами в глубь страны. Леночка не помнит, как ехала в трясутся на ухабах грузовике по крепкому льду Ладоги под вражескими обстрелами. Мала, чтобы помнить. Прижимала к себе изо всех своих детских силёнок медвежонка, смотрела невидящим взглядом куда-то вглубь себя и молчала. Даже есть не просила, не плакала. Бывает при дистрофии.

Наконец, после долгого пути приехали на какую-то станцию. Детский

поезд там уже ждали. Встречали эвакуированных из Ленинграда взрослые, охали-ахали, разбирая голодных, измученных детей кого куда. Их детский дом разместили в здании бывшей школы города Молотова. В бывших классных комнатах поставили кровати и печки-буржуйки. Леночка целыми днями сидела в своей постельке или грелась у печки, ни на что не реагируя. Много таких детишек, как она, уже умерло: кто в детском доме, кто по дороге в эвакуацию. Нет сил играть и двигаться... Нет сил улыбаться и жить...

Не было сил и у взрослых смотреть на маленькую Леночку. И тогда дядя Коля, дворник-истопник, подошёл к девочке и сказал:

— Леночка, знаешь, что ты теперь мишкина мама? А мамы должны деток кормить! Вот и ты учи мишку кушать ложкой! Смотри, он болеет, ослабел совсем. Поешь сама, покорми мишку и ложись с ним спать. Спой песенку сыночку! Позаботься о нём. У него больше никого нет, кроме тебя.

И серьёзно так посмотрел в глаза девочке. И тут Леночка словно очнулась. Взглянула на мишку и стала кормить его кашей и кусочком хлебушка. Мишка начал есть, пусть и не сразу. Леночка и сама вместе с ним впервые поела. А потом принялась мишку баюкать. Пока пела песенку, уснула с ним рядом.

Как проснулась, снова еду попросила. Поели они с мишкой и впервые пошли гулять на свежий воздух во двор детского дома. Так день за днём Леночка потихоньку стала приходить в себя, оттаивать...

Как когда-то Леночкина мама о ней, так и Леночка беспокоилась о своём плюшевом друге.

Кончилась война. Вернулся отец девочки с фронта, разыскал дочку и забрал из детского дома.

Леночка выросла, стала детским врачом, прожила долгую жизнь. Руки её всегда были заняты, а сердце наполнено любовью.

Она была нужна! Плюшевому мишке, больным ленинградским детям, а много позже и своим собственным сыну и внучкам, самой себе.

Жила и помнила слова дворника-истопника дяди Коли:

— Будешь жить, если нужна кому-то!

Взрослая Леночка с нежностью смотрит на своего плюшевого друга и прижимает его потёртый от времени нос к своей щеке, ощущая, как в детстве, едва уловимый запах блокадного ленинградского хлеба.

Игорь Бёзрук

г. Иваново

ФИКУС

Мысль посадить дерево возникла у Рогозина не сразу. Он долго вынашивал её в одиночестве в скучные, унылые вечера, маясь у окна первого этажа своей холостяцкой квартиры.

Будучи от природы недоверчивым, он не решался посадить дерево во дворе — все одно не углядишь, кто-нибудь, да ломает.

Мозолил глаза роскошный фикус в витрине одного из вновь открытых коммерческих магазинов. Каждый раз, проходя мимо в булочную, Рогозин останавливался возле неё и долго смотрел, может, вспоминая далекое детство, когда в моде было выращивание всяких там фикусов, лимонов и прочей древовидной растительности на дому.

У него сохранилось даже множество старых, пожелтевших от времени фотографий, где за спинами застывших, словно статуи, лиц, как знак эпохи, вырисовывалось такое вот мини-дерево.

Тут, к счастью, подвернулась одна знакомая, из разговора с которой выяснилось, что у неё-де, оказывается, есть самый настоящий фикус и даже с отростками. Не откладывая надолго, в тот же вечер Рогозин заглянул к ней и взял парочку отростков на рассаду.

Комната его не сильно отличалась от других размерами. В сравнении с брежневскими ячейками у нее были только чуть выше потолки: почти под три метра, так что фикусу было где развернуться и ширирь, и ввысь.

Рогозин раздобыл пузастую кадку, высыпал туда, как посоветовала знакомая, земляной смеси, и посадил в неё фикус. Уж как он его лелеял, как холил! Ухаживал, что за малым ребенком, поливая, окучивая, бережно стирая с широких лопастых листьев пыль. И фикус будто ощущал его заботу: рос не по дням, а по часам, утолщаясь, вытягиваясь, расширяя поверхность листьев. Рогозин нарадоваться не мог: сколько сочной зелени, свежести, красоты.

Зашла Егоровна, соседка, тоже на пенсии:

— Ты, прям, колдуешь над ним, — говорит. — Она, как полез!

— Да что там, — отвечал Рогозин. — Ты, Егоровна, сюда смотри, — совал старую пожелтевшую фотографию, где его племянник, в то время еще маленький мальчик в матроске, взгромоздился на стул и позировал фотографу на фоне широкого, на весь снимок, растения. — Вот это был фикус!

Через месяц фикус покрыл собою полкомнаты и уперся в потолок. Места, правда, было достаточно. Шкаф Рогозин передвинул, кровать развернул поперек и поставил плотнее к стене. Сервант только пришлось переместить на кухню. Кухня сообщалась с комнатой через дверь, из неё Рогозин мог прекрасно видеть своего любимца и любоваться им, попивая чай или выкуривая папиросу.

— Надо же такое, — хвастался вычитанным где-то, — пишут, что в тропиках фикусы до сорока метров в высоту вымахивают!

— Неуж! — удивлялись мужики и не верили. — Врешь, наверное.

А в комнате день ото дня становилось темнее. Увеличиваясь, фикус тянулся к свету и заслонял собою все окно. Рогозин попытался отодвинуть кадку, но не смог её даже стронуть с места — таким тяжеловесным оказалось дерево. Обрезать же ветви не решался: слишком дорогой стала ему эта роскошь. Терпел.

Еще через неделю странные зеленые отростки, свисающие с ветвей, которые поначалу Рогозин принимал за ответвления, начали быстро деревенеть и изменять цвет на серый. С каждым днем отростки вытягивались, опутывая ствол первенца, и пускали свои ростки.

«Ты хоть бы ветви подрубил», — упрекали его мужики, видя, как фikus заполнил все окно, но Рогозин отмахивался от них. Разве поверит кто, если рассказать, как он пытался спилить надоедливое дерево, как с горем пополам елозил по толстому стволу, не содрав даже коры. Как пытался его срубить у основания, но только затупил топор и сбил с рукоятки. Как пробовал сломать ветви, но только безрезультатно сгибал их в дугу и даже в круг и в бессилии бросал. Ветви, как ни в чем не бывало, распрямлялись и тянулись дальше и дальше, сбивая с этажерки статуэтки слоников, срывая со стен портреты родственников, сгребая со стола скатерть. Дошло до того, что древовидные отростки, достигнув пола, проломали его и вклинились в землю. Ветви и листья сами начали расти, разрастаться, а первенец, наоборот, мельчал и сох, отмирая.

«Они убили его», — думал Рогозин, видя, как комната мало-помалу принимала вид помещения, в котором некто стал плести гигантские корзины. Только странные лозы были сплошь усеяны гибкими стеблями и крупными овалами толстых кожистых листьев.

Постепенно Рогозин перебрался на кухню, перетащил туда кровать и перенес самые необходимые вещи. Кровать едва умещалась рядом с кухонным столом, поэтому он убрал стулья и ел теперь, сидя на постели. Неудобно стало добираться до умывальника. Чтобы вымыть посуду, надо было отодвинуть её на край стола, перелезть через спинку кровати (благо, та была не так высока), сложить в мойку тарелки и ложки, вымыть их и вернуться на прежнее место тем же способом: перелезая через спинку.

Не стал Рогозин никого и впускать к себе. Это ж как увидят подобное безобразие, — колкостей не оберешься. Вырастил на свою голову, чтоб его...

Раз всосал чекушку, треснул кулаком по столу, в который раз взбеленился, схватил топор, ворвался в комнату, рубанул по стволу раз, другой, а оттуда, из трещины, как брызнет млечным соком, да таким напором, что сбило ошарашенного Рогозина с ног и отшвырнуло к стене. Очнулся через пару часов, не поймет, приснилось ли это ему, привиделось во хмельном угаре, или на самом деле произошло, — топор рядом, рубцов на дереве нет, но голова, что чугунная, к тому же гудит и кружится. Добрался с горем пополам до кухни, упал на кровать и забылся тяжким сном, в котором кажется ему, что это он стоит в кадке, и именно его оплетает лес рук, более похожих на щупальца спрута. Они скользят по его телу сверху вниз, снизу вверх, обвивают, стягивают, сжимают, душат...

Через неделю фикус проник и на кухню. Пришлось Рогозину и оттуда убираться. Он солгал соседям, что хочет навестить родственников в Прикарпатье, собрал кой-какие пожитки и бросил насиженное жильё на произвол судьбы, испугавшись, что в одну из ночей ветви фикуса просто-напросто прошьют насквозь его сонное тело, и, считай, плакала, Рогозин, твоя беззаботная жизнь в солнечной Аркадии. «Будь, что будет», — подумал, покидая двор так, чтобы его никто не заметил. Но что будет дальше, даже сам Рогозин предположить не мог.

Ключей от квартиры он никому не оставил. «Пусть так, может, завянет без полива и засохнет. Останется лишь выкопать из бочки и выбросить». Но надежды Рогозина не оправдались. Ставшие вскоре досковидными, корни пробили в подвале водопровод и начали стремительно поглощать живительную влагу. Фикус вовсю уже хозяйничал и на кухне, и в прихожей. Стволы потянулись вверх и стали вздымать потолок. Ветви пошли выдавливать стекла и стены, пробиваясь к свету.

— Это какой-то кошмар! — всполошились соседи, когда треснуло первое стекло. — Неужто Рогозин такой безалаберный, что не смог спилить свое дерево! — возмущались они.

Но вот в краны перестала поступать вода. Верхняя ветвь пробила потолок. Тут же в щель ринулись другие ветви, расширяя дыру, разнося пол второго этажа.

Проживавшая здесь Матрена Вережкина в ужасе бросилась звонить соседям. На её беспокойство отреагировали единодушно: заявить, куда следует, и пусть соответствующие инстанции решают, как поступать.

Куркин телефонировал на «ноль-два», и к их подъезду вскоре подкатил крытый «бобик», из которого вышли два милиционера, капитан и младший лейтенант, и прошли в дом.

В высаженных дверях уже торчали лопастые овалы, словно только и ждали появления гостей, слегка, как опахалом, помахивая.

Милиционеры попытались проникнуть внутрь, но, увидев, как густо переплелись в квартире ветви, оставили свою затею.

Капитан сказал лейтенанту, чтобы тот никуда не отлучался, а сам влез обратно в «бобик» и помчался в военную часть за помощью.

Через час во двор наехало видимо-невидимо. Тут тебе и пожарная цистерна, и «рафик» скорой помощи и милицейские «уазики», и даже «двадцать четверка» первого секретаря.

По сути, «первый» и руководил всей операцией. В считанные минуты люди были эвакуированы, дом обнесен заградительными веревками с красными предупредительными флажками, солдаты обследовали дом и нашли, что подпорченными оказались не только квартира над ро-

зинской комнатой, но и подвал, и квартиры по-соседству. Штукатурка в доме облупилась, стены на втором этаже дали трещины и зияли теперь голым кирпичом.

«Ломайте дверь!» — приказал «первый». Наготове уже стояли вооруженных топорами четверо рядовых. Ломать только было нечего. Соседи позаботились.

По команде толстый прапорщик и бойцы проникли в прихожую и осмотрелись. Здесь еще можно было развернуться, в комнате же ветви и корни настолько переплелись, что совсем не пропускали дневного света.

Внесли фонари, подсветили. Стены засверкали разными цветами, они совсем не казались ровными.

Один из солдат подошел к стене, тронул её и быстро брезгливо оторвал руку. На его пальцах осталась какая-то мерзкая, тягучая слизь.

«Будто кто-то оплевал стены», — подумал старшина и посмотрел на лица своих бойцов. Никто не смеялся. Старшине тоже вдруг показалось, что смеяться сейчас не к месту. Ему даже стало немного боязно. Но служба есть служба. Отогнав навязчивые страхи, он по привычке кашлянул, сказал строго: «Ладно, кончай экскурсию! Начнем работу!» — первым поднял топор, взмахнул им и со всего маху воткнул в дерево.

Ствол задрожал, завибрировал и издал тонкий звук.

Тут же то один, то другой стволы начали вибрировать в унисон первому, издавая такие же звуки.

Откуда-то из зарослей резкими хлопками сорвались летучие мыши и стали друг за другом вырываться во двор через разбитые окна, бросаясь из стороны в сторону, будто натываясь на невидимые преграды.

Солдаты попятиться было к выходу, но старшина пристыдил их:

— Вы что, сосунки, мышей испугались? Живо за работу!

Солдаты нехотя подняли отброшенные топоры и распределились. В руках старшины зажужжала бензопила и яростно врезалась в одревенелый ствол. Вслед за ней с боков застучали топоры.

Удары сыпались один за другим, второпях, неуклюже. Стволы дрожали, ветви качались, листья хлопали по лицам и потным спинам. Вскоре все звуки слились в один монотонный гул. У солдат от шума заложило уши, а от страха и от желания поскорее все закончить неистово колотились сердца.

— Старшина! — неожиданно, стараясь перекричать всё, закричал один из бойцов. — Старшина!

На миг прервавшись, прапорщик посмотрел вверх, туда, куда указывал солдат, и оторопел. Кровля обрушилась, проломав пробитый фикусом потолок второго этажа, и готова была вот-вот сорваться вниз.

— Бросай работу! — не стал долго думать старшина. — Всем во двор!

Солдаты будто только того и ждали: ринулись к выходу, сталкиваясь спинами и боками, огибая стволы и перепрыгивая через корни.

В общем коридоре рухнул потолок и накренилась стена соседней квартиры. Уже кричал в мегафон капитан, приказывая покинуть здание, сыпалась штукатурка, где-то трещали доски и стекла.

Старшина поспешно гнал бойцов:

— Быстрее, сынки, быстрее! Не застревать!

Успели. Выскочили в самый раз. Едва отряхнулись, как снова закрипело, зашуршало, посыпалось. Черепица лопалась и падала внутрь. Через десять минут дом рухнул, обдав всех огромным облаком пыли. Из-под обломков разрушенного здания, сбросив с себя излишнюю тяжесть, выпростался гигантский, развесистый фикус. Он стоял величественно и несокрушимо, как некогда, вероятно, стоял знаменитый Родосский колосс.

СЛУЧАЙ С МИХЕЕВЫМ

В сумраке и ненастье, не разбирая ни дороги, ни окрест лежащих строений, медленно и понуро брел человек. Он был в стельку пьян, наспулен и опустошен. Звали этого человека Михеев. Но могли звать и по-другому, а могли и вовсе не признать — он теперь мало походил на прежнего Михеева: сноровистого, жизнелюбивого, ловкого парня — ухаля. Ныне, скорее всего, случилось подобие Михеева: нечто несуразное и убогое, такое, от которого все обычно при встрече шарахаются в сторону и, отойдя на довольно приличное расстояние, сплевывают от брезгливости, ибо себя таковыми не представляют и представить не могут: всяк горшок знает свой шесток. Но Михееву тоже было на всех совершенно наплевать, и абсолютное безразличие это теперь гораздо зримее выступало на его испитой физиономии, чем какая-либо иная когда-нибудь существующая у него эмоция — так уж он был истерзан, так поблек душевно, что и не верилось: а были ли вообще когда у этого Михеева те самые эмоции?

А дождь всё шел. Михеев взмок до нитки, замерз и стучал зубами. Мерзкий ветер пронизывал его насквозь, и все же Михеев не думал о

нем. Он вообще ни о чем не думал, он думать, наверное, давно разучился. Он только желал, да и то иногда. Только не сейчас. Сейчас он просто брел. Не зная куда, вполне доверяя своим ногам, которых он в эти минуты и не ощущал вовсе. Уж так все есть: дождь идет, он, Михеев, перемещается, значит, всё так и должно быть. Как есть.

Михеев разинул рот, зевнул как будто, причмокнул звонко большими отвисшими губами, приподнял голову и так, без всякого повода, глянул на одиноко ссутулившийся фонарь, что возвышался над ним. Дождь как будто кончился: в бледном рассеянном свете лампы исчезли тонкие переливающиеся бисерные нити. С кончиков шифера, покрывающего рядом стоящий магазин, свесились мелкие капли воды и ярко заблистали разнообразными изумрудами. Откуда-то со стороны до чуткого уха Михеева донеслись звуки незнакомой мелодии. Она понравилась ему. Михеев остановился, развернулся так, чтобы лучше улавливать ее, и вскоре полностью сосредоточился на этих звуках, так что все остальное для него померкло и стихло.

Мелодия не была ни гениальной, чтобы усладить «гурманов» рока и сохраниться на века, ни оригинальной. Была самой что ни на есть обыкновенной, то, что называется «попса». Но именно она, на удивление, так сильно приворожила к себе Михеева. Не понятно почему. Внутри него, как только он отдался ей весь, просто неожиданно что-то екнуло и, прежде приглушенное, отозвалось каким-то странным постановиванием, тихим, если так можно выразиться, нытьем, до боли, однако, приятным и заунывно-сладким.

Ощущение это оказалось настолько необычным для Михеева, что он будто сразу протрезвел; по крайней мере, из головы выветрился хмельной туман, и волнами накатывались только тяжелые импульсы, как отголоски той мелодии в его внутренностях.

Михеев зачарованно потянулся на звуки. Вряд ли он хотел развлекаться. Останови его в данную минуту, он вряд ли ответил бы вам, куда его несет. Он совсем не соображал, что делает. Звуки притягивали его к себе, как магнит притягивает железо.

Михеев вошел в холл какого-то заведения, не то бара, не то общепития и обнаружил, что здесь полно народу. В дальнем краю он без труда нашел двери дискотеки, где от стены к стене метались звуки и свет, а лица танцующих то бледнели, то становились трафаретно-мертвенными в мерцающем блике вращающегося вокруг своей оси лампы. Впрочем, и это все мало занимало Михеева, он даже закрыл глаза, чтобы возросшее от сближения с источником внутреннее напряжение не исчезло, а сохранилось в неизменном виде. А чтобы острее ощущать

звуковые колебания, Михеев стал разрезать собой толпу, пытаясь добраться поближе к динамикам, туда, откуда вылетали сводившие его с ума звуки.

Тут было потрясающе. Тут уж точно невозможно было думать о чем-либо ином. Можно было без остатка отдаться во власть музыки и наслаждаться теперь каждой клеточкой, впитывая её всеми порами тела. И как только Михеев одурманился музыкой, мир реальный для него перестал существовать. Все эти извивающиеся рядом в конвульсии тела, прошедший дождь, промокшие ботинки и кружащий голову хмель. Мир доселе неизвестный диктовал теперь свои условия, и условия оказались на удивление приятными, завлекательными и завораживающими. Этот новый мир ворвался в опьяненное сознание Михеева и стал в нем существовать. Однако, как будто и не зная его, Михеев вспомнил, что раньше уже встречался с ним. Изредка тот мир вторгался в жизнь Михеева, и теперь, ворвавшись в него самым бесцеремонным образом, заставлял Михеева то рыдать, то смеяться, то ныть, то выть или кричать от восторга, не отдавая предпочтения ни одной из переливающихся через край эмоций. Ни боль, ни радость не первенствовали у Михеева, потому как в том, непонятном для него мире, и боль и радость были равнозначными. Они набегали друг на друга, то умолкая разом, то неожиданно вспыхивая с новой силой, спутано, трудноразлично, переиначивая все прежние представления: болью вызывая наслаждение, радостью — горечь. Это было как Вселенная: всеобъемлюще, неопишимо, необъяснимо.

Будь Михеев один в этом хаосе звуков, он вновь и вновь повторял бы этот будоражающий его мотив. Но зал был полон, и диск-жокей старался угодить едва ли не каждому — как многозвездная вспышка фейерверка одна мелодия, не прерываясь, чередовала другую. Михеев уже едва осознанно воспринимал их. Он уловил, что теперь каждая новая мелодия становилась для него как бы дополнением той, особенной, взорвавшей его чувства и заполнившей мозг. И громче всех, наверное, засвистал и закричал Михеев, когда с пульта управления донеслось резанувшее по сердцу: «Благодарю вас, друзья, на этом наша дискотека окончена!» — и сначала несмело, потом громче с разных углов полетели протесты меломанов, досадное улюлюканье и свист.

— Давай еще! — кричал Михеев. — Еще!

Но зал постепенно стал пустеть, молодежь вереницей пар потянулась к выходу.

— Всё дядя, всё, — сказал ему надушенный пижон, сворачивающий провода удлинителей.

— Как же всё? — не верил Михеев. — Как всё?

Поплелся домой, но по дороге то замирал, вспоминая необычную мелодию, то начинал снова её напевать, приплясывая. Однако, на удивление, больше того прежнего взрывного ощущения не возникало, только тупая боль в груди да расплывчатое осознание какого-то необъяснимого чуда.

— Как же так? Как так? — шептали его губы, возмущаясь невозможностью своей натуры восстановить прочувствованное.

Около часа Михеев бродил вокруг здания и в конце концов не выдержал. Его вдруг как толкнуло что, как потянуло за собой обратно.

В фойе никого не было. Все давно разошлись, и дверь дискозала была заперта. Михеев от злости двинул её кулаком. Она отозвалась скрипяще. Михеев налег плечом, шибанул, вышиб. Нашарил выключатель. На стенах вспыхнули приглушенные огни ночников. Царило полное безмолвие. Еще недавно звучавшие колонки хранили теперь могильное молчание. Пульт диск-жокея не светился лампочками и не мигал индикаторами. Всё спало, своим сном только изводя Михеева.

Михеев провел рукой по динамикам, будто лаская их, прошел за стойку, включил магнитофон. Тихо зашумел двигатель, пришли в движение бобины, из динамиков в танцзал ворвалось легкое потрескивание. Потом пошли будто возникающие из ничего, сперва негромкие, но постепенно все нарастающие звуки.

Михеев защелкал тумблерами пульта, и вскоре один за одним вспыхнули прожектора, завертелся под потолком зеркальный шар, отражая и преломляя разноцветные лучи, — зал ожил. С ним оживился и Михеев. Его сразу потянуло в центр помещения. Там он и замер. Посмотрел вокруг, ослеп от яркого света. Закрыв глаза. Теперь ему ничто не мешало слушать. Он и хотел только этого: слушать, слушать и слушать.

А мелодия всё разворачивалась и уже проникала внутрь Михеева, заводя руки, заставляя ходить плечи, двигать бедра. Михеев заплясал, завторил мелодии, в ритме пляски широко раскидывая руки и резко выбрасывая ноги. Душа будто стала отделяться от тела, и не удивило Михеева ни абсолютное незнание того языка, на котором исполнялась песня, ни самой темы — все будто исходило из самого Михеева, было кровь от крови, плоть от плоти его собственным. И неизвестно откуда бралось дыхание, откуда появились силы неистово плясать, покуда иступленно колотилось сердце, покуда сжималась до боли грудь, и один Бог знает, куда и каким образом уносилось сознание.

Михеев извивался, дергался, содрогался в безумной попытке навечно слиться с ритмом мелодии, а слившись, раствориться в ней.

Неосознанно, в захлестнувшем Михеева порыве эмоций, он попытался преодолеть преграду, разделяющую два различных мира, две реальности. Он сблизил огромные, как шкафы, колонки, догнал до упора рычажки громкости и стал на перекрестке волн. Он уже не понимал, что делает. Мелодия пронизала его насквозь. В унисон ей задрожала каждая жилка, затрепетала каждая связка мышц. Казалось, зазвучал каждый нервный узелок. Все внутри пошло кругом, потом зашлось, больно сдавив поначалу и взорвавшись затем. Вот оно, столь долгожданное ощущение распада земной сущности и слияния с неземной!..

Сбежавшие на шум жильцы общежития обнаружили на полу безжизненное скрюченное тело Михеева. Глаза его были широко раскрыты, и в них отражалась бездонная пустота. На лице застыла гримаса радости.

Кто-то побежал вызывать милицию, кто-то стал оттаскивать колонки. Скептики через пять минут покинули помещение.

Одному из оставшихся показалось, что над умершим возник слабый ореол.

— Глупости, — сказали другие.

— Наверное, глупости, — согласился он.

Тем не менее, после того, как остановили магнитофон, в воздухе еще чуть слышно витала музыка.

Галлюцинации слуха, решили все.

КРАСНЫЕ РУКИ

— Это всё чепуха! Ничутьто не страшно! — мальчик лет девяти скептически хмыкнул. — Разве страшно? Даже не испугаешься. Кто испугался? — он пристальным взглядом обвел вокруг себя.

Сидящие на длинной скамейке ребята шести-семи лет буквально вдавились в деревянную опору. Их лица еще сохраняли тягостное выражение.

— Мне нисколько не страшно, — не унимался старший, пытаюсь поскорее отвлечься от надоедливых фантазий.

— Валь, — отозвался Валера, один из ребят, — и мне нисколько не страшно.

Неожиданная поддержка прибавила Вале уверенности. Пара-другая минут прошла, и уже не казались пугающими ни темное, затянутое тяжелыми облаками небо, ни словно искромсанные контуры верхушек деревьев, ни мрачные силуэты приземистых деревенских домов, скрытых в густых зарослях.

Валя приехал погостить к своей бабушке, но за минувшие дни пребывания здесь еще ни с кем из сверстников не успел познакомиться, так как был немного застенчивым. Он выходил за калитку на узкую немощенную улицу, минут десять стоял, потом заходил обратно и бесцельно шатался по двору, нарушая спокойствие кур, кролей и трехмесячного чумазого поросенка Борьки.

Отсутствие товарищей и праздное блуждание нагоняло тоску, и Вале всё чаще хотелось домой, к матери и отцу. Но в один из вечеров, как обычно, он вышел за калитку и обнаружил на скамейке у бабушкиного забора стайку деревенских ребятишек, что-то с интересом обсуждающих. Валя тут же заважничал, принял вид напыщенного воробья и не спеша подошел к ним.

— Вам что, больше делать нечего, как доски колупать? — спросил Валя.

— Нечего, — сказал один из них и вопросительно уставился на Валу.

— Давайте страшные истории рассказывать. Я обожаю всякие страшные истории. А вы любите? — спросил Валя и уселся рядом с ними. — Вот одна из таких... — начал он сразу.

Мальчишки тогда и не заметили, как стемнело. Расходились, как замороженные, и на следующий день под вечер вновь собрались на той же скамейке. Теперь рассказывал один из ребят. Рассказывал путано, сбиваясь, но захватил всех, даже Валу, который был очень впечатлительным ребенком.

В наступившей затем тишине он первым и очнулся:

— Это всё чепуха! Нисколечко не страшно! Вот я слышал историю — просто жуть! «Красные руки» называется, — сказал он и тут же продолжил:

— В одной из деревень, ну почти, как наша, еще до революции на окраине жил старый помещик. Лет ему было, наверное, с сотню. Родня вся давно его оставила: сбежала за границу с беляками, а этому — какая дорога, он и ходил-то еле-еле. Так вот, любил, значит, этот древний помещик играть на пианино (оно у него в одной из комнат стояло). Играл просто так, для себя, и только поздними вечерами, когда опускалась темнота. И мелодии были все больше тоскливые, жуткие. Люди

мимо его усадьбы даже ходить боялись. Хорошо, она чуть в стороне от деревни находилась, но всё равно в тихую летнюю ночь при легком дуновении ветра иногда отзвуки мелодий доносились и до ближайших домов, и не один, уловивший их, замирал на минуту с дрожью — такими зловещими казались тот дом и те мелодии.

Так продолжалось каждый день, пока, наконец, однажды звуки не умолкли, и всю ночь, будто плача, заунывно выла собака. Когда на следующее утро крестьяне зашли во двор, то нашли дохлую собаку и распахнутую настежь дверь дома. Бывший помещик лежал лицом на клавишах, одна рука его свисала, другая покоилась рядом с лицом. Остекленные глаза помещика были широко раскрыты, а на губах застыла чудовищная улыбка. Ужасный лик. Труп. Остывший мерзкий труп!

Валя обвел глазами ребят. Видно было, что они заинтересовались его выдуманной историей. Мало того, поверили, приняв рассказ за чистую монету.

У Вали при виде их оцепенения возникло желание еще пуще напугать ребят, заставить их просто дрожать от страха. И он продолжил:

— Похоронили помещика на родовом кладбище неподалеку от усадьбы, а в самом доме устроили деревенский клуб. Пианино поставили в одной из комнат, сделав там Красный уголок. Так бы оно и пылилось там, не приедь через пару недель в деревню новая молодая учительница. Так как лучшего здания для школы не нашлось, в отдельных комнатах клуба устроили классы. Учительница стала жить при клубе. Места было достаточно. На удивление всех, она замечательно играла, и пианино ей понравилось. Часто после уроков учительница садилась за него. А однажды ночью проснулась от странных звуков за стеной, как будто кто-то играл. Поначалу она решила, что это кто-то из молодежи балуется, но, взглянув на часы, поняла, что время за полночь, и клуб давно закрыт. Не без боязни прошла учительница в Красный уголок и заглянула туда. Крышка пианино оказалась открытой, а по клавиатуре бегали красные кисти рук, обрубленные по самые запястья. Красные руки...

Валя приглушенно зашептал, увидев, как сжались малыши.

— Красные руки! Представьте: в слабом освещении, на черном фоне пианино — красные руки! Тонкие, длинные, красные пальцы. Они то замирали неожиданно в каком-нибудь месте, то срывались в быстром беге, устремляясь по черно-белой клавишной дорожке.

При появлении учительницы, музыка зазвучала сильнее, громче. Красные руки будто узнали о появлении постороннего, но всё равно продолжали играть. Играли, играли, играли. Длинные, тонкие, красные

пальцы. Онемевшая учительница и не заметила, как мелодия стихла. Она стояла в оцепенении, ни в силах шелохнуться, не в силах оторвать взгляда от алого кошмара на другом краю комнаты. Наконец, обессиленные или умиротворенные, красные руки осторожно прикрыли крышку пианино и замерли на её черной поверхности. Через минуту свечение их угасло, и весь клуб погрузился во тьму. Красные руки полностью растворились в ней.

Валя замолчал. В наступившей тишине было слышно только звучное треньканье сверчка и скрип висящего на столбе фонаря, который слегка раскачивало налетающим порывом ветра. Деревья готовились ко сну.

— А дальше, Валь? — раздался вдруг голос Валерки. И этот вопрос оказался для Вали таким неожиданным, что он даже вздрогнул и почувствовал, что прежняя уверенность в себе исчезла. Но делать нечего. Вале показалось, что свести свой рассказ к шутке больше не сможет, что уже нечто потустороннее начинает довлеть над ним и заставляет продолжать вопреки возникшему страху.

— Дальше? — неуверенно начал он. — Дальше — хуже. Концерты продолжались каждую ночь, в одно и тоже время. Учительница стала просыпаться в один и тот же час, на удивление, не обнаруживая и тени сна. И всегда что-то толкало её идти в ту комнату, смотреть, как бегают по клавишам красные руки, ощущать, как засасывают её жуткие звуки. Не смея никому рассказать о своих кошмарных ночах, она попыталась узнать хоть о чем-то, что могло натолкнуть её на мысль о появлении странного музыканта. В том, что это был не сон, она убедилась в первую же ночь, а потом настолько свыклась, что уже ничуть не страшилась и часто очарованно заслушивалась льющимися из пианино мелодиями. Разузнала, что раньше пианино принадлежало бывшему владельцу дома, который часто играл на нем поздними вечерами, и что он умер и похоронен неподалеку.

Будучи очень суеверной и веря в существование души после смерти, учительница решила, что вероятнее всего на том свете бывшему помещику не хватает единственной земной радости — музыки, поэтому он продолжает приходить сюда ночами, играть и наслаждаться своей игрой.

«Через сорок дней, — сказала ей одна древняя старушка, — душа его успокоится и уйдет в мир иной. А пока она мается, бродит по старым местам, прощается с прежними чувствами. И беда, если она возненавидит всё, что так или иначе помешает ей в этом или попытается отнять у неё последнее, что осталось от прежнего мира».

А был это тридцать пятый день, как отпели помещика. Дождаться последних пяти, казалось, нет сил. Учительница совершенно перестала прикасаться к пианино, но так же ночами вставала, шла в Красный угол и слушала, слушала, потому что не могла ни заткнуть пальцами уши, ни вообще пошевелиться, не то, что уйти или убежать. Власть красных рук, власть невероятной силы была во сто крат сильнее.

В ту же ночь, как учительница вернулась от старухи, звуки были еще резче, еще громче. Они больше не были такими чарующими, как прежде, а были жуткими, режущими слух и сдавливающими сердце, то замирали в томительном пиано, то обрушивались зловещим форте.

«Что-то должно непременно случиться. Непременно», — подумала учительница, не предполагая даже что. Упав в постель, она мгновенно уснула, и снилось ей, что один из её учеников, именно тот, чьей семье достались остатки вещей покойника, стал тонуть. Захлебываясь, взмахивая руками, мальчик пытается выбраться на берег, но что-то упорно тянуло его на дно, тянуло, не отпуская. И снилось, как взмахнул он в последний раз вверх руками и быстро погрузился в воду, оставив после себя на поверхности лишь расходящиеся круги да лопающиеся вокруг воздушные пузыри.

На рассвете учительница подхватилась, оделась и, не взирая на раннее утро, помчалась к дому своего ученика. На судорожный стук учительницы открыла мать мальчика, сильно удивилась, сказала, что её сын спит, что всё с ним нормально, и спросила, отчего такие страхи. Учительница в ответ только настоятельно попросила куда-нибудь мальчика после школы не отпускать и, ничего больше не объясняя, убежала. В тот же день мальчик утонул. Мать его набросилась на учительницу: «Зачем, почему?» Что могла она ответить? «Не знаю, не ведаю, не объясню». Кто мог догадываться, как было тяжело ей, как мучительно...

А красные руки все играли по ночам, и до сорокового дня оставалось двадцать шесть часов, каждый из которых был часом мучений, боли и неизвестности.

На тридцать восьмой день учительница решила отнести на могилу покойника цветы. Ей казалось, что того можно умиловить.

На кладбище она пришла спокойная, уверенная, с букетом цветов. Разыскала свежее надгробие, положила цветы и сказала: «Прости нас за всё, близоруких. За то, что не замечали твоего дара, за то, что не верили в твой талант. За всё, за всё прости нас и не тревожь. Нас ждет та же участь, и та же земля покроет нас». Сказала и умолкла в ожидании, но никто ей не ответил. С тем и ушла. В тот вечер в Красном уголке вновь звучала музыка, но не так устрашающе, а тихо и мягко. Но и

эта чарующая мелодия коварно обволакивала сердце и разъедала душу учительницы.

О, пламя сердца! Тебя зажечь любое чувство может, любая музыка тебя воспламенит!

Валя неожиданно умолк, испугавшись последних слов. Они не могли исходить из него. Так он никогда не говорил, даже слов таких не знал, не то, чтобы сложить стройный ряд предложений. И то, что он так связно всё сумел изложить, испугало его сильнее, чем испугало бы, может быть, само действие: шум ветра, качание фонаря и треньканье сверчка во вдруг наступившей тишине...

Расходились по одному. Валерка жил на другом конце деревни. После страшного рассказа ему тоже стало боязно, поэтому он попросил его проводить. Валя согласился. Любопытство вскоре, однако, взяло верх.

— Ты расскажи, — попросил он вдруг Валу, — что дальше было.

— Дальше? Дальше было страшно. Остались считанные часы до наступления сорокового дня. Музыка играла тихо, и ничто не предвещало беды. Учительница уж совсем привыкла и слушала, как зачарованная, но всё ждала, что что-нибудь случится — таким роковым казался последний день. И будто кто-то управлял ею весь вечер.

В тот же день она еще раз посетила могилу помещика, но не плакала, слез совершенно не было, только неясная печаль закралась в сердце и не хотела ни выйти оттуда, ни уйти. А помещик, казалось, как знал об этом: играл в предыдущую ночь всё ярче, живее, вновь и вновь околдовывая учительницу. И всё бы хорошо, но мысль, что тот злополучный день приблизился, что вот-вот наступит, съедала её. И вот в двенадцать ночи учительница идет на кладбище и вновь несет цветы помещику на могилу. И снова просит быть благоразумным, понять, что нужно быть терпимее, добрей, тогда только можно будет навсегда успокоиться.

Стоило ей произнести это, как тут же поднялся ветер, зашумела листва, раздался крик совы. Потом всё разом смолкло и будто замерло. Учительница все приняла как знак, как намек, что понята и больше бояться нечего. Тогда неторопливо поднялась, отряхнула приставшую к коленям пыль и собралась было уходить. Но стоило ей только обернуться и посмотреть назад, как что-то крепко схватило её за шею и стало душить. Учительница рванулась, вырвалась и оглянулась, чтобы посмотреть, кто всё-таки напал на неё, но перед собой увидела лишь обрубки рук — знакомые красные кисти. Она так поразилась, что не смогла даже двинуться с места. Спина уперлась в железную решетку

ограды. Она даже не услышала своего крика, ибо красные руки в ту же минуту вновь стиснули ее и сдавили еще сильнее, не дав вырваться последнему выдоху, засевшему в груди...

Валя умолк и посмотрел на приятеля. Лицо Валеры в сумрачном отблеске фонаря казалось бледным и испуганным. И Вале вдруг захотелось напугать его еще больше. Коварная мысль вызвала сладкое чувство торжества и превосходства. Он сказал:

— Слушай, дальше я не пойду — обещал бабушке вернуться рано, а дом твой уже близко.

Сам быстро пошел назад, но только зашел в тень, свернул в проулок и побежал, что есть духу, чтобы оббежать полуразрушенный сарай, оставшийся от бывшего здесь ранее хозяйства. И рассчитал так: Валере, чтобы добраться до своего дома, надо пройти мимо кладбища, и там он обязательно пройдет — одна дорога. Тем временем сам Валя добежит до кладбища и сделает всё так, что Валера, находясь под впечатлением истории, услышав шелест листьев и тошнотворное завывание, что Валя мог мастерски исполнить, стремглав помчится к дому. Валя же вслед ему забавно посмеется, потешится.

Так и случилось. Валя добежал до первых памятников, приблизился как можно тише к выходящей на дорогу кладбищенской ограде и, обхватив две тонкие осины, стал расшатывать их, схлестывая ветви и одновременно протяжно — по-волчьи — подвывая.

Валера, было видно, съежился, сжал кулачки и, медленно продвигаясь, стал внимательно прислушиваться к шуму, доносящемуся с кладбища. И только до его ушей донеслось глухое завывание, как он стремительно сорвался с места и побежал, что есть духу, вздымая за собой горы пыли.

Валя дико рассмеялся, позабыв и прежние страхи, и то, что он сейчас находится на кладбище в поздний час. Его забава удалась! Он радовался и ликовал, издавая звуки еще ужасней и страшнее, с удвоенной силой раскачивая деревья и торжествуя.

Но только захотел еще громче крикнуть, чтобы испугать и не уснувшую округу, как что-то крепко схватило его за шею и с силой сжало. Он лишь заметил алое свечение от тех мест, где должны были находиться рукава.

Красные руки!

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

«Многоуважаемый пан Виктор!

С тех пор, как мы находимся в переписке, Вы задаете мне все больше и больше вопросов по поводу сношений человека с дьяволом, проявлений в человеке в том или ином виде дьявольских признаков и методов их обнаружения. Преимущественно, как я понял, Вас интересуют проблемы вампиризма.

Конечно, наряду с призраками и духами, с которыми иногда сталкивается человек, вампиризм без сомнения можно отнести к этой сфере. И хотя классическими районами вампиризма обычно считают Венгрию, Буковину, Галицию, Силезию — пространства Карпат (неспроста и слово «вампир» или упырь, по мнению аббата Кальме, автора «Трактата о явлениях духов», славянское и означает пиявку), — случаи подобных превращений наблюдаются и у нас.

Я давно и скрупулезно собираю в округе сведения о них. Рассказов и легенд на эту тему у меня собралось с добрую сотню. Многие из них я бесспорно отнес бы к области слухов и рассказней, а зачастую и прямых домыслов. Но некоторые заслуживают особенного внимания.

Я мог бы допустить, что даже самые, казалось бы, достоверные факты, основываются на чистейших вымыслах и суевериях. Известно, как первые европейцы, пересекшие Атлантику, столкнулись в тропической Америке со своеобразным видом летучих мышей, так называемыми «драконами». Эти твари массами нападали на людей и животных, прокусывали кожу и высасывали, точнее, слизывали выступающие при этом капельки крови. Причем в слюне кровососов имелись специальные обезболивающие вещества, не позволявшие крови свертываться.

Жители европейских стран, прослышав о существовании подобных тварей, по аналогии наделили кровожадными свойствами не только собственных безобидных летучих мышей, но и людей, по их мнению, способных к такому действию.

Я сам, по сути, человек, похожий на Фому Неверного, и для меня важнейшим из доказательств является убеждение воочию и, если так можно выразиться, «вживе».

Кстати сказать, почему я, собственно, Вам и спешу сообщить. Нам, кажется, представился случай встретиться с настоящим вампиром.

В одной из деревень, что расположена неподалеку от нашего тихого городка, вдруг ни с того ни с сего на глазах стала чахнуть молодая девушка, вдова, у которой совсем недавно скончался муж. Родственники ее забеспокоились, попытались разузнать, чем она больна и что ее

так гложет, но девушка отказывалась разговаривать на эту тему даже с родной матерью. И вот в один из вечеров односельчанин проходил мимо дома вдовы и увидел, как из него вышел молодой человек. Черты его показались знакомыми и похожими на черты лица бывшего мужа девушки. Не размышляя долго о последствиях, мужчина окликнул вышедшего известным именем, и тот, на удивление, обернулся на зов, но потом, будто одумавшись, резко отвернулся и быстро скрылся в темноте.

На следующий день мужчина рассказал обо всем родственникам вдовы. Те, само собой, не поверили и даже посмеялись над ним, как над шутником. Но вечером мужчину нашли мертвым. Как не связать оба события? Бросились к вдове и заставили ее во всем признаться. Оказывается, на самом деле к ней почти каждый вечер являлся ее умерший муж и мало-помалу высасывал у бедной девушки кровь. При этом она показала небольшую ранку над левой грудью, из которой вампир и питался ее кровью.

А вчера, явившись как обычно, он признался ей в том, что вынужден был умертвить мужчину, который случайно его заметил. Родственники сразу же обратились за помощью к священнику, а тот, зная, о моих пристрастиях к подобным феноменам, в скорейшем времени уведомил меня, и теперь мы готовим экспедицию для уничтожения дьявольского гнезда.

Как явствует из описаний авторов, которые немало внимания уделяли аналогичным вопросам, вампира проще всего застать днем в своей могиле. Там он, если действительно является вампиром, может пребывать в состоянии, совершенно не отличимом от жизненного, с той лишь разницей, что днем он неподвижен и уже от этого уязвим.

Правда, утверждают, что извести его можно лишь через сорок дней после смерти. А так как сороковой день минует через неделю, я и тороплюсь сообщить Вам об этом. Так что, если Вы поспешите, то обязательно успеете на один из, несомненно, интереснейших экспериментов по уничтожению дьявольского выродка.

С глубоким уважением к Вам, пан Ягайло».

***

Виктор дочитал письмо, аккуратно свернул его и положил на стол. Приглашение пана Ягайла чрезвычайно заинтересовало. Виктору ни разу не предоставлялась такая возможность. Надо было ехать во что бы то ни стало.

Виктор позвонил в колокольчик и приказал закладывать лошадей. При хорошей погоде и крепких лошадях у пана Ягайлы он будет дня через четыре. Следовательно, принять участие в истреблении вампира успеет. Хотелось, конечно, собственноручно выстругать осиновый кол и вонзить его в грудь нечисти, но скорее всего орудия будут заготовлены заранее, и Виктору беспокоиться не о чем.

Собрался в считанные минуты. Захватил в дорогу еды, еще раз сам осмотрел карету. Когда простился с управляющим и служащими, отчего-то тяжело вздохнул, но не придал этому мгновению значения.

Всю дорогу Виктор был в приподнятом настроении и жалел лишь о том, что они не могут двигаться быстрее и приедут, быть может, только к завершению интереснейшего процесса.

Действительно, в селение, о котором писал пан Ягайло, они прибыли только к вечеру, как и предполагал Виктор, — на четвертый день. Расспросив жителей, где остановились люди из города, он, не мешкая, направился прямо к указанной хате. В ее окне мерцал слабый золотистый свет.

Виктор негромко постучал, но, не дождавшись ответа, вошел в сени, а затем и в горницу.

Войдя, снял цилиндр и сказал:

— Мир этому дому, панове. Туда ли я попал, и нет ли среди вас пана Ягайлы?

Сказал и только тут осмотрелся.

В дальнем углу хаты стоял широкий деревянный стол. Вокруг него на лавках сидели люди. На столе в холщовой рубашке лежала девушка (вдова?) и казалась спящей.

Один из присутствующих поднялся, вышел из-за стола и приблизился к нему.

— Ты вовремя приехал, пан Виктор, мы еще только начинаем, — сказал он и криво усмехнулся, оголив крупные волчьи клыки.

И лишь сейчас Виктор заметил, каким ярким пламенем горят глаза сидящих, а в уголках губ пана Ягайлы еще не успела застыть тонкая струйка крови.

Сергей Калабухин

Коломна

БОЛЬНИЧНЫЕ БАЙКИ

Инфаркт — это очень больно. Не всегда и не у всех, но мне «повезло». Ранее, когда я читал в книгах, что «сердечная боль — самая сильная», как-то сомневался в этом. Особенно, после того, как испытал всю «прелесть» почечной колики от выросшего и сдвинувшегося камня. Однако теперь я точно знаю — книги не врули.

Инфаркт сразил меня около полудня 8 апреля 2017 года. После срочной операции и обязательных суток в реанимации я очутился в палате №8 кардиологического отделения коломенской больницы. Здесь было всего пять коек, три вдоль одной стены от двери к окну и две вдоль другой. Вместо шестой койки слева от двери стоял квадратный стол, на столе лежала на боку лишняя (шестая) тумбочка, а на тумбочке пылился небольшой куб телевизора марки «Sony». Никто из нас, жильцов палаты, даже не пытался включить этот телевизор, но почему-то царило общее мнение, что тот не работает.

Я был в палате самым молодым — пятьдесят девять лет. Старше всех оказался дед Лёша, ему стукнуло восемьдесят лет. В коломенский кардиоцентр его привезла «Скорая помощь» из Воскресенска. Константин и Николай прибыли из Луховиц. Первому было шестьдесят шесть, второму — семьдесят два года. Мой земляк Андрей так и не раскололся, сколько ему лет, сказал только, что — седьмой десяток. Кстати, где он живёт и работает, Андрей тоже утаил. Странный человек!

Странный человек

Андрей поселился в палате №8 раньше всех нас. Это был стройный симпатичный мужчина, с шапкой коротко стриженных чёрных волос, чисто выбритый и молчаливый. Словом, никогда бы не подумал, что ему уже перевалило за шестьдесят. Природный это был феномен, или Андрей красил волосы, я так и не понял, а спросить постеснялся. И зрение у Андрея было в полном порядке, судя по тому, что он читал газеты, не пользуясь очками или линзами. Опять же, не знаю, повезло ему с глазами, или он сделал соответствующую операцию по коррекции зрения в клинике.

С соседями по палате Андрей практически не общался, на вопросы отвечал уклончиво и неохотно. Словом, нам так и не удалось узнать у него ничего конкретного.

Когда Андрей впервые при мне встал с кровати и пошёл за бутылкой кефира к стоящему в общем коридоре около двери в нашу палату холодильнику, я был поражён. Он двигался мелкими шажками, ощупывая перед собой пол, как это делают слепые, с помощью деревянной палки, до этого неприметно висевшей на спинке его кровати. Мы все лежали в этой палате после операции стентирования. Так называемые «стенты» мне и Николаю ставили через вену правой руки, а Лёше, Косте и, видимо, Андрею — через вену правой ноги. Соответственно Лёша и Костя хромали на правую ногу, а вот Андрей передвигался странной походкой, словно шёл по льду или узкой доске, поочерёдно передвигая ноги вперёд на величину, не превышающую длину ступни.

— Не пойму, какая нога у тебя болит? — спросил я, когда он вернулся и сел на кровать.

— Дело не в ногах, а в голове, — с непонятной улыбкой ответил Андрей. — У меня «паркинсон».

— Что-то не похоже, — усомнился я.

— У меня не обычный «паркинсон», — всё с той же странной улыбкой пояснил Андрей. Он то ли гордился своей «особостью», то ли отгораживался этой маской от проявлений сочувствия или жалости. — Сильная раскоординация движений. Я могу ходить только по прямой. Стоит хоть слегка скосить взгляд в сторону, и я могу упасть.

Андрей налил себе кефира в кружку и начал пить мелкими глотками, всем видом показывая, что тема его необычной болезни исчерпана.

— Странная у тебя палка, — стараясь разговорить молчуна, всё же сказал я.

— Обычная ветка с куском отходящего сучка вверху, — равнодушно ответил Андрей. — Друг из леса принёс.

На этом наш диалог закончился, так как мой странный собеседник, раскрыв давно прочитанную им газету, дал мне понять, что не расположен к дальнейшей беседе.

На следующий день к Андрею пришла жена. Поздоровавшись со всеми, эта седая полная женщина молча выложила из сумки на тумбочку фрукты, бутылки с кефиром и минеральной водой, баночки с домашней пищей и свежие газеты. Так же молча уложила в опустевшую сумку то, что муж ей вернул. Уходить старушка почему-то не спешила, сидела на стуле и вздыхала.

— Что ещё? — с недоумением посмотрел на жену Андрей. — Дома случилось чего?

— Случилось, — наконец решилась та. — Всё равно завтра тебя выпишывают, придёшь домой и всё узнаешь. Так вот, чтобы тебя не хватил второй инфаркт, я лучше скажу сейчас, пока врачи рядом. У нас неделю назад в большой комнате часть потолка обвалилась...

— Как это? — вскинулся обычно тихий Андрей. — Лепнина, что ли, отвалилась?

— Да.

— Надеюсь, ты из жилконторы кого-нибудь вызвала? Что они говорят?

— Ничего не говорят, — робко взглянула на мужа женщина. — Да я и не звонила им: всё равно, ведь, никто не придёт...

— Как это, не звонила? — взъерился Андрей. — Надо же было акт составить!

— Так оно ж само упало, — робко возразила ему жена. — Никто ж не виноват...

— Вот дура! — грубо выругался Андрей, добавив пару матерных выражений. — Так и хотите меня поскорее в гроб вогнать. Это ж сколько денег теперь на ремонт надо! Где их брать?

— Не волнуйся, мы уже ремонт почти сделали, к твоему приходу всё закончим. Вчера новые обои поклеили...

— Новые обои? — поразился словам жены Андрей. — Вы что, книжные полки сняли?

— Конечно, — удивилась вопросу женщина. — Их же все осколками лепнины и алебастровой пылью засыпало. Часть обоев ещё до этого отошла...

— И ту, большую, полку, что я сам делал и намертво к стене прикрепил, тоже сняли? — Всё никак не мог поверить в масштаб бедствия Андрей.

— Да, — спокойно кивнула жена. — А как мы иначе обои переклеили?

— Дура! — вдруг заорал в полный голос Андрей. — А кто теперь все эти полки назад вешать будет?

— Тебя уж не заставим, не бойся, — горько усмехнулась жена.

— А куда вы дели книги? — вдруг озаботился Андрей.

— Сначала на площадку вынесли, потом постепенно в сарай перетаскали.

— На лестничную площадку?! — Андрей побагровел. — И долго они там лежали без присмотра?

— Да кому они нужны сейчас, твои книги? — отмахнулась жена. — Их, вон, чуть ни каждую неделю у мусорки целыми сумками выбрасывают. Ты ж мусор не выносишь, не видишь...

В ответ Андрей обрушил на жену поток матерной брани. Мы замерли на койках, не веря ни глазам своим, ни ушам. Вот так «тихоня»!

— У меня там, в книге, деньги большие лежали, — в конце концов, простонал он. — Во втором томе Фазу Алиевой. Что если их кто-то взял, пока книги без присмотра на площадке лежали? Беги скорее в сарай и найди её!

Тяжко вздыхая, бедная старушка взяла свою сумку, попрощалась с нами, поражёнными произошедшей на наших глазах безобразной сценой, и поспешно вышла из палаты.

Андрей бушевал долго. Он больше не кричал, но что-то злобно шипел себе под нос и чуть ли не каждые полчаса звонил жене, задавая один и тот же вопрос:

— Нашла?

Ответ его явно не радовал, так как, выключив телефон, Андрей матерно крыл жену и продолжал злобное шипение.

— Много у тебя книг? — не выдержал я.

— Три тысячи! — гордо ответил Андрей. — Всю жизнь собирал.

Он смотрел на меня с таким превосходством, что я не удержался от насмешливого вопроса:

— И ты их все прочитал?

— Нет, — несколько смутился Андрей, видимо уловив насмешку. — Но многие. В моей коллекции есть и редкие книги.

— А книги наших авторов есть? Коломенцев?

— Есть пара сборников Александра Кирсанова, — снова гордо выпрямился Андрей. — С дарственными надписями от автора. Он часто мне приходил, хвастался, что вот ещё одну песню на его стихи кто-то там поёт.

Андрей явно хотел и дальше поговорить на эту тему, но мне он вдруг стал совершенно не интересен. О чём говорить с человеком, который собирает не библиотеку, а коллекцию книг? Который даже не помнит, «кто там поёт» песни на стихи самого известного современного поэта Коломны?

Я и сам всю жизнь при каждой возможности покупаю книги. Когда-то мёрз часами в очередях, чтобы сдать двадцать килограмм макулатуры и получить заветный талончик на приобретение интересной книги. Сколько их сейчас в моей домашней библиотеке, никогда не считал, но вряд ли меньше, чем у Андрея. Есть и с автографами коломенских (и не

только) авторов. Была и книжка стихов Александра Кирсанова. Правда, надписал и подарил её Александр Фёдорович не мне (я, как говорится, «тогда ещё пешком под стол ходил»), а моему отцу, бывшему в то время молодым начинающим поэтом. Несколько лет назад я подарил эту книжку коломенской библиотеке имени А.Ф. Кирсанова. Но я не стал рассказывать об этом Андрею, не желая уподобляться подросткам, меряющимся, у кого кое-что длиннее.

— Три тысячи книг не скоро переберёшь, — сказал я. — Не удивительно, что твоя жена так долго ищет.

И он вновь схватился за телефон...

На следующий день жена Андрея пришла к двенадцати часам, чтобы забрать того домой. Видимо, желая угодить мужу, она принесла тому новенькую палку.

— Хорошая палка! — одобрил подарок дед Лёша. — Раздвижная, под любой рост подогнать можно. У меня тоже такая есть.

— Сколько стоит? — рассматривая палку, сурово спросил жену Андрей. Похвалу деда Лёши он словно не услышал. — Опять зазря деньги тратишь! Знаешь, ведь, что мне обязаны палку бесплатно выдать.

— Так ведь не дают, — простодушно заметила жена.

— Верни назад, в аптеку, — раздражённо буркнул Андрей, почти бросив палку жене. — Вечно лезешь, куда тебя не просят! Не нужна мне эта палка.

— Как хочешь, — вздохнула жена. — А возвращать я ничего не буду. Не нравится новая палка, ходи со своей веткой.

— Дура! — возопил Андрей. — Сама, что ль, не видишь, какая она тяжёлая? Попробуй, потаскай такую — все руки оттянешь! Верни, где взяла.

— Сам возвращай! — с трудом сдерживая обиду и возмущение, ответила Андрею жена. — Постеснялся бы, ведёшь себя, как дома...

— Бери сумки, пошли домой, — встал с кровати Андрей. — Там поговорим...

— Документы твои ещё не готовы, — виноватым тоном ответила жена. — Придётся подождать.

— Как это не готовы? — опешил Андрей. — Почему?

— Не успели. Говорят, после обеда всё оформят.

— Это всё ты виновата! — рухнув на койку, злобно прорычал Андрей. — Я тебе во сколько велел прийти? В одиннадцать! А ты когда заявила? Сейчас бы уже дома были, а теперь ещё два часа придётся

здесь торчать! Специально всё делаете, чтобы меня побыстрее окончательно угробить, о смерти моей мечтаете...

— Ну, хочешь, идём домой, — робко предложила жена. — Рядом же живём! А к двум часам я сюда вернусь за твоими документами.

— Нет уж! — бушевал Андрей. — На тебя ни в чём положиться нельзя. Я сам дождусь и проверю все бумаги.

— Ладно, подождём...

— Зачем ты мне здесь нужна?

— Что ж мне, в коридоре ждать?

— Забирай сумки с вещами и проваливай! Я и сам дорогу домой знаю.

— Как хочешь, — с каким-то даже облегчением сказала бедная женщина и встала со стула.

— И палку эту дурацкую не забудь! — рявкнул Андрей. — Увижу её дома — выкину в окно.

— И за что мне всё это? — с горечью произнесла измученная старушка. — Как же я устала...

Около двери она обернулась к нам, молча наблюдавшим со своих кроватей эту безобразную сцену, и, чуть поклонившись, сказала:

— Выздоровливайте. Всего вам хорошего!

И ушла.

Андрей продолжал матерно крыть жену, замолчав лишь на время обеда. Наконец, медсестра принесла ему оформленные больничный лист и выписку из истории болезни. Андрей тщательно просмотрел их и обнаружил, что больничный лист не закрыт. Трясаясь от ярости, он, как мог быстро, вышел своими нелепыми мелкими шажками из палаты и ещё минут десять скандалил в коридоре с медсестрой, дежурившей на посту. Андрей вопил, что ему не нужен открытый больничный лист.

— Его закроет, когда сочтёт нужным, ваш участковый кардиолог, — пыталась вразумить буяна медсестра. — Вы перенесли операцию, дальше у вас должен быть период восстановления.

Однако Андрей не желал ничего слушать и требовал немедленного закрытия больничного. Не знаю, добился ли он своего или нет, но в палату скандалист вернулся мрачным и явно неудовлетворённым. Ни на кого не глядя, он быстро побросал в пластиковый пакет оставшиеся вещи и, постукивая палкой-веткой, двинулся вон.

— Андрей, ты посуду забыл, — окликнул я его уже у самой двери.

— На кой она мне? — не оглядываясь, откликнулся тот. — Кому-нибудь пригодится.

И Андрей окончательно ушёл из палаты и нашей жизни. При знакомстве ни с кем из нас он не здоровался, ни с кем и не простился. На тумбочке остались стоять невымытые после обеда две тарелки, кружка и ложка.

— Ну, и дурак! — глядя на них вынес приговор Костя. — Нельзя ничего оставлять в больнице — плохая примета: придётся рано или поздно вернуться. Какой всё же гадостный человек...

Позднее я убедился, что время оформления выписки и больничного листа не зависит от наличия или отсутствия в больнице родственников пациента. Врачи и медсёстры оформляют все документы сами. Но им, естественно, в первую очередь приходится разбираться с текущей, своими основными обязанностями. Так что совершенно напрасно Андрей обвинял в задержке жену — та никак не могла ускорить процесс. Трое суток прожил я в одной палате с этим странным человеком и вынужден согласиться с определением, вынесенным ему Костей. А ведь Андрей, в общем-то, не сделал ничего плохого ни Косте, ни деду Лёше, ни мне.

Ангел-Хранитель

Николая, занявшего освободившуюся койку Андрея, привезла в коломненский кардиоцентр дочь. Он что-то там делал на своём огороде в родной деревне под Луховицами и вдруг почувствовал сильную слабость. Посидел, отдохнул и продолжил работу на грядках. И опять накатила слабость. Вновь посидел, отдохнул.

Тут приехала из города дочка, чтобы проведать отца и заодно пополнить собственные запасы свежих яиц от домашних курочек, баночек солений из погреба и прочих деревенских вкусностей. Вялый вид обычно весёлого и бодрого отца её встревожил. Дочь чуть ли не силой усадила папу в машину и отвезла в больницу, где обнаружилось, что Николай уже перенёс один инфаркт на ногах, и судя по всему у него вот-вот случится второй! Дочка не стала ожидать приезда «Скорой помощи» и на своей машине немедленно повезла отца в Коломну, где ему немедленно сделали операцию.

Узнав эту историю, я впервые порадовался тому, что для меня инфаркт — это сильная боль. Будь он, как у Николая, в виде приступа сильной слабости, никакую «Скорую» тогда я бы вызывать не стал и вполне мог, как говорится, «отдать концы». Конечно, это просто мечта — умереть легко и без мучений. Но всё же, как ни крути, хочется ещё пожить...

Нашим лечащим врачом была Татьяна Михайловна Лопухина. Официально она работала с восьми часов до шестнадцати, но её голос звучал в коридоре кардиологического отделения порой до половины девятого вечера. Потом она вызывала такси и уезжала домой, в Луховицы, чтобы хоть немного отдохнуть и поспать. Татьяна Михайловна буквально жила работой, являясь наглядным примером истинного трудоголика. К каждому больному она старалась найти индивидуальный подход, во время ежедневного медосмотра искала общие темы для разговора, не ограничиваясь чисто медицинской. К примеру, Николай почему-то протянул Лопухиной для измерения давления правую руку, а не левую, как хотела та. И так как он в это время лежал на кровати, ему пришлось перевернуться «головой в ноги».

— Однажды упал с лошади и сломал левую руку, — пояснил Николай. — Кость чуть не вышла наружу. С тех пор стараюсь эту руку не напрягать.

— А почему упал? — мгновенно заинтересовалась Татьяна Михайловна. — Лошадка была с норовом, или сам не удержался в седле?

— То был жеребец, — уточнил Николай.

— Ага! — Понятливо закивала головой Лопухина. — И где-то недалеко оказалась кобыла...

— Точно! Охолостить жеребца надо было ещё года за два до того случая, да вот не сделали. Мерин бы меня не сбросил.

— Я тоже в детстве мечтала о собственной лошадке, — вздохнула Татьяна Михайловна. — Даже копила на неё деньги. Мне удалось набрать восемьдесят пять рублей. Хватило бы это на покупку лошадки? По тогдашним ценам, конечно. Сорок лет назад.

— Вряд ли, — ответил Николай. — Жеребёнок стоил вдвое дороже.

— Значит, только на пол жеребёнка накопила? — удивилась Лопухина. — Ну, да всё равно не сложилось. Мои родители были на кухне, когда я принесла им деньги и попросила купить на них мне лошадку. Они не отказали мне. Счастливая, я ушла в свою комнату. А в нашем доме была одна особенность: почему-то в моей комнате было отчётливо слышно всё, что говорилось на кухне. И я услышала, как мой папа сказал маме, что ему, видимо, придётся теперь менять специальность и работу. Стать егерем или лесничим, чтобы было, где и на что содержать лошадь, так как в городе она совершенно бесполезна и ничего, кроме хлопот, не принесёт.

Я была так поражена готовностью моих родителей полностью изменить свою жизнь ради моего каприза, что разревелась, ужаснувшись

собственному эгоизму. Словом, я вернулась на кухню и твёрдо объявила, что передумала заводить лошадку.

150 на 90, давление ваше мне не нравится, да и пульс учащён...

Так, посмотрим результаты анализов. Слушайте, у вас, похоже, ещё и подагра!

— С ногой какой год маюсь, — признался Николай.

— А чего же не лечите? — удивилась Татьяна Михайловна. — Я последний раз подагру встречала лет двадцать назад у одного древнего деревенского старичка. Эта болезнь давно и довольно легко лечится. Вы к врачу обращались?

— Обращался...

— И что?

— Ничего. Посмеялся только. Сказал, подагра — королевская болезнь, а я всю жизнь станочником на заводе работал...

— Что ж это за врач-то у вас там такой? — возмутилась Лопухина, с трудом не употребив матерный эпитет. — Кстати, знаете, почему подагра называется королевской болезнью?

— Нет.

— В Средние века только короли и их окружение ели много красного мяса и пили много красного вина. Простые люди не могли себе этого позволить, потому и не болели подагрой.

— По-королевски жрёшь, Коля! — Хмыкнул, ухмыляясь, Костя. — А мужики-то и не знают, думают, ты в своей деревне одними огурцами пробавляешься.

— Да ем, как все, — смущённо сказал Николай. — Вино так вообще почти не пью, разве что по праздникам немного.

— Не обращайтесь внимание. — Похлопала его по руке Татьяна Михайловна. — Это прекрасно, что люди стали лучше питаться, и исчез дефицит продуктов. Во всём, конечно, мера нужна. Ну да ладно, не переживайте, мы вас и от подагры вылечим. Это — пустяки! Главное, что дочка вовремя доставила вас к нам. Ещё бы немного, и было бы поздно.

Кстати, вам надо будет в течение ближайших трёх-четырёх недель сделать такую же операцию ещё на двух сосудах. Мы исправили самый плохой и тем самым спасли вам жизнь. Но каждый из двух оставшихся проблемных сосудов в любой момент может спровоцировать новый инфаркт.

— Так, может, прооперировать их прямо сейчас, пока я здесь?

— Нет, в нашем центре делают только срочные операции, необходимые для спасения жизни пациента, — пояснила Татьяна Михайловна.

— Все плановые операции проводятся только в московских клиниках. Им на эти цели выделяют деньги из бюджета и гранты. А в нашей больнице и на срочные операции порой средств и материалов не хватает. В точно таком же положении находятся и прочие подмосковные кардиоцентры: в Егорьевске, Подольске, Мытищах и Красногорске. Мы просто физически не можем поставить одному человеку более одного стента и тем самым лишить шанса на спасение других больных. У нас нет денег даже на обычную зелёнку и бинты, не говоря уже о необходимых больным после операции лекарствах.

Я каждое утро перед работой сначала захожу в аптеку, расположенную у входа на территорию больницы, и покупаю таблетки. Самые дешёвые, но не менее эффективные, чем дорогие импортные аналоги. Делаю я это не ради вас и не по доброте душевной, а ради себя. Не хочу, чтобы мои пациенты умирали из-за того, что в больнице нет необходимых лекарств. И так поступаю не только я. Сегодня, например, в соседнюю кассу в аптеке стоял врач из хирургического отделения. У него назначено на утро несколько операций, а снабженцы закупили вместо взрослых катетеров детские.

А в Москве всё есть, и аппаратура качественней. Правда, и операция стоит очень дорого...

— А если мы сами всё купим: и стенты, и прочее? — с надеждой спросил Николай. — И ваш хирург сделает мне плановую операцию. От Луховиц до Коломны всего полчаса езды, а до Москвы — почти три, и это ещё если в пробку не попадёшь.

— Ну, попробуйте поговорить с хирургом, — с сомнением произнесла Лопухина. — Но вряд ли он согласится. Кто сейчас захочет рисковать своим местом, нарушая установку начальства отправлять всех на плановые операции в Москву? Вот разве только вы упадёте на улице, разыграв начало инфаркта, прохожие вызовут «Скорую», и та доставит вас к нам...

Однако вряд ли вам удастся обмануть врача в Приёмном покое. К тому же, даже в случае удачи, вам прооперируют только один сосуд, а нужно два. Лучше я дам вам завтра адреса московских клиник, пусть ваша дочь созвонится с ними, узнает условия. Может, вам повезёт, и вы попадёте в какую-нибудь благотворительную программу, и тогда вам всё сделают бесплатно. И не тяните с этим, сосуды ваши в очень плохом состоянии.

— Сосуды в очень плохом состоянии, — покорно повторил Николай.

— Ну, теперь посмотрим ваши анализы. — Татьяна Михайловна пересела на койку Константина. — Не очень-то они радуют. Вам надо бы

прокапать несколько капельниц, да вот проблема: у нас таких нет, да и физраствор кончился. Что будем делать?

— Напишите название, чего надо, — с деланной улыбкой сказал Костя. — Через полчаса дочка всё привезёт.

— Лучше дайте мне её телефонный номер, я ей СМС пошлю, чтобы ничего не перепутала.

Потом Татьяна Михайловна писала моей жене, какие таблетки надо купить и привезти, и слала СМС дочке деда Лёши...

Костя

Заядлый матерщинник Костя почти двое суток пролежал в луховицкой больнице, прежде чем там поняли, что у него не просто высокое давление, не желающее спадать, а развивающийся инфаркт. Как только до врачей это дошло, Костю тут же на «Скорой» доставили в Коломну и положили на операционный стол. И вот теперь он лежит в нашей палате №8 на правой койке у окна и жизнерадостно орёт, отвечая на звонки сотового телефона:

— Смольный на проводе! Что делаю? Лежу, а что же ещё тут делать?

Костя ныне — весьма уважаемый глава рабочей династии. Его отец работал на луховицком авиазаводе, сам Костя и его жена отдали заводу всю жизнь, двое их сыновей тоже пошли по стопам деда и отца, и подрастающий внук, отдавая должное смартфонам и планшетами, пока видит своё будущее только в цехах авиазавода. И только дочка Кости умудрилась откосить от семейной традиции, устроившись на работу в один из отделов луховицкой Администрации.

Учитывая столь многочисленный состав семьи, телефон у Кости звонил часто, и шутка про «Смольный» вскоре начала надоедать всем, в том числе и тому, кто её неизменно повторял. Кроме родственников Косте звонила и масса друзей. Он оказался очень талантливым и востребованным механиком. Мог починить, что угодно, от велосипеда до навороченной иномарки.

— А меня с самого детства тянуло к технике, — рассказывал он. — Я ещё в школу не ходил, а уже помогал отцу ремонтировать мотоцикл.

— Слышь, Кость, когда выйдем отсюда, посмотришь мой мотоблок? — спросил Николай. — Чего-то не хочет заводиться, зараза!

— Импортный, что ль?

— Импортный.

— Они ж, сволочи, специально ставят там пластиковую детальку, которая через год работы обязательно ломается. А запчасти фирма-изготовитель в Россию поставлять отказывается. Смекаешь?

— Смекаю, запчасти поставлять отказывается, — покорно согласился Николай. — Сезон всего и проработал мотоблок...

— А на кой ты его брал? Пришёл бы ко мне, я б тебе сделал. Я столько этих мотоблоков и мини-тракторов понаделал — все окрестные деревни и сёла обеспечил. По собственной конструкции! И никто пока не жаловался.

— Да мне его дочка с зятем подарили, — с досадой ответил Николай. — Так починишь?

— Привози, — флегматично произнёс Костя. — Не ты первый, не ты последний. У меня дружбан один на заводе этих деталек уже не один десяток выточил. Мой ученик, между прочим.

— А из чего ты трактора делаешь? — спросил вдруг дед Лёша.

— Из подручных материалов, — усмехнулся Костя.

— Из каких это?

— Завод же рядом! — снисходительно пояснил Костя. — Там новейшие самолёты делают, а уж мотоблок или мини-трактор сварганить — раз плюнуть! Все необходимые материалы имеются.

— Но ведь авиазавод — военный объект! — Всё ещё не мог поверить Лёша. — Там же охрана.

Николай с Костей дружно рассмеялись.

— Конечно, там охрана, — согласился Костя. — Вышки и забор высокий. А в заборе кое-где есть дыры или подкопы. А у охранников глаз на затылке нет.

Я ещё тогда, когда пацаном на завод пришёл, несколько лазов наружу узнал. Потому что в СССР было много праздников, главные из которых — аванс и зарплата. А праздники принято отмечать. Вот меня и посылали за «горючим» как самого молодого и шустрого. Мужики со всего цеха скидывались, давали мне мешок, и мы вдвоём с напарником шли к лазу в стене. Напарник следил за охранником и подавал мне знак, когда тот смотрел в другую сторону. Я быстренько в этот момент лез в дыру. Либо наружу, либо уже назад, стараясь не звенеть мешком с бутылками вина, купленными в ближайшем сельпо. Правда, продавщицы быстро скумекали, как на нас выполнить план, и стали вместо дешёвого вина завозить в магазины сначала водку, а потом коньяк и литровые бутылки кубинского рома. Пришлось перейти на местное сырьё. В некоторых устройствах в самолёте применяется спирт. Вот его и начали потихоньку сливать и употреблять. Кто-то из заводского на-

чальства даже предлагал добавлять в этот спирт какое-то вещество, чтобы того, кто выпьет тут же вывернуло наизнанку. Но с этим решительно не согласился представитель заказчика.

— Что если во время полёта случится утечка? — спросил он. — Лётчик надышится испарениями вашей гадости и начнёт плевать! И сам может погибнуть, и самолёт погубит.

Так ничего и не решили. Так что, Лёша, и тогда, и сейчас: всё, что мне надо, я с завода вынесу.

Кукурузина

— Что, Кость, надо чего? — спросил Николай.

— Да вот, «утку» эту чёртову достать не могу, — шаря под кроватью, прохрипел Константин. — Выскальзывает, зараза! После этих капельниц никакие мочегонные не нужны.

Николай подошёл к нему, достал из-под кровати сосуд из толстого зеленоватого стекла и взвесил его на здоровой руке.

— Да, тяжёлая штука. Может, тебе лучше мою посудину взять? Мне она ни к чему.

Николай вернулся к своей кровати и достал пластиковую бутылку, по форме напоминающую ёмкость из-под тосола.

— Вот, держи. Лёгкая, не то, что твоя. Отверстие, правда, чуть уже, чем у «утки». Попробуйся, не маловато ли для тебя?

— В самый раз. Я ж не Валера Кузин.

Костя с довольным видом зажурчал.

— Ты не Валера Кузин, — эхом откликнулся Николай. — А кто это?

— Я с ним одно время вместе работал, лет сорок назад. Чапушку про него тогда пели:

«Не ходите, девки, замуж

За Валеру Кузина.

У Валеры Кузина

Большая кукурузина!»

— Большая кукурузина, — привычно продублировал слова собеседника Николай. — Но то, вроде, про Ивана пели...

— У нас был Валера, — пояснил Костя. — Вот чапушку и переделали.

— Что, действительно большая была? — заинтересовался дед Лёша.

Костя подвесил потяжелевший сосуд за ручку на спинку стула, чтобы не шарить в случае надобности под кроватью, и удовлетворённый откинулся на подушку.

— Почти у коленок болталась, — хмыкнул он. — Не повезло мужику...

— Не повезло мужику, — откликнулся Николай.

— А почему? — спросил дед Лёша. — Девки, небось, табуном бегали...

— Бегали, — охотно согласился Костя. — А толку? Встретил я его недавно. В одной палате лежали в Луховицах, пока меня сюда, в Коломну, не перевели. Один этот Валера Кузин живёт, ни семьи, ни детей, ни внуков — никого нет! Не то что девки, но и бабы как увидят его «дуру», сразу убегают. Нет, любопытные шалавы, конечно, к нему в койку набивались, но и они встречаться второй раз уже отказывались. Так и «кукует» мужик в одиночестве...

— Так и кукует в одиночестве, — посочувствовал Николай.

— Да если б дело только в бабах было! — воскликнул неожиданно Костя. — Те же трусы ему приходится по заказу шить. Семейные-то давно не выпускают!

— Семейные давно не выпускают, — подтвердил Николай.

— А сколько обычных для нас радостей мимо него прошло! — Не унимался Костя. — С этой болтающейся меж ног «дурой» Кузин даже бегать не может — мешает! Значит, детские игры, коньки и лыжи не для него. Про плавание уж и говорить нечего.

— Да, — согласился Николай. — Про плавание и говорить нечего.

— Но самое главное неудобство — туалет! — провозгласил Костя. — Это у себя в деревне Валера сделал сортир под себя. А в городе как ему быть, если приспичит по большому? На работе там или в той же больнице. «Дура» его в унитаз не вмещается, и наружу её выставлять тоже опасно — ну как моча пойдёт? Ведь, не удержишь!

— Не удержишь, — согласился Николай.

— Вот и в луховицкой больнице врач увидал, как Валера мучается, пытаюсь одновременно использовать «судно» и «утку», и предложил ему сделать операцию. Привести размеры его «дуры» к нормальной величине.

— И что, согласился? — не удержался от вопроса дед Лёша, с неподдельным интересом слушавший рассказ Кости.

— Нет, отказался. Вот если б ранее, сказал, а теперь-то, на седьмом десятке, зачем?

— Да, — донеслось «эхо» от Николая. — На седьмом десятке зачем?

И мы все погрузились в размышления. Видимо, о том, как нам повезло в отличие от Валеры Кузина.

Дед Лёша

Дед Лёша и сейчас в свои восемьдесят лет выглядит богатырём: высокий, с мощным торсом и сильными руками. Бритая наголо голова плавно переходит в широкие плечи, образуя некую «головогрудь». Зад тоже внушает уважение своими габаритами, но при этом таз всё же уже плеч. И вся эта «конструкция» уверенно и прямо держится на паре крепких ног.

Свои недуги Лёша переносил с огромным трудом. Всю свою долгую жизнь он никогда ничем не болел. И лишь последние два года его богатырский организм стал сдавать. Сначала неожиданно скрутил геморрой. И это было бы вполне естественно ранее — Лёша всю жизнь провёл за баранкой автомобиля. Но теперь, когда он уже давно неработающий пенсионер? С какой стати? Как бы там ни было, геморрой Лёша вроде бы залечил, по крайней мере тот перестал себя проявлять.

Следующей напастью стало резкое ослабление зрения. Пришлось сначала заменить в клинике сначала хрусталик одного глаза, а через некоторое время — второго. И как-то так получилось, что искусственные хрусталики оказались разного размера, и теперь, когда Лёша смотрит на тебя, понимаешь, что у него один глаз больше другого. Однако на качестве зрения данное обстоятельство никак не сказывается, что несколько осложнило жизнь Лёшиной жены.

— Представляете, — как-то пожаловалась она нам. — Раньше, даже в очках, он ничего не замечал, и я жила спокойно. А теперь он видит всё и постоянно мне тычет: здесь пыль не так вытерта, там какая-то бумажка валяется... Замучил! А у меня ноги больные, лишний шаг ступить трудно. И чего ты мне звонишь каждый час? — спросила старушка Лёшу. — Я от каждого твоего звонка сама чуть инфаркт не получаю: думаю, что с тобой ещё что-то случилось. Чего ты мне названиваешь? У тебя же всё есть, дочка продукты каждый день возит, нужные лекарства — тоже. Зачем ты меня сегодня вызвал? Думаешь, мне с моими ногами легко сюда добираться да ещё на третий этаж карабкаться?

Дед Лёша только довольно улыбался и ничего жене не отвечал. При ней он будто забывал о своих болячках. Или они забывали о нём, переставали его мучить.

Но не будем забегать вперёд. После геморроя и ослабления зрения о себе заявила простата, вылечить которую врачам не удалось. И вот, наконец, мы добрались до недуга, из-за которого дед Лёша из своего дома в Воскресенске попал в палату №8 Коломенского кардиоцентра.

— Сидели с женой на диване и смотрели телевизор, — рассказал он. — Внезапно мне стало трудно дышать, жена вызвала «Скорую», и та немедленно доставила меня сюда, в Коломну. Сразу же сделали операцию, и вот я здесь.

Так получилось, что лекарства от инфаркта спровоцировали обострение геморроя! И вскоре дед Лёша лёг и начал крутиться с боку на бок на койке, громко стонать и чуть не плакать, как ребёнок. Потом опять сел и взял с тумбочки пластиковую крышечку от бутылки с водой. В таких крышечках медсестра трижды в день приносила каждому из нас назначенные доктором лекарства.

— Таблетки! — с явным отвращением произнёс дед Лёша и проглотил сразу всю горсть пилюль. — Одно лечат, другое калечат.

Вот в Азии я видел, как местные мужики змей ловят. Есть там такая маленькая и жутко ядовитая змейка, название которой в переводе на русский язык означает «голова-хвост» или что-то похожее, я уже сейчас точно не помню. У неё очень трудно на глаз определить, где голова, а где хвост — уж очень они похожи.

Так вот, поймав эту тварь, змеелов загоняет её в обычную стеклянную бутылку, затыкает горлышко и оставляет на солнце. За несколько дней на жарком азиатском солнце змея высыхает, как мумия. Змеелов везёт эту бутылку в город и продаёт на базаре за очень большие деньги. Потому что лекарство, приготовленное из таких высушенных змей, лечит чуть ли не все болезни, особенно — бесплодие у женщин.

Змею измельчают в порошок, добавляют его в муку, пекут хлеб или пироги, которые и дают больным. В похлёбку ещё добавляют в качестве приправы. И люди выздоравливают! А я эти проклятые таблетки пью уже который день, а толку нет, зато геморрой вот опять мучить начал...

— А ты напиши своим азиатским друзьям, — посоветовал Костя. — Пусть пришлют тебе такую бутылку со змеей.

— Поздно, — сокрушённо покачал лысой головой дед Лёша. — Раньше я просто подходил к проводнику поезда «Москва — Ташкент» и отправлял с ним посылочку, а там его уже встречали мои друзья. Или сам у него получал подарок из Узбекистана. А теперь никто из проводников связываться с такими посылками не хочет. Запугали их очень из-за наркотиков и террористов. Так на границе проверяют, что никто и не пытается что-либо спрятать. А уж когда нескольких посадили за контрабанду наркотиков, то и вовсе никто слышать о передаче посылок не хочет. И ведь не знали те, кого посадили, что наркотики везут. Их же внутри фруктов и орехов спрятали! Так скорлупки, говорят, склеи-

ли, что и не догадаешься. А как доказать, что ты не знал про наркотики? А если не наркотики, а бомбу подсунут под видом дыни какие-нибудь террористы? Да ещё взорвут её вместе с твоим вагоном и тобою! Нет, никто из проводников сейчас никаких посылок передавать не берётся, ни за какие деньги...

— А по почте?

— Почта таких посылок не принимает. Да я ею и не пользовался никогда — разве что письма слал. А сейчас зачем что-то писать, если у всех сотовые телефоны есть? Ох, и больно же! Ой, мамочка! — необычным для него тонким голоском подвывал Лёша. — Да что же это такое? Когда ж оно кончится? А почему в такие моменты зовут маму? — вдруг спросил он.

— А кто ж ещё пожалеет, если не мама? — ответил я.

— Кто ж пожалеет, если не мама? — поддержал меня Николай.

— Да? — неуверенно промолвил дед Лёша и как-то странно посмотрел на нас.

Между прочим, за всё время нашего совместного проживания в палате №8 он рассказывал нам о многих событиях в своей долгой жизни, а вот о родителях не сообщил ничего. Мельком упомянул пару раз об отце, но вот о матери не сказал ни слова. В день знакомства Николай спросил его, откуда он родом, потому что в речи деда Лёши явно слышался какой-то странный акцент.

— Не знаю, — кратко ответил Лёша и поспешил сменить тему.

Диля

Утром в палату вошла санитарка, чтобы сделать влажную уборку: помыть пол, вытереть пыль с мебели. Она оказалась узбечкой, лет сорока — пятидесяти. Дед Лёша что-то сказал ей, та ответила, завязался диалог, из которого мы поняли только три слова: Бухара, Ташкент и самосвал. Когда санитарка ушла, я спросил Лёшу, откуда он знает узбекский язык?

— Перед самой войной мы с отцом переехали из Запорожья в Ташкент, — ответил тот.

Я удивился двум вещам: во-первых, выходит, Лёша всё же знал, откуда он родом, а во-вторых, учитывая его возраст (восемьдесят лет), тот перед войной должен был быть совсем маленьким ребёнком и, следовательно, очень зависеть от матери. Почему же он говорит только об отце? Но я не успел задать свои вопросы, так как дед Лёша вдруг очень возбудился, даже встал с кровати и с явным возмущением выдал такую речь:

— Вы знаете, что узбеки во время войны приняли в свои семьи десятки детей, эвакуированных из России, Украины и Белоруссии? Растили их наравне со своими, кормили, одевали, ни одного не бросили погибать от голода и холода. А ведь им и самим в то время жилось нелегко! И вот теперь, когда узбеки приезжают за помощью сюда, в Россию, их здесь презируют и обзывают «чурками»!

Вот Диля, например, что сейчас тут была. Она закончила институт в Бухаре, работала журналистом, а теперь вынуждена днём мыть полы в коломенской больнице, а вечером подрабатывать судомойкой в каком-то кафе. Муж её работает на стройке шофёром самосвала. Почти все заработанные деньги они отсылают домой на содержание родителей и троих детей. Работают, между прочим, каждый день, без праздников и выходных, как какие-то бесправные рабы! А если будут возмущаться, их немедленно уволят, ведь на их место легко найти других таких же гастарбайтеров. Вот такая «благодарность» за помощь беженцам во время войны...

— Ты, Лёша, как говорил Райкин, «в принципе — прав, но по существу — глубоко ошибаешься», — не выдержал я, в то время как остальные молчали, отводя глаза. — Не надо упрекать русских в неблагодарности. Мы вбухали в эти азиатские испокон веков нищие земли и народы миллиарды рублей и труд миллионов наших людей. И в царское время, и в советское. Особенно во времена СССР все эти республики буквально сидели на нашей шее. Мы дали им всё, что имели сами: всеобщее образование, бесплатную медицину, построили города и промышленные предприятия, оросили пустынные земли, уравнили в правах со всеми гражданами Советского Союза!

— Чепуха! — рявкнул Лёша. — Во времена СССР все работали, все строили каналы и заводы, не только русские.

— Все строили, — подтвердил Николай.

— Конечно, работали все, — согласился я. — Но на чьи деньги? Кто оплачивал материалы, механизмы, труд инженеров и рабочих?

— Что, одни русские что ли? — Набычился Лёша. — Узбеки, киргизы и казахи тоже работали!

— Разве я спорю? Работали, конечно, но их труд давал в общий союзный бюджет весьма малую долю в сравнении с Россией. А почему же, по-твоему, все эти народы и их ныне самостоятельные республики враз обнищали, как только вышли из состава СССР и выгнали со своей территории сотни тысяч русских? Заметь — именно они, узбеки, казахи, киргизы и прочие, «освободившиеся от русского гнёта и эксплуатации», как они говорят, выгнали русских, а мы их принимаем, даём ра-

боту и не гоним вон из России! Так кто же на самом деле проявляет явную неблагодарность? Вот эта Диля, о которой ты так страстно печёшься, почему она приехала на заработки в Россию? Да ещё с мужем? В свободном от русских Узбекистане не нужны журналисты и шофера? Там перестали выходить газеты и остановились стройки? Говорят, сейчас в России миллионы гастарбайтеров из бывших советских республик. Не мы же, русские, к ним едем, а они к нам! Так кто же кого кормил, одевал и содержал?

— Ну, может быть в чём-то ты и прав, — сбавил тон дед Лёша. — Но обидно за тех узбекских женщин, которые приняли во время войны русских детей, а теперь их здесь презрительно зовут «чурками»...

— Конечно, обидно, — согласился я. — Но тех ли женщин так зовут? Я уверен, те узбекские женщины и мужчины никогда не покидали свои дома в поисках лучшей доли на чужбине. Они жили, работали и умирали на своей родине. На таких людях, как говорится, земля держится, они — соль земли! Их всегда и везде уважали и будут уважать. Презируют тех, кто, как перекасти-поле, постоянно ищет лучшей доли, легко меняя родину на чужбину. Такие и среди русских встречаются, таких и у нас не любят. А раз не уважают своих «искателей лёгкой жизни», то с какой стати уважать чужих? Ты у себя построй лучшую жизнь, вот тогда тебя будет за что уважать, и вряд ли у кого язык повернётся обозвать «чуркой» или ещё как. Ну, за что мне уважать эту Дилю? Ты видел, как она работает?

— Хорошо работает, старательно, — вскинув голову, ответил Лёша. — И пол помыла, и пыль протёрла.

— Хорошо, говоришь? Да, она и пол помыла, и пыль протёрла. И работала в резиновых перчатках. А ты заметил, что твоя Диля руками в этих же перчатках и половую тряпку отжимала в ведре и расправляла на полу, чтобы надеть на швабру, и тряпку макала в ёмкость с водой или дезинфицирующим раствором, чтобы пыль стереть с ваших тумбочек и розеток с выключателями? Я ей свою тумбочку протирать не дал, у меня на ней, как и у вас, посуда стоит и таблетки лежат. И как мне после такой «гигиенической» уборки называть эту Дилю?

— А ведь она и мои тарелки этими же перчатками брала, — ошеломлённо выдохнул Костя. — Вот ведь...

И он выдал длинный многословный матерный аналог слова «чурка».

Проблема стула

— Поднимите руку, кто уже три и более дня не ходил в туалет по большому? — закончив обход нашей палаты, вдруг спросила Татьяна Михайловна.

Чуть поколебавшись, я поднял руку. Публично обсуждать столь интимную вещь мне было неудобно, тем более, что до неожиданного вопроса Лопухиной я вообще отсутствие стула и за проблему-то не считал. За более чем полвека своей сознательной жизни мне трижды довелось полежать в больнице. И каждый раз в первую неделю нахождения в палате, я тоже не рвался в туалет, чтобы облегчить свой кишечник. У меня просто не возникало такого желания, и я считал, что всё в порядке. Раз организм сам не хочет, то и проблемы нет.

— Вечером получите двойную дозу магнезии, — безапелляционно заявила мне Татьяна Михайловна.

— Зачем? Если б я хотел, но не мог, это — одно. Но мне же просто не хочется...

— Ваше желание тут не при чём, — решительно отмела мои робкие возражения Лопухина. — Кишечник надо очищать регулярно, иначе кал окаменеет, и у вас начнутся новые серьёзные проблемы. Вы знаете, что под конец жизни в организме некоторых людей скапливается до двадцати пяти килограммов каловых масс?

— До двадцати пяти килограмм скапливается, — эхом откликнулся Николай, поражённо глядя на меня.

— Словом, я дам указание медсестре насчёт магнезии для вас, — решительно закончила прения Татьяна Михайловна и вышла из палаты.

Откровенно говоря, мне решительно не хотелось мучить свой организм ударной дозой слабительного. Тем более, на ночь. Я страстно возжелал, чтобы до вечера всё произошло естественным путём. Но день шёл, а мой кишечник по-прежнему не выказывал ни малейшего желания к опорожнению. Идти же в туалет, чтобы тужиться там в попытках хоть что-то выдавить из себя, после недавнего инфаркта мне было категорически противопоказано. Не хватало ещё сдохнуть прямо на толчке!

Вечером дежурная медсестра принесла две ампулы магнезии и проследила за тем, чтобы я полностью выпил их содержимое. С неприятным предчувствием и мерзким послевкусием во рту, я лёг спать. Ночь прошла спокойно. И день тоже! Тут уже я сам забеспокоился. Ведь выпил двойную порцию слабительного, а результата нет. Вечером, отбросив стеснительность, я объяснил ситуацию дежурной медсестре и по-

просил дать мне тройную порцию магнезии. Что б уж наверняка! Та пожала плечами и принесла три ампулы.

Ночь опять прошла спокойно. Первая половина дня тоже. И вдруг, во время обеда, я почувствовал, что пора срочно бежать в туалет. Началось! Конечно, бежать после операции я не мог, но доковылять успел. И кабинка оказалась свободна. Когда процесс пошёл, я испытал чувство, близкое к кайфу. Но он всё шёл и не прекращался. Невольно я вспомнил слова Фаины Раневской: «Сколько же в человеке говна!». Наконец извержение закончилось, и я с изумлением увидел в унитазе серую пирамиду, не достающую своей вершиной до сидушки буквально нескольких миллиметров.

Лёгкий, как пёрышко, я вернулся в палату и доел обед. А через полчаса вновь поспешил в туалет. На этот раз «порция» оказалась чуть меньше. В палату я вернулся уже без чувства прежней лёгкости, и даже испытывая некоторую усталость. И через час разбушевавшийся кишечник вновь направил меня по известному маршруту. На этот раз объёмы извергнутого оказались в пределах нормы, но общее количество явно превышало всё, что я успел съесть за время нахождения в больнице. Новые позывы я успешно подавил, а в последующие дни мой «стул» пришёл в норму. Вернувшись из больницы домой, я встал на весы. За полторы недели мой вес уменьшился на пять килограмм! Понятно, что серьёзную роль в этом сыграли болезнь и больничная еда, но, уверен, и ударная доза магнезии внесла свою лепту, освободив мой организм от застрявших в нём ранее каловых камней. Может тем, кто в желании похудеть мучает себя различными диетами, просто нужно регулярно принимать магнезию?

Вот как люди умеют...

— Чуть ли не каждый год нам в колхоз пригоняли новую технику, — сказал Николай. — Просто заставляли брать! А у нас старая ещё вполне на ходу была. Зимой в ангарах хранилась, на дожде и снегу, как у других, не ржавела. Ан нет: раз запланировано, старую технику списать, новую принять! Прямо сердце кровью обливалось, когда приходилось трактора и комбайны в старые силосные ямы загонять и засыпать землёй.

Потом уже, когда колхозы распустили, знающие люди эти захоронения раскопали и сдали технику на металлолом. Тем и жили...

— Да что там ржавые трактора! — как обычно перемежая свою речь матерными дополнениями и определениями, цитировать которые я не буду, вклинился в разговор Костя. — Помнишь, Коля, у нас на за-

воде памятник обновили? Тот, у которого все торжественные мероприятия проводят. Старый самолёт заменили на новый истребитель.

— Конечно, — откликнулся Николай. — Старый истребитель заменили новым.

— Так вот, самолёт тот, который с пьедестала сняли, отвезли в ближайший лесок и оставили на полянке, которую не видно с дороги. Неделю или две он там простоял, я сейчас точно не помню. Жители окрестных деревень, конечно, что смогли с него сняли. А потом Петрович из Дирекции, заваривший всю эту кашу с обновлением памятника, пригнал на ту полянку грузовик с компрессором. Мужики, не бесплатно, конечно, порезали тот самолёт на куски, погрузили в грузовик, и находчивый начальник сдал свою добычу в пункт приёма цветных металлов. Истребители-то не из чугуна делают!

Дом трёхэтажный Петрович после этого отгрохал и крутые тачки купил себе и жене. И ведь вором или мошенником его не назовёшь! Во как люди умеют...

— Да, во как люди умеют, — осуждающе покачал головой Николай. — А ты-то, Костя, откуда про всё это знаешь?

— Так я того Петровича всю жизнь знаю! Мы с ним почти соседи — его дом через два от моего. Да и на заводе сталкивались. Я когда после армии на завод вернулся, Петрович у нас в цеху освобождённым парторгом был. Мы его редко видели, пока он не начал крутить шашни с нашей табельщицей. Грудастая такая деваха была, Зинка-Сиська её звали. Вот Петрович и повадился к ней в табельную чуть ли не каждый день нырять. В парткоме его ищут, секретарше начальника цеха звонят, а та ничего ответить не может, и сотовых телефонов тогда не было.

— Сотовых тогда не было, — кивнул Николай.

— Ну и придумал Петрович для начальства своего отмазку, что дисциплину и качество труда у нас в цеху хочет поднять на должный уровень, а потому после посещения Зинки обязательно пёрся в цех и к кому-нибудь из рабочих придирался. Особенно почему-то меня любил воспитывать. Ну и однажды, когда Петрович вновь ко мне прибодался из-за какой-то ерунды, я разозлился и решил ему отомстить.

А у Петровича этого жена страсть какая ревнивая была! Поэтому, чтобы не нарываться, тот после шашней с Зинкой обязательно мылся в нашей цеховой душевой. Избавлялся от Зинкиных ароматов, запаха духов там и прочего. А с мылом в то время, помнишь, Коля, чего-то перебои начались?

— Да, были перебои с мылом, — подтвердил Николай. — Нам стали выдавать вместо кусков «Хозяйственного» так называемое «жидкое мыло».

— Вот-вот! — Костя поправил подушку в бесполезной попытке устроиться поудобнее. — А этот Петрович был кабан ещё тот! Ему, чтобы хорошо себя отмыть, мыла много надо, и черпал он его, не экономя. Когда я увидел, что Петрович нырнул в табельную к Зинке, то пошёл в душевую и заменил «жидкое мыло» солидолом. Они, если не приглядываться, почти одинаковы по цвету и консистенции.

— Точно! — подтвердил Николай. — Почти одинаковы.

— И вот Петрович, как обычно, пошёл в душ, разделся, включил воду и начал «намыливать» голову. Всё черпает полной горстью из ёмкости и трёт, трёт голову, а пены нет! Мы с мужиками тайком наблюдали всё это из раздевалки. Петрович злился, не понимал, что происходит, а солидол с головы по всему телу потёк. Мы вскоре не выдержали и заржали в голос.

Солидол без мыла не смоешь, а кто Петровичу то мыло подаст? К тому же я его спрятал. Петрович ревёт, как медведь, матерится, грозит, ну мы и сбежали от греха из душевой. Он выскакивает в цех, а все спокойно трудятся, вроде как никто и не покидал своё рабочее место. Скандал был жуткий, но никто меня не выдал.

Тайный город

— Вёз я однажды груз по новому для меня маршруту, — начал очередное воспоминание дед Лёша, плотно отужинав, помыв посуду и прочно угнездившись на своей кровати. — А кругом голая степь, можно сказать — пустыня. Дорог никаких нет, карт тоже. Оно тогда для азиатских республик было обычным делом. Мне только сказали:

— Держись линии электропередачи, она тебя, куда надо, приведёт. До города доберёшься, а там спросишь любого встречного, как проехать.

Ну, делать нечего, поехал вдоль столбов с проводами. Жара, солнце спит. К вечеру подъезжаю, наконец, к городу. А на въезде шлагбаум и солдаты с автоматами.

— Пропуск давай! — говорит мне сержант.

— Какой ещё пропуск? — спрашиваю. — Я груз привёз.

Даю ему документы, накладную, а тот их не берёт, пропуск требует. Тут из будки на шум лейтенант вышел, бумаги мои посмотрел, хмыкнул и говорит:

— Ты, паренёк, не туда заехал. Сержант, покарауйте его, пойду позвоню полковнику.

И ушёл в свою будку. А солдатики меня быстро от машины отёрли и смотрят на меня с подозрением. Я хоть и здоровый был парень, сами видите, а и они ни в росте, ни по телосложению мне не уступали. А это, я вам скажу, редкость в охранных войсках, тем более в Средней Азии.

Вскоре к блокпосту подкатил армейский «козлик», из него вышел хмурый полковник, взял у подбежавшего лейтенанта мои бумаги, просмотрел их очень внимательно в свете прожекторов, освещавших шлагбаум и часть дороги перед ним.

— Запретный знак у развилки видели? — спрашивает меня.

— Какой развилки? — удивился я. Взаправду удивился, потому как никакой развилки и знака не заметил. Видать, отвлёкся на что-то или задумался, вот и проглядел. — Ехал вдоль высоковольтной линии, как велели, она сюда и привела.

— В сорока пяти километрах отсюда линия раздваивается, — сказал полковник. — Возвращайтесь к развилке и поезжайте по нужному вам направлению. Здесь не тот город, что вам нужен.

— Куда ж поеду, на ночь глядя? — взмолился я. — Сумерки уже, скоро и столбов видно не будет. Да и горючего мне теперь не хватит! Позвольте, товарищ полковник, переночевать в вашем городе и утром там заправить машину.

Полковник долго молчал, испытующе глядя на меня, а потом недовольным тоном сказал:

— Хорошо. Отгоните машину с дороги в сторонку, чтобы не мешала проезду. Я устрою вас на ночь в нашей гостинице. Там же поужинаете и позавтракаете. Никуда из гостиницы не отлучайтесь. А утром немедленно отправляйтесь к месту назначения. Бензином вас снабдим. Всё ясно?

— Так точно, товарищ полковник! Спасибо!

Обрадовался я. Потом спохватился:

— Но как же я оставлю здесь машину с грузом? За городом, да ещё в стороне от дороги, в кромешной темноте! Утром ни груза, ни машины не найду...

— Не беспокойтесь, — ответил, как-то странно усмехнувшись, полковник. — В нашем городе воров нет. И милиции нет. Ну, а если утром вы обнаружите, что что-то пропало, сообщите мне. Всё вернут в целости и сохранности.

Я, конечно, не очень-то ему поверил, но куда было деваться? Бензин у меня действительно был на исходе, так что уехать я не мог. Ночевать в кабине и тем самым продемонстрировать моё недоверие полковнику? А если тот обидится? Где я тогда возьму бензин? Да и какой смысл? Если захотят ограбить, что я сделаю в одиночку? Меня и искать-то в этих местах никто не будет. Я отогнал машину с дороги и сел в полковничий «козлик».

Вечером тот городок показался мне странным, но я не смог понять — чем? А вот утром, когда я разглядел его получше, он вообще оказался чужим. Не наш это был город: не российский и не азиатский. Очень чистые прямые улицы с одинаковыми одноэтажными домиками из кирпича, окружёнными зелёными палисадниками и огородами. Тут не было ни русских изб, ни азиатских строений. Заборчики вокруг домов низкие — чисто границы участков обозначают, защитой от воров и чужих нескромных взглядов служить не могут. Я уже к тому времени по многим городам и посёлкам поездил, но нигде ничего подобного не видел.

А вот гостиница, где я провёл ночь, была двухэтажной. И совершенно пустой! Я спал один в двухместном номере, на чистейшем белье. Предварительно, конечно, с наслаждением помывшись в гостиничном душе. Но ещё больше меня поразила столовая. Таких продуктов я даже в столичных магазинах той республики не видел. А в этом странном городке, как я убедился утром, они продавались совершенно свободно и по удивительно низким ценам! То же самое касалось и промтоваров. Я по пути из города мельком заглянул в некоторые магазины, но особо любопытствовать мне не позволил пришедший за мной утром полковник. Он был один, почему-то без машины, и мы шли пешком.

— Что это за город? — спросил я у него.

— Считай, что он тебе приснился, — хмурясь, ответил тот. — Когда и никому не рассказывай о том, что ты здесь был. Иначе до конца своих дней тебе придётся жить и работать в этом городе. Скажи своему начальству, что заблудился в степи, потому и опоздал. Или что машина сломалась — чинил до утра. Понял?

Я, конечно, решил, что он шутит, решил ему подыграть и начал плести, что с такой жратвой и комфортом в местной гостинице, не грех в этом городе и подзадержаться. И тут он мне объяснил, что город тот — эсэсовский! То есть, живут в нём бывшие эсэсовцы, попавшие во время войны к нам в плен. Они сами его и построили.

— Но я видел на улицах детей! — Не поверил я. — Как это возможно?

— Так ведь в частях СС были и женщины. — Криво усмехнулся полковник. — Амнистия и возврат в Германию им не светила, ни мужикам, ни бабам, так что они предпочли создать новые семьи здесь. Работают все старательно и аккуратно, по-немецки. Мужики в урановых шахтах, бабы — в службе. Подросших детей ждёт та же судьба. Бежать никто из них не пытается, хоть все и знают, что никто из жителей этого города никогда не выйдет за его пределы. Да и куда тут убежишь? Вокруг на сто с лишним километров — безводная пустыня или безжизненные горы. Понял теперь, почему ты не должен проговориться, что побывал здесь? Вякнешь кому-нибудь хоть слово и тут же окажешься в нашей урановой шахте. Навсегда!

— А как же люди, что меня видели? — спросил я, покрывшись, не смотря на наступающую жару, мурашками. — Солдаты на блокпосту, гостиничная служба...

— Не бойся, эти против меня не пойдут. Смысла нет.

— Как это? — Не понял я. — Всегда найдётся стукач, карьерист или идейный.

— Туго до тебя доходит.

Полковник остановился, развернул меня к себе лицом и медленно, отчётливо выговаривая слова, повторил:

— Никто из жителей этого города никогда не выйдет за его пределы.

— И вы?

— Никто! Потому и жратва здесь любая, и комфорт, и медобслуживание соответствующие. Всё ещё хочешь, как ты выразился, подзадержаться?

Машина моя и груз оказались в целости и сохранности, бак заполнен бензином, так что я, попросившись с полковником, постарался от греха подальше поскорее убраться оттуда. И молчал об этом случае пятьдесят с лишним лет...

— А сейчас чего вдруг осмелел? — спросил Костя.

— Так ведь нет уже давно ни СССР, ни того полковника, что пожалел когда-то молодого шофёра, — глубоко вздохнув, ответил дед Лёша. — Но я всё равно вам даже название той азиатской республики не назову, и уж тем более не укажу место, где находился тот город. И не просите. Не осмелел я, а просто вот, наконец, выговорился, и стало легче...

Дед Лёша лёг и отвернулся к стене, давая понять, что продолжать разговор не намерен.

Надежда

Давление начало «шалить» у меня лет тридцать назад. Но кардинально скачки стали доставать приблизительно с 2008 года. Именно тогда я и начал бесконечные «походы» по врачам. Обошёл всех, кроме гинеколога и проктолога. Не раз сдал всевозможные анализы, делал УЗИ и кардиограммы. Вердикт врачей гласил: «Здоров, как бык! Хоть сейчас — в космос!».

А скачки давления становились всё чаще и масштабнее. Только в первые пять месяцев 2016 года пришлось пять раз вызывать «Скорую помощь». Опять начались походы по врачам, анализы, кардиограммы, дорогостоящие УЗИ сердца и МРТ. Не говоря уже о горстями глотаемых далеко не дешёвых таблетках. Но диагноза по-прежнему нет!

В марте 2017 года пройден очередной круг анализов, часть из которых почему-то можно сделать только за деньги. Кардиограмма вновь ничего криминального не показала. Диагноз кардиолога:

— Очевидно, вы реагируете на погоду. Меняется погода — скачет ваше давление. Медицина тут бессильна, поэтому просто научитесь с этим жить.

Восьмого апреля 2017 года где-то около одиннадцати часов дня меня на «Скорой» с инфарктом доставили в коломенский кардиоцентр и провели срочную операцию стентирования одного из сосудов сердца. А погода, что б её, в Коломне в тот день стояла хорошая...

Уже здесь, лёжа в палате №8 кардиологического отделения коломенской ЦРБ, я узнал удивительные вещи. Оказывается, больница города Луховицы забита жителями Зарайска. А вот коломенский кардиоцентр — больными из Луховиц, Воскресенска и иных окрестных поселений. Кого-то из них привезла в Коломну «Скорая», ***кто-то приехал сам по направлению врача!*** Это поразительно: коломенец может попасть в коломенский кардиоцентр только на «Скорой», когда у него уже в полную силу развивается инфаркт или инсульт. Ни один врач-кардиолог коломенской поликлиники никогда, ни при каких обстоятельствах не даст своему пациенту направление в коломенский кардиоцентр для обследования состояния сосудов сердца! Я знаю женщину, которая чуть не умерла прямо у двери врача-кардиолога. Ей заявили, что свободных мест в кардиоцентре нет!

— Я уже не дойду до дома, — заплакала несчастная. — Сделайте хоть что-нибудь...

Ей вызвали «Скорую» и отправили... нет, не в кардиоцентр, а в отделение общей терапии! Там быстро поняли, чей она пациент, и немедленно на каталке перевезли прямо в операционную кардиоцентра, где

бедной женщине буквально спасли жизнь. Ещё бы немного, и та бы умерла от инфаркта.

Вот и меня последние восемь лет гоняли по всем врачам, заставили сделать массу анализов, потратить кучу денег на дорогостоящие лекарства и процедуры, но ни один из кардиологов (я был у нескольких, так как взять талончик на приём к кардиологу отнюдь не просто — очередь к ним расписана на две-четыре недели вперёд) не дал мне направление на обследование сосудов сердца в наш же, коломенский, кардиоцентр! Кто и зачем установил такие порядки?

Со мной в палате лежали двое больных из Луховиц, ещё один луховичанин каждый день приезжал на дневной стационар — сам так пожелал! Ещё двоих земляков из Луховиц мои соседи по палате увидели в общем коридоре и курилке. И это только мужчины! В женские палаты мы, естественно, не заглядывали. Я думаю, Коломна больше Луховиц, но мне за почти две недели нахождения в стационаре не встретилось ни одного знакомого лица. Конечно, все мои впечатления субъективны, никаких статистических исследований я не проводил, и, возможно, ошибаюсь в выводах. Но, как говорится, «что вижу — о том и пою».

Спасибо врачам — они спасли мне жизнь. Но предупредили, что имеются ещё пара проблемных сосудов, один из которых буквально пару процентов не дотягивает до критического состояния, при котором будет необходима операция. И как я узнаю, когда этот порог будет перейдён?

— Вы — наш клиент! — сказала мне при выписке из больницы Татьяна Михайловна Лопухина.

Я тогда её не понял. А теперь до меня дошло. Мне придётся жить с тикающей «часовой бомбой» в груди, не зная, когда она сработает. И надеяться, что «Скорая» успеет доставить меня в кардиоцентр, а там окажутся в наличии врачи и необходимые медицинские средства для операции. Много нас таких, кто живёт надеждой. Надежда всё же лучше безнадёжности...

СТИХИ

Дмитрий Аникин

Москва

ГОЛЕМ

1

Твой покорный раб,
созданный тобою в день перед субботой,
оживленный написанным словом,
утруженный большой работой,
я начинаю понимать,
что в этом мире, помимо покорности, верности,
есть иное состояние материи.

Страх, лютый страх народа
выточил мне сердце,
вылепил черты лица —
глина начинала жить больше,
чем это про нее написано,
глина начала смотреть дальше,
чем видел ее создатель.

Теперь сила моя
сама
податливую плоть обращает в камень —
костяк, выпирающий тут и там,
страшен. Грех дал людям одежды,
я же — суров, безгрешен —
хранитель народа,
веры его примета.

2

На улицах гетто необычная суета,
всем заправляет торговля, но сегодня она не та;

мошна пуста,
черные наступили дни,
как обещали пророки, —
про эту субботу они
нам говорили, сроки
вычленяя из толкотни
всех буден...

Наших женщин тяжолая нагота,
завтрашних запахов постоянная духота...
И тень креста
с места сходит, освободив
путь для субботы.
Народ Мой жив,
треплют его заботы.
Их Б-г терпелив,
день — скуден.

3

Обжиться, сжиться с кем угодно можно,
хоть с этими... с соседями. Они
несовершенству нашему подмога,
костыль. Они поддержат обиход
хозяйства в день, когда на наши руки
возложены оковы: груз молитв,
гнет праздности... Б-г наблюдает нас.

Но те, кто приходили к нам работать,
те, кто не для субботы, отказались,
стал страх сильнее денег. Власть и церковь
взялись за нас. Тогда раввин умелый
одной другую глину заменил,
строптивую — послушной. Встал детина.

4

Кто
травы накосит,
воды наносит,

дом построит —
труд не стоит
меди-гроша?

Он —
черная глина —
гнет спину,
ходит детина,
носит дубину —
и в чем душа?

5

А душа моя душенька написана,
а душа моя душенька проглочена,
а душа моя душенька в чем держится? —
В слове малом, убогом, в слове истинном!

6

Из славянской черной глины
изваяем исполина —
нам на помощь, им на страх
прям и нем воздвигнут прах.

Каждый шаг его — паденье,
к бывшей немощи стремленье,
каждый взгляд его тяжол,
видит сквозь дощатый пол,

сквозь брусчатку мостовой,
сквозь покров травы живой
силу, ненависть земли,
жить на ней чтоб не могли.

7

Старый умник, умелец букв,
пишет не покладая рук

слово «истина» — слово «смерть»,
если букву одну стереть.

«Поживи среди христиан,
да не вдайся в их сон, обман,
да сумеи пережить их срок:
день обещанный недалек.

Пусть вся злоба со всей страны
на тебя — сил твоей спины
хватит вынести. Пусть народ
день спокойствия обретет!»

В глину входит огонь, свет букв,
по земле день-ночь глины стук,
ходит-бродит в своих трудах,
заблудился в годах, веках.

8

По улицам Праги старинной
и дальше идет человек;
он в жизни своей неповинный,
он выходил путь свой и век,

но время иное настало,
и кто еще помнит дела
великих раввинов? И мало
сгореть, сгинуть глине дотла —

воскреснет, как не было этих
смертей. Кто мы? — Слову рабы.
И нечем укрыться на свете
от горькой еврейской судьбы,

военной и хуже... Машина
работает, мелет, и плоть
становится новою глиной,
в какую не дунет Господь.

9

Текст сохранить, запрятать, утаить
от времени, пожаров, от ученых
толковников, от глаз иноплеменных,
от рук корыстных.

Ты — ларец, который
по времени пройдет, не потеряет
доверенного и не исказит
ни знака, ни ползнака...

А читатель
когда-нибудь найдется.

10

И снова меняется время, —
не вечно, не верно оно, —
и голем уходит со всеми,
куда им идти суждено:

под солнце палящего Юга,
и там его вдвое урок,
замкнулись великого круга
концы — ветер вспять, на Восток.

***

И будут построены стены,
продолжат квадрат от одной;
в труде его обыкновенный
урок за тех, этих тройной.

И спорится грузно работа,
на вечные веки труда
осталось — большая суббота,
не кончится день никогда.

Один только камни таскает
Сизиф не Сизиф, шаг да шаг,

поднимет, несет, опускает,
упорен, озлоблен и наг.

11

А судьба народа истончилась,
кровь была вместилище худое
для души — лилась душа свободно,
кровь лилась, ярясь, в чужую землю,
щедро поливала ради всходов.

Было много, что песка морского,
но и милость Б-га поскудеет,
кончится когда-то. Море, море,
обо что ты бьешься, пустотою
маешься, и нет тебе предела...

В чем душа народа сохранилась? —
В тьме кромешной, в силе непреклонной,
в том, что было колдовством пустяшным,
в том, что было сотвореньем жизни,
полужизни из обычной глины.

12

Пережило старика дело его рук.
Некому выхватить написанное изо рта.
Опытных так в каббале нет никого.
Растет наш сильный. Обезумел совсем.
Как будто он и есть наш народ.
А мы? Б-г его знает, кто мы!

13

И взвихрены адским сияньем
леса и поля. От земли
остались одни расстоянья,
затеряны где корабли.

По дальним орбитам прохожий
идет, припадает, несет
сокрытое слово, похожий
на тех, кто не гинет-умрет.

Шальные лучи не помеха
походу, и самая смерть
проходит сквозь плоть, и прореху
не трудно стянуть, затереть.

Туда, где границы творенья
в предвечной теряются мгле,
дойдет: пригодится уменье
бессмертно шагать по земле.

И новому, чистому миру
отдаст сохраненную весть.
По синему морю эфира —
ковчег черный, глиняный весь.

Валентина Карпушина

Москва

ПРИНЦЕССА

Чиста душой, лицом прекрасна,
Верна себе, в словах тверда,

Умна, но вовсе не опасна.
Коль любит — это навсегда.
Не хочет чьей-то быть игрушкой,
Противна ей любая ложь.
В итоге — ночью плач в подушку
Одна — как будто в сердце нож.
Ей снится принц из старой сказки.
Он ей под стать: красив, умён.
Лицо открытое, без маски,
Как мальчик он в неё влюблён.
Листала жизнь свои страницы.
Но, как известно: жизнь — не сон.
Ей пенсию заместо принца
Принёс в итоге почтальон.

НЕ СПЕШИ

Только в двух случаях спешка нужна
Первый: в охоте на блох.
Или коль рядом чужая жена.
В этом-то весь и подвох.
Но если хочешь иметь результат,
Лучше которого нет,
Нужно проверить и всё испытать,
Сверить вопрос и ответ.
Ну а иначе получится брак,
Некий уродливый плод.
Спешка — она безупречности враг.
Коль городить огород.

ЖЕНЩИНА-КОШКА

Характер ласковый, глаза зелёные.
Скамейка красная в тени под клёнами.
И пруд заброшенный, заросший ряскою,
Песчинок крошево, дождинки кляксами.
А одиночество — оно от гордости,
Защита верная от зла и подлости,

Игрушкой чьей-то быть от скуки маетной.
Уж лучше не любить, чем страсть без памяти.
Таков кошачий нрав. Царапнув, ластится.
Трубою хвост задрал, сбежит до пятницы.
Забьётся в угол свой, а слёзы — градины.
И что? Что хвост трубой? На сердце ссадины.
И не поймут её собаки всякие,
Стандарты коль в любви у них двоякие.
Она всегда одна со всем справляется.
Живёт не «под», а «над». Что вам не нравится?

МУЗЫКА

Как я люблю в дождливую погоду
Зажечь свечу и слушать тихий блюз.
Смотреть как небо изливает воду,
Как будто сверху вдруг открылся шлюз.
Ещё понять, что здесь есть что-то больше,
Чем мы. А это — музыка. Она —
Напоминание простое Божье,
Что в мире звуки есть и тишина.

РОСА НА БУТОНАХ

Украсили летние росы
Цветы и деревья в саду.
Бутоны коралловой розы
К себе прикрепили звезду.
В ней искры как сполохи радуг,
Играют в частичке воды.
Как будто на листья взаправду
Упали осколки звезды.
В саду этом мы на рассвете
Познали оттенки любви:
Прохладный полуночный ветер
И жар неуёмный в крови.
Любовь — как роса на бутонах
Сверкает на солнце огнём.

Теплом и прохладой рождённой,
Останется в сердце моём.

ВКУС ВРЕМЕНИ

У всего есть какой-то признак:
Запах, звуки, особенный вкус.
Он преследует, словно призрак,
Будто тень нерастраченных чувств.
Время раны души не лечит,
Лишь с годами меняет её.
Не убьёт, но пока калечит,
Переделает во вторсырьё.
Исчезают, мелькая, лица,
Пахнет летом, и слышится блюз.
Вкус, который не повторится —
Это времени давнего вкус.

ПЕРЕБЕЖАТЬ НА КРАСНЫЙ СВЕТ

Всего-то и нужно-то сделать лишь шаг
Туда, к перекрёстку дорог.
Судьбы не бояться и ей не мешать
Разматывать жизни клубок.
Мигнул светофор. Жёлтый глаз заалел
Не нужно зелёного ждать.
Беги! Существует и в чувствах предел,
Коль срочно их нужно спасать.

ЖЕНЩИНА, РАДИ КОТОРОЙ

Ради неё он пошёл бы на плаху,
Из-за неё бы полез на рожон.
И, разорвав на лоскутья рубаху,
Сердце под пули подставил бы он.
Женщина эта — та, ради которой
Был он на подвиг готов и на грех,

Стать знаменитостью или же вором,
Чтоб обрести рядом с нею успех.
Только она не узнает об этом,
Будет свой век, проводя, так же жить.
Он же, страдая в любви безответной
Ради неё рад себя был убить.

РАЗНЫЕ ПРИЧИНЫ

У тебя причин так много,
Чтоб тактично отказать.
Но звучит отказ убого:
Ты не можешь честно лгать.
А причина? Ну причина —
Уважительна вполне:
Пса соседского кончина
Или ржавый гвоздь в стене.
А ещё вот именины
Друга детства — паука.
Все — серьёзные причины.
Ложь твоя как трос «тонка».
Что ж, пойду своей дорогой,
Если это мой удел.
Коль терпеть отказы долго,
Шанс остаться не удел.

ПОВЕСТЬ

Александр Зубенко

Краматорск, Донецкая обл.

СЕКРЕТНЫЙ ПРОЕКТ «ПЕТЛЯ МЁБИУСА»

Глава 1. Первая фаза проекта

— Вот! Смотри туда, по направлению моей руки. Видишь?

— А что я должен видеть?

— Да вон же... колючая проволока. Не туда смотришь, чуть левее возьми.

— Теперь вижу.

— Наконец-то! — послышался облегчённый выдох. — Теперь наведи резкость.

Сергей протёр окуляры бинокля от влаги и покрутил колёсико настройки, наводя прибор на таинственный объект, обнаруженный ими недавно на этом участке леса.

Двое молодых людей, едва переступивших границу зрелого возраста, лежали во влажной траве, все облепленные падающими листьями, и разговаривали шёпотом, боясь быть обнаруженными непонятным контингентом, снующим туда-сюда по территории ограждённого объекта.

Сергей так далеко в лес ещё не заходил, и если бы не его давний друг Валька, поднявший его с постели рано утром телефонным звонком, он бы и в этот раз остался дома, предпочитая провести выходной в обществе Маришки, нежели в сомнительной компании ветреного приятеля. Но все планы испортил как раз Валька.

Телефон зазвонил в пять утра, и Сергей, едва проснувшись, понял, что в такую рань, да ещё и в воскресенье мог звонить только он. Валька, конечно, был его лучшим другом, но Сергей никак не мог приспособиться к его ритму жизни: для него всегда было загадкой, когда же тот умудрялся выспаться, если целыми днями носился непонятно где и постоянно попадал в какие-нибудь загадочные и потешные истории. Валька мог пропадать, скажем, на три-четыре дня, затем внезапно по-

являться в порванной одежде или с синяком под глазом, весело хлопнуть по плечу и тащить Сергея в какую-нибудь очередную авантюру.

Вот и сегодня, когда родители ещё спали после трудовой недели, в трубке слышался возбуждённый шёпот:

— Привет! Твои спят?

— А как ты думаешь? — процедил Сергей злобно, прижимая дисконный аппарат к груди. — Пять утра, если что, идиот. Где тебя носит на этот раз, и откуда ты звонишь в такую рань?

— Все вопросы потом, Серёга! Я тебе такое покажу, — протянул он, — что век будешь меня благодарить. Хватай рюкзак, бутерброды, термос, влезай в ботинки, и через час я тебя жду на вокзале. Первая электричка идёт в шесть пятнадцать, а затем нам часа два придётся пробираться пешком по лесу. Родителям скажи, что со мной по грибы собрался. Я тебя тут у вокзала подожду, как раз из будки и звоню возле турникета.

— Погоди... — опешил Сергей. — У какого, к чертям, вокзала?

— Ах, да! — не дал ему опомниться Валька, — и куртку захвати. В лесу сыро, можешь простудиться. Бинобль я уже взял вчера из дому.

— Какой ещё бинобль? — Сергей явно не понимал спросонья, о чём идёт речь. — Ты где?

Слова ушли в пустоту, поскольку трубка на том конце уже была повешена.

Чертыхаясь про себя, Сергей на цыпочках прошёл через зал на кухню, заскочил в ванну, наскоро умылся и, соорудив что-то вроде бутербродов, кинул в рюкзак термос с курткой, охотничий нож, и выскочил в прохладное сентябрьское утро, предварительно чиркнув в записке родителям о своём внезапном «желании» съездить в лес по грибы.

Спустя полчаса, всё ещё злой, он выскочил из трамвая и тотчас же был подхвачен под руки с весёлым гоготанием:

— Здорово, братела! — заорал Валик. — Давно не виделись!

— Ага. Три дня, — прошипел Сергей.

— Ничего, — потянул его за рукав чем-то возбуждённый приятель. — Раз ты раньше приехал, то можно на проходящем курьерском добраться. Он как раз на той остановке в лесу останавливается, что нам нужна. Побежали, он через пять минут отходит. Ничего не спрашивай, по дороге всё расскажу, нужно ещё билеты успеть взять.

— А ты знаешь, что у Маришки сегодня день рождения? — скрепя зубами пытался вырваться из объятий Сергей, но увлекаемый другом, следовал против воли за ним. — Я планировал подарок ей купить...

— Знаю, — отмахнулся Валька. — Никуда твоя Маришка не денется, мы к вечеру на последней электричке уже назад вернёмся. Я узнавал у Егоровича — идёт ровно в двадцать два ноль-ноль. Тут, братец мой, всё просчитано. Два часа до станции «Кубанская», потом на велосипедах Егоровича до старых болот, а там ещё пешочком пару часиков. По-наблюдаем, запишем, обмозгуем, что по чём, и тем же макаром назад. Приедем — позвонишь Маришке, извинишься, скажешь, что завтра встретитесь — не велика потеря. Зато, то, что я тебе покажу, сразу отобьёт напрочь всю твою злость на меня.

— Я хотел её в кинотеатр сводить, — слабо запротестовал Сергей, увлекаемый приятелем к кассам железнодорожных перронов. Людей в такой ранний час было ещё немного, но проходящий курьерский поезд должен был уже вот-вот показаться на горизонте путей сообщения.

— Сводишь, — пообещал Валька, покупая билеты. — Может даже, когда мы ей расскажем то, что увидим сегодня, она и в кинотеатр не захочет, предпочитая в следующий раз отправиться с нами.

— Куда отправиться? — не понял Сергей.

— ТУДА...

В загадочном выражении Валькиного лица Сергей прочитал свой приговор и, сам того не осознавая, помчался на всех парах навстречу своей судьбе.

***

Таким образом, они и очутились сейчас в зарослях кустарника, наблюдая в бинокль за непонятным объектом, расположившимся в дебрях леса, неизвестно для каких целей обнесённый колючей проволокой. Взяв у знакомого путеобходчика Егоровича два велосипеда, они добрались по тропинкам к болотам, оставили транспорт в кустах и два часа шли к тому месту, где несколько дней назад Валька, бродя по лесу, случайно наткнулся на эту, вероятно, какую-то секретную базу, не обозначенную ни на одной географической карте местного масштаба. Пока ехали на поезде и велосипедах, Валька рассказал Сергею предысторию своего обнаружения загадочного объекта, но тот слушал его в пол уха, переживая больше за Маришку, нежели за какую-то очередную авантюру своего непутёвого приятеля. Единственное, что Сергей понял, это как Валька с Егоровичем три дня назад прочёсывали лес в поисках сентябрьских грибов, и наткнулись на «нечто», что заставило их возвращаться сюда три дня подряд и наблюдать за происходящим по ту сторону колючего ограждения. Потом Валька предложил Егорови-

чу посвятить в это дело Сергея и тот согласился. Теперь он здесь, а велосипеды далеко в кустах.

— Слушай, а чего мы ждём? — прошептал он, отрываясь от бинокля. — Ну, колючая проволока, ну знаки «Проход запрещён!», так что? Может здесь военная база какая-то...

— Тише ты! — прошипел Валька. — Скоро увидишь. Егорович должен нас уже догнать, только смену сдаст. Кстати, я ему посоветовал фотоаппарат взять: отсюда, конечно, далековато будет, но может у нас выйдет подползти поближе...

— Ты что, хочешь эту запретную территорию сфотографировать? — ужаснулся Сергей. — Нас же потом в цемент закатают и бросят на дно болота, не подумал?

Валька хотел ответить, но внезапно пригнул Серёгину голову почти к самой траве, где ползали и щекотали нос вездесущие муравьи. Не хватало ещё чихнуть, чего доброго, вот была бы потеха! Двое горе-разведчиков наблюдают за секретной базой, и поди потом докажи, что ты грибы собирал, да ещё и с биноклем в руках.

— Стоп! — едва слышно прошептал Валька. — Вот, начинается. Пригнись к траве и не шевелись. Когда скажу, тогда поднимешь голову. И самое главное — молчи. Сейчас патруль будет проезжать.

...Вдалеке послышался мерный рокот работающего двигателя. Деревья стояли сплошной стеной, и эхо приближающегося мотора гулко отдавалось среди их вековых стволов, плавно поднимаясь к кронам уже опавшей листвы.

Минуты через две из-за ближайших дубов и берёз показался армейский уазик без крыши, какие Сергей в своё время видел в американских боевиках, посещая с Маришкой разнообразные видеосалоны, которых расплодилось по всему городу с самого начала всем известной перестройки Горбачёва. Подпрыгивая на кочках и громко урча, он стал медленно продвигаться по едва заметной тропинке, извивающейся среди деревьев, словно оползень после дождя. Вскоре он показался напротив друзей, метрах в двадцати от них, и Валька с Сергеем почувствовали прогорклый запах отработанных газов. Ещё больше впечатавшись во влажную почву, они, дрожа от возбуждения всем телом, уткнулись носами в ладони, поджатые под себя. Вот когда Сергею пригодилась его куртка, настоятельно рекомендованная Валькой. Сырость от земли пробирала всё тело до косточек, но приходилось терпеть, тем более что муравьи уже начали свой великий исход к вершине его воротника, пытаясь добраться до ушей и носа.

Наконец, пытка кончилась: машина медленно проехала мимо и удалилась. Осторожно подняв головы, друзья потихоньку выглянули наружу. Кроме удалявшегося в кабине водителя, вдоль бортов сидели ещё трое солдат в военной форме неизвестного рода войск: во всяком случае, Сергей не встречал раньше таких погон и петлиц на гимнастёрках. Это тем более было странным, и он начал уже проникаться внутренней благодарностью к своему другу, за то, что тот позвал его сюда. Один патрульный смотрел в левую от борта сторону, второй осматривал целостность проволоки, а третий, сзади, свесившись, внимательно обшаривал взглядом тропинку, на случай присутствия каких-либо подозрительных следов. У всех были автоматы, камуфляжные накидки и зелёные, в тон растительности, береты.

— Десантники, — еле слышно резюмировал Валька, прежде чем они услышали другой, едва уловимый шум хрустящих под ногами веток. Через минуту шорох раздался ближе, и кто-то тихо прищёлкнул языком подобно белкам, которые забавлялись тем, что скидывали сверху веток на головы друзей всякий мусор в виде шишек, жёлудей и сухих комков глины. Приходилось терпеть.

— Это Егорович, — переведя дух, расслабился Валька.

Тот подполз и примостился рядом, кивнув Сергею дружеским жестом. Раньше Сергей видел его несколько раз, знал, что Валька иногда навещает к нему в сторожевую будку на полустанке лесного массива, но там никогда не был. Егоровичу было под пятьдесят, и одному богу известно, каким образом их с Валькой свела судьба: одного пылкого, ветреного и непутёвого, и другого — молчаливого, серьёзного и одинокого. Егорович жил без семьи, краем уха Сергей слышал о какой-то давней трагедии, посетившей его, вследствие чего тот потерял и жену, и тогда ещё маленького сынишку. С тех пор постаревший путеобходчик больше не женился, а Сергею не хватало такта спросить об этом Вальку, да он, очевидно и сам не интересовался у своего старшего приятеля. Каковы были их общие интересы, Сергею приходилось только догадываться. Ну, дружат и дружат, чего тут такого, хоть и разница в возрасте довольно ощутимая. Егорович работал посменно, сутки через трое, в будке железнодорожников ещё с тремя сменщиками: выходил с жёлтыми флажками провожать поезда, никогда, за исключением курьерского и электричек, на его полустанке «Кубанская» не останавливающихся. Валька частенько приезжал к нему, брал велосипед, доезжал до болот, и потом пешком мерил лес в разных направлениях, иногда даже летом ночуя там среди оврагов и деревьев. К Сергею Егорович относился с почтением, как и подобает взрослому разумному чело-

веку, и, следовательно, Сергей подобным образом относился к старшему Валькиному товарищу. Вот и сегодня, сдав смену, он на третьем велосипеде доехал до заранее условленного с Валькой места, укрыл транспорт рядом с двумя другими, и последовал за друзьями по известному только ему с Валькой маршруту. Они уже третий день наблюдали за объектом, теперь к ним присоединился и Сергей.

Таково было положение дел, когда Егорович, кивнув Сергею, тихо поинтересовался:

— Патруль уже проехал?

Валька молча кивнул, голодными глазами уставившись на его рюкзак. Те бутерброды, что Сергей прихватил с собой, они съели ещё на подходе к месту разведки. Теперь у него отчаянно бурчало в животе, и кроме Егоровича харчей, его, по-видимому, в данный момент больше ничего не интересовало.

— Ну, раз проехали, то можно слегка подкрепиться, — заметив его голодающий взгляд, предложил, улыбаясь, Егорович. — Ближайшие двадцать минут ничего интересного происходить не будет, а я как раз захватил с собой фляжку с коньячком и сало нарезное с солёными огурцами. У напарника день рождения — стало быть, угостил меня, чем мог: я ему сказал, что в лес иду по грибы, и меня там друзья ждут. Понятливый мужик. Достойный.

Валька накинул на еду, а Егорович, отхлебнув глоток из фляги, немного сморщил лоб, очевидно имея желание поделиться новостями. Полуобернувшись к Сергею, скептически хмыкнул:

— Ох, и смена была сегодня. Два товарняка в тупике пришлось обходить простукивать от начала до конца. Потом какие-то озорники решили пошутить и перевели стрелку на восьмом километре. Пришлось на дрезине ехать — исправлять. И вот, что я вам скажу, ребята, — он понизил голос ещё тише. Валька наминал бутерброды, а белки продолжали забрасывать его древесным мусором, абсолютно не обращая внимания на его грозящие кулаки, поднятые вверх. — Ты помнишь, Валентин, сразу за восьмым километром есть тупиковая ветка в сторону заброшенного комбината?

— Угу, — кивнул любитель бутербродов с набитым ртом.

— Туда поезда не ходят, — объяснил Егорович Сергею. — Прежде, когда комбинат работал, к нему ходили товарняки с углём, потом, когда в начале перестройки его прикрыли, то и рельсы со временем проросли травой. Так вот... — он доверительно зашептал сразу обоим, — я, когда стрелку возвращал в прежнее положение, услышал там в лесу короткий паровозный гудок. Рельсы-то давно уже заброшены и уходят

вглубь леса, а что там сейчас в лесу — никто толком не знает. Да и кому оно теперь надо, если всё, что можно было демонтировать и вывезти — вывезли ещё три года назад, а последний уцелевший хлам растаскали вручную на металлолом. Больше двух лет к этому комбинату уже никто не наведывается, разве что грибник какой заблудший...

— И что? — дожевав последний кусок сала, поинтересовался Валька.

— А то, что я, раз уж там находился, решил потихоньку глянуть — что за паровоз такой там прячется? И самое главное — откуда? Чтобы заехать в тот тупик, всё равно кто-то должен был мимо нашей станции и моей будки проехать, верно? Другого пути попросту нет. Разве что с другого берега озера — с той стороны комбината. Но там нет проложенных путей, и никогда не было. В общем, я откатил дрезину под semaфор, и пешком, прихватив рацию, углубился в лес.

Сергею с каждой новой фразой Егоровича становилось всё интереснее и загадочнее. Он ещё не совсем понимал, к чему клонит их старший приятель, но уже начал улавливать некую зыбкую связь между рассказом Егоровича и Валькиным местом обнаружения объекта, у которого они сейчас лежали в укрытии. Вероятнее всего, дальше будет ещё интереснее, подумал он, абсолютно уже забыв и о выходном, и о Маришкином дне рождении, и о своей злобе на Вальку. У напарника Егоровича, кстати, тоже был день именин, как и у Маришки, скользнуло у него в мозгу.

Но это к слову.

Егорович между тем продолжал.

— Как я и ожидал, выйдя из леса, я сразу наткнулся на заброшенный карьер и груды развалившихся стен с огромными кирпичными трубами — в общем, сплошной мусор и ничего интересного. — Он поднял палец вверх. — Если бы не одно но!

Егорович медленно, почти по буквам, прошептал:

— Теперь внимание! Сразу за воротами комбината, на свежих, блестящих рельсах стоял локомотив новейшей конструкции.

Он сделал выжидательную эффектную паузу.

— Мало того, что этот агрегат не из нашего областного железнодорожного депо, так ещё и неизвестного мне серийного производства. Таких машин у нас попросту никогда не изготавливали. Он собран где-то вручную, одноразово, штучно, как тот же фешенебельный и роскошный «Феррари» для какого-нибудь магната, или ещё ближе — как засекреченный и единственный экземпляр опытного образца, который никогда в будущем не попадёт в широкое потребление. Что-то из вре-

мён будущего, — закончил он многозначительно. — Сверкающий на солнце и серебристый, обтекаемый, и до ужаса красивый!

Он перевёл дух и взглянул на часы. Валик показал глазами, что следит за временем.

— Я пару минут вообще не мог прийти в себя, наблюдая, как с двух прицепленных к нему платформ какие-то люди в защитных комбинезонах выгружают всевозможное оборудование, упакованное в различные по размерам ящики и контейнеры. Ближе подползти я не рискнул — вокруг стояли такие же десантники как патрульные в узике, и все держали в руках автоматы наперевес.

— А дальше? — Валька невольно подтянулся ближе и, потрясённый, внимал каждому слову рассказа.

— А дальше всё, — развёл руками Егорович. — Что мне ещё оставалось? Я тихонечко ретировался, добрался назад на дрезине к сторожке, дождался сменщика, сдал вахту и, сев на велосипед, отправился за вами на болота, как мы с тобой и договаривались. Фотоаппарат даже забыл. Но теперь я выходной три дня, и мы сможем позже ещё раз навестись к тому комбинату. Сдаётся мне, что тот неведомый локомотив чем-то связан с этим секретным объектом, что мы наблюдаем. Сейчас посмотрим самое интересное, затем Сергей отправится домой — я слышал у его барышни сегодня день рождения, — а мы с тобой отправимся ко мне домой, оставив велосипеды в будке и захватив с собой фотоаппарат. Завтра с утра встретимся вновь и посетим тот карьер у комбината. Если локомотив всё ещё будет там — сфотографируем...

— И что? Куда ты потом намерен деть снимки? — съязвил Валька. — В газету местную отправить? Чтобы нас потом искали по всем соседним галактикам? Тут же явно КГБ попахивает, Егорович!

— Какая газета, Валентин, ты в своём уме? — парировал Егорович. — Просто, на всякий случай, у нас будут доказательства того, что мы вляпались во что-то грандиозное, сверхсекретное и не поддающееся огласке. Это на тот случай, если нас поймают. Но прежде мы сделаем копии снимков и спрячем в надёжном месте. Это будет залогом нашей безопасности. Ты же, насколько я тебя знаю, не остановишься на просто сегодняшнем наблюдении, верно?

Валька нехотя кивнул.

— Вот то-то и оно... — удовлетворённо подвёл итога Егорович. — Если мы и дальше будем наблюдать за этой секретной территорией, то нас могут в любой момент обнаружить — белки там выдадут своей трескотнёй, или патруль следы заметит. А попав к ним в руки, у нас будет, так называемый, туз в рукаве в виде этих запрятанных снимков.

Если нас захватят в плен, мы пригрозим им, кто бы они ни были, хоть КГБ, хоть НАСА, хоть сам президент, что наши знакомые обнарудут эти снимки. А то, что они там замышляют что-то из ряда вон выходящее за рамки секретности — это и ежу понятно. Теперь уяснил?

— Теперь да... — хмуро ответил Валька, терпеть не могущий, когда ему что-то было непонятно.

— Всё! — поднял палец Егорович. — А теперь тихо! Приготовься Сергей. Сейчас начнётся...

***

Они ещё ниже прижались к земле, казалось, даже белки притихли на ветках. Валька, передав бинокль Сергею, шёпотом подсказал:

— Сейчас из дальнего бункера выйдет офицер, видишь то строение у холма с параболической антенной?

— Вижу, — с трепетом в голосе едва слышно ответил Сергей.

— С офицером будет охранник. Они подойдут вон к тому дереву.

— К какому?

— К пихте. Самой большой, раскидистой.

Дальше можно было не комментировать.

Из дальнего, как предупредил Валька, бункера появились двое военных, одетых в такую же камуфляжную форму, о какой рассказывал Егорович и, с автоматом в руках охранник проводил офицера к высокому дереву, возвышающемуся на территории объекта выше остальной растительности. Слева от бункера из земли торчал штырь с зеркалом параболической антенны, которая, вращаясь, делала вокруг себя полный оборот, как бы созерцая окрестность своим придирчивым взглядом. За антенной шли комплексы барачков, технических помещений и каких-то других, не менее загадочных строений. Всё утопало в уже пожелтевшей траве, кустах и насаждений деревьев, а натянутые провода и будки радиосвязи говорили о том, что здесь далеко не курортный городок для отдыха.

Беззаботно переговариваясь между собой, оба военных подошли к пихте, и офицер прижал правый палец к стволу дерева, произнеся какую-то, неслышимую из-за расстояния фразу. Сергей, наблюдавший в бинокль эту сцену, оторвался от окуляра и недоумённо посмотрел на обоих друзей.

— Идентификация отпечатков и распознавание голоса, — шёпотом пояснил Валька. — Скорее всего, там подключена система безопасности и, прикладывая палец к сенсорной пластине, происходит отключе-

ние сигнализации и блокировки системы охранения. Плюс голосовой пароль.

И тут Сергей увидел...

...То, что он раньше принимал за большой холм, поросший ягодами и травой, внезапно пришёл в движение и всей своей массивной громадой стал медленно отъезжать в сторону. Только сейчас Сергей, наконец, заметил, что вершина холма имела форму чётко ограниченного купола, метров тридцати в поперечнике.

— Как верхушка варёного яйца, когда ты утром на завтрак срезаешь её ножом, — пошутил шёпотом Валька, хотя аналогия была до боли узнаваемой.

Купол отъехал в сторону, не издав решительно никаких механических звуков, напоминавших трение подшипников или работу других механизмов, застыл на месте, и в образовавшемся чёрном зеве подземелья Сергей заметил едва мерцающий изнутри искусственный свет. В противоположную сторону от проросшего травой купола начала выдвигаться прямоугольная платформа метров двадцати в длину, вся обнесённая вращающимися фонарями и таким же сверкающим огнями парашетом. Сергей лежал и зачарованно наблюдал за происходящим, в то время как друзья поочерёдно шёпотом комментировали ему то, или иное действие, поскольку видели это уже не первый раз.

Через несколько секунд чёрная пустота под холмом озарилась ярким неоновым светом, и послышался звук понимающегося из подземелья грузового лифта. Офицер с десантником подходили уже к куполу, когда внезапно что-то случилось...

Сначала сработала сигнализация и завывала сирена. Трое друзей выгнули головы из кустов и изумлённо переглянулись. Для них подобная реминисценция происходящего внутри колючего ограждения была впервые, не говоря уже о Сергее. Эквивалентом потрясения был непонимающий взгляд, которым обменялись Егорович с Валькой. Спустя минуту, на поверхность платформы из подземного зева начали выбегать возбуждённые сотрудники в белых халатах и комбинезонах химической защиты. На некоторых были надеты противогазы, другие держали в руках какие-то неизвестные друзьям приборы, и объединяло их одно: это было похоже на панику. Послышались крики, восклицания и команды офицера, призывающего к спокойствию.

Сирена продолжала вить, когда из дальнего бункера выбежала группа вооружённых десантников и, подбежав к людям, оцепили их кольцом, не давая возможности разбежаться в стороны.

Десантники, это, скорее всего, гарнизон охраны, мелькнуло у Сергея, а люди в халатах и комбинезонах — какие-то учёные. Физики, химики, микробиологи, генетики, например. И если это не какая-то секретная лаборатория, затерянная в лесах, то пусть мне сегодня не добираться домой и не дозвониться Маришке, подумал он, видя, как его приятели, так же как и он, с изумлением наблюдают за происходящим. Десантники в лесу... Откуда, спросил он себя, на милость, могут находиться внутри лесного массива подразделение парашютистов? ЗАЧЕМ? ДЛЯ КАКИХ ЦЕЛЕЙ? Эта группа войск имеет совсем иное предназначение в боевых действиях той или иной армии мира.

...Его мысли отвлекло новое действие, начавшее происходить по ту сторону колючей проволоки. Валька уже несколько минут назад бесцеремонным образом отобрал бинокль, и теперь Сергею приходилось напрягать всё своё зрение, чтобы не упустить мельчайшие детали происходящего внутри.

Всё пространство вокруг выехавшей платформы вдруг покрылось мутной дымкой, похожей на туман, воздух заколыхался, и на свет божий из недр подземелья стремительно выкатила... карета, запряжённая четвёркой вздыбленных лошадей. Животные ржали от испуга, рвались из упряжи и пытались лягать задними ногами метавшихся вокруг людей. Всё это произошло настолько быстро, что Сергей не успел даже опомниться, когда лошадей тут же усмирили, и вместе с каретой отправили назад, внутрь подземелья. На всё про всё ушло не более минуты.

Валька ошалело посмотрел на Егоровича:

— А вот это уже что-то новенькое....

Солдаты проводили вниз возбуждённых учёных, офицер отдал какие-то команды, сирена стихла, и всё вернулось к изначальному варианту. Холм так же бесшумно заехал на своё первоначальное место, паника успокоилась, и десантники отправились назад в свои казармы, будто ничего не произошло. Наступила тишина, изредка прерываемая криком птиц и стрёкотом белок в ветвях деревьев. Где-то рядом прошмыгнул заяц, а чуть поодаль послышалось сопение пробежавшего мимо дикого кабана. Природа вернулась к своей обычной жизни. Офицер с охранником спустились в какой-то люк и последовали, очевидно, следом за сотрудниками выяснять причину столь необычного для друзей переполоха.

— Это для нас новенькое... — прокомментировал Егорович. — А для них это, похоже, в порядке вещей. Видели, как они быстро и сообщая этих лошадей утихомирили? Не первый раз, видимо, с таким сталкиваются.

— Авария? — тихо спросил Валька.

— Судя по всему, да. Сирена, паника, солдаты. Но причём тут карета? — Егорович почесал щетину на подбородке. — Вы рассмотрели её?

— У меня Валька бинокль отобрал.

— Да я и сам толком в него ничего не разглядел, — отмахнулся тот.

— Всё произошло настолько быстро и слаженно, что...

— Погоди... — Егорович прищурился и посмотрел на уже пустой холм. — Я ВИДЕЛ, — сделал он ударение на букве «я».

— Что видел?

— Гербы на дверцах.

— Какие ещё гербы?

— Обыкновенные. На всех императорских каретах — а вы заметили, что она была едва ли не из чистого золота — в свои времена инкрустировались гербы того или иного правящего дома династии.

— И что? — у Вальки загорелись глаза. Он видимо только сейчас осознал, что карета имела жёлтый, блестящий на солнце цвет и переливалась всеми цветами радуги от украшающих её драгоценных камней. Понятно, что основание и каркас её был деревянным, но золотое покрытие с камнями изумрудами и рубинами только сейчас дошло до его сознания.

— И что? — повторил он.

— А то, друг мой Валентин, что гербы эти принадлежали, судя по всему...

Валька подался вперёд и открыл рот, в ожидании, когда туда залетит муха:

— Кому? Не томи, Егорович, богом прошу!

Сергей тоже проникся торжеством момента. Егорович выдержал эффектную паузу и почти по слогам произнёс доверительным шёпотом:

— Нашей императрице Е-ли-за-ве-те Пет-ров-не...

Наступила гробовая тишина. Где-то в болотной луже квакнула лягушка.

— Чему... кому-у??? — наконец протянул Валька.

— Елизавете свет Петровне, — повторил зачарованно Егорович, глубокомысленно подняв палец вверх. — Матушке императрице, дочери Петра.

Валька ошарашено бросил взгляд на Сергея.

— Не... не понял. А откуда ты знаешь?

Сергей и сам был готов заикаться от столь сногшибательной новости, но вспомнив очертания корпуса и богатую упряжь лошадей, склонен был теперь согласиться.

— Знаю, потому что в своё время интересовался геральдикой.

— Чем?

Егорович с досадой махнул рукой.

— Потом у Серёги спросишь, он тебе объяснит популярно. Повторяю: гербы на дверцах были времён правления Елизаветы Петровны, дочери Петра Первого. Ты что, в своём техникуме истории не учишь? Это ещё в школе каждый пятиклассник знает. Елизавета Петровна правила после Анны Иоановны и Анны Леопольдовны — последняя, правда, правила всего один год. А вот Елизавета правила Россией двадцать лет...

— Стоп-стоп-стоп! — перебил его Валька, до которого, наконец, дошёл весь смысл только что происшедшего. — Это та Елизавета, что была перед Екатериной Великой?

— Скорее, перед Петром Третьим, — облегчённо выдохнул Егорович тоном усердного учителя, прилежно объяснявшего нерадивому ученику азы истории. — Но, в принципе, да — можно для тебя и перед Екатериной. Теперь уяснил, о чём я?

Валька, наконец, сдался. Повернувшись к Сергею, недоумённо спросил:

— Ты тоже видел?

Тот не стал напоминать о бинокле, но утвердительно кивнул. По всем параметрам и богатой оснастке, это, несомненно, была императорская карета, а раз Егорович разбирается в геральдике, то так тому и быть. Другой вопрос: была ли она настоящей, или это какой-то антураж для непонятных целей? И самое главное: ОТКУДА в лесу, в подземелье секретной, по всей видимости, базы, КАРЕТА ВРЕМЁН ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ???

Этого Сергей не знал, как, впрочем, и все остальные.

...Они ещё какое-то время лежали тихо, переговаривались в полголоса и ожидали дальнейших событий, но взглянув на часы, Егорович предупредил:

— Ладно, Валентин, позже я тебе расскажу о временах Елизаветы, а сейчас нужно собираться назад к болотам, если Сергей хочет успеть вернуться к своей барышне на день рождения. На сегодня нам впечатлений хватит с головой, а завтра и послезавтра после карьера наведемся сюда вновь. Посмотрим, что тут будет происходить дальше. Не забывайте, что нам ещё нужно два часа пробираться по лесу, а затем на велосипедах до моей сторожки. Там Сергей сядет на электричку, а ты, Валентин, останешься ночевать. Все готовы?

...И они, видя, что ничего больше не происходит, покинули место своего наблюдения и направились назад через лес навстречу своей новой судьбе.

История с каретой уже поглотила их в себя, всосала как вакуум, и теперь, прежде чем отпустить, преподнесёт им ещё немало событий, которые перевернут их жизнь от начала до конца.

Но это будет позже...

***

Уже сидя в электричке, Сергей пытался прокрутить всю цепочку событий, произошедших с ним с того момента, как он утром снял трубку и согласился с Валькой ехать неизвестно куда.

Втолкнув его, Серёгу, в уже отходящую электричку, Валька на прощание что-то прокричал, но у Сергея не было желания что-либо отвечать. Весь мокрый, искушенный муравьями и поцарапанный колючками от кустов, он ввалился в вагон, плюхнулся на ближайшее свободное место и провалился в беспокойный сон, пока его не разбудили соседи на конечной станции маршрута.

Теперь что? Теперь нужно мчаться домой, хватать трубку и звонить Маришке, пытаясь объяснить своё позорное отсутствие на дне рождения, да ещё и без подарка. Но как всё это, то, что он видел, преподнести ей, не попав при этом под руку со сковородкой или того хуже — не загреметь в психическую больницу областного масштаба?

Собственно говоря, деваться всё равно было некуда и, уже придя домой, он дрожащими руками набрал номер своей благоверной, выпалив при этом первое, что пришло в голову:

— Прости, ангел мой...

Хотел рассказать небылицу о якобы летающей тарелке, повстречавшейся им с Валькой в лесу, но тотчас же осадил себя, понимая, что сначала придётся объяснять, зачем он вообще пошёл в лес, вместо того, чтобы пойти, как и обещал, вдвоём в кинотеатр, однако доказывать ничего не пришлось. Второе сопрано Маришки буквально взорвало трубку истерическим криком, обещая ему все круги ада, которые воспевал в своих стихах ещё великий Данте, не подозревая, что однажды их будут цитировать в вольном изложении его потомки, спустя несколько сотен лет.

Из зала с любопытством выглядывали родители. Противный кот, живущий, как он полагал, на таких же законных правах в этой квартире, с ласковым урчанием принялся метить кроссовок Сергея.

— Я тебе... — неслось из трубки, — все свои лучшие годы отдавала, а ты...

Поток женской ненависти, как известно, был неисчерпаем и не менялся десятилетиями, поэтому Сергей даже не спросил, какие это такие лучшие годы она отдавала ему, если учесть, что самой Маришке, сегодняя исполнялось 17 лет? Ничего не оставалось делать, как просто слушать, шмыгать носом и кивать головой, в надежде, что этот фонтан обвинений скоро, наконец, иссякнет. Поэтому, когда Маришка перевела дух, чтобы собраться с новыми силами, Сергей, уловив момент, виновато произнёс, отчего-то заговорив шекспировскими стихами:

— Мне потому приятно с вами помолчать, что вымолвить вы слова не дадите...

На том разговор, собственно, и закончился. В трубке на секунду воцарилась пауза, переваривая услышанное, потом послышался всхлип, и логическая концовка не заставила себя долго ждать:

— Нахал!

Мембрана телефона издала прерывистые гудки, означавшие, что на том конце бросили трубку и, глупо уставившись на кота, Серёга в свою очередь положил свою. Таков был финал неудавшегося ухажёра за пылким и любящим сердцем своей возлюбленной.

Чёрт бы побрал этого Вальку, сконфуженно подумал он и поплёлся мимо родителей к себе в спальню, даже не объяснив им, каким образом он оказался весь поцарапанный и обкусанный безжалостными насекомыми.

...А наутро, проснувшись (спал плохо, всё время снились какие-то лошади), он кое-как доковылял в ванную, заглянул в зеркало и поморщился. Зеркало ответило ему тем же.

Первым делом, набрав Маришку, счастливо полагая, что женская мятежная душа возлюбленной успокоилась и простила грешного горемыку, прокричал в трубку, боясь, что ему опять не дадут слова:

— Козочка моя! Прости меня...

— Да пошёл ты! — был ответ, но трубку не клали и ждали ответа.

— С днём рождения! — выпалил Серёга, не совсем понимая, что именины уже, в общем-то, прошли.

Трубка помолчала, затем поинтересовалась, как бы невзначай:

— Чего хотел, бабник?

— Хотел с тобой в... — Сергей запнулся, только сейчас осознав, с каким персонажем его сравнивают на том конце провода. — Я не бабник! — попробовал реабилитироваться он. — Меня Валька в лес затащил, а там...

— Знаем мы ваш лес, — безжалостно констатировала трубка Маришкиным голосом. — Я весь день прождала, торт испекла, родителям после обеда звонила, а он, видите ли, по бабам шлялся...

— Погоди, козочка моя...

— Я тебе не козочка, козёл!

...Разговор с переменным успехом длился ещё бесконечное время, пока, наконец, вымолив у обладательницы второго сопрано временное прощение, Серёга уговорил её встретиться через час в парке у фонтана, где он и расскажет, что случилось с ним в этом проклятом лесу.

Сначала сбивчиво, глотая слова от страха, что его перебьют бесцеремонным образом, но потом, постепенно убеждаясь, что Маришка только показывает вид рассерженной дамы, Сергей рассказал ей всё от начала до конца, начиная с утреннего звонка Вальки и заканчивая последней электричкой, на которой он добрался домой. Валька и Егорович остались там, ожидая его завтра утром с рюкзаком, полным еды.

Они сидели на лавочке у фонтана, и чем больше Сергей погружал Маришку в таинство своего рассказа, тем шире округлялись её прекрасные глаза, не имевшие, как полагал Сергей, ни одного аналога в мире. Она перебила его лишь раз, когда спросила, кто такой Егорович, а когда Сергей дошёл до финала, задумчиво произнесла, теребя платочек в руках, который вытащила на всякий случай, если придётся показать провинившемуся свои слёзы:

— Секретная база... карета... комбинат... — от её злости не осталось и следа, отчего Сергей почувствовал себя на седьмом небе от счастья, взяв на заметку, что женщины верят во что угодно, лишь бы перед ними вовремя извинились и, покаявшись, пообещали миллионы звёзд с неба.

— Что скажешь, козоч... — он вовремя запнулся, помня, с кем его сравнивали в прошлый раз. Вместо этого спросил:

— Что будем делать?

— Валька знал, что у меня вчера было день рождения?

— Знал, — потупился Сергей. — Но, он же, и посадил меня на последнюю электричку, иначе я бы там застрял ещё на ночь.

Маришка, казалось, обдумывала что-то. Затем решительно поднялась и серьёзно ответила:

— Ладно, с ним я разберусь позже. Нам нужно в институте взять больничные справки на несколько дней, а завтра утром я поеду с тобой к вашему Егоровичу. Если он подтвердит всё, что ты мне только что рассказал, то считай, что ты прощён. Жди меня здесь, я в институт, там у меня знакомый врач есть. Возьмём больничные и на несколько дней

будем свободны: там и посмотрим, что это за комбинат такой, и что это за кареты выскакивают у вас из-под земли. Я с вечера приготовлю бутерброды и напеку пирожков, а торт ещё со вчерашнего дня остался, так что, твоим друзьям будет, чем подкрепиться на первое время, а там посмотрим. Очень уж ты, рыцарь мой пропащий, заинтересовал меня этой историей.

И, рассмеявшись, она поцеловала Серёгу в губы, отчего дала понять, что на данный момент он временно реабилитирован. Но только на данный. Не более.

Уже подходя к институту, с Маришкой произошло нечто странное, заставившее её замереть на месте, потрянуть головой от внезапно накатившего чувства дежавю, и более пристально всмотреться в толпу студентов, выходящих из дверей учебного корпуса. На какой-то короткий миг ей вдруг показалось, что среди абитуриентов она мельком увидела Сергея, стоявшего чуть в стороне, и напряжённо выискивающего кого-то из толпы. Как он мог её обогнать, если она покинула его несколько минут назад и оставила сидящим на лавочке фонтана? К тому же на Сергее была совсем другая одежда и, как ей показалось, он был немног... старше, что ли. Он мелькнул в группе выходящих студентов и тотчас... растворился. Исчез, будто растаял в воздухе, как кусочек сахара в чайном стакане. Пропал.

Маришка вторично потрянула головой, сознательно ощущая, что такое с ней когда-то уже было. Или БУДЕТ. Именно здесь, на этом месте, с этими же лицами, знакомыми и просто проходящими пешеходами. Только будет это совсем в ином исчислении времени, при другой погоде и...

Как позже выяснится, Маришка была права. Этот случай, когда она увидит Сергея в другом одеянии и выглядевшим старше своего возраста, произойдёт с ней совершенно при иных обстоятельствах, в другом времени и другом континууме пространства. А пока...

После того как она ушла, Сергей облегчённо опустил на лавку и отчего-то вспомнил своего кота, пометившего вчера его кроссовок. Хорошо, что он переобулся, а то конфуз перед Маришкой был бы ещё невыносимей.

Всё-таки она у него обворожительна!

...Вечером того же дня, уже со справками на руках, они готовились к завтрашней поездке и встрече, теперь уже своих общих друзей. Маришка занималась приготовлением провизии, а Сергей успел сбегать в цветочный ларёк, заскочить в ювелирный магазин, и на заране отло-

женные деньги купить имениннице довольно красивый браслетик, который она благосклонно приняла из его рук в качестве подарка.

...Так закончился второй день той судьбы, которая отныне была предначертана Сергею с высоты небесной канцелярии, и которая с этого дня полностью перевернёт его прошлую жизнь навсегда. Таким образом, утром следующего дня, уже и Маришка двинулась навстречу своей судьбе, ещё не предполагая, что начиная с этой минуты, вся жизнь её будет развиваться совсем в ином направлении, и отнюдь не в том, какой была предназначена ей свыше.

Но об этом, разумеется, никто из них пока не знал...

***

...А уже наутро оба приятеля выкатили дрезину, и по очереди качая гидравлическим насосом, добрались по рельсам к восьмому километру, где, по словам Егоровича, неизвестные баловники перевели стрелку семафора, открыв при этом въезд в тупиковую ветвь железнодорожного полотна, ведущего к заброшенному комбинату. Рельсы выглядели ржавыми и старыми, поэтому это и было загадкой для обоих друзей.

— По ним и пойдём, — сказал Егорович, внимательно вглядываясь в свои вчерашние следы. — Похоже, после меня здесь никого не было, так что бери рюкзак с фотоаппаратом и иди за мной шаг в шаг, не оставляя за собой лишних улик. Готов?

Валька кивнул, доставая из дрезины рюкзак с фотоаппаратом, бутербродами и термосом, при этом, не забыв упомянуть о возможных непрошенных гостях, которые могут повстречаться на пути их следования.

— Потому и прятаться будем, — согласился Егорович.

Последние минут пять они преодолели почти ползком, продираясь сквозь колючие кусты и ветки малинника. Кругом было тихо. Как и предполагал Егорович, выглянув из-за насыпи оврага, на месте вчерашней разгрузки никого и ничего не было. Никакого намёка, что вчера здесь стоял состав и производились какие-то разгрузочные работы: ни солдат, ни оцепления, ни самого локомотива. Глина, камни, ветки, мусор. Разбитые кирпичи и обвалившиеся стены. Ни нового полотна рельс, ни выложенных шпал для их прокладки, ни протекторов шин от грузовиков, ни следов отъезжающего грузового транспорта...

Ни-че-го.

Пусто! Ни души.

Егоровичу даже стало неудобно перед Валькой: как теперь доказать ему всё, что он видел вчера?

Впрочем, доказывать ничего не пришлось, Валька сам задумчиво прокомментировал, оглядывая место разгрузки в бинокль, висевший у него на шее:

— Очевидно, эти ребята хорошо постарались, заметая свои следы: даже рельсы убрали и укатали грунт катком, будто так и было. Ты точно видел проложенную магистраль?

— Точно. Мало того, я слышал все звуки, сопутствующие разгрузке: скрип лебёдок, перекачивание контейнеров, укладку ящиков в грузовики. Так что выкинь свои сомнения из головы, это были не галлюцинации.

— То-то и оно, — с сомнением покачал головой младший товарищ. — Странно всё это.

Егорович перехватил подаваемый ему бинокль и в свою очередь навёл окуляры на обвалившуюся стену одного из цехов комбината. Повея из стороны в сторону, он задержал взгляд на каком-то предмете и едва не присвистнул:

— А вот этого вчера не было...

То, что он увидел, заставило его на миг задуматься. Валька с нетерпением выхватил бинокль и уставился в ту же сторону, наводя резкость на...

— Ох! — вырвалось у него.

— Что? Тоже видишь, что и я?

— Д-да, — запнулся он, вытаращив глаза. — Там... ч-человек.

— Вижу. Мёртвый.

— И... Ч-ЧТО?

— Не знаю. Перестань заикаться, пойдём лучше посмотрим, а может и сфотографируем.

Валька едва не свалился в овраг от испуга:

— Ты хочешь идти ТУДА?

— Но мы же за этим и пришли сюда, чтобы сфотографировать всё, что увидим, верно? Или ты уже передумал?

— Но не мертвеца же снимать, побойся бога! — прошипел Валька. — Локомотив — ещё, куда ни шло. Но покойника?! Здесь же настоящим убийством пахнет!

— Всё равно нельзя его просто так оставлять. Давай рискнём, хотя бы глянем, кто он такой. Может такой же любопытный, как и мы с тобой — вот от него и избавились, как от свидетеля.

— Тем более не пойду, — решительно буркнул Валька, отодвигаясь подальше в кусты. — Не хватало, чтобы и меня за компанию с ним прикончили. Иди сам, я тебя здесь подожду.

— Ну, нет уж... — потянул его за воротник Егорович. — Вместе приехали, вместе и уедем. В конце концов, ты меня втянул во всю эту историю, ты и вытягивай. Пойдём.

Делать было нечего, аргумент был налицо, и Вальке пришлось подчиниться.

Соблюдая тишину и осторожность, они начали спускаться с насыпи. Глина была сухая и под ботинками потекли струйки мелкого песка вперемежку с гравием. До разрушенной стены предстояло пройти метров двести, и эти двести метров были как на ладони — ни кустика, ни дерева, ни холмика: только кирпичная крошка и кучи мусора, оставшиеся после развала производства.

Перебежав двести метров пустой территории, Валька с Егоровичем, запыхавшись, ввалились в старое помещение покинутого когда-то цеха.

Труп лежал, привалившись окоченевшим плечом к выпирающей из грунта балки и Егорович прекрасно помнил, что мёртвого незнакомца вчера тут и в помине не было. Белый халат на уже остывшем человеке говорил о его принадлежности к сотрудникам какой-то лаборатории, неведомой друзьям, но от этого становившейся ещё более жуткой и загадочной.

— Его попросту скосили автоматом! — едва не вскрикнул Валька, осматривая ряд вывернутых наружу пулевых отверстий, покрывавших тело наискось от плеча до поясницы. — Похоже, эти таинственные ребята, кто бы они ни были, принялись постепенно избавляться от свидетелей, будь-то ядерщики, физики или простые лаборанты.

Егорович в это время уже осматривал карманы трупа, которому, судя по седине на висках, было никак не меньше пятидесяти лет. Кто он, и что делал здесь, друзей, в общем-то, абсолютно не волновало, пугало другое: каким образом эти изверги так безнаказанно хотели сохранить в тайне убийство, ели даже не удосужились как следует скрыть место преступления, абсолютно не боясь последствий?

— Точно, что, КГБ тут поработало, если даже труп не закопали. Кому их бояться? Пресса вся у них во власти, прокуроры и следователи тоже... Ты что-то нашёл в карманах? — Валька не находил себе места, поминутно оглядываясь по сторонам и кружа вокруг присевшего Егоровича. Тот вывернул все карманы, но кроме расчёски ничего не обнаружил.

— Пусто, — вздохнул он, поднимаясь. — Чего и следовало ожидать.

— Ты думаешь, мы только на первый наткнулись?

— Думаю, да, — вытирая руки о куртку, хмуро ответил путеобходчик. — Ладно, давай сфотографируем его, и двинем отсюда во всю

прыть, пока кто-то не передумал и не вернулся закопать тело. Оставим всё как есть, чтобы не выдавать себя, а плёнку надёжно спрячем до будущих времён — там посмотрим, что нам с ней делать дальше.

Щёлкнув несколько снимков с разных ракурсов и расстояний, оба приятеля вернулись к дрезине и покатали назад к сторожке железнодорожников. Теперь оставалось только ждать Сергея и на досуге размышлять о недавно увиденном покойнике без каких-либо документов, особых примет и знаков различия.

Что-то секретное и весьма жутковатое витало в воздухе.

Таким образом, оба наших следопыта вступили уже во вторую фазу своей будущей судьбы, и этот альтернативный виток, их, теперь уже неразлучной судьбы, начался прямо там, у стен заброшенного комбината.

События с той минуты начались развиваться в геометрической прогрессии.

№6.

Когда Сергей с Маришкой соскочили на платформу полустанка, то сразу заметили крайнее изумление своих приятелей, никак не ожидавших увидеть в своей компании особу женского пола. Маришке к подобным инсинуациям было не привыкать, поэтому она сразу пресекла все выпады и вопросы в свою сторону, решительно огласив приговор:

— Куда вы, туда и я. От меня теперь не избавитесь, даже не надейтесь.

Валька, было, напыжился и попытался объяснить, что в таком рискованном деле нет места для женской сентиментальности, однако его опередил более мудрый путеобходчик, обняв дружески девушку за плечи и галантно поцеловав ей руку. Отныне Егорович был произведён в генералы, а Валька в душе Маришки так и остался младшим сержантом, причём был понижен в звании сразу на несколько ступеней вниз, если судить по воинской иерархии всех времён и народов.

— Ну раз так... — уважительно вздохнул Егорович, — то вначале отправимся на дрезине к комбинату посмотреть, что стало с трупом и, вернувшись, переночуем у меня в посёлке, а наутро, взяв там четвёртый велосипед, выдвинемся к болотам, потом пешочком к объекту, и заляжем там, наблюдая за отъезжающим в сторону холмом. Кто знает, — подмигнул он шуточно, — вдруг в следующий раз вместо лошадей с каретой императрицы, из подземелья не вылетит летающая тарелка.

— Или не выскочит какой-нибудь динозавр, — поддержал его Валька, гоготнув во всё своё молодецкое горло.

На этом, собственно говоря, и остановились.

Простившись с напарником Егоровича, все четверо влезли в дрезину и, прихватив с собой рюкзаки с провизией, вся компания отбыла на встречу уже сформировавшейся своей альтернативной судьбе.

Петля Мёбиуса начала своё действие.

***

— Вроде всё тихо, — шёпотом произнёс Егорович, возвращая Сергею с Маришкой бинокль.

Они лежали в тех же куста, что и накануне с Валькой, только теперь их было четверо. Оставив дрезину у стрелки семафора, они, гуськом, соблюдая режим тишины, добрались до места своей прежней дислокации. В рюкзаках у них была вода, наполненная в бутылки из сторожки Егоровича, бутерброды, приготовленные Маришкой ещё с вечера, и фотоаппарат, на котором настоял Валька, очевидно предполагая, что он сможет им ещё понадобится. К нему Егорович присовокупил небольшой топорик, рукавицы, и карманный фонарик на всякий случай. До вечера они задерживаться не планировали, но кто знает, что может произойти у стен этого, теперь уже жуткого комбината с одиноким трупом в одном из развалившихся цехов: предусмотреть непредвиденную задержку не мешало.

Сейчас они лежали, укрытые насыпью карьера, и с затаённым дыханием осматривали местность.

— Странно... — пробормотал Валька, беря из рук Сергея бинокль и всматриваясь в сторону заброшенного цеха.

— Что странно?

— Покойник исчез...

Сергей в изумлении бросил взгляд на своего друга.

— Как, исчез?

— Не знаю. По всем физическим законам тело его отсутствует.

— Что и требовалось доказать, — выдохнул воздух Егорович. Маришка лежала рядом и прижималась плечом к Сергею. — Вовремя мы с тобой вчера ноги унесли, Валентин. Похоже, эти неведомые нам незнакомцы всё же вернулись и захоронили труп, чтобы не было улики. Что им мешало сделать это сразу, хоть убей, не имею понятия.

— Видимо, их что-то вспугнуло...

— Или кто-то... — задумчиво констатировал Егорович. — Затем вернулись и всё подчистили. А мы, друг мой, с тобой там как раз там и наследили.

— И что теперь? — голос Маришки несколько не выдавал её волнения.

— А то, ангел мой, — догадался Сергей, куда клонит Егорович, — что теперь о них, то есть, по сути, уже о нас, могут знать те, кто ликвидировал этого беднягу.

Наступила пауза.

— Вот что, — решительно произнёс Егорович, как старший по группе. — Валик и Марина останутся здесь, а мы с тобой, Серёжа, проверим на месте свою догадку. Посмотрим, действительно ли они его где-то закопали, или просто увезли на машине — следы протекторов должны ведь остаться, верно? Валика я не беру, потому что он там уже был, а Марине туда опасно показываться. Лежите здесь, — обернулся он к девушке, — и наблюдайте за нами в бинокль. Если что-то из ряда вон выходящее произойдёт, хватайте рюкзаки, и что есть мочи бегите к дрезине, не оборачиваясь и не останавливаясь.

— А что может произойти?

— Ну... — замялся он, — к примеру, если нас обнаружат и захватят в плен. Тогда вы нужны на тот случай, чтобы оповестить власти о нашей находке и нашем пленении. Всё ясно?

Маришка подтянулась к Сергею, чмокнула его в щёку и ободряюще пообещала:

— Вернёшься — получишь в подарок такой же поцелуй, только уже в губы.

О чём речь! Серёга вскочил, подтянулся и тотчас последовал за Егоровичем, который уже спускался с насыпи по направлению к карьере.

Осторожно продвигаясь по открытой местности и поминутно оглядываясь, оба приятеля вскоре подошли к разлому в стене. Пока ничего существенного не происходило. Сергей повернулся к насыпи и поднял большой палец, показывая, что у них всё в порядке.

И тут же пожалел об этом.

— Ты что творишь, Сергей? — злобно зашипел на него Егорович. — А если за нами наблюдают? Ты же выдашь всех!

— Ох, ё...

— Вот тебе и «ё»! — оглядываясь по сторонам, констатировал Егорович. — Ладно, давай быстрее. Может, тут и нет никого. Тем не менее, в следующий раз думай, что делаешь.

— Простите... — Серёге стало до того стыдно, что он готов был сквозь землю провалиться, жалко только что грунт был твёрдый и весь в мусоре.

Благополучно миновав развал во внешней стене, оба следопыта ступили внутрь помещения. Маришка тем временем наверху смотрела в бинокль и комментировала Вальке всё происходящее внизу. Тот слушал и, кивая головой, поедал последние оставшиеся бутерброды.

— Перелезли разлом и вошли внутрь. Серёжка показал большой палец, что всё нормально.

— Зря сделал, — пожал плечами Валька. — А если кто-то заметит?

— Ну, тут же нет никого, — попробовала заступиться Маришка.

— Откуда такая уверенность? Ладно, что дальше?

— Озираются. Егорович отчего-то смотрит вверх.

— Куда?

— Потолок осматривает.

— Угу, — рот Вальки был набит, и ему приходилось лишь мычать.

Секунду Маришка молчала, затем испуганно вскрикнула:

— Ой!

— Что? — подался он вперёд, едва не выронив остатки хлеба с колбасой.

— Насторожились и чего-то испугались. Смотрят оба в одну сторону... Ой! — Маришка выронила бинокль и зажала рот рукой. Глаза её расширились от испуга, и по всему телу пробежала дрожь. Валентин отбросил хлеб и схватил бинокль...

То, что он увидел, заставило его забыть всё на свете.

...Оба его друга стояли на коленях, заложив руки за головы.

По бокам, на некотором расстоянии от них рассредоточились четверо солдат в камуфляжной форме и беретах десантных войск. У всех были автоматы, и наведены они были на Сергея с Егоровичем.

— Ох! — в свою очередь выдал он. Маришка была готова расплакаться, но предупредительный Валька зажал ей рот, умоляюще процедив сквозь зубы:

— Ради бога, только не кричи! Нас сразу обнаружат...

Она кивнула со слезами на глазах и показала, что пришла в себя.

Оба, немного успокоившись, вдохнули глубоко воздух и осторожно выглянули из-за пригорка. Валька навёл окуляры бинокля на стену:

— Куртки с них сняли. Какой-то офицер допрашивает их и обводит рукой территорию. Так... — помедлил он. — Разрешили подняться. Проверяют карманы брюк. Хорошо, что фотоаппарат остался у нас. Ты не знаешь, что у Серёги в карманах?

Маришка чуть помедлила, вспоминая, как они у фонтана беседовали, и Сергей принялся ради шутки выворачивать свои карманы.

— По-моему, мелочь какая-то, сигареты, зажигалка, что я ему дарила...

— Всё?

— Студенческий билет и, наверное, моя фотография. Он её всюду с собой таскает. — Она едва слышно всхлипнула.

— Фотография, это плохо, задумчиво пробормотал Валька.

— Почему?

— Ещё не знаю, но плохо. По ней могут выйти на тебя.

— Кто?

— А как ты думаешь? КГБ, конечно!

Он отвернулся на секунду от бинокля:

— Если у Егоровича в кармане удостоверение путеобходчика, то, возможно, они и отвернутся. На грибников они, конечно не похожи, но, представившись работником железнодорожной станции, он может им навешать лапши, что проверяли семафор на восьмом километре, и решили ради любопытства заглянуть на комбинат, посмотреть, что от него осталось. Покажет им дрезину, он мужик умный, будем надеяться. Главное, чтоб наш Серёга ничего лишнего не сморозил. Стоп! — осенило Вальку. — Он ведь тебе большой палец показывал! А если они видели этот знак?

— И что делать?

Валька в это время весь подался назад и едва не скатился на Маришку с выпученными от страха глазами.

— Что-о? — почти закричала Маришка.

— Офи... — запнулся он, — офицер показал пальцем в нашу сторону, что-то настойчиво спрашивая у Серёги. Значит, всё-таки заметили...

Он схватил рюкзак, рывком поднимая девушку с земли, и проорал почти в ухо:

— БЕЖИ-ИМ!!!

Оба вскочили и, не глядя на брошенный впопыхах рюкзак, кинулись в ближайший от них просвет деревьев. Тут уже было не до тишины. Теперь бы только до дрезины добраться, а там и к сторожке железнодорожников — лишь бы успеть, прежде чем их арестуют.

Валька бежал первый, увлекая девушку за собой. Продираясь сквозь кусты, падая, царапая руки и лица, они помчались, ни разу не оглянувшись, не разбирая дороги и не смотря себе под ноги. Через несколько минут вся их одежда превратилась в сплошные лохмотья, а хрип из груди вырывался наружу, распугивая белок, зайцев, насекомых и птиц, вспархивающих с веток.

Ловя ртом воздух, Валька, красными на выкате глазами посмотрел на Маришку, и только тут остановился. Девушка почти без чувств повалилась на него, и оба рухнули в траву, едва не потеряв сознания. Бешеная гонка прекратилась.

Вальку душил кашель. Весь побег продолжался минут десять, но этого хватило, чтобы едва не вознестись к небесам, как сказал бы в шутку Егорович. Страшно хотелось пить, а рюкзак с водой остался у пригорка. Там же остался и...

— Господи! — едва отдыхиваясь и глотая слова, вспомнил Валька. — Там же... фотоаппарат остался!

Храбрая девушка, опираясь на локти, уже пыталась сесть и, привалившись к дереву, только сейчас поняла смысл слов.

— О-ох! — протянула она.

Минут пять они сидели, взирая друг на друга испуганными глазами, кашляли и восстанавливали дыхание.

— Что теперь будет, если те солдаты найдут снимки покойника?

Никто не хотел знать ответа на этот, в общем-то, весьма риторический вопрос, поэтому, ещё с минуту отдышавшись, они поднялись и полпились к дрезине, ожидавшей их на выходе из леса.

Но тут выяснилась одна значительная неприятность. А именно...

Они заблудились.

***

— Позавчера на моей смене поступил сигнал, что на восьмом километре какие-то хулиганы перевели стрелку, — оправдывался Егорович, наблюдая, как офицер проверяет его железнодорожное удостоверение путебходчика. — Старый семафор уже давно не работает и этим полотном никто не пользуется, но я всё же решил вернуть стрелку на место. А тут ещё вот этот племянник прикатил в гости из города, — ткнул он пальцем в Сергея, — вот я и прихватил его с собой на дрезине. Она и сейчас там стоит.

— Это мы перевели стрелку, — хмуро ответил старший лейтенант, постукивая удостоверением о ладонь и критически осматривая обоих непрошенных гостей с ног до головы. Остальные мелкие вещи из карманов лежали тут же, на камнях, а безмолвные автоматчики стояли по бокам, так и не проронив ни единого слова с самого момента их задержания. — Продолжайте, — приказал офицер.

— Я решил племяннику показать заброшенный комбинат, вот мы, стало быть, и пришли сюда.

Егорович играл роль простака, не совсем понимавшего, в какую историю он ввязался.

— А что, нельзя было? — подхватил его игру смекалистый Сергей. — Если так, то мы уйдём: мне ещё в город сегодня нужно возвратиться на последней электричке.

Офицер бросил на него подозрительный взгляд и показал глазами одному из охранников на его руки.

— Насчёт возвращения пока повременим, а вот что вы, молодой человек показывали вверх поднятым пальцем в направлении того пригорка над карьером? — он указал на место вверху, где располагалось их недавнее укрытие. — Вас там кто-то ждёт?

Вот тут-то Серёгу и накрыло полностью с головой. Едрёна феня, там же Маришка!

У Егоровича спина покрылась холодным потом, а Сергея начал бить озноб. Старший лейтенант тем временем передавал по рации:

— Четвёртый, я Второй, приём.

— Слушаю, Второй, — ответила рация.

— Нашли? Докладывайте!

В ответ послышалась фраза, заставившая обоих друзей застыть на месте:

— Товарищ старший лейтенант, на месте укрытия обнаружены два рюкзака, остатки недоеденных бутербродов и бинокль. Рюкзаки ещё не проверяли. Судя по всему, сбежавшие бросили всё впопыхах и бросились напролом через лес. Следы двоих ведут в направлении юго-запада, в квадрат двадцать шесть — четырнадцать. Одни из следов женские. Приём.

Офицер удостоверился, что двое пленников отчётливо слышат их переговоры и приказал:

— Отрядите шесть человек по их следам, Пятому передай, чтобы выставили заслон у семафора. Они явно будут пробираться к дрезине. Из зоны пускай выведут два патрульных уазика и осмотрят территорию вдоль полотна. Рюкзаки ко мне сюда, быстро! У меня всё. Те двое не должны покинуть квадрат. Ясно?

— Так точно. Рюкзаки уже несут.

Рация отключилась.

— С вами была женщина? — обратился он к Егоровичу, игнорируя Серёгин потрясённый взгляд, молящий о прощении.

Егорович промолчал, поскольку врать теперь было бессмысленно. Знак, показанный Маришке Сергеем, выдавал их с головой, и что-либо отрицать было только хуже для них. Лишь бы фотоаппарат оказался у

Вальки, а не в рюкзаке, лихорадочно думал он. Лишь бы Валька догадался его схватить с собой, когда убегал с Маришкой...

Старший лейтенант ещё какое-то время разглядывал бедных следопытов, затем резко произнёс:

— Представляете ли вы себе, куда вы вляпались?

— Нет, — пролепетал Сергей, теперь уже абсолютно не играя роли простого обывателя. Мысли о Маришке выбили напрочь из его головы все здравые размышления и логическое осознание происшедшего.

Видя, что друзья не собираются признаваться, офицер задумчиво продолжил:

— Сейчас принесут ваши рюкзаки. Кроме бинокля, я надеюсь, там будет ещё масса интересных вещей. Ваших друзей мы тоже задержим, а пока следуйте за мной. Вскоре вам предстоит очень любопытный разговор, но уже не со мной.

И повернувшись к охранникам, скомандовал:

— В машину их.

Сергей недоумённо посмотрел на Егоровича, но тот только пожал плечами: «Подчиняйся».

***

— Пить, как хочется! — почти простонала Маришка.

Валентин предпочёл промолчать, зорко высматривая впереди себя хоть какую-нибудь тропинку, по которой могли ходить грибники в этой части леса. Они шли уже больше часа, но конца и края этот лес, казалось, не имел. Раза два они присаживались отдохнуть и на Валькиных часах было уже половина третьего, к тому же, к чувству жажды прицепилось ещё и ощущение голода, так не кстати заявлявший о себе в эти минуты их полного бессилия. Наконец, когда уже совсем стало невмоготу, вдалеке, среди деревьев послышалось едва различимое журчание воды.

— Ручей! — почти выкрикнул он пересохшими губами. — Маришка, мы спасены!

Девушка плелась за ним и, едва держась на ногах, через каждые десятки метров приваливалась спиной к деревьям, хватая ртом воздух и переводя сухое дыхание.

— Где? — прохрипела она, но Валька уже не слушал, таща её за собой к источнику долгожданной влаги. Еле добравшись до небольшого оврага, они упали на колени, и принялись черпать ладонями свежую, прозрачную, как само небо, воду.

Прошло какое-то время, прежде чем они вдоволь напились и промыли ссадины на руках и лице. Уже стало легче.

— Куда теперь? — спросила Маришка, критически оглядывая распухшее от царапин Валькино лицо. По всей видимости, у неё с этим обстояло не легче, но сейчас подобные инсинуации тревожили меньше всего: нужно было как можно скорее выбираться из леса.

Валька поднял палец, призывая к тишине. Где-то вдалеке, за оврагом слышался звук работающего механизма. Затем послышался короткий гудок, и всё стихло.

— Странно, — прошептал Валька, вновь обретая чувство сохранения безопасности. — Егорович говорил, что в этих лесах проложена только тупиковая ветвь, откуда же тогда гудок тепловоза?

...Только он успел произнести последнюю фразу, как за спиной раздался властный голос, привыкший к подчинению:

— Сидеть и не двигаться! Любое движение будет расцениваться как попытка к побегу.

Щёлкнул затвор, и Маришка вскрикнула, не оборачиваясь.

— Руги за голову!

Они подчинились, боясь сделать лишнее движение: и без предупреждений стало ясно, что их выследили и поймали, арестовав тут же у берёз.

— Второй, я Пятый, — послышался за их спинами голос, очевидно, передававший кому-то по радиации сложившуюся обстановку. — Товарищ старший лейтенант, беглецы обнаружены. Девушка и парень. Куда их? Приём.

— Понял вас, Пятый. Передайте их на уазики Шестому, они патрулируют вдоль полосы. Скажите, чтобы везли их на объект, там их встретят. Конец связи.

Из-за спин вышел молодой сержант в форме десантника. Вместо автомата в руке он держал пистолет системы Макарова, наведённый на обоих друзей. Ни угрозы, ни какого-либо отчуждения его взгляд не выражал: обычное простое безразличие, не более того, как успел заметить Валька.

— Вставайте и следуйте за нами. Вопросы не задавать, по пути не переговариваться — в противном случае будет применено насилие. Всё ясно?

Маришка хотела что-то возразить, но Валик предостерег её взглядом. С обученными десантниками шутки плохи, он знал это. Если бы их с Маришкой приняли за грибников, тогда ещё можно было бы возму-

цаться. А их назвали беглецами, следовательно, обнаружены их вещи и засада. А там фотоаппарат...

Валька помог девушке подняться и первым пошёл за сержантом. Тот шёл впереди, не оглядываясь и совершенно не интересуясь, что происходит у него за спиной. По бокам шли автоматчики и, судя по всему, направлялись как раз в то место, где Валентин услышал подозрительные звуки.

Время приближалось к пяти часам вечера, и солнечный диск своим ярко-красным нимбом уже начинал касаться верхушек деревьев.

Ночь обещала быть тёплой.

***

Сергея с Егоровичем запихнули в армейский «Газ-66» и повезли в неизвестном направлении. Здесь же с ними присутствовали и двое молчаливых автоматчиков, за всю дорогу не произнёсших ни слова.

Ехали больше часа, постоянно куда-то сворачивая и трясясь на ухабах. В воздухе витал зловещий запах неизвестности. Сергей чихнул и машина остановилась. Открыв дверь, конвоиры спрыгнули на землю, отдали честь старшему лейтенанту, просидевшему весь маршрут в кабине, и так же молчаливо ретировались, абсолютно не интересуясь дальнейшей судьбой обоих пленников.

Судя по всему, это была та самая база, за которой наблюдали Валька с Егоровичем, но Сергей видел её лишь однажды, поэтому принял за исподтишка наблюдать за внутренним интерьером загадочного объекта. Радиорелейные установки, какие-то подземные строения, бункеры, склады, цистерны, водокачка. Под навесом несколько десятков грузовых машин и огромный ангар, укрытый от глаз защитной сеткой камуфляжа. Чуть левее жилые казармы и много прохаживающихся солдат в десантной форме. Кто курит, кто чистит оружие, кто натирает сапоги. Да тут целый гарнизон! — отметил про себя Сергей.

А вот и холм, тот самый, из которого выскакивала карета с упряжкой лошадей. Вблизи он показался ещё более массивным — настоящим подземным бункером, способным вместить в себя не только роту солдат, но и, похоже, целый гараж автопарка. Рядом штабелями лежат какие-то ящики и контейнеры, очевидно, те, что видел Егорович, наблюдая из-за укрытия за локомотивом.

Сергей многозначительно обменялся взглядом со своим старшим товарищем, но спрашивать что-либо побоялся, так как к ним уже подошёл тот самый офицер, сопровождавший их в дороге.

— Сейчас вас отведут в отдельное помещение, где вы пробудете, прежде чем вас вызовут.

— Можно вопрос, товарищ старший лейтенант? — Егорович уже заранее знал ответ:

— Мы пленники?

— В какой-то степени, да.

— И что с нами будет?

— Это не в моей компетенции. После ужина вы встретитесь с человеком, который будет решать вашу участь. Слишком много вы знаете. В ваших вещах был обнаружен фотоаппарат, и когда проявят плёнку, тогда и вынесут решение.

У Сергея всё в душе оборвалось, а Егорович, скрывая волнение и теперь уже очевидную безысходность, продолжал тянуть время.

— Стало быть, вы уже и наших товарищей задержали? — скрывать присутствие Маришки с Валиком теперь не имело никакого смысла, раз в их руках оказались их вещи.

— Задержали, — удовлетворённо кивнул офицер. — Далеко они не успели скрыться и скоро придут сюда следом за вами.

— А мы... простите, мы их увидим? — запнулся Сергей, едва выговаривая слова.

— Это буду решать уже не я.

Офицер несколько секунд подумал и, помедлив, ответил:

— Скорее всего, вы с ними больше не встретитесь. Прощайте.

...И ушёл.

Серёга с тихим стоном начал сползать на землю и, если бы не Егорович, так и рухнул бы здесь навзничь, на виду у всего солдатского гарнизона, которые, впрочем, не проявляли к пленникам абсолютно никакого интереса.

Господи! Маришка! Неужели он больше никогда её не увидит?

Бедный парень готов был грохнуться в обморок тут же, не ожидая дальнейшей своей судьбы, но от временной потери сознания его спасло прибытие четырёх конвоиров, которые без дальнейших объяснений проводили их к вагончику военного образца, укрытого, так же как и все остальные строения на базе защитной сеткой камуфляжа. Что-то в них было не так, в этих автоматчиках, заметил Егорович. Какой-то пустой, ничего не выражающий взгляд затуманенных зрачков, находящихся под воздействием неизвестных препаратов или медицинских стимуляторов... Попробовать спросить что-нибудь?

— Куда нас определяют, не знаете? — обратился он к ближайшему конвоиру.

— Не разговаривать! — последовал резкий ответ.

— Тогда хоть закурить угостите.

— Не положено.

Впереди шедший сержант обернулся:

— Придѣте на место — там закурите.

Сергей плѣлся вслед за Егоровичем, абсолютно теперь не замечая окружающее его пространство, поскольку был всецело погружѣн печальными думами о Маришке, переваривая слова лейтенанта, что он еѣ больше никогда не увидит.

А посмотреть было на что...

Территория была огромной: что-то около двух футбольных полей, прижатых друг к другу. Основную часть занимали какие-то непонятные технические строения, а в середине располагался центральный плац, на котором сейчас маршировали отдельные группы воинского подразделения. Как им удавалось сохранять секретность всего этого военного комплекса, Егорович так и не узнал.

Всѣ утопало в уже пожелтевшей листве, и с высоты птичьего полѣта подобный объект не так-то легко было и заметить.

Тем временем, из двухэтажного здания, очевидно, их штаба, вышел пожилой человек в гражданском одеянии и, подозвав к себе сержанта, указывая рукой на пленников, отдал какое-то распоряжение. Сержант тут же вернулся и повѣл друзей к вагончику, за которым двумя рядами была натянута стальная проволока, неприятно гудевшая от пущенного по ней электрического напряжения. Этот жуткий слуху гул, исходивший от проводов, заставлял шевелиться волосы на голове.

Открыв дверь вагончика, сержант подтолкнул обоих внутрь и, закрывая за ними, произнёс напоследок:

— Будете пока здесь. Туалет и рукомойники внутри. Ужин сейчас принесут. Дверь будет заперта и снаружи выставлена охрана. Располагайтесь как дома, — нелепо улыбнулся он в такой неординарной ситуации, — но стучать и звать кого-либо не советую: охранникам дана команда не общаться с вами ни при каких обстоятельствах. После ужина можете отдохнуть, завтра утром вас вызовут. Это всѣ.

...И прежде чем Егорович успел что-то спросить, дверь захлопнулась, издав звук запираемого замка.

№11.

Маришку с Валентином препроводили в точно такой же вагончик, только отстоявший от предыдущего на несколько десятков метров в другую сторону территории, между которыми были насажены клумбы,

располагались оранжереи, огороды и загоны для свиней и прочего домашнего скота. База была автономной и содержала себя сама, как впоследствии узнал Егорович от будущего куратора проекта «Петля Мёбиуса». Но об этом позже.

Сейчас им предоставили две отдельные комнаты, расположенные в вагончике по обоим бокам от входа и разделённые маленьким коридорчиком на две относительно уютные части. В небольшой уборной вода набиралась в бачок, а к раковине был подведён слив, прикрытый довольно милой на вид занавеской. Комнаты были одинаковы и отличались только убранством. В одной на прикроватной тумбочке лежали женские журналы мод и актёров, в другой — мужские, об экспедициях или научных открытиях.

— Как ждали, — хмыкнул Валька, скептически оглядывая репродукции над кроватями. В женской половине был изображён пляж с пальмами, в мужской — ледокол во льдах. — Уже радует, что не расстреляют сразу, — пошутил он, — раз журналы даже положили.

— Это та самая база, за которой вы с Егоровичем подглядывали, а потом взяли с собой Сергея?

— Похоже, да, — кивнул Валька, обходя комнаты и заглядывая в каждый уголок, не забыв посмотреть и под кроватями. — Я заметил некоторые ориентиры, которые бросались нам в глаза снаружи. Видела холм, когда нас выгрузили из машины?

Маришка кивнула.

— Вот из-под него, когда он отъехал в прошлый раз в сторону, и выскочила та самая карета.

— С гербами императрицы?

— Так говорил Егорович, — пожал он плечами.

— И ты думаешь, Серёжку с Егоровичем тоже сюда доставили? — она без сил опустилась на кровать, но Вальку перебил стук в дверь. Она открылась, и в коридор вошёл хмурый охранник с двумя кухонными армейскими бачками, которые применяют солдаты, находясь в походе или на многодневных учениях.

— Ваш ужин, — кратко пояснил он, выставляя на стол посуду. — Как поужинаете, постучите в дверь, кто-нибудь заберёт. На полочке есть кофе в банке и электрочайник, на случай, если добавочно захотите кофе. — И быстро вышел, не проронив больше ни слова, прежде чем Маришка захотела спросить ещё что-либо.

Валька тут же накинулся на гречневую кашу с салом, а Маришка, слегка поковыряв вилкой в миске, предпочла кофе с печеньем. Когда, уже насытившись, Валька собрался постучать в дверь, она сама внезап-

но открылась, и в проёме коридора возник сержант, сразу же пресекая все вопросы своим кратким объяснением:

— С этого момента вы находитесь в двухдневном карантине. Еду вам будут приносить три раза в день — завтрак, обед и ужин. Кофе и чай на ваше усмотрение. Соблюдайте технику пожарной безопасности. Завтра утром после завтрака вам сделают прививки: какие — вам при этом объяснят. У нас здесь зона стерильности и нам не нужны вирусы извне. Если что-то понадобится — снаружи дежурит охрана, но по пустякам её не тревожить. Сейчас вам принесут переносной телевизор. Вопросы есть?

— А как же с нашими родителями, родственниками, друзьями, — спросила удивлённо Маришка. — Они же будут нас искать!

— Об этом не беспокойтесь, — загадочно ответил сержант. — Ваши родственники и не заметят, что вас какое-то время не было...

И вышел, закрыв за собой дверь. Спустя минуту, вошли двое охранников, молчаливо подключили телевизор, собрали посуду и удалились. Дверь щёлкнула замком, телевизор заработал, и наступила тишина, разбавляемая лишь монотонным голосом диктора, вещавшим о погоде в климатической зоне данного региона страны.

— Ты что-нибудь поняла? — ошарашено спросил Валька, уставившись на Маришку выпученными глазами. Всё произошло настолько быстро, что он ещё не успел сообразить и осмыслить смысла, сказанного сержантом.

— Наши родственники не заметят, что нас не было... — повторила последнюю фразу сержанта Маришка. Она сидела не менее потрясённая, нежели её приятель. — Как это «не заметят»?

Валька только хлопал бессмысленными глазами и глупо тараторил в телевизор, абсолютно не понимая, в чём дело.

— Единственное, — наконец вымолвил он, — это то, что мы пока живы и нас намерены держать здесь для каких-то неизвестных нам целей.

Он внезапно обмяк, зевнул и, вставая, потянулся:

— Завтра узнаем больше, а пока давай спать ложиться. Что-то меня в сон потянуло.

Маришку тоже отчего-то сразу разморило и захотелось спать, даже не приняв вечерний туалет.

Они едва успели разойтись по комнатам и завалиться прямо в одежде на кровати, как тут же провалились в сон. Сморившая их внезапная нега была настолько глубокой и сильной, что они даже не почувствовали рук, закатывавшие им рукава. Уколы были сделаны быстро и

безболезненно. Снотворное, подмешанное им в кисель, давало знать о себе безоговорочно и безупречно.

...На другой стороне территории в таком же вагончике происходило похожее действие, с той лишь разницей, что при инъекциях двум другим участникам событий под кожу был введён совсем иной раствор медицинского препарата.

Проект «Петля Мёбиуса» вступил во вторую фазу своего существования.

***

— Сколько времени, Сергей? — Егорович едва разлепил глаза после вчерашнего, отчего-то совсем вылетевшего из памяти вечера.

— Мои часы остановились, — помедлив, ответил Сергей из соседней комнаты. — У тебя голова не болит?

— Ещё как болит, прокряхтел старший приятель, прошлёпав босыми ногами к умывальнику. — Я даже не помню, как разделся и упал в кровать.

— Я тоже только ужин помню. Потом — пустота.

— Всё ясно, — умываясь и фыркая под струёй воды, резюмировал Егорович. — Нам просто подсыпали в еду снотворное.

— Но зачем?

— Вот этот вопрос я и задаю себе с тех пор, как проснулся. Мои часы тоже остановились, и думаю, это неспроста. Тут что-то не так.

Их утренний моцион прервала открывшаяся дверь, и на пороге возник охранник, предупредив все возникшие вопросы:

— Сейчас принесут завтрак.

Дверь захлопнулась.

Сергей удивлённо посмотрел на Егоровича, передававшего ему полотенцеб

— Нет, ну ты понял? Как робот какой-то.

— Я вчера ещё заметил, — озадаченно подтвердил Егорович, — да вот поделиться с тобой не успел — отключился в мгновение ока. Они здесь все такие.

— Какие? И кто все?

— Солдаты. Автоматчики. Десантники, которые нас арестовали и которые маршируют на плаце. Офицеры, похоже, нет, а вот младший состав напичкан здесь какими-то транквилизаторами с головой, я по их глазам вчера приметил. Как зомби ходят.

— То-то я думаю, что они отвечают как автоматы с газировкой. Ни эмоций, ни улыбок, все рожи на одно лицо.

Егорович закурил и, помедлив, предположил:

— Если Маришку с Валиком тоже здесь где-то держат, то мы этим людям для чего-то нужны.

— Например? Просто арестовали, влепят по зубам и отправят домой, предупредив, чтобы не болтали лишнего об этом объекте... — Сергей вдруг запнулся, только сейчас поняв, о чём хотел сказать Егорович. Да ещё и образ милой Маришки всплыл в памяти, которую он, по словам офицера, больше никогда не увидит. — Ты хочешь сказать...

— У них теперь фотоаппарат, Серёжа, не забывай об этом. Нас уже никто никуда не выпустит. Зачем, спрашивается, они нас вчера вечером усыпили, как ты думаешь?

— Ну... — протянул Сергей.

— Затем, — перебил его красноречие старший друг, — что пока мы спали, с нами уже что-то сделали.

— В каком смысле? — выпучил глаза Серёга.

— В таком, что мы им для чего-то нужны. Солдаты все под наркотиками, база автономная и не является никаким стратегическим военным объектом, а скорее всего, является какой-то секретной лабораторией, где производятся неизвестные нам опыты, возможно даже, с проколами во времени.

— Чего-о? — не понял Сергей, почёсывая руку у сгиба локтя.

— Во времени, Серёжа, в пространстве — времени. Помнишь карету? Неспроста же она выскочила из подземелья. Здесь происходит что-то весьма засекреченное от народа, и мы, дорогой друг, раз уж попали к ним в руки, являемся теперь для них подопытным материалом. — Он выдохнул дым потолок. — Кролики мы, Серёжа. Кролики для опытов. У тебя суставы крутит с утра?

— Д-да... — запнулся Сергей, снова принимаясь чесать руку. — И голова и давление...

— Вот! — поднял вверх палец Егорович. — Над нами, пока мы спали, провели уже какой-то свой первый опыт. — Он тоже почесал руку и, внезапно осенённый ужасной догадкой, быстро притянул руку Сергея к себе:

— Смотри!

Оба уставились на крошечные пятнышки в сгибах локтя в одном и том же месте их левой руки.

— Вот! Что и требовалось доказать. Нам вкололи какую-то сыворотку, а пока мы спали, каким-то образом вывели из строя наши часы. Соображаешь, для чего это проделано?

Ответить Сергей не успел. В это время открылась дверь, и в вагончик вошли двое молчаливых охранников, держа в руках подносы с завтраком.

Оба друга многозначительно обменялись взглядами, но промолчали. И так было ясно.

...Глаза десантников были пусты и не выражали никаких человеческих эмоций.

***

В четыре часа утра их, всё ещё спящих глубоким сном, погрузили в санитарную машину и повезли в неизвестном направлении. По трассе при хорошей погоде до города было часа два езды, а в такое время суток и того меньше, поскольку встречного транспорта почти не попадалось.

Ровно в полшестого утра их усадили в парке, по иронии судьбы, на ту же скамейку, где два дня назад Сергей с Маришкой встретились перед институтом, чтобы взять там освобождение от учёбы и, оставив, привалившихся друг к другу плечами, уехали на санитарной машине, никем не замеченные. Разница состояла лишь в персонажах: теперь на лавочке, вместо Сергея находился спящий Валентин, а Маришка, проснувшись позже, никак не могла взять себе в толк, каким образом Валька оказался здесь, если несколько минут назад прежде был её Серёжка...

А объяснялось всё, в общем-то, довольно просто: для обоих друзей сегодня вновь был понедельник. Тот самый понедельник, когда незадачливый Сергей пригласил её в парк и рассказал историю кареты с локомотивом. Вот такая ирония судьбы. Им обоим стёрли память и каким-то неведомым образом повернули время вспять, отодвинув события, или, точнее, вернув их обратно на два дня назад.

Город только начинал просыпаться, и парк был ещё совершенно пуст.

Первой, как уже упоминалось, пришла в себя Марина. Голова кружилась, во рту чувствовался привкус железа, левая рука на сгибе локтя почему-то неприятно ныла. Ещё только светало, но поднеся руку к глазам и закатав рукав куртки, она всё же различила едва заметное пятнышко от укола, при этом немало удивившись и уставившись на него вытаращенными от испуга глазами. Ещё больше она удивилась, когда сплюнула на ладонь крупинки гречневой каши, отчего-то застрявшей в зубах. Гречку за последние несколько дней, насколько она помнила, ей употреблять не приходилось: особенно вчера на день рождения.

Мысли путались и разбегались в разные стороны, абсолютно не собираясь в этот ранний час выстраиваться в разумную логическую цепочку. Она помотала головой и вновь уставилась на спящего Вальку. Мимо прошёл дворник и подозрительно, с сомнением посмотрел на молодую пару.

«Стыдно-то как...» — мелькнуло у Маришки.

«Накурились...» — мелькнуло у дворника.

— Валик! — потормошила она друга, абсолютно не понимая, что сейчас происходит, и каким образом она оказалась рано утром на скамейке парка рядом с ним. — Валька! Просыпайся, слышишь?

После нескольких бесполезных попыток Валентин всё-таки открыл один глаз. Через минуту — другой. Мимо прошёл ещё один человек с портфелем: город начинал просыпаться. Сейчас заработают светофоры, прокатят первые трамваи, люди пойдут на работу, и их увидят в таком неприглядном виде, отчего у Маришки сразу покраснели щёки.

— Валька! — тормошила она его.

— Где...я? — донеслось как из утробы.

— На лавочке у фонтана.

— У... какого фонтана?

— У нашего, в парке.

— А что я тут делаю?

— Не знаю.

— А ты что тут делаешь?

— Тоже не знаю! — Маришка готова была расплакаться от отчаяния.

— Нормально...

Он взглянул на часы. Начало седьмого. Уже рассвело и прохожих прибавилось. За лесопосадкой прогремел трамвай, вдалеке на перекрёстке просигналила машина, а сверху на край лавочки спикировали первые голубе.

— Мы что, вчера на твоём дне рождении так нарезались, что полегли тут на лавочках спать? А где Серёга?

— Не знаю.

Валька принял вертикальное положение, почмокал ртом и выплюнул на свет божий крупинки гречки, отчего-то показавшимися ему невероятно противными.

— Мы что, вчера кашу у тебя ели?

— Не помню, — всхлипнула Маришка, отчаянно расчёсывая место укола.

— Нормально... — повторил Валька, тоже, в свою очередь, пытаясь расчесать зудящее место на руке.

— Ты что-нибудь понимаешь? — едва не выходя из себя, пролепетала девушка. — Объясни мне: что мы с тобой вдвоём делаем здесь на лавочке в такую рань? И где, наконец, Серёжка?

— Я думал, ты знаешь... Это ж ты меня разбудила. — Он закашлялся, сморщился от головной боли и почесал руку. — Я, мягко говоря, по меньшей мере, вообще ничего не понимаю.

— Я тоже.

Маришку вдруг внезапно осенило:

— А ну, закатай левый рукав куртки.

— Зачем?

— Сейчас увидим.

Валька непонимающе подчинился.

— Смотри! — почти выкрикнула она истерично. — У меня такая же отметина, на том же месте, что и у тебя. — Глаза её наполнились слезами. — Как раз в вену...

Какое-то время они испуганно смотрели друг на друга, а потом в унисон оба душераздирающе заорали:

— Не-е-т!!!

Маришка едва не свалилась в обморок, а Валька принялся лихорадочно повторять:

— Я не наркоман! Я не наркоман! Это всё бред!

Прошло довольно долгое время, прежде чем они, наконец, успокоились, если это можно было назвать спокойствием. Обоих била крупная дрожь, они поминутно оглядывали остальные вены, но больше ничего не обнаружив, пришли к выводу, что это был единичный укол, они были пьяны и в разгар веселья решили первый раз в жизни попробовать уколиться. Вопрос состоял лишь в том: КТО дал им эту дозу, и ГДЕ, собственно говоря, все остальные? Где, прежде всего, Сергей?

Ни тот ни другой абсолютно не помнили, что с ними произошло за последние два дня, и оба были абсолютно уверены, что сегодня утро понедельника.

Они ещё немного посидели, успокаивая друг друга, потом поднялись и направились к Сергею на квартиру, узнать, где он мог пропасть, пока они спали на лавочке без сознания. Маришка так и не вспомнила, что была зла на Сергея за его отсутствие на её дне рождения, а Валька совершенно не помнил, что на станции «Кубанская» у озера его должен был поджидать его приятель — путеобходчик Егорович.

Когда парочка растворилась в утреннем тумане, из-за ближайших кустов вышли двое неизвестных, подошли к лавочке, наклонились, и отцепили снизу прилепленный микрофон, при этом сообщив по рации невидимым собеседникам на том конце связи:

— Шестой, я третий, приём.

— Слушает вас Шестой.

— Всё в порядке. Субъекты ничего не помнят и переживают, как бы в будущем не стать наркоманами. Направились на квартиру к их другу. Приём.

Рация что-то удовлетворительно ответила и отключилась.

...В городском парке наступало утро понедельника.

***

...Их провели в едва освещаемое помещение и на время оставили одних. Звуки голосов, доносившиеся из соседней двери, о чём-то переговаривались без всяких интонаций и эмоций, а уже когда Сергей решил, было, заглянуть от любопытства внутрь — дверь распахнулась сама, и их пригласили войти.

В дальнем углу просторного помещения возвышалась ярко освещённая панель, где под стеклянными дверцами крутились катушки с перфорированными лентами. Неоновое обрамление мигающих лампочек по всему периметру вызвало у Сергея чувство какого-то благоговения при виде столь совершенной техники, никогда прежде не попадавшей ему на глаза. Зато Егорович сразу смекнул, с чем имеет дело в этом штабе их базового руководства. Пульт управления — не меньше, подумал он. Только управления чего? Или кем?

Вообще, весь этот, с позволения сказать, кабинет был напичкан электроникой по самую, что ни на есть, завязку, и Егорович не удивился, вспоминая необыкновенный локомотив, который могли построить только в будущем.

Панель светилась за спиной человека, который сидел за большим столом и мило улыбался, желая показать друзьям своё гостеприимное радушие. Тут же находился и тот лейтенант, что задержал их у развалин комбината, сидевший сейчас в кресле и куривший, выпуская струю дыма в потолок. Был ещё третий присутствующий, но из-за контраста света в противоположном углу кабинета, он был едва виден, предпочитая, очевидно, находиться в тени.

— Присаживайтесь, — пригласил их человек за столом и указал на два свободных кресла, таких же мягких, как и у офицера, который кивнул им, будто старый знакомый.

Оба друга присели и принялись с волнением ожидать своего неутешительного, как они предполагали, вердикта.

Вместо этого, сидящий за столом мягко произнёс:

— Здравствуйте, Николай Егорович. Будем знакомы. Меня зовут Тимофей Фёдорович. Сергей удивлённо бросил взгляд на своего старшего товарища, абсолютно не предполагая заранее, что здесь его будут знать по имени отчеству. Потом смекнул: точно! У них же находится удостоверение путеобходчика, изъятое ими при обыске. Но каково же было его удивление, когда подобным образом обратились и к нему, совершенно не меняя интонацию голоса:

— И вы, Сергей, здравствуйте. Ваше отчество и фамилию я тоже знаю, но так как вы по возрасту младше меня минимум втрое, то ограничимся просто именем. Вы не против?

Сергей кивнул и решил молчать до последнего, пока не узнает участь своей любимой.

Пожилой человек будто читал его мысли и, решительно поднявшись из-за стола, приблизился к друзьям, абсолютно не опасаясь за свою безопасность.

— С вашей девушкой и вашим другом всё в порядке, хочу сразу предупредить, чтобы тут же наладить с вами приятную для нас беседу. Они находятся здесь же, на территории, но увидеться вы пока не сможете, в силу... — он секунду помолчал, что-то, очевидно, взвешивая в уме, — скажем, некоторых обстоятельств, заставляющих меня как начальника всей этой базы, пока повременить с данным решением. Возможно, позже вы и увидите, а пока давайте знакомиться. Итак, сразу ставлю вас в известность, что я из Комитета Государственной Безопасности, имею звание полковника КГБ и научную степень доктора исторических наук при Академии СССР. Это, — показал он рукой на старшего лейтенанта, — один из моих подчинённых офицеров, который командует военным контингентом, как вы уже вероятно догадались, нашей секретной базы, неподведомственной ни одному армейскому подразделению страны. — Лейтенант галантно поклонился. — Сзади вас, — продолжил полковник, — присутствует главный санитарный инспектор базы, но с ним вы познакомитесь позже. Наш первый разговор сейчас не записывается, поэтому предлагаю быть предельно откровенными: от ваших ответов будет зависеть дальнейшее пребывание на базе и моё к вам дружеское расположение. Если вы согласитесь на мои условия, которые я вам озвучу, то обе наши стороны выиграют в любом случае при любых стечениях обстоятельств.

Сергей посмотрел на Егоровича и неопределённо пожал плечами. По его мнению, ему пока ничего конкретного не предложили. Егорович же, напротив, подался вперёд и с интересом стал слушать продолжения, по всей видимости, уже составляя план будущего побега... — так, во всяком случае, предполагал Сергей.

— Можете курить, если хотите, — подвинул им пепельницу начальник базы. Голос его был мягким, душевным, и сразу отчего-то располагал к доверительной беседе. Предложенные сигареты были американским образцом товарной фирмы «Мальборо», и Сергей с деланным напускным спокойствием тотчас же не преминул воспользоваться столь щедрым предложением, прикурив от дорогой зажигалки, лежащей рядом с пепельницей.

— Нам что-то вкололи, пока мы по вашей прихоти отключились? — впервые подал голос Егорович, считая нужным сию минуту восстановить статус-кво в своих разбросанных мыслях. — Откуда вы знаете отчество Сергея? Где мы находимся? Что с нашими друзьями и что с нами будет дальше? И, наконец, нас же всех будут в скором времени искать, привлекая прессу, милицию, следопытов и собак. Вы этого не боитесь?

Полковник, продолжая улыбаться, развёл руками, и как бы невзначай окинул взглядом помещение.

— Отвечаю по порядку. Вы, сами того не подозревая, скажем так, влезли в секретный эксперимент по перемещению во времени. Видите, до какой степени я с вами откровенен, сразу ставя вас в известность и делясь с вами столь засекреченной информацией? Давайте будем предельно откровенны друг с другом. Вам вкололи некий безобидный медицинский раствор, который поможет вам находиться здесь под стерильным куполом, накрывающим нашу базу от внешнего мира, не более того. Здоровью этот препарат не угрожает — у нас самих у всех он находится в крови. Далее... — полковник принялся расхаживать по кабинету, меряя шагами мягкий ковёр под ногами. Офицер и главный врач пока предпочитали молчать, давая возможность своему начальнику ввести в курс дела прибывших сюда не по своей воле горе-следопытов. — Что касается ваших друзей и вашей дальнейшей участи, будет зависеть от вашего решения, после того, как я озвучу своё предложение. Откуда я знаю ваши имена и имена ваших друзей? Всё очень просто. Мы стали следить за вами с самого первого дня, когда вы, Николай Егорович, с Валентином появились впервые у засады напротив колючей проволоки. Мы навели справки о вас, затем появились Сергей с Мариной, ну... — сделал он паузу, — а дальше уже, как говорится, по накатанной.

Он загадочно посмотрел на друзей и широко улыбнулся, показывая своё добродушие.

— Раз уж вы, простите, вляпались в эту историю, то предлагаю вам стать нашими добровольцами, которых я попытаюсь «закинуть» в иную эпоху времени, — сделал он ударение. — А что касается ваших родственников и друзей, то они абсолютно не почувствуют разницу во время вашего отсутствия, поскольку в конце эксперимента вы будете возвращены в тот же день, как впервые появились в пределах нашей базы. Разумеется, после окончания эксперимента вам сотрут память и доставят в свои родные, фигурально выражаясь, пенаты. Ни вы сами, ни ваши друзья не будут помнить ни одного часа, проведённого здесь и, мало того, вы даже не будете помнить, где располагается наша секретная база. Зато, во время эксперимента вы побываете в различных эпохах временного континуума, иными словами, станете путешественниками во времени, как это описывают писатели-фантасты, начиная ещё с времён Герберта Уэллса с его пресловутым романом «Машина времени». Таково вкратце моё предложение, повторюсь лишь, что здоровью вашему этот проект несколько не повредит. Если вы согласитесь — я дам вам время на раздумье до завтрашнего дня — то все остальные технические подробности проекта мы обсудим позже. Уточню пока, сто ни одна страна в мире — ни Китай, ни Америка — ещё не подобралась так вплотную к перемещениям сквозь пространства и временные промежутки истории Земли, и нет такой Вселенной, куда бы ни проник мозг человека, занимавшегося подобной проблемой. Вот, почему наш проект курирует ведомство КГБ, и возглавляю его я, имея всесторонние полномочия Кремля, — счёл нужным заметить начальник эксперимента, заканчивая вынесенное им предложение. — Я на все вопросы ответил?

Наступила довольно продолжительная пауза. Сергей с Егоровичем обменивались взглядами, но пока ничего путного им не приходило в голову — настолько внезапно обрушилась на них столь грандиозная и потрясающая информация.

— Можете не спешить с ответом. Сейчас вернётесь в вагончик, обдумаете всё, отдохнёте, пообедаете, возможно, я даже разрешу вам прогуляться за территорией вагончика. Завтра дадите ответ. Старший лейтенант вас проводит. Беседы у нас ещё будут долгие при подготовке к переброске. Разумеется, — улыбнулся он, — если вы согласитесь.

— А если нет? — подал голос Сергей.

Тимофей Фёдорович пожал плечами:

— Тогда вам сотрут память ещё прежде, чем вы побываете в различных эпохах истории. Потеряете шанс на столь волнующую и потрясающую возможность познакомиться с бытом, скажем, Елизаветинских времён, и погостить недельку в ином временном промежутке континуума.

— Так вот, откуда карета с гербами императрицы Елизаветы Петровны! — воскликнул Егорович. — Вы уже пытались проводить эксперимент, верно?

— Верно. К сожалению, кое-что вышло из-под контроля, и карета «выскочила» из ТОГО мира в НАШ, переполошив всех наших учёных, занятых в данном проекте. Но нам удалось вовремя «вернуть» экипаж назад, и всё закончилось благополучно. Это был первый опыт с перемещением. Если вы не согласитесь — мы подыщем других добровольцев, благо их бывает в этой части леса каждый год предостаточно, и мы уже многим стёрли память во избежание огласки.

— Или уничтожили, как того бедолагу в белом халате у стен комбината, — вдруг злобно вставил Сергей, отчего-то пожалевший незнакомца.

Полковник слегка усмехнулся.

— Я знаю о ваших снимках в фотоаппарате — мне его доставили. Того, как вы его называете, бедолагу, ликвидировали как раз в связи с этой выскочившей каретой. Будучи помощником и ассистентом, он пытался саботировать эксперимент, желал сам в нём участвовать, а когда я ему отказал по некоторым причинам, заявил, что предаст огласке весь наш проект. Решение о его устранении подписывал не я, а моё начальство в высших сферах ведомства Государственной Безопасности страны. Не хватало ещё, чтобы о нашем открытии узнали Китай, Америка или Япония — наиболее приблизившихся вплотную к путешествиям во времени. Теперь вы понимаете, что его нужно было устранить. Ценю вашу заботу о неизвестном вам человеке, но, тем не менее...

Он дал жестом понять, что первая их беседа подошла к концу, пожал дружески обоим друзьям руки и отпустил отдыхать, пообещав вечером прогулку за территорией вагончика, где не располагались казармы гарнизона.

— Остальное мы обсудим позже, — приветливо сказал он напоследок.

И подмигнул.

Секретный проект «Петля Мёбиуса» вступил в третью фазу своего существования.

Глава 2. Пятая фаза проекта

Прошло ровно тридцать лет, и грибы в конце сентября после хмурых обложных осенних дождей росли буквально на глазах. Двое последних грибников в этом сезоне стояли и любовались природой, которая уже постепенно начинала отдавать свои права медленно, но неотвратимо надвигающейся зиме.

Одному было лет под сорок, и он носил очки, близоруко сейчас всматриваясь в подножный мох, где гроздьями на пне кучковались опята. Второй, шедший позади и держащий в руках корзину, выглядел моложе и плотнее первого, очевидно, из-за своего неумеренного аппетита в еде. Старшего звали Анатолием, младшего Дмитрием, которому от силы можно было дать лет двадцать пять, не более. Он плёлся за старшим товарищем и поминутно интересовался занудливым, почти плачевным голосом, весьма похожим на стенания больного пациента:

— Ты мне объяснишь, наконец, что мы здесь делаем, в этом непроходимом лесу, промокшие, бродящие уже несколько часов в поисках каких-то сомнительных поганок, вместо того, чтобы сидеть дома за компьютером и наслаждаться пивом? Здесь всё серое и незаметное, а твои опята должны бросаться в глаза ещё издали. Вот попомнишь мои слова, что мы снова наткнулись на поганки, будь они трижды прокляты. Я промок и хочу домой. Зачем ты меня сюда вытянул, Толик?

Голос Димы был едва ли не плаксивым, но Анатолий почти не обращал внимания на его безутешные страдания. Сегодня утром он решил ему показать в лесу то, что уже давно собирался сделать, но никак не представлялось возможным из-за обложных дождей, зарядивших с начала недели, и продолжавшихся до сегодняшнего дня — субботы. Дмитрий жил одиноко, без семьи, в однокомнатной квартире, и существовал лишь тем, что скачивал и создавал компьютерные программы для всех желающих, которые довольно сносно его финансировали, чем он и жил, почти неотлучно находясь за компьютером, и выходя из квартиры лишь тогда, когда Анатолий имел возможность вытащить его на улицу. Сегодня, после продолжительных дождей эта возможность представилась, и рано утром, невзирая ни на какие уговоры, Толик, будучи его единственным другом, всё же вытянул Дмитрия из постели и на электричке довёз до станции «Кубанская», где они и углубились в лес в поисках последних в этом сезоне грибов.

— Иди за мной, скоро увидишь, — загадочно сказал Толик, подмигнув другу. — И прекрати канючить, скажи спасибо, что я тебя хоть на

свежий воздух вытащил от твоих бесконечных сидений за компьютером. Посмотри, природа какая! Ни цивилизации тебе, ни выхлопных газов, ни воя полицейских сирен — тишина, да и только! Мы, кстати, уже почти пришли. Можешь присесть на то поваленное дерево и перевести дух. Я сейчас...

Анатолий куда-то на миг отлучился, затем тут же появился среди деревьев, удовлетворённо хмыкнул и «обрадовал» друга:

— К сожалению, не туда забрели. Ещё минут двадцать ходьбы, и тогда уж точно увидишь то, что я тебе давно хотел показать.

— Что именно? — с покорным вздохом спросил любитель компьютерных программ.

— Ну, это, братец, уже сюрпризом никак не будет, если я тебе сейчас отвечу. Поднимайся, потерпи ещё немного, пять минут ходьбы и мы на месте.

— Пива хочу, — упрямо прокомментировал ситуацию друг. — А нам ещё возвращаться назад! — он поднял руки вверх и отчего-то погрозил небесам. — Знал бы, в жизнь не согласился с тобой на такую авантюру. Грибов — пустая корзина, а ты тянешь меня, куда глаза глядят.

Анатолий уже, было, собрался ответить какой-нибудь ехидной колкостью, как вдруг...

Внезапно начало что-то происходить.

...Спокойный тихий осенний лес в радиусе пятидесяти метров вдруг ожил, встрепенулся и загудел.

Анатолия ниоткуда взявшимся вихрем внезапно отбросило в сторону, а Дима с лукошком, уже пустым, закружился в круговороте поднятой с земли листвы и лишайника. Грибы из корзинки разбросало в разные стороны, Толика припечатало к ближайшему дереву и... спустя две секунды всё стихло. Лес как был, так и остался: стремительный налёт вихря был настолько кратковременным, что не успел испугать даже белок, прыгающих с ветки на ветки над головами путешественников. Два товарища уставились друг на друга непонимающими взглядами. То, что они раньше принимали за довольно крупный холм с поросшими деревьями, кустами и кучками опят, вдруг загудел и отъехал в сторону с противным железным скрипом. Перед изумлёнными грибниками из земли выдвинулась бетонная площадка с поднимающимся из глубины провала грузовым лифтом, заработали по бокам вращающиеся габаритные огни, и на свет божий вышли, а точнее вывалились два человека в непонятном старинном одеянии. На одном, который выглядел старше своего спутника сидел камзол времён XVIII-го века, расшитый позолоченными узорами и кружевными рюшками, на другом нелепо болтался

кафтан тех же, очевидно, времён, только проще изготовленный неизвестными портными, без золота, бантов и отличительных регалий.

Заметив двух оторопелых друзей с пустыми лукошками, оба незнакомца с надеждой спросили, едва выговаривая слова, и перебивая друг друга:

— Мужики, мы где? Какой сегодня год?

...Дима тихо сполз на землю.

***

Прежде чем Анатолий начал приходить в себя после ошеломительного шока, Дмитрий, уже достаточно овладевший разумом и телом, поднялся с земли, уставился на незнакомцев, и высокопарно вымолвил первое, что пришло в голову в данной нелепой ситуации:

— Приветствуем вас на нашей планете, чужестранцы! Мы есть земляне и...

— Погодите! — перебил его старший по возрасту. — Только не убегайте, просим вас. Нам нужна помощь, мы сейчас всё объясним. Пожалуйста!

Дмитрий и не думал убежать, а если и думал, то совершенно утратил эту возможность: ноги отчего-то стали ватными и непослушными. Иноземец говорил на самом настоящем русском языке! Поразительно!

— Русские что ли? — спросил он, едва не заикаясь, но держа себя подобающим, как он предполагал, образом.

Старший в это время обернулся к своему напарнику:

— Сергей, возвратись к дереву, посмотри, пластина на месте? И запомни месторасположение пихты — нам сюда ещё возвращаться придётся.

Ни Дима, ни Толик ничего не поняли из этого монолога, поэтому, не найдя ничего лучшего, Анатолий произнёс, уже, видимо, пришедший в себя:

— Чувствуйте себя как дома... — Более глупого выражения в своей жизни он не смог придумать, пойдя на поводу своего младшего друга и приняв незнакомцев за посетителей иной галактической системы.

Тем временем младший приятель у дерева приложил большой палец к какому-то едва заметному изделию, и в ту же секунду вся грандиозная конструкция пригорка пришла в движение, только в обратном направлении. Холм въехал в своё изначальное положение, автоматика затихла и воцарилась первобытная тишина леса.

Дмитрий с Толиком так и остались стоять с открытыми ртами ловить последних в этом сезоне мух, абсолютно не понимая, что происходит.

— Всё в порядке, Егорович, — отчитался младший незнакомец, вернувшись к своему старшему товарищу. — Пластина зафиксировала мой отпечаток и сохранит в памяти до следующего воздействия. Чужие не смогут воспользоваться порталом перемещения.

Оба облегчённо вздохнули и только теперь привалились к деревьям, испытывая неприятную дрожь во всём теле.

— Ради бога, ребята, не пугайтесь, — обратился к ним тот, кого называли Егоровичем. — Не найдётся ли у вас попить чего-нибудь — мы просто умираем от жажды после этой чёртовой переборски.

Дима рефлекторно протянул флягу с водой, всё ещё продолжая пятлиться на только что захвативший холм, будто он и не выезжал из земли.

Оба путешественника в древнерусском одеянии накиннулись на воду, и только когда полностью утолили жажду, бессильно рухнули на снесённое вихрем трухлявое дерево.

— Прежде всего, будем знакомы. Меня зовут Николаем Егоровичем, а моего друга Сергеем. Мы, как вы изволили заметить, не гуманоиды, а обыкновенные русские люди. Сейчас мы всё вам объясним, но чтобы нам легче было ориентироваться, ответьте, пожалуйста, на не совсем обычный вопрос: какой сегодня год, и в какую часть климатического пояса мы попали? Не думайте, мы не умалишённые, сбежавшие из психического диспансера — когда мы всё вам объясним, вы и сами поймёте. Итак?

Анатолий, первым обрётший дар речи выдал из себя, назвав дату и год текущих событий, свои имена, страну, планету, и место её расположения в солнечной системе, очевидно, полагая, что иноземцам так будет проще ориентироваться.

Тот, которого называли Сергеем, присвистнул от изумления, и стал попеременно загибать пальцы, подсчитывая что-то в уме.

— А находитесь вы в лесу, весьма далековато от нашего города, — добавил Дима, тоже пришедший в себя, но всё ещё с сомнением выискивая на чужеземцах антенны или что-то подобное скафандрам.

Сергей, окончив что-то подсчитывать в уме, недоумённо обменялся взглядом с Егоровичем.

— Ничего, — пояснил тот своему другу. — Очевидно, при переборске произошёл какой-то непонятный сбой программы, и нас вернуло не домой, в наш реальный год, а «перекинуло» в будущее. Лифт, по словам Тимофея Фёдоровича, автоматически откроется ровно через ме-

сяц, вот тогда мы и должны тут быть непременно, чтобы вернуться назад в СВОЙ мир.

— А пока мы что, — изрядно дрожащим голосом спросил Сергей, — застряли тут, в неизвестном нам времени?

— Выходит, да. А чему ты удивляешься? Прошлый наш маршрут тоже ровно месяц длился — так запрограммировал полковник тоннель перемещения.

В течение этого диалога двое друзей-грибников переводили взгляды с одного на другого незнакомца и пытались понять, о каких таких перемещениях идёт речь, и что, собственно говоря, им делать дальше с этими незнакомыми гуманоидами.

Словхватившись и, видя, что люди из будущего не совсем понимают смысл их беседы, Егорович, наконец, изволил пояснить, развивая тему до бесконечных пределов понимания происходящего.

— Стало быть, мы в будущем, — задумчиво проговорил он, обращаясь скорее к себе, нежели к остальным. — Что ж... Позвольте тогда прояснить ситуацию, хотя, мягко говоря, мы и сами не понимаем, что именно произошло с нашим перемещением. — Он сделал паузу и подождал, когда его слушатели присядут рядом на дерево. — Итак, прежде всего, давайте будем считать себя отныне близкими друзьями, поскольку то, что вы сейчас услышите, заставит вас переменить полностью все свои прежние взгляды на жизнь. Считайте, что вы оказались невольными участниками некоего эксперимента, который имеет возможность перебрасывать органические тела — нас в данном случае — между пространствами и эпохами времени в любых его векторах и направлениях.

Таким образом, уже познакомившись ближе, Сергей с Егоровичем в течение получаса рассказали им вкратце историю своего появления в ИХ мире, начиная от базы секретного проекта и заканчивая той эпохой, в которой они прибыли месяц, прежде чем невероятным образом оказались в БУДУЩЕЙ для них эпохе.

— Здесь простая метафизика, если копнуть поглубже, — пояснял Егорович, проглатывая бутерброд, приготовленный Анатолием к их с Димкой обеденному привалу. Тем же самым занимался и Сергей, иногда добавляя в рассказ Егоровича свои впечатления и замечания. Друзья рассказали им всё от начала до конца, опустив только некоторые детали с локомотивом, комбинатом и убийством учёного. Через полчаса небольшого отдыха обе стороны уже знали друг о друге хотя бы поверхностные сведения и обобщённую информацию, чтобы не считать друг друга посланцами иных инопланетных цивилизаций. Толик с Димой узнали о проекте, о полковнике КГБ, о Маришке с Валиком, о со-

гласии друзей участвовать в пробном эксперименте и самое главное, Узнали о том путешествии, которое проделали Сергей с Егоровичем прежде, чем попасть сюда. По их словам, они целый месяц находились в эпохе правления императрицы Елизаветы Петровны, и только благодаря portalу с лифтом перемещения сумели оттуда выбраться, но попали не к себе домой в СВОЁ время, а в БУДУЩЕЕ.

— Впрочем, о приключениях наших в эпохе XVIII-го века нам ещё вам предстоит рассказывать и рассказывать, — прерывая первую беседу и первое знакомство, подвёл итог Егорович. — Мы теперь неразрывно связаны с вами, так сказать, кровно, и в научных целях предпочтительно было бы, чтобы ни одна живая душа в ВАШЕМ времени не узнала об этом проекте. Но сейчас мы просто валимся с ног после этой чёртовой переброски, и не знаю, сможем ли пройти ещё хоть километр, чтобы не заснуть на ходу.

— Стоп! — спохватился Толик. — Я как раз хотел Димке преподнести небольшой сюрприз, показав ему по секрету маленькую хижину, затерявшуюся в лесу в километре отсюда. В прошлый свой поход за грибами наткнулся на неё, вот и подумал обрадовать друга. Она совершенно пуста и одинока. Не то лесорубы когда-то построили её, не то охотники за пушниной, не то егеря для перевалочного ночлега... Тем не менее она абсолютно недоступна для посторонних глаз, поскольку там всё находится в том же состоянии, что и в начале прошлого века! Вот туда-то мы сейчас вас и поведём — там и отдохнёте до утра. А дальше будем думать, что, собственно, нам предпринимать далее.

— Так вот, зачем ты меня вытянул сегодня за грибами! — воскликнул Димка. — Это и был твой предполагаемый сюрприз?

— Ну да, — кивнул радостно Толик. — Хотел развеять тебя на природе и заодно показать месторасположение избушки столетней давности. Ты же любишь подобные загадочные артефакты. Там людей не было, по крайней мере, лет шестьдесят — семьдесят.

Он повернулся к путешественникам:

— Готовы туда идти? Минут пятнадцать, не больше. Там разведём огонь, уложим вас отдыхать, я займусь наведением порядка и поставлю капканы — видел их висящими на стене, — а Диму отправим в город за продуктами, одеждой для вас и остальным необходимым. Завтра к утру, он вернётся с полными рюкзаками и сумками, и пока вы будете просыпаться, я сбегаю, встречу его, помогу донести, и уж тогда мы с вами засядем в этом домике на несколько дней, рассказывая друг другу о своём времени и жизни. Тогда-то и поведаете нам о приключениях в XVIII веке. Согласны?

— Там же нет электричества, — с сомнением парировал Дмитрий, прежде чем друзья дали своё согласие, едва не проваливаясь в сон от усталости.

— Вот поэтому, заскочишь ко мне домой, возьмёшь свечки, шахтёрский фонарь — зарядки его аккумулятора хватит на несколько вечеров, — затем карманные фонарики, сковородку, миски, ложки, кружки и всё остальное, что может пригодиться в первые дни. Одежду и постельное бельё, очевидно, придётся прихватить во второй заход, когда мы с тобой уже вдвоём отправимся в город. Сначала первое необходимое: фонари, свечки и продукты. Много продуктов. У меня на полочке возьмёшь деньги и наведаешься в супермаркет. Бери только копчёную колбасу, банки тушёнки, чай, сахар, галеты или сухари, возможно, водки или коньяка пару бутылок. Туалетную бумагу, бритвы и прочее. Всё! Остальное ещё поразмыслим. Двигай к электричке, чтобы успеть купить всё необходимое. Завтра я тебя жду на станции, оттуда и понесём через лес всё, что ты привезёшь.

— А ты?

— А я поведу этих бедолаг к тому домику. Смотри, они уже отключились, пока мы тут с тобой планы составляем.

Дима с готовностью повиновался и, уходя, заметил, как его друг принялся тормозить заснувших путешественников.

Спустя полтора часа он, уже добравшись до станции «Кубанская», сел в отходящую электричку. Грибов он не насобирал, зато был безмерно благодарен своему старшему другу за столь удачную вылазку в лес: а ну-ка! Не каждый день тебе в лесу попадутся путешественники во времени, да ещё не из будущего, как принято у всех писателей-фантастов, а из самого, что ни на есть, настоящего ПРОШЛОГО!

Анатолий тем временем вёл едва державшихся на ногах друзей к заброшенной сторожке лесорубов, ещё не вполне осознавая, что с сегодняшнего дня и его собственная жизнь претерпит весьма колоссальные изменения как, впрочем, и жизнь Дмитрия.

Секретный проект «Петля Мёбиуса» вступил в четвёртую фазу своего существования.

***

Ближе к вечеру, в старом заброшенном домике на лежаках покрытых соломой без задних ног спали оба путешественника, попавшие в этот мир из прошлых времён. Огонь в самодельном каменном очаге согревал небольшое пространство ветхой избушки, а дым из трубы стелился над верхушками вековых сосен, обволакивая лес приятным запа-

хом варёной не то каши, не то картошки — главное, чем-то вполне съестным, будоражащим аппетит всем обитателям леса. Анатолий колдовал над старинным котелком, помешивая деревянной ложкой густую кипящую массу, издающую этот возбуждающий аромат. После криогенной заморозки при переброске в иное пространство желудка обоих путешественников были опустошены до предел.

«У вас будет крайне мало времени, чтобы выйти из анабиоза и одеться, — говорил им напутственно Тимофей Фёдорович, отправляя двух друзей в свой первый маршрут путешествий во времени. — Так как время пребывания в чужом времени рассчитано ровно на месяц, то вы в карманах найдёте съестные пайки на первые два дня пребывания, а дальше уже сами будете заботиться о своём пропитании, поскольку программа ещё не изучена, и еду мы вам доставлять не сможем. Я выбрал времена правления Елизаветы Петровны ещё и потому, что с ними связан наш инцидент с каретой, а когда первый эксперимент закончится, мы сможем отправлять вас в любое обозримое прошлое, какое мы посчитаем нужным на следующем этапе нашего проекта. Действовать на месте будете по обстоятельствам. По легенде вы, Николай Егорович, этакий среднерусский помещик, заблудившийся в лесу и потерявший карету с лошадьми, а ты, Сергей, являешься его слугой, прости уж за столь непривычное для тебя превращение. Ваша задача просто побывать в селениях того времени, пожить и самое главное — выжить в тех условиях, поскольку языковой барьер, я понимаю, доставит вам немало хлопот. В связи с этим, будете представляться выходцами из какой-нибудь далёкой архангельской или томской губернии, где разговаривают на таком же непонятном для них наречии, что и вы. Далеко от портала перемещения не уходите, поскольку он автоматически активизируется ровно через месяц своего прибытия в ТОТ мир. Успеете заскокить в лифт — вернётесь назад, не успеете — застрянете в крепостной России навсегда».

Оба друга и пробыли в России тех времён ровно месяц. Успели. Были уверены, что вернутся в свой родной город, год и время пересылки, однако...

Что-то пошло не так.

После криогенной заморозки и анабиоза, они, голодные и опустошённые физически, вдруг оказались совсем в ином промежутке временного портала, лицом к лицу столкнувшись в чужом для них мире с двумя такими же неразлучными друзьями, сразу поверившим им и предложившим неотлагательную помощь. Им просто повезло. Такое

случается редко, но всё же случается, и как показали дальнейшие события — случается неспроста.

Сейчас они спали как убитые и их организмы отдыхали от физической нагрузки, навалившейся на их бранные тела после броска сквозь пространство и время.

Анатолий вышел из пристроенного сарайчика и посмотрел в небо. Уже смеркалось, луна озаряла лес своим серебристым сиянием, и со звездами, выделяясь на вечернем небосклоне, мерцали своими дивными огнями. Ни облачка, ни тучки.

Прежде чем их разбудить, он проверил капканы, выставленные им сразу по приходу в эту сторожку, и извлёк из одного из них довольно крупного зайца, тотчас освеживав его и поставив в котле тушиться на огонь. Позже в этом же сарайчике он обнаружил жестяную банку с пшеничной крупой, пролежавшую здесь, очевидно, ещё со времён Гражданской войны, а возможно и дольше, поскольку сама структура жести уже была весьма проржавевшей и вот-вот могла рассыпаться в руках. Зато крупа, на удивление, сохранилась и не потеряла никаких вкусовых качеств, что было для Толика весьма удивительным. Так или иначе, за неимением иных пищевых продуктов, он воспользовался ею, не слишком вдаваясь в подробности этики и безопасности здоровья, посчитав, что варёное — оно и есть варёное. Не понравится — выплюнут: всего и делов-то, подумаешь...

Потом он сделал беглую уборку, произвёл ревизию всего скудного имущества сторожки и, убедившись, что в неё действительно никто не заглядывал в течение последних десятилетий, только тогда принялся будить своих новых приятелей, которые свалились на деревянные лежанки, стоило им только перешагнуть порог этого временного убежища в лесу.

Как только они, едва проснувшись, почувствовали запах тушёной зайчатины, тотчас же накинулись на еду, поглощая её, и сонными глазами благодарно смотря на своего избавителя. Насытившись и не произнеся ни слова, они еле добрались до лежанок и снова провалились в глубокий сон, так, очевидно, и, не поняв, в каком месте и районе климатического пояса они только что находились.

Самому Толику спать особо не хотелось — не позволяли мысли, роem крутившиеся у него в голове. Прав был Дима: не каждый день в лесу повстречаешь людей, могущих путешествовать сквозь время и чужие инородные пространства, да ещё и прибывших из ПРОШЛОГО. Выходит, что уже тогда, в ИХ прошедшем времени была изобретена так называемая пресловутая «машина времени», о которой писал ещё Гер-

берт Уэллс в своём знаменитом романе конца XIX-го века. И эти двое друзей, с помощью какого-то эксперимента путешествуют сейчас из одной эпохи в другую, сами того не понимая, каким образом эти путешествия возможны. Выходит, что так.

Он ещё долго размышлял над всеми, навалившимися сегодня на него впечатлениями, но, в конце концов, где-то к четырём часам утра, положив голову на локти и склонившись над столом, решил часок подремать, прежде чем выдвигаться к станции встречать Диму с его необъятными сумками и рюкзаками. Ночь, проведённая им за ветхим столом, была тёмной, но спасала луна, светившая ярко и безмятежно в сиянии собственного ореола, да и отблески огня в очаге не давали ему уснуть, танцую на стенах призрачными тенями света.

А уже утром, разбудив Егоровича с Сергеем, он поставил на стол котелок с остатками горячего ужина и помчался через лес встречать Димку.

Два часа спустя, они, нагруженные сумками, возвращались назад, оживлённо беседуя и делясь своими впечатлениями прожитого накануне дня. Дмитрий тяжело дышал и обливался потом, перечисляя всё, что он захватил с собой и купил в супермаркете, а Толик, неся за спиной огромный рюкзак, рассказывал ему о проведённой ночи в сторожке при луне.

...Так и шли они навстречу своей судьбе, уже начиная понимать, что этот неизвестный им эксперимент вскоре поглотит их, растворит в себе и перевернёт их собственную жизнь от начала до конца.

К подобному исходу, собственно говоря, всё и приближалось.

Поаплодируем мысленно этим отважным ребятам.

***

В домике лесорубов Егорович с Сергеем, молча, за обе щёки поглощали тушёную кашу с зайчатинной и только начинали приходить в себя после обвального сна, накрывшего их с головой, прежде чем они успели добраться до соломенных лежанок. Утром, когда их разбудил Анатолий, они как лунатики поплелись за ним к ручью, умылись и сходили в кусты по нужде. Потом, так же, ещё не полностью придя в себя, они покорно сели за стол, выпили горячего бульона и накинудись на еду. Когда Толик их предупредил, что отправляется на встречу с Дмитрием, они только кивнули в ответ и промычали с полными ртами что-то невразумительное, очевидно, похожее на слова благодарности.

Спустя полчаса, они, порядком насытившиеся и уже пришедшие в себя, вышли наружу и, присев у завалинки сторожки, жадно закурили,

щурясь от ласкового, но в то же время, уже осеннего солнца. День начинался замечательный.

— Кончились наши блуждания, Серёга, — потянувшись, выдохнул дым Семёнович. — Хотя бы на этот месяц мы можем себе позволить немного расслабиться и отдохнуть. Ребята попались отличные — представь, что бы мы сейчас без них делали?

— Угу, — пробормотал Сергей, всё ещё наслаждаясь ласковым утром после всех их скитаний, которые им довелось пережить в ином временном портале XVIII-го века.

— Мы можем в этой избушке весь месяц провести, ожидая, когда откроется лифт и заработает портал перемещения. Если зайцы в капканы попадают, с голоду точно не умрём.

Сергей с удивлением посмотрел на своего старшего товарища:

— И ты что же, совершенно не хочешь посмотреть ввоочию, как живут люди XXI-го века?

Егорович задумался и немного погодя ответил:

— Знаешь, милый мой, мне пока по горло хватило и XVIII-го века, чтобы тут же, сломя голову, бросаться в век грядущий. Может, со временем, деньков этак через десять, когда сниму эти чёртовы кафтаны, пропахшие благовониями и населённые средневековыми вшами. Отмоюсь, отосплюсь, тогда и решусь, возможно.

Оба, скинув ненавистные им кафтаны, брыжи и камзолы, зашвырнув в кусты туфли с имитацией серебряных пряжек, выданных им из запасников КГБ, они помчались к ручью, где принялись друг друга оттирать травой от последствий путешествия в иную эпоху.

За этим занятием их и застали вернувшиеся друзья, нагруженные неподъёмными сумками.

Полотенца, прихваченные из дому Димкой, как раз пригодились кстати. Одежда крепостной России была с брезгливостью откинута в сторону, где и осталась лежать до лучших времён.

После этого они половину дня до самого обеда распаковывали сумки и раскладывали по назначениям вещи и продукты, которые теперь будут находиться с ними здесь всё это время, пока не активируется панель перемещения. Настроение у всех было превосходное, они шутили, смеялись, рассказывали различные истории и, казалось, что четверо приятелей уже давным-давно знают друг друга, встретившись здесь в лесу, чтобы маленько отдохнуть и поболтать о насущном. С этого момента атмосфера в избушке и за её пределами перешла границы таинственности, становясь с каждой минутой всё более дружественной и

весёлой. И та и другая сторона обрели друг в друге новых друзей и приятных товарищей.

С чем, собственно, их и поздравляем.

...Так прошли первые два дня. Толик с Димой на эти две ночи оставались в сарайчике, где они все вместе сообща сделали ещё два деревянных настила, благо топорик и ножовку (правда, ржавые) оставили бывшие хозяева сторожки. Наточив их, они вчетвером за два дня изготовили лежаки, подремонтировали крыльцо, восстановили упавший и проросший травой забор, подлатали прохудившуюся крышу, а то, что в самой избушке было тесновато — так в тесноте ведь не в обиде. Днём они работали, а по вечерам при свете шахтёрского фонаря и при отблеске камина, сделанного ими же, они собирались за общим столом и рассказывали — рассказывали — рассказывали, перебирая в памяти те или иные случаи из своей жизни. За эти два дня они ещё больше сблизились друг с другом. По ночам почти не спали, так как обоюдной информации им бы хватило ещё на несколько месяцев вперёд, — а, в принципе, если посудить, то как раз месяц им и был отведён в ЭТОМ мире: ни больше, ни меньше. В первую ночь совместного пребывания сначала пробежались вскользь по годам. Анатолий вкратце рассказал все основные события, произошедшие за тридцать последних лет, которые Сергей и Егорович пропустили в силу состоявшегося эксперимента. Во вторую ночь, сидя за столом и рассказывая прибывшим из прошлого друзьям о современной технологии и развитии производства, Дмитрий вдруг подпрыгнул, хлопнул по столу ладонью и едва не заорал, распугав во дворе сонных белок и пролетающих ночных филинов:

— Вот я идиот, Толик! — самокритично выразился он, поставив друга в весьма недвусмысленное положение. — Вся информация, полезная для них, находится ведь у меня в ноутбуке! Мы тут с тобой языки ломаем, объясняя, то или иное событие, а ведь можно привезти сюда ноутбук и пускай ночами сидят за ним, узнают всё себе полезное! Покрытия тут нет, но у меня на флешках столько всего закачено, что им хватит до второго пришествия Христа. Научу их пользоваться — пускай весь месяц занимаются.

— Точно! — подхватил его Толик. — Правда, ты забываешь, что здесь нет электричества.

— Не беда, — отмахнулся Дима. — У меня есть адаптер, который заряжает аккумулятор от солнечной энергии — было бы солнце!

— И смартфоны наши привези, — напомнил Толик, никогда небравший в лес свой мобильный телефон, стараясь находиться на при-

роде подальше от цивилизации. Он и Димке запретил его брать, иначе вышла бы не прогулка по лесу, а сплошное недоразумение.

...На третий день своего совместного пребывания Дмитрий во второй раз отправился в город за очередными продуктами и своим ноутбуком, обещая друзьям прихватить и смартфоны. Для обоих путешественников такая технология XXI-го века была ещё недоступна и, разумеется, им не терпелось, как можно быстрее с ней ознакомиться.

Таким образом, на утро четвёртого дня в сторожке лесорубов остались трое, теперь уже весьма близких друзей, продолжая ремонтировать своё новое жильё и расставляя капканы для своего пополнения рациона.

***

— Видишь эту функцию? — спустя сутки спрашивал Дима Сергея, а тот в свою очередь показывал смартфон Егоровичу. — Здесь у меня на флешку закачана вся музыка, которая мне нравится.

— На флешку?

— Да. — Дима вынул и показал её друзьям. — Сюда с компьютера можно скачивать всё, что тебе угодно.

— А «Ласковый май» здесь есть? — с надеждой спросил Сергей, сразу вспомнив Маришку.

— Здесь нет, — снисходительно улыбнулся Дима, — он у нас уже устарел, но скачать можно в одну секунду.

Сергей аж подпрыгнул на стуле.

— Да ну!

— Технология! — со значением поднял палец вверх любитель компьютерных программ. — Раньше в ваше время все треки писались на магнитную плёнку в студиях звукозаписи, а сейчас — раз! — он показал как находить в поисковике Ютюба треки, — и готово! Слушай на здоровье... — и протянул наушники. — Хочешь — сам, хочешь — вместе.

Включив функцию айпада на полную громкость, он оставил друзей разбираться в электронных дебрях меню, а сам отправился помогать Толику во дворе строить небольшую деревянную баньку, которую приятели затеяли втроём без него, пока он ездил в город.

Весь день они были заняты то тем, то этим. За домиком оказался небольшой погребок, выкопанный, видимо, ещё прежними хозяевами, но к их крайнему сожалению в погребке кроме гнилой и проросшей картошки ничего не было, разве что паутина. Очистив яму, они сложили в неё консервы, тушёнку и пару банок сгущенного молока, создав,

таким образом, для себя нечто похожее на холодильник. Убираясь в сторожке, Сергей хотел выбросить и их одеяние XVIII-го века, столь ненавистное им теперь, но Егорович его остановил: полковник КГБ отправлял их в путешествие в одежде царского придворного и его слуги, следовательно, в этом наряде нужно было и вернуться.

Вечером Сергей, наконец, обстоятельно и подробно рассказал Диме с Толиком их неудачную одиссею, когда они с Егоровичем посетили 1742-й год, попав после переброски в Вологодскую губернию. Выйдя на поверхность после анабиоза, они сразу упали на землю (хорошо, было лето и было относительно тепло), и как были в одежде — тут же и уснули. Дверь лифта автоматически закрылась, и он ушёл под землю ровно на месяц. Пластина на дереве деактивировалась до будущих времён, прежде чем ею вновь воспользуются, приложив большой палец левой руки.

Тимофей Фёдорович предупреждал их перед отправкой:

«Вы первые добровольцы в этом, ещё не до конца подготовленном эксперименте, так что могут быть какие-нибудь незапланированные сбои или неизвестные нам последствия».

Инструктаж проходил уже неделю: каждое утро они приходили к нему в кабинет и он подолгу с ними беседовал, оказавшись, в принципе, весьма милым и обходительным человеком. Он очень переживал за качество своего эксперимента, и над ним явно кто-то давил сверху: кто-то недостижимый и весьма могущественный.

После двух-трёх часов ежедневного собеседования оба друга возвращались к себе в вагончик и предоставлялись самим себе: читали, смотрели телевизор, выходили на прогулку, правда, всегда в сопровождении двух-трёх молчаливых охранников. Именно в те дни Сергей окончательно решил посвятить себя эксперименту, поскольку Тимофей Фёдорович с сожалением объяснил ему, что Маришке и Валику стёрли память, и они совершенно не помнят об их приключениях в лесу. А когда после эксперимента он вернётся назад, всё будет выглядеть, будто они расстались в парке минувшим вечером воскресенья того же дня. С Егоровичем было проще — он был одинок, и его исчезновение могли заметить разве что на работе, однако и эта проблема, по словам полковника, будет решена при их возвращении назад. Никто ничего не заметит.

Вот так они и оказались в вологодских лесах времён императрицы Елизаветы свет Петровны.

Сначала, выйдя из леса — благо тропинка, протоптанная охотниками, оказалась неподалёку — они наткнулись на небольшую деревушку

Череповецкого уезда, где и провели в обществе крестьян две первые недели своего прибытия в крепостную Россию. Посчитав их за высокопоставленных бояр и помещиков, местный урядник, а с ним и все остальные обитатели деревни, прониклись к незнакомцам благодушием и милым сердцу обращением, поверив Егоровичу, что в лесу на них напали разбойники, отняли лошадей и карету, отпустив хозяев на все четыре стороны. Цель их приезда в Вологодскую губернию довольно прозаична: матушка императрица решила разослать по всем волостям и уездам своих бояр, чтобы они собирали сведения о том, как живёт и существует простой люд её подданных, и с этими сведениями бояре должны были вернуться в Первопрестольную спустя месяц. Но были ограблены, ожидая теперь новый экипаж из Петербурга. Такова была легенда, выдуманная Егоровичем для крестьян и их местного головы в образе урядника. Двум странникам выделили просторную избу, окружили вниманием и почестями, и уже через день-два к ним в гости зачастили господа и помещики из соседних селений, стараясь показать своё благодушие перед посланцами матушки императрицы. Сергей даже умудрился завести короткий интимный роман с одной из кухарок местного вельможи, пускаясь во все тяжкие после своего вынужденного расставания с Маришкой. Так и провели они целый месяц в крепостной деревне, выезжая на охоту, посещая с визитами соседние деревни, пока, наконец, слух об их прибытии не распространился до самой Вологды, из которой к ним выехал САМ губернатор с многочисленной свитой. Вот это уже становилось опасным: любой губернатор был лично знаком с императрицей и был вхож во дворец, следовательно, их лживая легенда о посещении уездов с поручением Елизаветы могла тут же выплыть наружу. Поэтому, не ожидая его прибытия, оба друга, тайно ночью, прихватив как можно больше провизии, что называется, позорно бежали, направили свои сверкающие пятки в лес, к месту расположения их временного портала. До активации пластины оставалось ещё шесть дней, и вот эти-то дни и запомнились им на все будущие времена. Провизия была съедена на третий день их блужданий по бескрайнему, ещё девственному лесу и, путая следы, отлёживаясь голодными по ночам во влажной траве, чтобы их не обнаружили преследователи, они едва дождались лифта, поднявшегося из-под земли в точно установленный срок. Уже слыша за собой погоню, они активировали пластину, ввалились в кабину, опустили в чрево механического зала, забрались в анабиозные саркофаги, включили автоматическое меню возвращения в СВОЁ время и...

— Оказались у нас, — закончил за Сергея Дмитрий. — Дальше мы знаем.

Егорович благодарно улыбнулся:

— Если бы не вы, мы могли бы сойти с ума, узнав что переместились не в НАШЕ время, а в ГРЯДУЩИЕ года на тридцать лет вперёд.

...Так закончился их очередной вечер, когда Дима с Толиком, наконец, узнали хронологию их странствий по крепостной России XVIII-го века. Позже, когда уже при свете очага и незаменимого шахтёрского фонаря все укладывались спать, Сергей, оставив Диму с Толиком колдовать над монитором, спросил у Егоровича:

— Ты как хочешь, а я намерен за эти оставшиеся три недели добраться до нашего города и повидать Маришку.

— Кого-о? — протянул ошарашено Егорович.

— Ты не ослышался. Хочу посмотреть хотя бы издалека, какой она стала спустя тридцать лет. Как у неё сложилась жизнь, за кого вышла замуж, родила ли детей...

— Ты с ума сошёл! А если она тебя узнает?

— Ну, и узнает... Обрадуется, наверное.

— Ты псих, Серёга. Ты же сейчас молодой, дурья башка! Ты тот, каким был для неё тридцать лет назад, соображаешь? А ей-то, поди, сейчас уже под пятьдесят!

— О!

— Вот тебе и «о»! Она сейчас выглядит как зрелая женщина в годах, куча детей, а возможно, и внуков. Представь ситуацию: сидит, к примеру, она вечером на лавочке у своего подъезда, рядом детвора на детской площадке... Ей сколько тогда было?

— Семнадцать, — пролепетал Сергей уже менее уверенно.

— Во-от! Стало быть, сейчас ей сорок семь. Муж скоро с работы должен вернуться, ужин приготовлен, она отдыхает, щелкает семечки с такими же тётками, как и она сама. И тут — бац! Нарисовывается какой-то восемнадцатилетний шкет, подходит к женщинам, осматривает их и, явно в замешательстве, чешет репу.

— Это почему я буду в замешательстве?

— А ты уверен, что узнаешь её с первого взгляда спустя тридцать лет? Она ведь в памяти твоей ещё девочкой с косичками осталась. Ты, такой, подходишь и интересуешься как бы между прочим: «Уважаемые дамы, а где мне найти Маришку с пятого подъезда?»

— И?

— И, скорее всего, они, глядя на твой возраст, ответят, что никаких Маришек в пятом подъезде не существует. Не может же быть таких

совпадений, чтобы тридцать лет спустя в этом же подъезде жила ещё одна семнадцатилетняя Маришка, верно?

Было видно, что Серега уже поколебал свою уверенность.

— Ты хочешь сказать, что и она меня не узнает?

— А кого, простите, она должна узнавать, если прошло четверть века, и ты из её девичьей памяти давно уже выветрился, как ветерок в поле. У вас интимная близость была?

— Нет. Только целовались, — потупился Сергей. — За грудь её держал.

— Это не в счёт, — отмахнулся Егорович. — Вот если бы у вас был хотя бы секс, она тебя бы запомнила на всю жизнь как первого мужчину, а так... Подумаешь, невинные поцелуи. Не забывай, что у неё теперь любимый муж, дети и внуки. А ты кто? Просто мимолётное увлечение молодости. Вот если бы ты не пропал, и отношения продолжали развиваться, тогда...

Егорович на миг задумался и развёл руками.

— Впрочем, вот это-то как раз и есть пресловутая петля Мёбиуса, так называемый парадокс в горизонтальной восьмёрке континуума времени. Иными словами, взаимозаменяемость одного пространства на другое.

— Ну, хорошо, — помедлив, не сдавался Сергей. — Есть же ещё Валька!

Оба, разумеется, не знали, что Валентина уже давно нет в живых. Серёгиного друга поглотили лихие девяностые.

— А что, Валька?

— Найду сначала его, а уже с ним пойдём к Маришке. Я им напомню за базу, за локомотив...

— Им же после нас память стёрли, забыл? И не факт, что Валентин тебя тоже вспомнит спустя тридцать лет. История, похожая на Маришкину: был когда-то приятель в юности, затем пропал куда-то. Как думаешь, будет его память хранить тридцать лет юношеские шалости, которые вы проделывали? Уверен, что нет. У вас есть какая-нибудь совместная фотография?

— Нет, — растерянно и ещё больше потупившись, ответил Сергей. — Как раз хотели на её день рождения сфотографироваться в парке, а тут Валька с тем своим звонком нагрязнул. А дальше завертелось-закружилось, сам помнишь...

— Тогда вообще забудь, раз даже снимка общего нет, — хлопнул Егорович дружески по плечу. — Тешь себя тем, что она помнила тебя первые пять лет, потом вышла замуж, родила детей, и ей уже было не

до воспоминаний молодости. Единственный выход, это, как говорил сам Тимофей Фёдорович, нас вернуть назад в тот же день воскресенья, прежде чем мы вляпались во всю эту историю с каретами и базой. Но это, опять же, будет упираться в парадокс петли Мёбиуса...

Ещё какое-то время они беседовали, затем Егорович отправился спать, а Сергей продолжал долго сидеть за столом, смотря печальным взглядом на догорающую свечу. В углу, на лавке Дима с Толиком устанавливали какую-то новую программу в компьютере, и он им не мешал.

Сергей думал о Маришке.

Настанет возможность, и он обязательно доберётся до её подъезда, чтобы хоть издали посмотреть на теперь уже взрослую, почти пятидесятилетнюю женщину. И пускай Егорович говорит ему что хочет — он от своего не отступится.

***

Так прошло две недели.

Егорович пару раз ходил к месту их «высадки» и проверял, на месте ли пластина для активизации портала перемещения.

Сергей один раз выезжал на электричке в город вместе с Димкой, но после первой же попытки, ошалевший, отказался от этой затеи. Стоило ему открыть рот на улице или в магазине, как на него тут же уставлялись подозрительными взглядами, недоумевая, отчего этот парень как идиот останавливается у каждой иномарки, гладит её руками, осматривает, цокает языком и восхищённо удивляется. Первое, что сделал Сергей, когда его в супермаркет ввёл Дмитрий, это заорал едва ли не благим матом, уставившись на забитые продуктами бесконечные ряды полок:

— Ёб... ни хрена себе! — счёл нужным он заметить на весь торговый зал. — Тво-ою дивизию! Охренеть!

Рядом с ним тут же вырос охранник. Пришлось Диме срочно хватать его за шкуру и вытаскивать на улицу от греха подальше.

На железнодорожной станции наряд линейной полиции начал подозрительно к нему присматриваться, и если бы снова не Димка, впихнувший его в электричку — не миновать бы Сергею беды. Паспорта у него не было, а если бы и был, то при проверке документа тридцатилетней давности, неприятностей, пожалуй, стало бы ещё больше. Димка возвратил его обратно в домик и объявил, что ноги его больше не будет в городе, поскольку парень слишком эмоционально относится к изменению условий жизни, произошедших за эти годы.

Егорович в город не ходил. Ему хватало информации, черпаемой им через ноутбук, а если что было непонятно, всегда под боком находился Анатолий, готовый тотчас прийти на помощь и разъяснить ту или иную ситуацию. Капканы срабатывали исправно, неподалёку пролегал глубокий ручей, и рыбу, вылавливаемую ими, они часто запекали на огне или варили шикарную уху.

Таково было положение дел, когда утром двадцать третьего дня их пребывания в чужой реальности, Егорович намерился вновь сходить проверить портал перемещения. Оставалась неделя перед их переброской, и нужно было быть уверенным, что на этот раз всё произойдёт без сучка и задоринки. Внутрь шахты он спуститься не мог, но осмотреть место переброски хотя бы не мешало. Пластина мерно вибрировала на стволе раскидистой пихты, ожидая своей запрограммированной активации. Лес был тих, величественен и сбрасывал с себя последнюю листву. Светило ещё тёплое солнце, белки встретили его привычной трескотнёй, он присел перекурить на упавшее дерево и задумался, когда внезапно что-то произошло.

Снесённый стремительным порывом ветра, он едва не впечатался спиной в торчащие сучья, когда холм вдруг отъехал в сторону, площадка перемещения выдвинулась вперёд, сработал поднимающийся лифт и...

На свет божий из подземелья явился Тимофей Фёдорович, собственной персоной.

Егорович так и остался сидеть с открытым ртом, привалившись спиной к упавшему стволу дерева.

— Здравствуй, Николай Егорович, — как бы по-свойски поприветствовал его полковник, будто они расстались только накануне. — Не ожидал меня тут увидеть?

— Н... нет, — едва не поперхнувшись, выдал он из себя. — От... откуда вы?

Действительно, каким это образом полковник КГБ, он же профессор, он же доктор исторических наук, и он же по совместительству главный куратор проекта «Петля Мёбиуса» мог оказаться здесь, когда по всем предварительным подсчётам, они с Сергеем сами уже давно должны были находиться в СВОЁМ времени. Назад они не вернулись, и профессор в его-то возрасте рискнул переместиться сквозь пространства, чтобы вернуть их домой, но откуда он узнал, куда их занесло? И в какой именно год? И, наконец, в какую именно местность?

...Его мысли прервал начальник проекта:

— Перекусить чем-нибудь не угостишь? — он стоял и дрожал после анабиоза.

— Ох! — спохватился Егорович. — Конечно, простите! — и полез в карман, но, к сожалению, ничего там не обнаружил.

— Может, закурить? — мысли лихорадочно крутились в голове и Егорович никак не мог прийти в себя от столь неожиданной встречи. — Я не брал с собой провизию, тут недалеко.

— Я знаю, — выдохнул из себя полковник и с облегчением присел рядом. Холм вернулся на место, белки и птицы успокоились, наступила первозданная тишина.

— Парадокс, — усмехнулся профессор, вытирая платком выступивший пот. — Вас при переброске едой обеспечил, а о себе забыл.

Он был одет во всю ту же неопределённую форму несуществующего армейского подразделения и выглядел после перемещения едва ли не таким же уставшим, как и они сами три с лишним недели назад.

— Водички бы попить...

— Вот, — вскочил Егорович, протягивая ему флягу. — Воду я всегда с собой беру. А откуда вы знаете, что наше убежище находится рядом? И прежде всего, откуда вам известно, что мы попали именно в этот год?

Тимофей Фёдорович жадно припал к фляге, и только когда опустошил её наполовину, смог ответить:

— Я всё время знал.

— Как это?

— Помните, у вас рука в первое время чесалась, когда жили в вагончике? Но сначала, Николай Егорович, давайте пройдем в ваше временное жилище, поскольку я, честно признаться, с ног валюсь после этой чёртовой переброски. Вам это знакомо. По дороге и побеседуем, а то голод мучает неимоверно.

Они поднялись и, поддерживаемый Егоровичем, куратор проекта, едва передвигая ноги, сонно поплёлся вперёд, через кусты, полянки, ложбинки и небольшие болотца.

— Этот укол... — с трудом выговаривал он, держась за плечо бывшего путеобходчика. — Когда вы спали, наши сотрудники вживили вам под кожу микрочип слежения. У нас на мониторах через спутник показывается ваше местопребывание в той или иной эпохе, но пока только, к сожалению, без визуального и аудио контакта. Переговариваться с вами и видеть вас мы не можем: мешают всевозможные магнитные помехи между двумя инородными пространствами.

— Так вы знали? Знали, что мы из 1742-го года из-за сбоя программы переместились сюда, именно в этот год?

— Потому я к вам и переместился, — усмехнулся Тимофей Фёдорович. — Чтоб забрать вас домой. Вместе вернёмся назад. Саркофагов-то четыре, следовательно, втрём и возвратимся на базу. Там для вас уже готовы домики, каждый на две комнаты. Пока будете участвовать в проекте, будете в них с Сергеем жить. Комфорт и удобства все, исключая разве что бассейна.

Полковник, пересиливая себя, прибавил шаг и улыбнулся:

— Ну, а сейчас веди меня в ваше убежище: с ног валюсь, и голод мучает неимоверно. Как думаешь, примут меня ваши новые друзья?

— Ещё как примут! — впервые засмеялся Егорович. — Не переживайте. Дмитрий уже рвёт и мечет, чтобы попасть с нами в наш проект. Да и Толик тоже не против того, чтобы испытать счастья в эксперименте. Они оба одиноки, без семей, так что вам даже на руку новые добровольцы.

— Что ж... посмотрим, — кивнул начальник проекта. — Прежде всего, нужно отдохнуть, познакомиться, а там и решим, что делать дальше. Впереди у нас несколько дней, вот и проведём их вместе.

Спустя несколько минут они уже подходили к сторожке лесорубов.

Ни Сергей, ни Дима с Толиком, о прибытии полковника, разумеется, не знали.

***

— Знакомьтесь, ребята, — переступив порог и ошарашив всех столь внезапной новостью, возгласил торжественно Егорович. — Тимофей Фёдорович, собственной персоной. Наш прямой начальник, куратор и создатель секретного проекта «Петля Мёбиуса».

Сергей открыл рот, выронил из рук ложку, и муха, последняя в этом году, пользуясь случаем, залетела туда отдохнуть:

— А?

— Я говорю, встречай своего начальника, Серёжа. Прибыл к нам, чтобы вернуть нас домой.

— А? — повторил Сергей, выплёвывая наглое насекомое.

Полковник вежливо поклонился новым знакомым, пожал им руки, подмигнул Сергею и, опускаясь на скамью, стал заваливаться боком к стене. Дима тут же подскочил, подхватил пожилого профессора под мышки и, крикнув Толику помочь, уже все вместе уложили его на лежанку.

...Много позже, уже утром следующего дня, проснувшись после глубокого сна, Тимофей Фёдорович с благодарностью поглощал горячий завтрак, делясь с друзьями впечатлениями о неудобном в его возрасте перемещении из одного пространства в другое.

Они расположились в траве у ручья, совмещая приятное с полезным: Сергей занимался костром, Дима удил рыбу, Егорович потрошил дикую утку, попавшую в капкан, а Толик сидел и беседовал с Тимофеем Фёдоровичем, продолжая развивать тему разговора, начатого им, как только проснулся их новый начальник. Ещё при утреннем моционе они все вместе решили, что отныне Дима и Толик, с согласия полковника, будут участвовать в эксперименте наравне с первой командой. Таким образом, в распоряжении профессора было уже две добровольные команды по два человека, и он мог посылать их в разные, независимые друг от друга эпохи, руководствуясь лишь собственной логикой и аналитическим мышлением, в какую именно эпоху он хочет их перебрасывать. Об этом ещё стоило подумать; сейчас же полковник КГБ просил Толика рассказать о технических совершенствованиях XXI-го века, просматривая одновременно на ноутбуке различную информацию тридцатилетнего пробела в его собственном ощущении реальности.

...Так прошло четыре дня. Для полковника соорудили ещё одну лежанку. Теперь в город ездили вдвоём, благо невостребованные деньги, откладываемые Дмитрием на чёрный день от его заказчиков, ещё водились. Тимофей Фёдорович проводил все дни напролёт за компьютером, научившись им пользоваться без особых на то усилий, отвлекаясь только на сон и принятие пищи. Человеком он оказался простым и ненавязчивым. Ел всё, что предлагали, одежду стирал в ручье, целыми днями сидел у монитора с блокнотом в руках и заносил в него различные пометки. Димка пригласил его как-то прогуляться в город, но он вежливо отказался: его больше интересовали события, произошедшие за эти тридцать лет, нежели простая жизнь современных обывателей. Егорович с Сергеем рассказали ему о своих приключениях в крепостной России XVIII-го века, и он, несмотря на сбой в эксперименте остался ими весьма довольным.

К разговору о присоединении Толика с Димой к секретному проекту он вернулся за два дня перед отправкой.

— Вы всё ещё хотите к нам, на тридцать лет назад? — спросил он друзей за ужином, отдыхая от компьютера и проверяя кое-какие свои записи.

— Конечно! — с жаром ответили они, уже предвкушая, очевидно, всю романтику их грядущих приключений.

— Хорошо. Тогда с этой минуты вы полностью в моём распоряжении. У вас будет ровно месяц на подготовку, пока я послезавтра отправлю своих подопечных назад в своё время. Месяц портал будет закрыт, и они смогут отдохнуть в своих, уже приготовленных для них домиках. На базе все предупреждены, и к ним будут относиться подобающим образом. Сбоев в программе, надеюсь, больше не будет. Я вот, например, отправляя их в 1742-й год, совсем забыл о деньгах того периода, отправил их пустыми, и только по прошествии двух дней понял, какой я сделал просчёт. Но, слава богу, всё обошлось благополучно. Теперь мы это учтём. Что касается вас, — Тимофей Фёдорович улыбнулся, — то у меня есть кое-какие задумки. Точнее, даже не задумки, а уже выработанный план. Я в эти дни, проведённые за компьютером, кое-что придумал для вас обоих.

— А именно? — сразу заинтересовался Дима, подавшись вперёд так, что едва не опрокинул скамью, на которой они сидели.

— А именно... — полковник на миг задумался, — ну, скажем, так. Послезавтра откроется портал, и холм будет стоять на месте весь день, пока кто-нибудь из нас не активирует пластину. Это я вам говорю на будущее, когда ровно через месяц вам придётся спуститься в него, лечь в саркофаги и ожидать, когда автоматическое перемещение, запрограммированное мною заранее на базе, не перенесёт вас к нам, на тридцать лет назад. С этим вопросом всё ясно? Просто большим пальцем левой руки, отпечаток которой я сохраню по прибытии в базе данных, нажмёте на пластину, спуститесь вниз, ляжете в ожидающие вас саркофаги, а дальше автоматика сделает весь процесс перемещения за вас. В соседний пустой саркофаг уложите те вещи и предметы, которые я вам сейчас укажу — я уже заранее составил список. Вы ничего не почувствуете: единственная неприятность, это то, что после выхода из анабиоза вас будет весьма сильно трясти, и голодный желудок будет взывать об экстренной помощи. Но мы вас на базе встретим и сразу накормим. Прежде чем перемещаться в пространстве, оповестите своих друзей, что отправляетесь в долгосрочную командировку — тут уж на ваше усмотрение. Можете сдать квартиры постояльцам, но самое главное, чтобы никто не заподозрил о нашем совместном секретном проекте. Тут я на вас смогу положиться?

Оба друга с готовностью кивнули. Дело, в общем-то, предстояло нехитрое, и они уже одной ногой шагнули по ту сторону их реальности.

— Жильё за этот месяц мы вам подготовим — домики будут такими же, как и у ваших напарников.

Он загадочно поднял палец вверх:

— Ну, а теперь, братцы мои, слушайте, что я надумал.

Полковник поднялся, обошёл стол, поворошил тлеющие в камине дрова, обвёл всех торжественным взглядом, и вымолвил:

— Я предполагаю обмен.

Все уставились на него непонимающими взглядами. Егорович, очевидно, что-то смекнув, тут же утвердительно кивнул.

— Какой обмен? — не понял Дмитрий.

— Обычный. Между эпохами.

— Между кем... чем?

— Эпохами.

— Это как?

— А вот это я вам расскажу завтра вечером, после того, как мы подготовимся к перемещению. Сейчас же предлагаю удалиться ко сну. Завтра будет суетливый день, и за прощальным ужином я вам всё объясню.

На этом и решили.

***

...Утром, в последний день перед отправкой они принялись за генеральную уборку двора и самого домика, приютившего их пятерых почти на месяц, если не считать полковника КГБ.

Вечером, уже сидя у костра и потягивая пиво, все пятеро участников проекта беседовали последний раз в этом месяце, когда Тимофей Фёдорович принялся объяснять свою обещанную задумку насчёт обмена между двумя промежутками времени как физической величины.

— Вы, Толик, вместе с Димой, постарайтесь за этот месяц подыскать в магазинах, через интернет или у знакомых те вещи и предметы обихода, которых ещё нет в моём времени. В нашем времени, — обвёл он рукой Егоровича с Сергеем. — То, что ещё только должно будет изобретаться и выпускаться спустя тридцать лет: ноутбуки, планшеты, видеоигры, смартфоны, плазменные телевизоры, лазерные указки, электронные сигареты и прочее. Я же со своей стороны ровно через месяц, когда вы придёте к нам, снабжу вас всевозможным антиквариатом и предметами старины: марками прошлых веков, фолиантами книг, статуэтками и другими предметами, которых в запасниках КГБ великое множество. Я уже набросал в блокноте то, что вы сможете предложить. Ты, Дмитрий, можешь выложить в интернете объявление, что меняешь предметы старины на современную технологию — оно, конечно, будет выглядеть несколько странным, но, по большому счёту, кому какая разница, если вы предлагаете самые настоящие подлинники, а не копии.

Во избежание нежелательных вопросов, говорите, что эти коллекции достались вам в наследство. По списку, Дима, составишь видеокаталог и предлагай обмен на свое усмотрение. Антиквариата в моём времени у нас много, а вот новейшую технологию наши сотрудники на базе будут рады разобрать по винтику. Тем самым мы обгоним и американцев и китайцев и даже японцев. Будешь записывать заказы, скажем, на те же статуэтки или яйца Фаберже, и после месячного перерыва вы с Толиком вернётесь сюда с полным саркофагом обменного товара. Иными словами, начиная с завтрашнего дня подготавливайте почву для обмена, распространяйте каталоги и собирайте заказы. Через месяц мы вас встретим на базе, вы там обживётесь ещё месяц, и пока Сергей с Егоровичем будут путешествовать в какой-нибудь иной эпохе, вы возвратитесь к себе назад, в своё время, где и начнёте обмен. Месяца вам для этого, думаю, хватит. А та уже заработает и портал. Будем ждать вас с возвращением и предметами технологии будущего. Теперь ясна моя задумка, — хитро подмигнул он, обводя друзей лукавым взглядом. — На основе ваших образцов мои учёные мужи начнут создавать новые предметы обихода, аппаратуру: тот же, к примеру, суперсовременный пылесос, микроволновую печь или голограммный преобразователь. Всё, что найдёте нужным — записывайте. Привезёте товары для обмена — приобретете для нас то, чем мы сможем заткнуть за пояс американцев и японцев на несколько десятилетий вперёд: хотя бы на те же пресловутые тридцать лет. Ясно, друзья мои?

От этой обширной и весьма грандиозной по своему размаху информации, Дима даже растерялся, будто завезли новую мебель и в голове сделали перестановку.

Все дружно зааплодировали, принимаясь увлечённо обсуждать будущие перспективы столь заманчивого и по себе забавного обмена между эпохами. Они ещё с час посидели у костра, допили коньяк, и уже далеко за полночь отправились спать.

...А уже рано утром, наскоро перекусив и выпив по чашке горячего кофе, все пятеро приятелей направились к portalу перемещения.

Лифт уже ждал их у поверхности.

Прощание было недолгим.

— Ровно через месяц мы вас ждём к себе в гости, — пошутил Тимофей Фёдорович.

Они втроём спустились вниз, холм вернулся на место, пронзительный рывок ветра едва не сбил с ног двоих оставшихся на поверхности, затем всё вернулось на круги своя, и наступила тишина.

Дима с Толиком постояли ещё пару минут, покурили и, повернувшись спиной к пластине на дереве, отправились неспешным шагом назад.

— Дел у нас теперь на целый месяц по горло, — усмехнулся Толик, обнимая и хлопая по плечу своего младшего друга.

Секретный проект «Петля Мёбиуса» вступил в пятую фазу своего существования.

Глава 3. Секретная база

Они уже месяц жили на секретной базе, прибыв туда с первыми утренними заморозками наступавшей осени. Им отгородили большую территорию позади складских помещений, где выстроили два однотипных двухкомнатных домика: работа над двумя такими же началась тотчас же по их прибытию на место. Полковник предусмотрел всё, начиная от газонов, тротуаров, беседок, и заканчивая собственной внутренней линией телефона для поддержания связи. За этот месяц двое друзей и профессор сблизились ещё больше. Не было уже напряжения в отношениях и общение всё больше и больше перерастало в настоящую дружбу, как, собственно, и дружелюбное к ним отношение остальных офицеров проекта. Рядовой состав не в счёт. Те молча приходили каждое утро, пилили, стучали молотками, заливали бетон, клали кирпич, и так же молча удалялись вечером в свои казармы, так ни разу и не заговорив с новыми посетителями базы. Офицеры, напротив, были общительны и доброжелательны, в отличие от пустого безжизненного взгляда солдат. Однажды Сергей всё-таки задал давно интересующий его вопрос:

— Тимофей Фёдорович, я всё хотел у вас за солдат спросить. Отчего они ведут себя как полуроботы — полузомби? Молчат, не разговаривают, всё делают автоматически, как под наркозом?

Полковник улыбнулся, отвечая сразу и Егоровичу:

— Это, друзья мои, тоже часть эксперимента. Они все здесь добровольцы и подписывали соглашение на проведение опытов.

— И?

— По их согласию мы вкалываем им, разработанную нашими лаборантами «сыворотку послушания» или «контроля» — что, в общем-то, одно и то же. Спустя месяц такого подконтрольного состояния раствор исчерпывает себя и требуется новый укол. По желанию, опять же.

— И что?

— Ещё никто не отказывался.

— Наркотики?

— Нет, боже упаси! Скорее, амфетамины. Гормональные добавки плюс кое-какая другая химия.

— Но ведь они как зомби!

— Почему же? Они у себя в казармах смотрят телевизоры, играют в шахматы, читают книги, на площадках — вы видели — занимаются спортом, плавают в бассейне, в общем, живут как обычные люди, только...

Он на миг задумался.

— Только в своём каком-то особом мире. Я как раз этот феномен и изучаю.

— И что? Поддаются контролю?

— Да. Идеальные солдаты. Будущее наших армий. Вы заметили, как они в футбол играют, или проплывают стометровку? Один такой боец сможет обвести половину футбольной команды или задерживать дыхание под водой не хуже аквалангиста. У них потенциал силы и выносливости в несколько раз выше, нежели у нормального человека, — заметил полковник. — Обыкновенные строители ваше жильё строили бы полгода, а эти brave ребята управились за месяц. И никаких побочных эффектов, исключая, разве что, их потусторонний взгляд. А что до вас и их молчания, так им-то как раз и дана была команда в качестве эксперимента не общаться с вами. Как видите, они её с успехом выполнят.

— А это не противозаконно? — спросил исключительно из любопытства Сергей.

— Да что ты! В конечном результате этого эксперимента заинтересованы на самом «верху». Разрешение было дано свыше, а я только делаю свою работу. К тому же, их насильно никто не принуждает: отслужив срочную службу, они вернутся домой нормальными людьми. Единственное, это то, что будут помнить они не секретную базу, а какой-нибудь военный гарнизон где-нибудь на Байкале или Дальнем востоке. Даже дембельские альбомы с их фотографиями оттуда будут для них подготовлены, и всю оставшуюся жизнь они будут думать, что служили именно там. Эксперимент! — многозначительно поднял палец профессор, а Сергей, пользуясь подходящим моментом, поспешил спросить у благодушного начальника:

— Тимофей Фёдорович, когда меня в город, наконец, отпустите на денёк? Хоть Маришку издалека увидеть. Я аккуратно, она и не заметит: одним глазком, на остановке...

— Скоро, Сергей. Раз обещал — выполню. Дождёмся наших друзей из будущего, тогда и отпущу вас всех вместе. Но прежде, я хочу послать вас на месяц по разным эпохам. Как вернётесь, так и отпущу тебя. Но это позже.

...До даты возвращения Димы и Анатолия оставалось два дня.

***

— Здорово, друг! — заорал Серёга, обнимая и накидывая одеяло на дрожащего от холода Димку.

Портал только что открылся, и двое голодных путешественников вывалились из лифта наружу. Егорович подбежал к друзьям и сунул в руки шоколадку и бутылки с минеральной водой. Оба подкурили сигареты и передали друзьям в дрожащие руки, в то время как их осматривали санитары. Поодаль стояли главный врач базы Марк Данилович, капитан охраны, Тимофей Фёдорович и Любочка — медсестра из медпункта гарнизона. Все хлопали в ладоши, улыбались и ждали, когда друзья придут в себя. Эксперимент удался. Переброска в иное пространство завершилась безукоризненно, без сбоев и нежелательных последствий, чего и требовалось доказать.

— Добро пожаловать в наш век! — пошутил начальник проекта. — С прибытием вас, ребята мои! — и обнял каждого по отдельности, едва не пустив умильную слезу. — Толик, Дима, вы дома. Мы вас ждали целый месяц.

После этого он дал команду капитану забрать всё, что переместили с собой друзья из третьего саркофага и, махнув за собой рукой, распорядился:

— Сейчас перекусите, помоеетесь в натопленной бане и можете отсыпаться до утра. Завтра мы с вами встретимся.

Отпустив друзей в сопровождении капитана, Тимофей Фёдорович отправился с Марком Даниловичем в штаб-квартиру знакомиться с привезённым ими товаром. Любочка-медсестра побежала вперёд готовить чистое бельё в бане, бросив искоса заинтересованный взгляд на Диму, шедшего под руку с Егоровичем. Толика сзади вёл Сергей, поддерживая того под локоть. Замыкал столь забавную процессию один из инженеров базы, вызванный полковником для встречи друзей.

Разложив у себя в кабинете предметы и оборудование грядущего века, профессор вместе с двумя научными сотрудниками и главным врачом секретного проекта принялись за доскональный осмотр, вооружившись блокнотами, лупами и микросхемами для сравнения.

Здесь было всё, что Толик с Димой смогли насобирать за месяц, отведённый им полковником в своём измерении. Указки, гаджеты, беспроводные наушники, блютузы, детские роботы, видеоприставки с играми, радиоуправляемые машины и вертолёты, дрон, спутниковая антенна, видеорегиистратор, веб-камеры на компьютер и прочее, прочее. Устаревшие в их времени видеоманитофоны, плееры и проигрыватели дисков Толик посоветовал Диме не брать, минуя этот технологический период развития техники, сразу перескочив к новейшим разработкам.

Сотрудники базы принялись за их детальное изучение.

...Так прошёл месяц.

Домики были готовы, утеплены, горячая вода и газ проведены и, к наступлению зимы все четверо путешественников чувствовали себя на базе как дома. Весь месяц они благоустраивали свои новые жилища, читали, жарили шашлыки на природе, по вечерам играли в футбол с офицерами базы, в общем, можно сказать иными словами — бездельничали. Приходила в гости и Любочка-медсестра. Заглядывая на огонёк, профессор интересовался, всё ли в порядке, всего хватает? Бывало, вечерами, они после бильярда собирались все вместе и обсуждали дальнейшие планы. Любочка всегда садилась рядом с Димой, а он, поправляя очки на носу, сконфуженно краснел и был на грани отчаяния, впадая в ступор от своей неумелости обращаться с женщинами. Назревал первый на базе любовный роман, и Тимофей Фёдорович, как начальник проекта, был, в общем-то, не против.

С капитаном и лейтенантом, некогда арестовавшим их у комбината, они сблизились как родные друзья.

И вот наступило 29-е декабря, канун Нового года, в их, теперь уже общем реальном мире.

Позавчера Любаша переступила порог Димкиного дома — да так и осталась там навсегда. Импровизированную свадьбу сыграли тут же. Сидели за столом все, кто так или иначе был посвящён в тайну эксперимента. Праздновали дома у Димы. Тимофей Фёдорович, как глава проекта, произнёс первый тост и поздравил молодожёнов со вступлением в новую фазу весьма успешно развивающегося проекта. Среди гостей присутствовали Марк Данилович, несколько офицеров во главе с капитаном и старшим лейтенантом, санитарка баба Маша — помощница Любаши, ещё две женщины, о которых речь будет впереди, и, собственно, все остальные друзья. За отдельным столом сидели и угощались несколько инженеров и научных сотрудников базы, приглашённых Димой в качестве новых знакомых. Столы ломились от разнообраз-

ного лакомства и закусок, главным блюдом был закопченный на ароматном дыму молочный поросёнок, выращенный тут же, на территории собственного свинарника базы. Веселье и непринуждённая обстановка, как нельзя лучше способствовала дальнейшему знакомству с контингентом посвящённых в проект. Гуляли допоздна и разошлись только под утро. Следующий день посвятили отдыху, и вот сегодня, 29-го декабря, им предстояло отправиться в иную эпоху. Лифт уже ждал. Диму и Толика — к себе, в СВОЁ время, тридцать лет спустя, а Сергея с Егоровичем через три часа совсем в иную сторону.

Таков был план, разработанный полковником КГБ и директивой, присланной «свыше».

Третий и четвёртый резервные саркофаги загрузили всем тем, что требовалось для обмена тридцать лет спустя в наступающем столетии. Список, привезённый Димой и Толиком, пополнили всевозможным товаром, начиная от золотых украшений и заканчивая старинными марками с книгами, статуэтками и предметами ископаемых артефактов. Всё это будет реализовываться друзьями через интернет, а взамен Марк Данилович напутствовал им захватить в следующую переброску современное медицинское оборудование, лазерные установки, электронные микроскопы, центрифуги и прочее.

— Пересмотрим, разложим по полочкам, разберём по винтикам, — шутил полковник, прощаясь с ними на месяц. — Утрём нос американцам и японцам. — Затем уже более серьёзно: — За пластину не забыли, на каком она дереве? Ждём вас через месяц, ребята мои.

...И они стартанули.

Вначале Толик с Димой в свой XXI-й век. Там их ждал домик в лесу.

Затем через три часа, когда лифт вернулся на место, стартанули Сергей с Егоровичем. Этих не ждал никто.

Таким образом, 29-го декабря, в канун Нового года, в иные измерения отправились сразу две команды, созданные Тимофеем Фёдоровичем на базе секретного проекта «Петля Мёбиуса», который продолжил своё существование.

***

...Ничего не изменилось, всё оставалось на своих местах, как и два месяца назад. Домик никто в их отсутствие не посещал, следов ни старых, ни новых на снегу не было — так что переживания были откинuty прочь, как только они добрались через лес к их старому жилищу. Продукты были заранее припасены в погребе и, подкрепившись, Дима с

Толиком свалились на лежанки, где и проспали без задних ног весь остаток дня и всю последующую ночь.

С утра поставили капканы, расчистили снег во дворе и, позавтракав, принялись за сортировку захваченных с собой ценностей и древних артефактов. Вторая переброска далась им на удивление легче, нежели первая, подразумевая в себе постепенное привыкание организмов к перемещению сквозь время и пространства. Кто бы мог подумать...

Выспавшись и утолив голод, они уже к полудню 30-го декабря вышли к станции, пробираясь через сугробы и ругая всё на свете, что заранее не запаслись лыжами. За спиной у обоих были рюкзаки, набитые доверху товарами для обмена и, условившись, что встретятся вечером у Толика на квартире, сели в электричку, доехали до города и разошлись в разные стороны, имея каждый в кармане по списку на предлагаемый обмен.

Весь месяц они занимались тем, что куда-то ездили, что-то меняли, что-то продавали через интернет, что-то покупали, возвращаясь либо к Толику, либо к Диме домой только по вечерам и, складывая в углы комнат всё, что могли обменять, купить или приобрести иным способом. Всем знакомым они рассказывали туманные истории, что их якобы отправили в командировку за границу, и разглашению эта история никоим образом не подлежит, поскольку их наниматели заинтересованы в сохранении инкогнито, как их самих, так и, собственно, хозяев фирмы. Но, так как оба друга были некоторым образом одиноки и имели весьма ограниченное количество друзей, то их появление, а затем и отбытие практически никто не заметил.

Вернувшись спустя месяц на базу, Димка первым делом увидел Любашу, которая кинулась к нему в объятия, как только они с Толиком вывалились голодные и замёрзшие из лифта подземного портала. Верная и любящая теперь супруга считала дни на базе, когда вернётся её возлюбленный. На дворе стоял конец января наступившего года, и они прибыли.

Полковник стоял поодаль и с доброй улыбкой смотрел на эту милую семейную встречу. Первая супружеская пара уже есть, размышляя он с надеждой в душе, а там и другие подтянутся.

Капитан отдал команду, и несколько бойцов принялись разгружать два резервных саркофага. Марк Данилович в это время пожимал трясущуюся от холода руку Толика и настаивал непременно направиться в натопленную баню, в которой баба Маша уже давно поддерживала жаркую и подходящую температуру.

— Рад видеть вас, ребята мои, — приветствовал их Тимофей Фёдорович, обнимая обоих по-отечески. — Как перенесли переброску?

— Отлично! — стуча зубами, ответил Дима, укрытый одеялом бережной рукой Любаши. — Принимайте товар. Набрались под самую завязку.

Тот утвердительно кивнул, лукаво улыбаясь:

— Баня, ужин, супружеский долг, сон, отдых. Всё! Остальное завтра ближе к вечеру. Идите, не мёрзнете, капитан вас проводит. Мне через три часа ещё ваших друзей встречать. Отдыхайте — завтра к ужину с ними увидите.

Лифт пошёл вниз, и бугор въехал на место своего расположения. Теперь оставалось только ждать.

Уже проводя Диму к бане и выходя назад на улицу, Любаша тихо прошептала своему благоверному на ухо:

— Любимый... я беременна.

...Что было дальше и каково было состояние новоявленного супруга, история, к сожалению, умалчивает.

***

— А морозец-то пробирает, а, Егорович?

Сергей жевал шоколадку и шёл за старшим другом след в след. Снега было немного, но он оказался сухим и противно скрипел под ногами. За плечами у каждого висели солдатские сидоры времён второй мировой войны. В них друзья перед отправкой уложили газеты, журналы, вырезки о Сталине вплоть до текущего года, из которого они отправились в эту эпоху. Портал доставил их 29-го декабря в 1949-й год — такую дату назначил для пересылки сам полковник. Холм вернулся на место и, пройдя больше двух часов по морозному лесу, стуча зубами и выбивая дробь кирзовыми сапогами тех времён, они, наконец, уставшие и замёрзшие, вышли к полустанку железнодорожного пути. В последний момент Толик предложил им захватить с собой проигрыватель CD-дисков, резюмируя тем, что в том времени, куда они направляются, покрытия WI-FI для компьютеров ещё нет, зато есть электричество. При надобности, чтобы продемонстрировать тридцать дисков с фильмами и передачами о послевоенном времени, им всего лишь нужна будет розетка. Экран на проигрывателе есть, так что продемонстрировать прихваченную с собой теле и аудио информацию они смогут без излишних трудностей. Подборка дисков представляла собой хронологию событий, начиная с 30-х годов XX-го века, и заканчивая первыми двумя десятилетиями века XXI-го.

Теперь перед ними предстал пустынный перрон с выцветшей от времени вывеской: «Станция Лосиноостровская». Значит, не заблудились.

Одиноко качался фонарь у заколоченной будки, рядом примостился какой-то ветхий сарайчик, убогое здание — скорее всего зал ожидания — пустое и заброшенное. Отощавшая собака подбежала к ним и жалобно заскулила, выпрашивая подачку. Кучи неубранного мусора, ветер, гуляющий по пустым коридорам, крутя в себе обрывки желтоватых газет, и над всем над этим — тяжёлая гнетущая тишина.

— Мы на месте, Егорович, — выдохнул из себя морозный пар Сергей. Голос его отозвался эхом, утонул где-то в сумраке помещения и, отразившись от стены, вернулся назад.

Оба друга дрожали от холода, усталости и позывов в желудке. Старенькие выцветшие шинели военного образца, предоставленные им Тимофеем Фёдоровичем, не спасали от мороза, которого они на базе, к сожалению, не предусмотрели. Точнее, сотрудники проекта, разумеется, никак не могли знать, что 29-го декабря 1949-го года в Подмоскovie будут такие лютые холода. Сапоги тоже не спасали, но валенки им обувать не рискнули, полагая, что у обычных демобилизованных солдат такая обувь будет считаться роскошью.

Они вошли в коридор помещения и остановились под вывеской «Касса».

Никого. Ни одной живой души.

— Похоже, эта станция давно покинута и не работает, — констатировал Сергей, дыша паром на тонкие брезентовые перчатки.

— Но рельсы-то проложены, — парировал Егорович. — К тому же, выходя сюда из лесу, мы с тобой слышали гудок паровоза. Возможно, сейчас какой-нибудь комендантский час, время-то, поди, уже вечер. Кто его знает, какие порядки были в эти послевоенные годы...

И, будто услышав его рассуждения, из темноты выступили три неясные фигуры. Тотчас к ним приблизился ещё один, в офицерской шинели, с портупеей через плечо и с пистолетом в руке.

Сергей едва не сполз на землю от подкосившихся под ним ног. Подняв руки вверх, он, как полагается в таких ситуациях, пролепетал дрожащим голосом:

— Сдаёмся, товарищи. Когда расстрел?

...И осел кулем на землю, лишившись сознания.

Их обступили, помогая подняться, а когда парень пришёл в себя, навели на них автоматы.

Молоденький лейтенант в форме сотрудника Особого отдела приказал отдать документы для проверки, и когда Егорович протянул ему искусно изготовленное на базе удостоверение, прочитал вслух, подсвечивая карманным фонариком:

— Та-ак... Майор запаса двести тридцать третьей стрелковой дивизии Белорусского фронта?

— Так точно, товарищ лейтенант.

— А этот шутник с вами, что захотел расстрела? — кивнул лейтенант в сторону едва держащегося на ногах Сергея. Голос у офицера был слащавым, подозрительным и не предвещал ничего хорошего.

— Он немного контуженый, товарищ лейтенант, — пояснил Егорович, будучи, в общем-то, не так далёк от истины. — Едем к его тётке в город, он племянником мне, значит, приходится.

Егорович, как и в прошлый раз у комбината начал разыгрывать роль обывательского простака. Потом вдруг вспомнил, что он всё-таки майор запаса и запнулся.

— Рядовой? — просматривая солдатскую книжку Сергея, приговаривал лейтенант. — Та-ак-с... Посмотрим.

Трое автоматчиков, видимо из роты патрульных, с любопытством рассматривали обоих друзей, но враждебности в их взглядах вроде бы не наблюдалось. И то хорошо, подумал про себя Сергей. Что-то эти аресты стали входить у него в моду...

— По каким причинам прогуливаетесь здесь в вечернее время? — прервал его мысли лейтенант, вертя оба удостоверения в руках. Тимофей Фёдорович сам контролировал изготовление послевоенных документов, проверяя каждую скрепку, чернила, почерк и прочие уловки, по которым их могли заподозрить в шпионаже.

— Вы что, не знаете, что «Лосиноостровская» закрыта уже несколько месяцев тому назад? Чем сюда добирались?

Егорович вспомнил гудок паровоза и выпалил наугад, прежде чем Сергей что-нибудь брякнет невпопад.

— На проходящем товарном, недавно прошедшем, товарищ лейтенант. — Он, в отличие от младшего друга старался быть спокойным, в то время как Серёгу колотило по всем суставам.

— Попросили машиниста тормознуть, соскочили и вот...

— Что, вот?

— Только тут увидели, что станция закрыта. Думали дождаться утра, а там, на перекладных до города...

— И что?

— А тут вы...

Офицер понимающе кивнул, усмехнувшись:

— А тут мы.

— Добираемся с самой Вологды, товарищ лейтенант. Я в запасе по ранению ещё с 43-го.

— Читал, вижу. Но что-то вы староваты уж больно для майора. В вашем возрасте погоны полковников носят, не находите?

— Долго по госпиталям маялся, — не растерялся Егорович. Перед отправкой они проходили каждодневный инструктаж, отчитываясь Тимофею Фёдоровичу на случай их задержания. — В сорок третьем в августе на Курской дуге под Прохоровкой как зацепило, так и пошла череда неудач.

— М-да... не повезло. Ну, а ты, шутник? — повернулся лейтенант к рядовому. — Всё так же ждёшь расстрела?

Сергей потупил взгляд и виновато улыбнулся самой глупой улыбкой, на какую только был способен.

— Ладно, — решил лейтенант, — пройдёте за нами в комендатуру, там мы осмотрим ваши вещмешки.

У Сергея подкосились ноги. Надо же, ещё до столицы не добрались, а уже вляпались. Если так дальше пойдёт, можно назад и не вернуться.

Друзья были голодные, хотелось пить и особенно спать, но никто им этого пока не предлагал.

В кабинете комендатуры сидели за столом трое в военной форме с петлицами внутренних войск МГБ. Усадив на табуретки лицом к ярко светящей лампе, лейтенант выложил вещмешки перед сидящими и удалился, козырнув на прощание. Во главе стола присутствовал не выспавшийся полковник с одутловатым от пива лицом. Он хмуро оглядел незнакомцев и кивнул своим помощникам, чтобы те развязали сидоры.

Майор, копающийся в мешке Егоровича, уставился на соседа, такого же майора с красными петлицами, и озадаченно почесал затылок.

— Что там, недовольно полюбопытствовал полковник, отхлёбывая чай из гранёного стакана.

— Н... не знаю, товарищ полковник. Вам лучше самому взглянуть. — И вывалил всё содержимое на стол.

При виде разноцветных глянцевых журналов, газет не того формата и прочих изданий, датируемых непонятно каким для него годом, полковник пришёл в крайнее изумление. Ни дать, ни взять — шпионы. Но более всего его изумил непонятный плоский прибор с грудой дисков, на которых были изображены голограммные рисунки с названиями фильмов.

— Что... это?

Егорович старался сохранять спокойствие, в то время как Сергея колотил озноб.

— Откуда... это? — вытаращил он глаза на диковинные предметы.

Егорович, сохраняя хладнокровие, ответил, как можно более не-принуждённо:

— А мы, товарищ полковник, из БУДУЩЕГО.

Сергей едва не сполз с табурета.

***

...Их допрашивал лично товарищ Берия Лаврентий Павлович.

Ни Власик, личный охранник Сталина, ни тем более сам Хозяин ещё, разумеется, не знали, какая «рыбка им попала в невод».

Власик Николай Сидорович после непонятного звонка от какого-то полковника комендатуры находился в стадии раздумья: «Псих? Вроде, по голосу нет. Хотя орал что-то в телефон насчёт шпионов, пришельцев из... чего? Из БУДУЩЕГО? Может, нажрался, мать его? Какое ещё, к чёрту, БУДУЩЕЕ? Как Хозяину докладывать?»

Николай Сидорович на всякий случай отдал распоряжение пропустить полковника с его «уловом» на территорию Ближней дачи: если выяснится, что тот псих, то дальше второго оцепления охраны его не пропускают.

Однако полковник комендатуры отчего-то не появлялся. Власик прождал ещё полчаса, общаясь с Валечкой Истоминой, заведующей всем хозяйством на даче в Кунцево, затем, пожав плечами, удалился к себе, сделав вывод, что тот полковник действительно был психом. Снял сапоги, расстегнул генеральский китель и заснул прямо в кресле, ожидая вызова Хозяина.

Берия же в это время, после того как ему доложили подслушанный по телефону разговор полковника с Власиком, уже беседовал с друзьями, перехватив тех по дороге к Ближней даче. Группа особистов бесцеремонно остановила машину полковника, выдернула оттуда ничего не понимающих путешественников, втолкнула в соседний «воронок» и, прихватив с собой на Лубянку полковника, так же резко ретировалась, как и появилась. Отныне о начальнике комендатуры станции «Лосиновостровская» можно было забыть, как, собственно, и о тех двух майорах, что присутствовали при обыске, как, собственно, и о лейтенанте с пат-рулём. Всех заточили в камеры быстро и без особого шума: позже разберутся, кто из них продолжит своё существование в лагерях, а кого пошлют в расход во имя государственной безопасности страны.

Абакумов и начальник охраны Лубянки тоже присутствовали на допросе. Поверхностно осмотрев вещи задержанных, они пришли к выводу, что им действительно попался незаурядный случай, никак не вяжущий со шпионской деятельностью привычной им вражеской агентуры. Тут было что-то иное. Странное и непонятное.

Поблёскивая пенсне, в дальнем углу в тени сидел сам товарищ Берия, а допрос вёл приглашённый им научный сотрудник университета, облачённый в капитанский мундир сотрудника МГБ.

В кабинете третьего этажа под землёй Лубянки было накурено. Офицеры менялись, осматривали с удивлением вещи незнакомцев, уходили, приходили новые, а Сергей с Егоровичем всё стояли и стояли, поскольку сесть им запретили, ссылаясь на то, что ещё неизвестно кто они — засланные шпионы или...

Вот тут мнения присутствующих кардинально расходились.

Уже два часа шёл допрос. Лампа светила им в лицо, они были голодные и валились с ног, что называется, прямо на глазах. Вещмешки вывернули прямо здесь, на столе. Диски, газеты, журналы, DVD-проигрыватель и прочие «шпионские приспособления» осматривались, ощупывались, и чуть ли не пробовались на зуб.

— Мы из будущего, товарищ народный комиссар внутренних дел, — в который раз повторял Егорович, глотая пересохшим ртом вязкую слюну. — Присланы специально в вашу эпоху для обоюдного сотрудничества. У нас есть предписание захватить кого-нибудь из вашего высшего руководства с собой в НАШЕ время. На месяц. Затем его доставят обратно сюда с технологиями будущего...

Слова давались тяжело, но Сергей чувствовал себя и того хуже, поэтому объяснять суть их пребывания в ином времени приходилось старшему по группе. — Через месяц нам отправляться назад, и мы можем кого-то из добровольцев взять с собой.

— Куда? — осведомился Абакумов.

— В будущее.

Наступила гнетущая тишина. Было слышно, как по коридорам подземной Лубянки прохаживаются часовые, делая двадцать шагов в одну сторону, затем, круто развернувшись, в другую. Сергей это подсчитал. Отчего-то в голове стало пусто, и только подсчёт шагов держал ещё измученное тело на ногах.

Из угла послышался вкрадчивый голос Берии. Коверкая русские слова на осетинский манер, он с любопытством спросил:

— А почему вас заслали именно к нам.

Егорович отвернулся от слепящей лампы, подобрался, вытянулся в струнку и ответил в темноту:

— Этот вопрос, товарищ народный комиссар внутренних дел, нужно задавать нашему начальству.

— А кто ваше начальство?

— Тоже в Кремле, — подбирая слова, пояснил Егорович, — только сорок лет спустя.

Вновь воцарилась долгое молчание. Сотрудников и офицеров проводили из кабинета, остались только Абакумов, два генерала, научный консультант и сам Берия. Принесли стулья, дали напиток, и друзья, наконец, смогли присесть.

— Абакумов! — раздался голос Берии.

— Я, товарищ народный комиссар.

— Этих двоих накормить, привести в более-менее подходящий вид, дать два часа отдохнуть и подготовить к поездке. Через, — он бросил взгляд на огромные настенные часы с маятником, — два с половиной часа едем лично к товарищу Сталину. В Кунцево. Всё ясно?

— Так точно, Лаврентий Павлович.

— Остальных, кто заходил в кабинет и осматривал вещи незнакомцев — немедленно изолировать и список мне на стол.

Абакумов отдал какие-то распоряжения по телефону и выскочил в боковую дверь.

Берия поднялся и, не удостоив друзей даже взглядом, вышел в потайную комнату, скрывавшуюся до этого за панелью географической карты мира во всю ширину лакированной стены.

Друзья остались одни.

Что-то жуткое, неизвестное и по своей сути зловещее витало в воздухе...

***

Среди густого, прореженного просеками лесного массива необъятного парка располагалось низкое и широкое здание дачи, построенной по проекту «придворного» архитектора Мирона Ивановича Мержанова в 1934 году. Скрытая деревьями, с огромным солярием во всю крышу, эта дача была любима вождём более других, тоже построенных тем же Мержановым на юге страны.

Их привезли в Кунцево и выделили хорошо обставленную комнату в правом крыле строения.

Здесь было всё: роскошная библиотека, собственный санузел с ванной, огромный радиоприёмник и патефон с коллекциями граммофон-

ных пластинок с песнями Утёсова, Петра Лещенко, Шалапина, хора Александрова, Лемешева и прочих исполнителей тех времён. Был телефон внутренней связи, и если им что-либо было нужно, они просто поднимали трубку, раздавался щелчок, и на том конце провода дежурный голос спрашивал:

— Что угодно?

Они здесь находились уже почти месяц.

Берия с Абакумовым были забыты как страшный сон, но иногда их незримый дух посещал их ночами, отчего они просыпались каждый на своей кровати и подолгу шептались в темноте, боясь быть подслушанными. Хоть это и была относительная свобода в золотой клетке, однако их пребывание на Ближней дачи всё же было похоже на плен. За весь месяц Сталина друзья так и не увидели. Никто из obsługi не знал, кто они такие, но к ним были прикреплены два майора госбезопасности, которые менялись между собой и неотлучно находились в соседнем коридоре.

Обслуживала их Валечка Истомина, а белё меняла и делала уборку молчаливая пожилая женщина, очевидно, глухонемая, поскольку за всё время своих посещений она не произнесла ни единого звука. Валечка же, напротив, будя их по утрам, смеялась, что-то рассказывала, суежилась, накрывала на стол, стоявший тут же посреди просторной комнаты, но стоило Егоровичу или Сергею что-нибудь спросить у неё за рамки выходящей секретности, она тотчас округляла глаза и притворно пугалась:

— Ой, ну что вы! Я мало чего знаю, лучше спрашивайте у тех... — заговорщически показывала она рукой в спины майоров. — Они всё знают. А я что? Моё дело тряпки, тарелки, метёлки...

Хоть и дышалось свободнее, хоть и было у них всё вдоволь, хоть и не вызывали их на допросы и они жили почти месяц ни в чём не нуждаясь, однако, вся эта мнимая свобода напоминала им чем-то их секретную базу в первые дни заточения: такая же непробиваемая стена молчания.

После завтрака обычно друзья выходили на морозный воздух, гуляли, катались на лыжах, лепили снеговиков, кормили уток в незамерзающем, с подогревом, пруду, кидая им остатки завтрака. Им разрешали стрелять по мишеням в специально отведённом для этого парке. Через каждые сто-двести метров в насаждениях елей, сосен и берёз располагались беседки, у которых незримо маячили часовые. Можно было жарить шашлыки и ходить в баню. Новый год они провели уже здесь, а не на Лубянке, но праздника так и не ощутили, перешагнув, тем са-

мым, из года 1949-го в год 1950-й. Вещи у них изъяли ещё при переезде и весь научный консилиум великих умов страны, очевидно, сейчас ломал головы над их, столь грандиозным феноменом.

Если возникали какие-нибудь вопросы по газетным вырезкам, журналам или просмотрам DVD-дисков, к ним после обеда приходили профессора, заглядывали разные учёные мужи, и Сергей им объяснял, как пользоваться пультом или базой меню в проигрывателе. Егорович же постоянно отвечал на бесчисленные вопросы об укладе жизни конца XX-го, начала XXI-го века, экономики, вооружении, политики страны, в которой уже давно не было социализма как общественного строя. Учёные охали, ахали, сморкались в платочки, сокрушённо качали головами и уходили вконец потрясённые, растерянные и в полном смятении. Как это так, что даже пионерская и комсомольская организации приказали долго жить? Зато о технологии, шагнувшей семимильными шагами вперёд, они были в крайнем восхищении.

Так проходили дни. Ужин им Валечка накрывала в 19:00, и после него можно было ещё гулять по территории правого крыла, играя с собаками или катаясь на снегоходе, прототип которого Сергей увидел впервые в своей жизни. После прогулок — в тёплой библиотеке. Читай, слушай музыку, играй в шахматы, в общем, всё, что душе угодно, только... в золотой клетке.

И хотя, как выше было сказано, за весь месяц Хозяина они так и не увидели, тем не менее, присутствие его, незримое, зыбкое и эфемерное чувствовалось ежедневно.

То за потайными стенами послышатся мягкие и тихие шаги. Пройдут очень медленно, и сразу повеет едва ощутимым папиросным дымом. То послышится как бы ниоткуда тихий приглушённый кашель. То скрипнет какая-то секретная дверь, декоративно приспособленная, скажем, под дизайнерскую раму картины. Даже засыпая у себя на кроватях, друзья постоянно чувствовали мистическое присутствие кого-то постороннего.

А в 8:00 их снова будила Валечка. И начиналось всё сначала.

Тюрьма.

Просторная, тёплая, с книгами, музыкой, лыжами, утками в пруду, но...

Тюрьма.

И вот пришло время познакомиться с начальником личной охраны товарища Сталина, генерал-полковником Власиком Николаем Сидоровичем.

...С этого момента события начали набирать новые обороты, наваливаясь друг на друга в геометрической прогрессии со всеми вытекающими последствиями.

***

Дня за три до отправки он появился у них в библиотеке, сразу привлекая к себе расположение. Николаю Сидоровичу в этот момент было 54 года, но он был не по годам подвижен, выправлен по-генеральски, с озорным огоньком в глазах и друзьям он сразу понравился. Это не Абакумов с Берией.

— Курить можно? — приятным слуху басом осведомился он, будто находился в гостях. Валечка следом занесла на подносе бутылку коньяка, вазочки с семгой и чёрной икрой, поставила красиво на стол и, подмигнув, с улыбкой удалилась.

— Вольно! — гаркнул он опешившим друзьям и хлопнул их по плечу. — Это в качестве знакомства, — указал он на закуску с коньяком. — Меня можете называть Николаем Сидоровичем, вы же не в моём подчинении, верно? А я вас буду величать по именам, тем более ты у меня тёзка, — гоготнул он дружелюбно в ухо Егоровичу.

Когда разлили по первой рюмке, выпили и закусили, он, плюхнувшись в необъятное кресло, без всякой подготовки поставил друзей в известность:

— Я еду к вам домой. Возьмёте на месяц?

Егорович на миг растерялся, но тут выпалил Серёга, который сразу обрадовался, что пошлют не Берия с Абакумовым или их помощников.

— Конечно! — вскричал он, едва не хлопая в ладоши. Егорович тоже мысленно поаплодировал столь удачному выбору там, у них, «наверху».

Власик закурил и с хитрецей осведомился:

— А назад вернёте? У меня вроде как семья здесь... да и Хозяина охранять нужно.

Затем выпили по второй, и беседа перетекла в дружескую форму общения.

С генералом было легко и уютно. Он не расспрашивал о проекте, не удивлялся возможности путешествовать во времени, не интересовался ядерным потенциалом державы XXI-го века, но, очевидно, уже знал всё из тех материалов, что они с собой привезли. Рассказав вкратце о себе, он расспросил Сергея и Егоровича об их жизни в том, своём мире, а пока слушал их историю присоединения к проекту «Петля Мё-

биуса», Валечка ещё дважды меняла им столовые приборы, подкладывая на тарелки то те, то иные деликатесы.

Сергей рассказал о Маришке, об их пребывании в XVIII веке, а Егорович восторженно восхвалял Тимофея Фёдоровича, с которым генералу предстояло познакомиться. Под конец вечера уже играли в шахматы и, казалось, знали друг друга целую вечность — настолько он был общителен и дружелюбен. На удивление, личный охранник вождя абсолютно не пьянел, хотя они уже приговорили вторую бутылку «Белого аиста», а он, в отличие от друзей был совершенно трезв.

— А знаете, кого изначально хотели посылать вместо меня? — спросил он с лукавой улыбкой.

— Неужели Абакумова? — ужаснулся Сергей. — Берию-то не пошлют, его портреты у нас знают, ему бы трудно было посетить наше время инкогнито.

— Правильно, — кивнул Власик. — Ни того, ни другого.

— Хрущёва, что ли? Так этого тем более знают, поскольку он после Сталина будет править страной.

— Мы уже знаем, — хмуро ответил генерал. — Сейчас только этим и занимаемся, что изучаем вырезки, журналы, газеты и фильмы вашей эпохи. Иосиф Виссарионович ходит неделю сам не свой, — понизил он голос до шёпота, кивком головы указывая на стены. — Что-то обдумывает, замышляет, а вот что, мне пока не известно.

— Он уже знает дату своей кончины?

— Знает. Но хранит молчание.

Затем, восторженно, более весело гаркнул на всю комнату:

— Ну, так что? Не догадались?

— Нет...

Он выдержал паузу и величественно поднял палец вверх:

— Сына!

— Чего... кого? — не понял Сергей.

— Сына. Василия.

Оба друга обменялись взглядами.

— Вместо вас?

— Не вместо, а изначально. Но исключительно из целей безопасности решили заменить мною.

Генерал засмеялся:

— А как он рвался! Как хотел посетить мир будущего! Кстати, он весьма желает с вами познакомиться. Но это уже, когда вы меня доставите назад. Обещал пригласить вас к себе в гости.

В этот момент звякнул телефон. Валечка послушала кого-то в трубке:

— Вас, Николай Сидорович. Хозяин к себе вызывает.

— Ну вот, — вздохнул он, порывисто поднимаясь с кресла. — Только решил выпить, и на тебе...

В эту ночь Сергей с Егоровичем спали, на удивление, глубоко и долго. Повлиял коньяк.

***

Спустя день, накануне отправки, он вновь появился к ужину в библиотеке.

— Хозяин уполномочил меня провести переговоры с вашим начальником проекта, — разливая лёгкое вино в фужеры, поведал он. — Я возьму с собой кое-какие предметы старины, о которых в ваших тайных записках КГБ и слухом не слыхивали. Несколько уникальных икон, золотые украшения императорских домов и прочее наследство нации. Взамен Тимофей Фёдорович предоставит нам кое-какую определённую технологию развития производства, индустрии и промышленности. Вооружение мы решили не затрагивать, чтоб не спровоцировать виток парадокса времени — так мне объяснили наши академики. В общем, эта тема вопроса будет обсуждаться нами с вашим профессором.

— Мы как раз за этим и прибыли к вам, — пояснил Егорович. — За обменом. Тимофей Фёдорович получает то, что нужно его руководству, вы получаете новейшую технологию, новые открытия в области химии, физики, астрономии, микробиологии. Таким образом, Советская держава в вашем 1950 году утрёт нос не только американцам, но и всему остальному миру. Вы получите на благо науки схемы и чертежи новейших ледоколов, комбайнов, турбин, заводов, космических спутников и прочего, прочего, прочего. Как нам объяснял профессор, в том-то и состоит парадокс «Петли Мёбиуса», что в конечном итоге всё вернётся на пути своя, и Время как физическая величина будет течь по-своему. История Земли не изменится, соблюдая закон Мёрфи.

— Знаю этот закон, — подхватил Власик. — То, что должно произойти, обязательно произойдёт.

— Да. Или в простонародье: чему быть — того не миновать. Вам такой результат подходит?

— Более чем, — отозвался довольный генерал. — Именно это и предложил Иосиф Виссарионович. А что будет с вами, когда вы с вашими коллегами из другой команды закончите эти миссии?

— Мы уже думали с полковником над этим вопросом. Скорее всего, отправит нас снова, только уже в иные эпохи. Возможно, к Александру Первому, а может и к Ивану Грозному, чему Серёга отчаянно противится, — улыбнулся Егорович, видя, как поджался его друг.

— Почему, скажем, не к Архимеду, Калигуле или к Македонскому?

— Языковый барьер, Николай Сидорович. С этим у нас пока проблема. Мы и в XVIII веке чувствовали себя среди соотечественников не слишком-то свободно, а тут Древняя Греция или Священная Римская империя...

— Понимаю.

Они ещё посидели немного, побеседовали на разные темы, затем генерал откланялся и отбыл домой.

В эту ночь их никто не охранял.

...А уже утром 29-го января 1950-го года лифт ждал их в лесу у станции «Лосиноостровская»: под землёй, под сугробом, на самом верхнем этаже портала. Стоило лишь активировать пальцем пластину на дереве, и механизм пересылки тотчас автоматически запрограммирует команду перемещения в их реальное ВРЕМЯ.

Сугроб пришёл в движение, створки верхних плит раздвинулись, платформа выехала вперёд. Сергей обернулся, отсалютовал провожающим и первым вошёл в проём образовавшейся пустоты. Егорович пропустил впереди себя генерала, махнул рукой Майору охраны, и с облегчением спустился следом.

...Ровно в половину одиннадцатого вечера 29-го января текущего года, холм на секретной базе отошёл в сторону, лифт поднялся, створки разошлись, освобождая выехавшую платформу, и на свет божий прямо в руки встречающих вывалились трое голодных и смертельно уставших путешественников. Их тотчас укутали одеялами, дали присесть, напоили и всунули в руки по шоколадке — необходимый и быстрый способ утоления голода. Вокруг раздалась аплодисменты и Сергей, понемногу приходя в себя, краем глаза увидел среди группы молодую девушку лет девятнадцати, которая во все глаза глядела на героя дня и хлопала в ладоши громче остальных.

Егорович, покачиваясь, подошёл к полковнику и отчитался о проделанной работе. Власика окружили со всех сторон и с почестями повели в штаб-квартиру базы, где ему вскоре предстоит работать с начальником проекта.

Миссия секретного эксперимента «Петля Мёбиуса» удалась, и он вступил в шестую фазу своего существования.

***

В семь часов вечера следующего дня Тимофей Фёдорович ждал обе команды к праздничному ужину отметить их возвращение. Присутствовали несколько инженеров проекта, капитан, старший лейтенант, главный врач базы Марк Данилович и двое представителей Кремля из высшего эшелона власти. Баба Маша, Любочка и новая девушка, которую среди встречающих заметил Сергей сидели напротив. Профессор встречал всех с раскрытыми объятиями, поздравляя с удачно завершённой миссией, делая особый акцент на прибытие в их команду такого высокопоставленного лица, как начальник личной охраны самого товарища Сталина. Шутка ли!

Все были свежие, радостные, довольные, а Дима не мог наглядеться на свою слегка пополневшую от беременности супругу. Сергей тоже бросал застенчивые взгляды на девушку, которая, перехватывая их, заливалась румянцем и опускала взор, словно трепетный цветочек в зеленеющем поле.

Николая Сидоровича усадили во главе стола: отныне до конца месяца он будет здесь играть роль ключевой фигуры.

Длинный стол ломился от изобилия вин, напитков, закусок и собственных фруктов, собранных зимой в оранжереях базы. Власик сидел, шутил и смеялся со всеми, с первых же минут расположив к себе весь коллектив участвующих в проекте. Когда его представили двум чиновникам из Кремля, он по-простецки пожал им руки и гаркнул, как бывало на Кунцевской даче:

— Сработаемся, ребята! Это в наших обоюдных интересах.

Все стали друзьями, и вопрос непонимания был закрыт.

Ужин затянулся до глубокой ночи, а уже поздно утром 31-го января Серёга проснулся и никак не мог вспомнить, каким образом он добирался до своего домика, будучи изрядно навеселе и выпившим под самую завязку, что случалось с ним крайне редко. Он мгновенно принял душ, оделся, выскочил во двор и столкнулся с Любашей, которая делала на свежем снегу зарядку поясицы.

Дима, видимо ещё спал и Сергей, недолго думая, подбежал к новой подруге:

— Спит?

— Спит, — едва не расхохотавшись, ответила девушка, отметив про себя растерянный вид неудачливого ухажёра. — Что, никак не можешь вспомнить имя девушки, к которой лез вчера целоваться?

— А... — выдохнул клубящимся паром Сергей. — А что... что-то было?

— А как же! — уже не сдерживая себя, смеялась Люба. — Сразу после танцев. О! Ты был неподражаем!

— Это как? — он удручающе ковырял ботинком землю. — Всё так плохо? Ничего не помню, хоть шлангом поливай. Как её хоть зовут, Любаш? Умоляю.

Девушка взяла с турника висевший эспандер, прихватила полотенце и направилась к своему домику. Снег под ногами хрустел, Серёга плёлся за ней, где-то на плацу маршировали солдаты, в свинарнике хрюкали свиньи, но ему не было никакого дела до всей этой неторопливой суеты: имя! Вот что сейчас интересовало его в первую очередь.

Наконец Люба сжалилась и, уже переступая порог, со слезами в глазах от смеха, ответила:

— Елена её зовут. Лена.

— Спасибо тебе добрая женщина! — взвыл ухажёр. — А где она... то есть, кем она...

— Работает?

— Точно! Работает!

— Поваром в солдатской столовой. Сейчас как раз обед готовит для гарнизона базы. погоди! — видя, что тот уже рванул к столовой, крикнула она вслед: — Ты помнишь, как ты её весь вечер называл, когда после танцев лез целоваться?

— Н... нет, — озадаченно почесал затылок Серёга.

— Алёнушкой.

— Кем... то есть, как?

— Алёнушкой. Так и называл. Миленькая такая, красивая...

Сергей едва не сел в сугроб. Вот те на! Алёнушка...

И помчался просить извинения.

...Прошло три недели.

До 29-го февраля високосного года оставалось семь дней. Отправка двух команд в различные эпохи должна была пройти по заранее продуманному расписанию. Генерала Власика забрали в Кремль, где он продолжал сотрудничать в строго засекреченном формате. Даже в самых высших эшелонах власти мало кто знал об этом эксперименте: только несколько избранных и посвящённых в проект.

Начальник охраны вождя всех народов был с комфортом размещён в одном из покоев дворца, и никто кроме охраны о нём не знал.

Дима с Любой все вечера проводили дома, гуляли за оградой базы, у неё шёл уже третий месяц беременности и девушка души не чаяла в своём новоявленном супруге. Впрочем, как и он в ней.

Сергей, напротив, пока только добивался расположения Алёнушки — так он решил именовать её и впредь, получив на то её согласие, начисто забыв о теперь недоступной ему Маришке. Однако, засыпая по ночам, он нет-нет, да и вспоминал предмет своей первой юношеской любви, обещая себе при первой возможности наведаться в город и посмотреть на неё издали хотя бы краешком глаза, чтобы уже навсегда поставить точку. Теперь у него появилась Лена. Алёнушка...

Профессор был только «за» и не мешал их развивающимся романтическим отношениям. Девушка жила в небольшом женском общежитии при гарнизоне, и на базе их было двадцать три женщины разного возраста: она числилась самой юной из всех. Итого, вместе с охраной, персоналом обслуживания, солдатами, медиками, офицерами и инженерами проекта, база имела штат четыреста человек, что равнялось армейскому батальону в условиях мирного времени. Дисциплина на секретном объекте поддерживалась строгая. Что касается Егоровича и Толика, то они, по-прежнему оставаясь в холостяках, весь месяц отдыха провели за рыбалкой, играми в бильярд, шахматы, походах на лыжах и прочими удовольствиями, когда над тобой не давит женская рука хозяйки домашнего очага.

И вот настал день, когда Тимофей Фёдорович объявил Сергею, что отпускает его, как и обещал, в город посмотреть издали на Маришку.

— Разрешаю съездить тебе на один день, — предупредил он его. — Но, во избежание всяческих инсинуаций, с тобой поедет капитан охраны. Вдруг забудешь всё на свете и бросишься к ней с объятиями, всякое бывает.

— Не брошусь,— радостно парировал Сергей. — У меня теперь Алёна есть. Мне бы только увидеть её, поставить в душе точку, чтобы от сердца отлегло.

И они уехали.

Сергей заранее знал, где и на какой остановке Маришка сядет в троллейбус к институту, поэтому указал водителю сразу подъехать к торцу здания. Он вспомнил ту лавочку у фонтана, когда она оставила его и ушла в медпункт получить освобождение от учёбы. Боже, как давно это было...

Выходя из салона автомобиля и протискиваясь среди спешащих на занятия студентов, он пристально высматривал знакомый силуэт, а самого его колотило мелкой дрожью с головы до ног. Капитан посмотрел на него и понятиливо протянул флягу:

— Сделай глоток коньяка. Помогает в таких случаях. Сильно любил?

Сергей дрожащими руками поднёс флягу ко рту. Зубы выбивали дробь о горлышко, но он этого не замечал. Глотнул. Выдохнул. Закашлялся. Брызнули слёзы. Капитан насильно всунул в руку шоколадную конфету.

— Сильно, — едва выговорил он. — Первая любовь, она ведь знает, те какая.

...И тут он её увидел.

Пропало и исчезло всё на свете. Метнувшись, было к ней с отчаянным криком, он едва не упал в лужу после прошедшего накануне дождя. Капитан схватил за локоть и заорал в самое ухо:

— Стоп! Куда, мать твою! Профессор этого и боялся.

Серёга начал вырываться. Что-то раздирающее душу готово было выплеснуться наружу, когда на время забывается действительность и даётся воля безысходным человеческим чувствам. Не до сантиментов теперь было: Сергей просто стоял и плакал. Слёзы — теперь уже настоящие, жалкие и печальные в своей безысходности застлали глаза, готовые брызнуть во все стороны и, не помня себя от навалившейся грусти, едва не закричал от отчаяния.

«А-а-а-а!!! — рвало душу. — Это я, твой Сергей! Маришка... любовь моя!!!»

Ему показалось, что она увидела его среди толпы студентов. На миг встретилась с его глазами и удивилась, каким образом он мог оказаться здесь в совсем иной одежде, если она оставила его на лавочке несколько минут назад. Прохожие закрыли от него её образ, всё пропало и исчезло вместе с ней. Капитан тащил за руку к машине, но Сергей ничего не понимал и, собственно говоря, уже ничего не помнил. Лавина грусти и печали накрыла его с головой, он плюхнулся на заднее сиденье, обхватил голову руками и безудержно зарыдал.

Студенческий поток иссяк и всё исчезло. А она всё стояла и смотрела в тот конец улицы, где мельком увидела его знакомую фигуру.

...Но этого он уже не увидел. Машина рванула с места, промчалась на жёлтый свет светофора, дико просигналила и стремительно унеслась прочь.

***

Прошло ещё четыре дня. Николая Сидоровича Власика привезли довольного и здорового с объёмной папкой каких-то секретных документов. Тимофей Фёдорович встретил его с подобающим уважением, пригласил за стол и беседовал с ним до самого вечера в компании с капитаном и главным врачом базы Марком Даниловичем. Друзья продол-

жали жить своей жизнью, отдыхать, набираться сил перед новой отправкой и просто бездельничать. Что касается Сергея, то он свою миссию выполнил. Совесть его была чиста перед Маришкой: у неё теперь будет своя собственная жизнь, выйдет замуж, родит детей. Теперь у Сергея была Алёна. Сбросив груз с души, он все оставшиеся дни посвятил своей новой, чистой, юношеской любви, чему сама девушка была весьма благосклонна. Похоже, назревали новые романтические отношения, и дело продвигалось к логическому концу: к свадьбе. О ней, разумеется, пока ещё рано было думать, но вот по возвращению их из путешествия, вполне можно было создавать новую, уже вторую семью задействованных в проекте друзей.

— Читайте, что вы едете на курорт, — посмеивался Тимофей Фёдорович. — Ни Берия, ни Абакумов вас теперь не тронут, им будет не до вас. Документов, которые генерал захватит с собой, им хватит не на один год работы. Вы будете общаться только с Валентиной Истоминой, глухонемой старухой и, собственно, с самим Власиком. Остальные из obsługi дачи будут думать, что вы просто гости кого-то из друзей Сталина. К тому же, генерал обещал вывозить вас раз в неделю в столицу, разумеется, в его компании. Походите по театрам, музеям, посетите стадионы, выставки, посмотрите своими глазами на послевоенную жизнь советского народа.

— Он нас обещал с Василием познакомить, — напомнил Сергей. — С сыном Иосифа Виссарионовича.

— Вот и познакомит. Уникальный человек, этот Василий. Думаю, вам приятно будет его знакомство.

И отправил их готовиться к пересылке.

А на следующий день, вызвав к себе Диму с Толиком, проводя инструктаж, имел с ними такую беседу:

— Я долго думал, ребята мои, куда вас отправить на этот раз. В своё время всё, что мне было нужно, вы уже сделали. Меня интересует теперь эпоха революции и Гражданской войны. Не побойтесь туда попасть? Если откажетесь, настаивать не буду, сам понимаю, куда вас могут затащить или белые или большевики. Однако хочу напомнить, что Сергей с Егоровичем тоже рисковали жизнями, когда отправились во времена репрессий Сталина. Но выжили! Да ещё и с каким «уловом» вернулись! Понятно, что они опытнее вас, но ведь и вы уже два раза посещали иные эпохи, верно?

Он замолчал и стал ждать реакции друзей.

Толик хлопнул по плечу Димку, отвечая сразу за двоих:

— Мы согласны, Тимофей Фёдорович. Засиделись от безделья. Теперь хоть куда готовы, даже к Ивану Грозному.

— Ну, — протянул полковник, довольно потирая руки, — положим, к царю вам ещё рано, возможно, позже обсудим это, когда вернётесь. А сейчас меня интересует Корнилов, Деникин или Колчак. К кому попадёте — не важно, лишь бы поближе к их окружению. Я вас снабжу таким же материалом, как и Сергея с Егоровичем, вас возьмут в плен, а дальше уже по отработанной схеме. Будут передавать вас из рук в руки по инстанциям, пока не окажетесь в генеральном штабе одного из этих трёх полководцев. Возможно, попадёте в Добровольческую армию Корнилова, возможно, к Колчаку. Его «Золотой поезд» с запасом золота империи меня тоже интересует. По слухам, его захватили чехи, когда адмирал бежал в Омск, но это только слухи. Вам же предстоит выяснить реальные факты исчезновения этого поезда, а если повезёт, то и взять кого-нибудь из руководства сюда назад, как это сделали ваши друзья.

Видя, как Дима о чём-то размышляет, начальник проекта поспешил добавить:

— А за Любашу не беспокойся. У неё теперь есть подруга Алёна, да и Марк Данилович будет присматривать за её беременностью.

Друзья вышли из кабинета весьма довольные и, в ожидании броска через пространство, направились к столовой, где их поджидали остальные участники проекта.

Таким образом, 29-го февраля текущего года с территории секретной базы, с промежутком в три часа, стартовали сразу две команды в различные временные эпохи планеты.

Провожать вышли все, кто был посвящён в секретный эксперимент проекта.

Первыми отправились Сергей, Егорович и генерал Власик.

Этих уже ждали.

Вторыми спустя три часа отправились в неизвестность Дима с Толиком.

Этих не ждал никто.

Алёна всхлипнула и уткнулась в плечо Любаши. Для неё это было впервые.

Секретный проект «Петля Мёбиуса» вступил в шестую фазу своего существования.

Предпоследнюю.

Глава 4. Седьмая фаза проекта

Они прибыли под вечер 29-го февраля 1950-го года.

Их ждали весь день с самого утра. За месяц к пригорку расчистили дорогу, обнесли колючей проволокой, расставили часовых и подъезды к станции «Лосиноостровская» были перекрыты шлагбаумами.

Берия с Абакумовым и четырьмя помощниками сидели в армейской теплушке военного образца, грелись, пили чай и ждали. Наконец, слышался шум поднимающегося лифта, холм отъехал в сторону и на вечерний морозный воздух из подземелья вывалились все трое участников броска через пространство. Одежда и шоколад были заготовлены заранее, их мгновенно укутали и помогли забраться внутрь передвижного вагончика. При Власике был объёмный пакет всевозможных документов, а в рюкзаках у Сергея с Егоровичем находились прототипы тех или иных приборов, которые разрешил взять с собой Кремль из того, покинутого им времени.

По приезду на дачу их встретила Валечка, всё такая же весёлая, расторопная и приветливая, будто и не было этого месяца их отсутствия. Ужин был накрыт, баня натоплена, в камине потрескивали дрова. Власик простился с друзьями до завтра и отправился на негнущихся ногах с докладом к своему Хозяину в другое крыло помещения. Там его уже ждали. Ни Берия, ни начальник ГРУ за время поездки не обратили совершенно никакого внимания на прибывших, занятые разборкой документов, и в глубине души оба путешественника с облегчением надеялись, что впредь так и будет. Теперь они были им не нужны: появились более хлопотливые заботы. Всё, что от них зависело, Сергей с Николаем Егоровичем сделали.

...А утром их разбудил Власик.

Как всегда энергичный, даже весёлый после встречи с вождём — сразу было видно, что Иосиф Виссарионович остался довольный миссией, возложенной на генерала. Валечка в это время раздвигала шторы, и Николай Сидорович покрасовался перед друзьями сверкнувшим на груди новым орденом.

— Хозяин с барского плеча отвалил, — пошутил он. — Сегодня ужинаем у его сына Василия Иосифовича, там я вас с ним и познакомлю. Так что приводите себя в порядок, сходите в баньку, попарьтесь, Валечка всё устроит. В качестве благодарности вам разрешены увольнительные на трое суток с посещением столицы. Разумеется, в моём присутствии, — хитро подмигнул он. — Ночевать будем там же, у Василия.

Сергей вскочил с кровати и едва не заорал от радости. Клетка, хоть и золотая, всё же она и есть клетка. А тут СТОЛИЦА! Послевоенная, таинственная, загадочная в их думах, давно желанная и заочно уже любимая. Сразу вспоминался сериал «Место встречи изменить нельзя» — именно такой они её себе и представляли.

— А Берия с Абакумовым? — всё же спросил Егорович, не забывая, на каких правах они здесь находятся.

— Им не до вас, — успокоил его начальник охраны. — Корпят над документами, и вы им теперь до лампочки.

Уже завтракая, Николай Сидорович посвятил их в планы посещения столицы:

— Сегодня обмываем мой орден, завтра музеи и театры, а послезавтра как раз ответный матч между командами «ВВС» и бериевским «Динамо». «ВВС» это детище Василия, а Лаврентий Павлович такие встречи никогда не пропускает. Вот там его и увидите.

Уже ближе к вечеру, после бани, они отправились на правительском «ЗИСЕ» в гости к Василию Иосифовичу, генерал-майору Военно-Воздушных Сил.

Столица жила! Столица сияла!

За то время, пока они добирались сквозь поток машин к квартире Василия Джугашвили, друзья успели рассмотреть многое. Остановливаясь на светофорах, они жадно припадали к стеклу салона, пытаясь рассмотреть на лицах людей хоть какие-нибудь признаки страха и отчаяния, так правдоподобно описанных в нашумевших книгах Солженицына, Гинзбург, Шаламова и прочих писателей. Однако ничего похожего так и не увидели. Возможно, Власик заранее принял какие-то меры, возможно, они ехали не теми маршрутами, но так или иначе лица у всех прохожих были бодрые, временами весёлые и радостные. Люди жили! Война закончилась, месяц как отгулялись новогодние ёлки, в витринах магазинов ещё оставались висеть разноцветные гирлянды и шары, горками высились пирожные, шоколад, торты, колбасные изделия, консервы... Впрочем, может это была и бутафория, друзья не решались спрашивать генерала. И да! Везде, куда бы они не бросали взгляды, висели портреты вождя всех народов. Сталин здесь, Сталин там, Сталин в витринах, на площадях, в концертных афишах, на заставках кинотеатров...

А ведь кругом до сих пор шли аресты. До бериевской амнистии было ещё три долгих года.

Квартира Василия Иосифовича была расположена на самом верхнем этаже огромного старомодного здания, похожего на Мариинский

театр. Фасад был усеян лепными фигурами, вход охранялся, и когда прибывшие поднимались по ступеням, их встретил начальник караула, отдав честь генералу Власику.

Лифт поднял их на шестой этаж.

— А кто в нижних этажах живёт? — поинтересовался при выходе из кабины Сергей, оглядывая просторный коридор с висящими картинами, стоящими кадками цветов и дорогими фарфоровыми вазами вдоль стен.

— В основном друзья Василия, — ответил Николай Сидорович, махнув кому-то в коридоре. Здесь стояли и курили полковники, генералы, простые лётчики с синими погонами авиации, было много женщин в вечерних платьях, повсюду звенели бокалы, раздавался смех или возгласы за здоровье хозяина вечеринки. Сразу было видно, что Николай Сидорович здесь частый гость. Он решительно прошёл коридор, здороваясь со всеми, увлёк друзей за собой и втолкнул их в громадную квартиру, поражающую своими размерами и великолепием.

Посреди огромного зала стоял чистой белизны рояль, у которого собралось едва ли не половина всего общества, слушая знакомые Сергею напевы: «Ах эти чёрные глаза меня пленили...» — вытягивал безупречно красивый голос, и Сергей вспомнил, отчего ему знакомы эти строки. Точно! Пётр Лещенко! Именно эти пластинки они слушали с Егоровичем на Ближней даче в первое их посещение, когда по вечерам после лыжных прогулок включали граммофон у камина в библиотеке. Выходит, что же! Сам Лещенко здесь собственной персоной?

— Ну, чудеса! — выдохнул Серёга, толкая локтем Егоровича. — Ты видишь тоже, что и я?

Их тут же окружили женщины и принялись разглядывать не совсем к месту надетую одежду, отличающуюся от остальных. Они были без погон, в гражданских костюмах, и выделялись среди военных как белые вороны в однообразной стае. Им всунули в руки бокалы, повели куда-то, Власик им кивнул, его поздравляли с новым орденом, выпрашивая за какие заслуги он его получил, но генерал только отмахивался, намекая на строгую секретность. Всё закружилось перед глазами друзей, засверкало огнями, шум и веселье стояло такое, что невозможно было разобраться, кто здесь кто. Танцы сменялись застольями, песни тостами, игры разговорами о предстоящем матче по футболу, пока, наконец, Власик не протиснулся к ним, плюхнувшись рядом на широченный диван.

— Ну? — спросил он ошалелых друзей, около которых уже сидели женщины в шикарных нарядах. Перекрикивать шум и веселье не было

никакого смысла, поэтому он едва не надорвался, наклоняясь к ним. — Как вам этот, с позволения сказать, вертеп? А я-то думал, все обратят внимание только на меня и орден. Василия пока не вижу, но мне сказали, что он где-то здесь. Может, в бильярд играет в комнате отдыха. Сейчас допьём коктейли и отправимся к нему.

— Здесь всегда так? — перекрикивая музыку, спросил Сергей. Его рович в это время слушал какую-то пожилую даму, рассказывающую ему о каких-то своих заграничных поездках.

— Да, в общем-то, не всегда. Просто завтра матч между «ВВС» и «Динамо», вот и гуляют генералы с жёнами и дочерьми. Прошлый раз команда Василия утёрла нос бериевским любимчикам, вот и отмечают, надеясь на завтрашнюю победу. Видишь, того, что в центре возле рояля подпевает? Это Всеволод Бобров. Наша звезда. И футболист, и хоккеист — два в одном, образно говоря.

Они ещё немного покрутились среди гостей, затем спустились на три ступени вниз, и оказались в обширной зале, где в середине стоял шикарный бильярдный стол, обрамлённый зелёным сукном и висящими над головами лампами в дорогих абажурах. Здесь народу было поменьше, звуки музыки утихли за спиной, превращая мужскую компанию в некий мистический символ одиночества. Женщин тут не наблюдалось: это был чисто мужской уголок с баром, коньяком, сигарным дымом и неспешными беседами. За столом играли двое, остальные пять или шесть военных в авиационном обмундировании полковников сидели у стойки бара, потягивая янтарный коньяк многолетней выдержки.

К друзьям подошёл молодцеватый, ещё не располневший весёлый статный мужчина и крепко пожал руки, подмигнув Власику, косясь весело на его орден. Василию Сталину в тот момент должно было исполниться двадцать девять лет, и он был самым молодым генералом в стране.

— Надолго к нам? — пошутил он.

— На месяц, товарищ генерал.

— Знаю-знаю, слышал о вашем проекте. Кстати, о нём знаем только мы, Берия с Абакумовым, два академика и мой отец. Остальные, что сейчас корпят над документами и прототипами технологий, что вы привезли, понятия не имеют, откуда всё это богатство. Называйте меня просто Василием, я не подвержен славе или подобострастию к своей персоне. Договорились? — и повёл их к бару.

Спустя несколько минут они уже чувствовали себя в его компании как старые приятели, забежавшие на огонёк по случаю завтрашнего матча. Позже, к наступлению ночи, Сергей танцевал в зале с какой-то

милой девушкой, представившейся дочкой одного из генералов, а под утро, отправляясь спать в отведённую им комнату, оба друга совершенно ничего не помнили, едва добравшись до кроватей. Все разошлись с утренним рассветом и договаривались встретиться на стадионе, оставив друзей в полном одиночестве. «Дворец» опустел, и лишь прислуга нарушала утренний сон уборкой огромных покоев хозяина квартиры. Власик уехал ещё загодя, так что, друзьям можно было спать до обеда, чем, собственно говоря, они и воспользовались.

***

А уже к обеду их разбудил Власик.

— Подъём, товарищи путешественники! — гаркнул он, раздвигая громоздкие шторы в спальне. — Нас ждут великие дела!

У Серёги в голове летало звено бомбардировщиков; Егоровичу было не лучше.

Генерал стоял перед ними свежий, выбритый до блеска, лукаво улыбаясь и держа в руках бутылку грузинского вина. — Сейчас легче станет, поверьте мне. После таких вечеров у Василия, я только и лечусь подобным. Клин клином вышибает. Спускайтесь к столу, мы в квартире одни, все разъехались ещё под утро.

— А хозяин где? — прохрипел Сергей, отчаянно пытаясь дотянуться до стакана с водой на тумбочке у кровати.

— Отбыл на стадион. Он хоть и пьёт за троих, но пьяным редко бывает. Организм молодой, куда за ним угнаться.

Егорович хотел поведать Власику, чем позднее аукнутся сыну Сталина такие вечеринки, но вовремя промолчал: генерал и сам читал заметки, книги и вырезки о дальнейшей судьбе сына вождя, уже зная его кончину. Не было смысла напоминать.

— Умывайтесь и к столу! — будто читая его мысли, перевёл тему Власик. — Прислугу я отпустил, но обед уже накрыт.

Решили сегодня посетить Оружейную палату, Третьяковскую галерею и, если хватит времени — сходить в МХАТ. На завтра было запланировано посещение ВДНХ, и матч на стадионе.

...Три дня, проведённые у Василия Сталина, пролетели незаметно, словно щелчок пальца. Раз — и всё! Возвращаться назад.

За эти дни у них было всё: и радость от побед, и восхищение от выставок, и новые знакомства, и ревущие трибуны в ушах. Василий был с друзьями на короткой ноге; как и Власик, он принял их запанибратски: вместе пили, вместе играли в бильярд, вместе посещали театры. Там они впервые увидели живую Веру Давыдову, о которой читали в своём

времени, что она была любовницей вождя. Девушка пела на сцене арию из оперы «Кармен» и была в конце представления закидана цветами. Василий отправил ей из ложа коробку конфет и пригласил запиской к себе в гости, заодно напомнив и Егоровичу с Сергеем, что у него 24-го марта день рождения, тем более что через несколько дней им нужно будет отправляться домой.

Все последующие дни оба путешественника оставались в своём крыле, отведённом им на всё время их нахождения в Кунцево. Валечка как всегда была приветлива, расторопна и сноровисто выполняла свои обязанности. Сергей первый раз попробовал встать на коньки, но после неудачных попыток навсегда отказался от этой затеи. Берия и Абакумов больше не показывались, Власик иногда заходил по вечерам выпить с ними бокальчик вина и поставить мат Егоровичу. На удивление, в шахматы он играл очень даже весомо, чем постоянно злил оппонента.

Так проходили дни, пока однажды...

Это началось за день-два до именин Василия Сталина.

В предвкушении, что в субботу они на два дня поедут в столицу, оба друга после прогулки на лыжах сидели в креслах у камина, слушали Петра Лещенко и ожидали генерала. Часы показывали семь часов вечера. Егорович зачитался какой-то редкой книгой, и Сергею стало скучно. Резко поднявшись из кресла, он уже сделал, было, шаг к буфету, как вдруг...

Резкий болевой удар мощно отдался во всё теле, заставив его качнуться на месте. В глазах потемнело, он вцепился в края кожаной спинки, словно боясь провалиться в пустоту, потом что-то дёрнуло его, повалило на пол, напряглось и вдруг разом высвободилось, выпуская из лёгких едва слышимый стон. Тут же накатила какая-то волна слабости, и последнее что он позднее вспомнил, это неимоверно длинный ворс на ковре, щекочущий его ноздри.

А дальше — вакуум. Небытие. Ноль в квадрате.

Егорович, с перепугу вскочив, бросился к лежащему другу и что есть мочи заорал:

— Кто-нибудь! Скорее! Доктора! — и метнулся к телефону внутренней связи:

— Валечка!

***

Сознание приходило медленно, толчками, затуманено и беспросветно.

— Притушите свет, — услышал он незнакомый голос. — И подложите ещё одну подушку.

Он едва пошевелил губами, обводя пустым взглядом комнату:

— Сколько я был...

— Простите?

— Как... давно я здесь лежу?

— Да почти часов восемь уже, голубчик. — Над ним склонилось лицо в очках и с бородкой профессора. — Вы эпилепсией раньше страдали?

— Нет, доктор. Никогда.

Испуганная Валечка обтирали его тряпкой, и он почувствовал у себя на груди что-то мокрое, пахнувшее помойкой.

— Это ничего, — успокоил его старичок в белом халате. — Вас вырвало, и я взял образец рвоты на анализ. Пища не отравлена, эпилепсией вы не страдали, в обморок раньше не падали...

— Тогда ЧТО со мной?

Власик, прибывший по зову Валечки, подал ему стакан воды, но профессор отвёл руку в сторону, давая Сергею выпить какую-то другую жидкость.

Больного довели до стола, усадили, и дали возможность отдышаться. Постепенно Сергей начал приходить в себя, бросая удивлённые взгляды то на Власика, то на Егоровича, то на Валечку, суетившуюся рядом, расставляя посуду. Сам профессор смотрел на листки анализов, переданных ему только что из лаборатории, и чем дальше читал, тем больше приходил в недоумение. Наконец, сняв очки, он пытливо и как-то загадочно уставился на пациента.

— Хорошо, что я иногда приезжаю консультировать нашего вождя по случаю его здоровья, и во время вашего припадка оказался в этом крыле здания. Голова у вас прошла?

— Да.

— Тошнота?

— Да.

— Слабость?

— Да. — Сергей отвечал как зазубренный в школе стих.

— Хорошо.

Профессор взглянул на Власика и спрятал листок с анализами в карман халата.

— Вы меня хорошо знаете, Николай Сидорович, я не первый год лечу нашего Хозяина и могу держать язык за зубами. Спрашивать, кто

они такие я не имею права, но раз они находятся под вашей юрисдикцией, то у меня есть на этот счёт вопрос. Вы позволите?

— Конечно, милый Иван Яковлевич. Задавайте.

Профессор поёрзал на стуле, поправляя очки:

— Он будет несколько необычным...

Власик сразу понял, о чём будет спрашивать профессор и, шепнув что-то Вале на ухо, слегка подтолкнул её к выходу.

— Сейчас принесу, — ответила та и бросилась к двери.

— Сказал ей, чтобы захватила коньяк из кухни. Нам всем он сейчас не помешает.

— Хорошо, — отозвался Иван Яковлевич. — Итак...

И повернувшись к больному, почти шёпотом произнёс по слогам:

— Сергей... ВЫ КТО???

***

Тишина за столом длилась несколько минут.

— Иван Яковлевич, — наконец ответил за всех Власик.

— Да?

— Я знаю вас как порядочного и молчаливого человека. Могу ли я надеяться на то, что всё сказанное сейчас мною останется между сидящими в этой комнате.

Доктор немного помедлил, но мысленно вернувшись к листку с анализами, утвердительно кивнул:

— Слово врача и чести. Дальше этой комнаты ничего из услышанного мною не просочится.

— Имейте в виду, что эта информация наисекретнейшей важности на государственном уровне. О ней знают только пять человек, включая Иосифа Виссарионовича, его сына, начальника ГРУ и народного комиссара Внутренних дел. Теперь будете знать и вы.

— Из моих коллег кто-нибудь знает?

— Да. Академик Вовси и братья Коганы. Лечащие врачи нашего вояжя.

Профессор подкурил дрожащими пальцами сигарету, подождал, пока Валечка выставит на стол коньяк с закуской, дождался её ухода, и только тогда подал голос, обращаясь к генералу:

— Налейте, пожалуйста, мне полную рюмку. Не каждый день принимаешь такие решения.

Они молча выпили.

— Я готов, Николай Сидорович. Итак, — он указал на Сергея. — КТО ОН?

— Скорее, ОНИ, Иван Яковлевич.

Профессор впервые посмотрел на Егоровича с таким же любопытством, граничащим с каким-то смятением, однако не показал вида. И так было ясно, что просто так бы генерал личной охраны Хозяина не держал бы их под своим покровительством.

— Кто... ОНИ?

— Они из... БУДУЩЕГО, Иван Яковлевич.

— Откуда?

— Из грядущего столетия.

На мгновение в комнате воцарилось полное молчание, лишь дрова потрескивали в камине с каким-то мистическим, едва уловимым шумом.

Сергей сидел изрядно напуганный и пил минералку.

Егорович мысленно аплодировал профессору, наблюдая за его выдержкой в подобном случае. Не каждый день тебя ставят в известность, что существуют путешествия сквозь время и пространства, а участники этих путешествий сидят сейчас перед тобой напротив.

Генерал разлил по рюмкам коньяк и ждал дальнейшей реакции профессора.

Наконец, тот подал голос, вытирая платком выступивший на лбу пот:

— Что-то типа «Машины времени» Герберта Уэллса?

— Да. Вы читали?

— Я всего Уэллса читал. И что, она уже возможна?

— Да. Через сорок с лишним лет её изобретут наши с вами соотечественники. Я уже побывал в ИХ времени, и как видите, вернулся ОТТУДА здоровым и невредимым.

— И... об этом знает сам Хозяин?

— Так точно. Он и ещё пятеро, я вам их перечислил.

Иван Яковлевич с каким-то новым любопытством взглянул на обоих путешественников, беря дрожащей рукой рюмку:

— Фу-ух! — Выдохнул он. — Вы меня, признаться, с ног свалили этим известием.

— Я и сам недавно только принял участие в данном проекте. Поверьте, вначале такое же состояние было и у меня.

Профессор выпил, кивнул, и после довольно длительных размышлений, наконец, ответил:

— Теперь мне понятно моё ошеломление, когда я проверил анализы Сергея. Вы позволите, я вас просвещу насчёт его показателей?

— А что? Что-то не так с его припадком? Это не обычный обморок?

— В том-то и дело, что нет. Восемь часов без сознания, это вам не эпилепсия. Но, позвольте с самого начала.

Все напряглись и подались вперёд. Сергей даже привстал немного со стула, но тотчас сел, ожидая чего-то непонятного и, возможно даже худшего.

— Первое, что я обнаружил в анализах Сергея, это следы бактерий Борде-Жангу.

— Это что? — встрепенулся Сергей.

— Это, голубчик мой, обыкновенный коклюш. Я склоняюсь к версии, что это именно так. Но прошу меня не перебивать: то, что я сейчас вам скажу — такого не должно быть в природе. Понимаете? Не должно быть **ВООБЩЕ!**

Все уставились на него с какой-то неизбежностью чего-то трагического и непоправимого.

Что-то всё-таки витало в воздухе — зыбкое, эфемерное, непонятное.

Вот только ЧТО именно?

— Как это «вообще»? — за всех спросил Егорович.

— Это значит, что таких симптомов в природе не существует! Сейчас объясню, поскольку я и сам шокирован данным фактом. У тебя, Сергей, в анализах крови присутствуют следы бактерий кори. Помнишь, как глаза резало болью, когда ты только начал приходить в себя. А это уже два симптома, заметь. Далее...

Он наклонился, пощупал пульс, оттянул глазное веко и посмотрел в белки Серёгиных глаз.

— Такого попросту не должно быть, чтобы сразу два вируса уместились в одном организме. Обычно более приспособленный вирус уничтожает более слабый, и завоёвывает территорию как на войне. Но! Корь развивается не менее двух суток, а у тебя она возникла буквально ниоткуда за какие-то восемь часов. Парадокс, спросите вы? Но это ещё не всё, голубчики мои. У тебя в крови так же присутствует и возбудитель гемолитического стрептококка! А это, друг мой, в простонародье называется скарлатиной. Вот так!

Сергей едва не свалился со стула от таких «новостей».

— И это всё... во мне?

— Да. То есть, было. Прошло восемь часов, и всё исчезло каким-то невероятным и непонятным образом. Коклюш, корь и скарлатина являются инфекционными заболеваниями. Они проходят стадии от заражения до выздоровления никак не меньше двух недель. Нужна обязательная иммунизация, иными словами уколы антибиотиков и прочее. А у те-

бя, Сергей, весь стремительный процесс заражения — болезни — выздоровления прошёл сам собой... за несколько часов. Вот это и есть аномалия. Или мутация — как хотите.

Он поднял палец, давая понять, что ещё не закончил.

— К сожалению, это не всё.

— Господи! — взвыл Сергей. — Ещё что-то будет?

— Пока не знаю, я с таким феноменом сталкиваюсь впервые. Вместо двух вирусов, у тебя в организме одновременно присутствовали и развивались целых ТРИ! Ни один живой организм на планете не сможет внутри себя уместить сразу три вируса бактерий: он просто мгновенно погибнет. А вот ты — сидишь, пожалуйста, перед нами и уже вполне здоров. Вот этого-то я и не могу объяснить. Я склоняюсь к мысли, что у тебя внутри началась самая настоящая бойня, и все три вируса схватились между собой, что называется, насмерть. Твой желудок стал настоящим полем боя, и когда они истребили друг друга, в дело вступили антитела, защищающие организм от подобных вторжений. Печень, лёгкие, клапаны, кровеносные сосуды самоочистились, вышли с рвотным рефлексом, и ты снова пришёл в себя. На всё про всё твоему организму хватило каких-то восьми часов, вместо двух недель забиться и бредя в пылу жара. Теперь ясно? Повторюсь: на Земле ещё не существовало ни разу подобного феномена, чтобы сразу ТРИ вируса сошлись вместе в одном организме!

Он откинулся на спинку стула, закурил сигарету и уставился куда-то в потолок.

Молчание длилось, казалось, вечность. Каждый был ошеломлён и сидел, не произнося ни звука.

Наконец, затушив окурок, Иван Яковлевич ласково, как-то по-отечески взглянув на парня, произнёс, как можно более дружелюбно:

— Сергей...

— Да? — обречённо откликнулся тот, удручающе подняв голову.

— Готов под конец вынести последний удар? Выдержишь?

Бедный путешественник во времени вжался в спинку стула, не зная, как себя вести дальше.

— Попробую, — едва слышно ответил он. — Куда теперь деваться...

— Хорошо. Слушайте все... — он обвёл взглядом стол. — И вы, Николай Сидорович. Весь этот абсурд, что я вам поведал, который не должен существовать в природе, просто меркнет перед тем, что я скажу вам сейчас...

Он выдержал эффектную паузу и многозначительно отчеканил по слогам:

— Дело в том, что все эти болезни... ДЕТСКИЕ!

И спустя секунду добавил:

— Которых в зрелом возрасте ВООБЩЕ не должно быть априори!!!

Наступила полная тишина.

— Расскажите мне всё?

И Егорович начал свой рассказ о проекте «Петля Мёбиуса», начиная с первого дня его существования.

***

...Когда 29-го марта, в день отправки позвонил Василий Сталин, Николай Сидорович обрисовал ему по телефону ситуацию и объяснил, по какой причине они не посетили его в день его рождения. Случай с Сергеем был доложен Хозяину, и тот запретил всем, включая Власика, покидать территорию Ближней дачи. Кроме них и профессора никто не знал о происшедшем, даже Берия с Абакумовым.

Уже позже, когда Сергей полностью восстановился, Иван Яковлевич предупредил всех, что приступ может повториться, и не только с Сергеем, а и с его напарником, связывая этот единичный феномен с будущими возможными кризисами. Он пришёл к выводу, что этот затяжной обморок будет не единственным, поскольку, делая ещё одни анализы, он обнаружил нечто подобное и в организме Егоровича.

— Вот здесь, голубчики мои, — передавая им объёмный пакет, сказал он на прощание, — все мои выводы и рассуждения насчёт вашей болезни, только в более научной форме: так сказать, для специалистов. Передадите своему начальству — они разберутся. За неимением лучшего, я назвал этот возбудитель непонятного происхождения *Bacterium mutabile* — «Переменчивой бактерией». Ваши врачи в будущем должны будут столкнуться с подобным феноменом, только прошу, никому кроме вашего полковника КГБ не показывайте. Здесь настоящая «бомба» для науки, — похлопал он увесистый пакет. — Скажете, это подарок от одного из лечащих врачей вождя.

Попрощавшись с Валечкой, профессором и Василием Сталиным по телефону, оба друга в сопровождении генерала отправились на машине к станции «Лосиноостровская». Иосифа Виссарионовича они за эти дни так и не увидели, хотя постоянно чувствовали его незримое присутствие. Им даже временами казалось, что картины портретов в их спальне «водят» иногда глазами, наблюдая за их действиями — будь то игры в шахматы, посиделки с Власиком или прослушивание пластинок. От Василия Иосифовича генерал передал им по подарку. Егоровичу серебряный портсигар, а Сергею позолоченный кулончик, в котором

можно было поместить фотографию любимой: в случае с Сергеем — теперь уже Алёны, а не Маришки.

Идти по мягкому таящему снегу на лыжах было одно удовольствие, благо тропинка была заранее расчищена. Друзья взяли с собой два огромных рюкзака, набитых всевозможными ценностями, раритетами и антиквариатом. Когда уже подошли к холму, Сергей отправился к дереву активировать пластину, а Егорович предложил генералу присесть на дорожку.

— Спасибо вам за всё, Николай Сидорович. Мы полюбили вас как друга... вас и Василия. И в связи с этим хочу вам сделать особый подарок.

Егорович на миг задумался, подыскивая правильные слова. Расставание с этим человеком, возможно и жестоким для своих подчинённых, но неизменно любезным и добродушным с ними самими, оказалось для друзей печальным — настолько они к нему привыкли и прониклись душой. Ведь, по сути дела, не попади они под его защиту, сидеть бы им сейчас где-то в застенках Лубянки, а, возможно, и просто быть расстрелянными, как агентами шпионской разведки.

— Вы проживёте долгую жизнь, Николай Сидорович. Переживёте и своего Хозяина, и многих ныне власть имущих, у вас будет благородная старость, почёт внуков и уважение окружающих. На покой вы уйдёте с подобающими вам почестями. Человек не злопамятен по своей сути, его к этому принуждают обстоятельства, поэтому в памяти людей и архивах истории вы останетесь как начальник личной охраны великого вождя всех народов. Не более того.

— Спасибо, — растроганно произнёс генерал. — Мне тоже было приятно с вами работать.

И, обнявшись, они простились, теперь уже навсегда.

Лифт ушёл под землю, холм вернулся пазами на своё место, а Николай Сидорович всё стоял и смотрел на пригорок с тающим снегом, будто простился с целой эпохой своей жизни.

Потом надел лыжи и, не оборачиваясь, зашагал назад к ожидавшей его правительственной машине.

Миссия Сергея и Егоровича в 1950-м году была окончена.

***

...Со второй командой всё закончилось, ещё не начавшись.

Дмитрию стало плохо прямо у саркофагов, куда они с Толиком складывали пакеты с дисками, журналами и прочими гаджетами. Им стоило только лечь в капсулы переброски, закрыть глаза и расслабить-

ся, остальное автоматика должна была всё сделать сама: закачать анабиозную жидкость, мгновенно, за долю секунды заморозить и перенести в пространстве их тела в иную эпоху 1918-го года в революционный Петроград.

Толик уже ложился, когда Дима внезапно ослабел, сполз на пол и едва выдохнул:

— Плохо мне что-то...

Он удивлённо посмотрел на своего друга и... лишился сознания.

Тревожно прогудел зуммер, где-то что-то щёлкнуло. Толик подскочил к Диме, схватил его в охапку и потащил назад к лифту, который уже стоял внизу, ожидая дальнейших команд в автономном режиме. Автоматы анабиоза с пустыми капсулами вибрировали неприятным аккордом. Стеклопакеты крышки саркофагов были всё ещё открыты, а криогенная жидкость должна была вот-вот устремиться в капсулы переборки. Сбой программы повлечёт за собой массу неприятностей. Надвигалась катастрофа.

Вначале завывала сирена.

Капитан, только что проводивший путешественников вниз и оставшийся наверху проследить за возвращением холма на место, удивлённо уставился на сигнальные огни, пришедшие в движение. Алёна, Любаша и Евдокимовна — баба Маша из санитарной obsługi гарнизона, уже разошлись по своим рабочим местам. Тимофей Фёдорович с Марком Даниловичем после прощания вернулись в штаб-квартиру, и капитан должен был последовать за ними, как вдруг это произошло. К привычному мерному гулу примешались какие-то посторонние ритмические звуки, которые он уже однажды слышал, когда из-под земли выскочила карета с неуправляемым экипажем. Сейчас было похожее. Понесся шум поднимающегося лифта, створки разъехались в стороны, и в проёме портала перемещения показались две фигуры, вывалившиеся прямо в руки капитана.

— Доктора! — прокричал Толик. Димкина голова моталась из стороны в сторону, руки безвольно свисали к земле.

— Что с ним?

— Потерял сознание, прежде чем лечь в саркофаг, — отдуваясь и бережно кладя тело себе на колени, ответил тот. — Где Марк Данилович?

— Я сейчас! — мгновенно оценив обстановку, рванул к штабу капитан. — Они уже внутри. Погоди немного.

Сирена продолжала выть. Из дверей казарм начали выходить удивлённые солдаты. Дверь штаба распахнулась, и навстречу капитану побежали полковник с главным врачом базы.

Через минуту все столпились вокруг бессознательного Димы и понесли его в лазарет.

— Все вопросы потом! — прокричал Марк Данилович. — Немедленно в тёплую палату и капельницу. Уложить, укутать, сделать инъекцию. Любаша кинулась за кислородной маской.

Тимофей Фёдорович подхватил Толика под руку и тоже повёл к лазарету, по пути осведомляясь о причине обморока.

— Не знаю, — ответил Толик, устало присаживаясь на больничную койку. Алёна уже поднесла ему чай и остановилась в дверях, тревожно прислушиваясь к их разговору. — Не знаю, Тимофей Фёдорович. Упал и всё, даже не успев залезть в саркофаг. Я его подхватил — и наверх. А там же сейчас криогенная жидкость набирается, господи! — спохватился он.

— Не переживай, — остановил его полковник. — Капитан уже внизу с инженерами. Отключат. Ты сам-то как?

— А чёрт его знает, — поморщился ослабевший Толик. — Вроде и пронёс-то его всего — ничего, а с ног валюсь от слабости. Голова раскалывается. И ведь переброска ещё не начиналась.

В палату заглянул озабоченный Марк Данилович, проверил пульс, позвал Евдокимовну, наказал уложить Толика и сделать кардиограмму. Подозвав к себе Алёну с Тимофеем Фёдоровичем, поделился информацией, предварительно успокоив Толика, что с его другом всё в порядке:

— У Дмитрия непонятная потеря сознания. Буквально на ровном месте. Сейчас с ним санитары и Любаша. Я взял на анализ кровь и слюну, которой он вырвал, через полчаса будут готовы. Что он рассказал, как это случилось? — указал врач на второго путешественника.

Начальник проекта пересказал ему беседу с Толиком. Алёна ахнула и прижала платок к глазам.

— Не бойся, дочка, — успокоил её профессор. — Я знаю, о чём ты подумала. Если бы с Сергеем что-то подобное случилось — мы бы знали. В них вживлены чипы слежения, и мы постоянно знаем, где они находятся. Сбоев программы пока не было. Твой наречённый в безопасности. Тем более на даче в Кунцево, насколько я знаю, постоянно присутствуют кто-то из лечащих врачей Сталина, либо академик Вовси, либо братья Коганы. Иди к Любаше, забери её с собой, успокой, а мы сейчас наведемся к Диме.

Девушка ушла. Полковник и врач закурили.

— Как думаешь, Марк Данилович, что с ним произошло?

— Трудно сказать сразу, — ответил врач, выдувая дым в потолок, сторонясь и пропуская мимо себя Евдокимовну. — Анализы покажут. Пойдём, посмотрим на больного.

Они вошли в палату. Рядом с постелью стояли анестезиолог, старшая медсестра и один из санитаров.

Дима уже не хрипел. Грудь его мерно вздымалась и опускалась в такт успокоившегося дыхания, тут же стояла подключённая капельница и аппарат, снимающий кардиограмму сердца.

...Был вечер 29-го февраля текущего високосного года.

***

Он пришёл в себя часам к четырём утра.

Всё это время, начиная со вчерашнего приступа, возле него дежурила Любаша, ни на минуту не оставляя его одного.

Марк Данилович всю ночь провёл у себя в лаборатории, изучая анализы Димы, и всё больше и больше заходил в тупик, абсолютно не понимая, с чем он столкнулся. Подобный криз случился впервые за все перебошки их в иные пространства. Что же за этим кроется? Раньше самочувствие у всех было отменное, разве что после пересылок чувствовалась тошнота и голод, но эти побочные эффекты были им заранее предусмотрены и изучены. Не было надобности даже проверять их медицинским осмотром, настолько было всё налажено и отработано. А теперь вот эти анализы...

Марк Данилович откинулся на спинку стула, потёр виски, и снова недоумённо приник к окуляру микроскопа.

...В чашке Петри под увеличением в несколько тысяч раз плавали в растворе бактерии сразу трёх возбудителей.

— Чёрт знает что такое, — пробормотал он, не веря своим глазам. — Но ведь... но ведь такого не должно существовать в природе, ибо не должно существовать **ВООБЩЕ!** Это нонсенс!

Он вскочил, схватил листки анализов, кинулся прочь из лаборатории и, ввалившись в палату больного, закричал:

— Немедленно всем надеть марлевые повязки! Возможно заражение!

***

...С того злополучного дня прошло две недели.

Никто толком не знал, что именно произошло с Димой, но видя, что приступы больше не повторяются и симптомы не проявляют себя на других обитателях базы, Марк Данилович разрешил снять повязки и отменить вынужденный карантин. Дима после выписки чувствовал себя относительно нормально, если не считать частичной потери памяти во время приступа. Он абсолютно не помнил, что с ним произошло у саркофагов. Очнулся в палате и весьма удивился, что видит перед собой Любашу, а не, скажем, того же офицера штаба при адмирале Колчаке. Ему предписали домашний режим, и они эти дни только и делали, что выходили к озеру на ещё не растаявший лёд, бурили лунки и ловили рыбу, вчетвером, с Алёной, Любаней и Толиком. Капитан незримо всегда присутствовал где-то рядом. От вынужденного безделья и скуки Димка не находил себе места, но полковник настрого запретил даже близко приближаться к portalу перемещения. Все ждали возвращения первой команды: тогда уже Тимофей Фёдорович будет действовать сообразно новым сложившимся обстоятельствам.

Марк Данилович все эти дни проверял и перепроверял анализы, брал заново кровь на пробу, просвечивал и того и другого различными лазерами, выявлял похожие симптомы, не спал по ночам, проводя опыты и вычисления, но так и не мог добиться ответа на свой главный вопрос: ОТКУДА в одном, закупоренном, можно сказать, со всех сторон организме, образовались вирусные возбудители сразу трёх ДЕТСКИХ болезней — кори, скарлатины и коклюша?

Они собирались по вечерам в кабинете полковника, беседовали, строили выводы, недоумевали и совершенно не знали, как себя вести в подобном случае, поскольку таких случаев медицинская практика ещё не знала со времён обозримого человечества.

— Природа, как некая физическая величина попросту не может допустить подобное, — объяснял он собравшимся в кабинете коллегам, — чтобы в одном штучном организме уместились и развились сразу три, абсолютно различных вируса. Это было бы похоже на атомную бомбу, если бы увеличить в масштабах. Понимаете? Внутри произошла бы настоящая бойня: коклюш пожирал бы корь, та скарлатину, а та, в свою очередь, коклюш. Это была бы третья мировая война в микрофлоре организма одного единственного человека. Я назвал этот вирус непонятного происхождения «три в одном», за неимением лучшего. Как вы заметили, воздушно-капельным путём он не передаётся, я брал анализы со всех сотрудников проекта, кто, так или иначе, контактировал с путешественниками. Результатов — ноль. Все здоровы. Организм Димы вылечил себя сам! За несколько часов, вместо положенных двух недель!

Он мерил шагами кабинет, раздавал листки с анализами и до сих пор не понимал, с чем они здесь на базе столкнулись.

— Я уже привязывал этот приступ кризиса с их перебросками во времени. Возможно, при прохождении временного континуума в путешественников каким-то необъяснимым образом внедряется внутрь организма возбудитель той или иной болезни, но...

Он поднял палец вверх:

— Но, повторяю! Не ТРИ же сразу! Это рушит все устоявшиеся каноны медицины со времён Гиппократы, Парацельса и Авиценны. Такого не существует в природе. Ни у кого. Нигде. Никогда. На всей планете! — Марк Данилович застыл посреди комнаты и едва не воздел руки к потолку, подразумевая, очевидно, небеса.

— А у Дмитрия эти симптомы проявились... — после паузы задумчиво вставил профессор.

— Да. — Главный врач базы, казалось, смирился со своим поражением. — Проявились. Вот это меня и сбивает напрочь с толку. Тут я бессилён. Мне не с чем сравнивать, нет платформы изученных фактов, от которых я мог бы оттолкнуться. Здесь любой академик разведёт руками. В истории человечества такого НИ РАЗУ не случалось. Это тайна за семью печатями. Новый мутант возбудителя «три в одном». Новая ветка в истории медицины. Таково моё мнение, коллеги. — Он развёл руками и бессильно опустился в кресло. — Боюсь, такие же кризисы могут повториться и с другими нашими путешественниками...

В кабинете повисла гнетущая тишина. Пока это были всего лишь предположения, но нетерпение дождаться первой команды с этих дней возросло в геометрической прогрессии.

Все ждали.

Все надеялись.

Все боялись.

...Но, прежде чем наступило время возвращения Сергея с Егоровичем, произошло ещё несколько событий, о которых стоит упомянуть.

***

В то утро в расположение базы въехали сразу три армейских автомобиля: чёрный бронированный правительственный «ЗиС» в сопровождении военного фургона, и большой грузовик, крытый камуфляжным тентом. Фургон представлял собой передвижную лабораторию быстрого развёртывания в условиях боевых действий, напичканную всевозможными медицинскими приборами для взятия проб воздуха, измере-

ния давления в атмосфере, уровня радиации, заражения почвы и прочих анализов.

Из лимузина вышли двое в штатском, а из грузовика выпрыгнули сразу несколько военных в комбинезонах химической защиты, держа в руках небольшие чемоданчики с кодовыми замками. Всё напоминало какую-то операцию быстрого развёртывания — без суеты, молча и весьма уверенно.

Двое прибывших в дорогих костюмах пожали руку полковнику и углубились внутрь штаб-квартиры. Началось совещание, которое затянулось до самой ночи без перерыва на обед и ужин. На столе у руководителя проекта были разложены схемы и карты маршрутов путешественников, их отчёты за 1742-й, 1950-й годы и год будущего века. Пустой оказалась лишь папка за 1918-й год, рядом с которой лежали анализы Дмитрия, которыми в первую очередь заинтересовались люди в комбинезонах.

Профессор чётко и обстоятельно докладывал собравшимся о ходе эксперимента, временами прося Марка Даниловича дополнить тот или иной факт, касающийся перебросок в иные измерения.

Главный врач базы подвёл итог медицинского обследования пациента:

— На поверхности мы имеем дело с чудовищной аномалией, которая может развиться в организме за предельно краткий промежуток времени. Учитывая, что организм человека не имеет иммунитета к этому неизвестному вирусу, становится непонятным: КАК? Каким образом организм вылечивает сам себя, не повредив носителю инфекции, в данном случае, Дмитрию? Ведь такой болезни в природе не существует **ВООБЩЕ!** Её нет на планете. А, следовательно, нет и иммунитета.

— Когда ждать другую команду? — спросили незнакомцы, курирующие проект.

— Двадцать девятого марта, — ответил полковник. — Через несколько дней.

— Хорошо. Будем ждать. А пока мы ещё раз осмотрим пациента, уже сами, с нашим специальным оборудованием.

...В течение следующих дней они обследовали Диму в своей передвижной лаборатории, разбирая бедного парня, что называется, по винтику. Пробы, анализы, инъекции, рентген, сыворотки, сканирование мозга следовали друг за другом, отчего путешественник во времени начал даже уставать. Хорошо, что под боком всегда находились полковник с главврачом, Любаша и Толик. Вроде бы ничего Диминому здоровью не грозило, но было мерзко, неприятно, а порою даже больно.

«Комбинезонов» поселили в одну из казарм гарнизона, где они могли проводить свои эксперименты с анализами Дмитрия. Лимузин с двумя высшими представителями власти на следующий день после совещания укатил в столицу, но было уговорено, что в день возвращения первой команды они будут присутствовать в числе встречающих.

Когда Диму, наконец, оставили на время в покое, не обнаружив пока ничего сверхъестественного в его организме, они с Толиком и девушками отпросились у Тимофея Фёдоровича в город, напомнив ему, что он когда-то отпускал и Сергея. Перед прибытием друзей из 1950-го года хотелось погулять в парке, покататься на аттракционах, поесть сладкой ваты и мороженого, сходить в кинотеатр. Время пока позволяло.

Полковник отпустил их с тем условием, что у выхода из парка их будет ждать капитан в армейском уазике. Гулять он с ними не будет, давая им возможность собственного личного пространства, но наблюдать незримо издали ему предписывала техника безопасности проекта. Кто знает, что может произойти с путешественниками в этот раз. За Любу и Алёну профессор не волновался — они были «чисты», к тому же Любаша была беременна, и это тоже стоило учитывать.

...До прибытия первой команды оставались считанные дни.

***

В субботу утром их на уазике доставили в город. Деньгами их снабдил профессор, учитывая их заслуги перед проектом и не скупясь на растраты. Можно было сходить в ресторан, посетить универмаг и вещевой рынок, купить себе что-нибудь из одежды или просто для души — особенно девушкам. Ему было приятно сделать им маленькую радость, поскольку с недавнего времени он считал их своей общей семьёй.

Всю субботу друзья гуляли по городу. Сходили в парк, где уже на растаявшем пруду покормили уток, обедали в ресторане, посетили кинотеатр. Вечером вернулись к фонтанам и катались на аттракционах, наслаждаясь сладкой ватой с мороженым. Шашлык не хотелось — они ими объелись ещё на базе, когда выходили в лес на пикник.

Погода была чудесная и в парке, по случаю выходного дня, было не протолкнуться. Молодёжь на лавочках сидела с гитарами, прохаживались молодые мамочки с колясками, старики играли в домино и судачили о своих огородах. Толик отправил девушек кататься на лодочках, а сам занял очередь к пивной бочке на колёсах, оставив Димку охранять занятое на скамье место. Именно в этот момент, когда Дмитрий кормил голубей под ногами, к нему на лавочку попросились посидеть

двое молодых людей — парень и девушка необыкновенной красоты. Поскольку он в это время сидел один, то великодушно уступил им место, подвинувшись в бок ближе к фонтану.

Девушка слушала парня, скромно потупив печальные глаза, а он ей что-то объяснял, взволнованно махая руками словно пропеллерами. Дима поначалу не прислушивался к их разговору, думая о Любаше и её скорых родах, но тут внезапно уловил в их беседе какие-то знакомые слова. Точнее, имена.

— Пойми, Маришка, — возбуждённо говорил парень, стараясь успокоить девушку. — Это не мог быть Серёга, тебе просто показалось. Как ты его могла видеть возле института, если оставила минуту назад здесь на лавочке? Ты просто обозналась.

— Нет, Валик, — тихо ответила она. — Я его из тысячи бы узнала. Это был он. Только...

— Только, что?

— Только... какой-то возмужавший что ли... и в одежде совсем другой. Понимаешь? Будто прошло несколько дней или месяцев, и он вынырнул откуда-то: раз! — она щёлкнула пальцем и скорбно улыбнулась сквозь силу. — И появился!

Димка наострил уши и едва не свалился со скамейки прямо в гущу голубей. Он уже понял, кто рядом с ним присел, обсуждая недавний случай, когда Сергей отпросился у Тимофея Фёдоровича взглянуть издалека на Маришку. И вот она здесь! Перед ним, собственной персоной! А парень этот, никто иной как Валик — Серёгин и Егоровича друг, первым с ними обнаруживший секретный объект базы и мёртвого сотрудника в стенах комбината. Там ещё какой-то локомотив присутствовал, вспомнил Дмитрий, не зная, как вести себя дальше. Вот это нонсенс! Маришка и Валик здесь! В парке!

«Институт. Сергей рассказывал, как он издалека увидел Маришку среди толпы студентов, но и она его, похоже, заметила. Вскользь, мельком, но тем не менее. Выходит, это всё-таки правда».

Димка не находил себе места, отчаянно выискивая Толика в очереди за пивом. Нужно немедленно его предупредить! Этих двух молодых людей какая-то невидимая рука судьбы подтолкнула к этой лавочке именно в то время, когда на ней окажется кто-то из участников проекта. Кто-то, кто знает дальнейшую судьбу Сергея, но не может ею поделиться с бедной девушкой, которая казалась потерянной в этом мире навсегда. Они же ничего не помнят! По словам полковника, им стёрли память и отправили домой спустя сутки после их задержания.

Вот это парадокс, чёрт подери, подумал Димка, вскакивая на поиски своего друга. Девчата катались на аттракционах, и он их не видел, зато Толик должен был уже нести пиво в трёхлитровой банке. Главное, чтобы они не ушли, пока он сбегает за Толиком. Пусть останутся, молил он про себя, пусть только не уйдут, дождутся. Он им всё расскажет: и как их отпустили, и где сейчас Сергей, и кто они сами такие...

Маришка с Валиком удивлённо посмотрели вслед унёсшегося второпях Димки, пожалы плечами и, поднявшись, отправились в противоположную сторону.

Вернувшись и, таща за собой ничего не понимавшего и упирающегося Толика, Дима их уже не обнаружил. Как он не всматривался в отчаянии в толпы гуляющих, так никого и не увидел. Молодые люди исчезли навсегда.

— Ты с ума сошёл! — подытожил старший друг, когда Дима рассказал ему о своей необыкновенной и загадочной встрече. — У Сергея ведь теперь есть Алёна! Как бы ты рассказывал Маришке о том, что Сергей мотается по эпохам, если они с Валиком понятия об этом не имеют? Им же стёрли память, дурья твоя голова! И неизвестно ещё, чем бы всё обернулось, если бы ты поведал им эту эфемерную историю. Впереди у девушки теперь своя собственная жизнь, которая пойдёт своим чередом, свадьба, порядочный муж, рождение детей, старость, внуки. А ты со своим Серёгой. Хорошо, что ты побежал за мной, а не выложил им всю подноготную. Представляешь, что могло бы произойти?

Димка испугался.

Он только что едва не совершил самую губительную ошибку в своей жизни.

...Парадокс «Петли Мёбиуса» продолжал действовать.

***

Их встретил капитан и, уже выезжая из города, заметил Димкину озабоченность. Толик помалкивал. Девчата ничего не знали.

— Чего грустим, друг мой? — хлопнул он по плечу Димку. — Мало погуляли?

Слово за слово, тема переменилась, Люба с Алёной начали с восхищением показывать ему свои обновки из универмага, а Дима всё ехал и молчал. Он хотел поделиться столь непонятной встречей только с Тимофеем Фёдоровичем и никем другим, поэтому взял с себя слово, что наутро непременно расскажет всё полковнику, ничего не утаивая, даже свою едва не допущенную оплошность.

А когда утром, явившись в его кабинет и поведав ему о случае в парке, он приготовился к внушительным выговорам, профессор только дружески обнял его за плечи, подтолкнул к креслу и одобрительно ответил:

— Наоборот, Дима! Ты молодец, что сдержался. Может быть, конечно, тебя и приняли бы за некоего чудака, знавшего когда-то Сергея, может быть Валик даже и врезал бы тебе по зубам от такой чудовищной нелепости, но тем не менее...

Он на секунду задумался.

— Женская душа, она ведь, друг мой, те ещё потёмки. Кто знает, как Маришка повела бы себя, восприняв такую бредовую информацию. Ты умно поступил, бросившись искать Анатолия. Может, оно и к лучшему, что они ушли, не дождавшись тебя. Впрочем, откуда они могли тебя знать, равно как и Толика и Любу и Алёну, верно? Они ведь никогда вас не видели. Вот если бы на твоём месте оказался, скажем, Егорович — вот тут-то дела были бы непоправимы. Это ещё раз доказывает парадокс временного континуума.

Полковник махнул рукой, отпуская с улыбкой едва не провинившегося Димку:

— Ладно. Ступай к друзьям, а то я сейчас тут разовью целую лекцию насчёт этих парадоксов. Как ты себя чувствовал? Ничего больше не тревожило, ни тошноты, ни позывов упасть в обморок?

Дима с облегчением ответил отрицательно, и с лёгкой душой ретировался восвояси. Могло быть и хуже.

После его ухода профессор засел за какие-то формулы и надолго ушёл в себя. Над этой встречей, происшедшей в парке, стоило поразмыслить. Получается, феномен «Петли Мёбиуса» продолжал действовать и в РЕАЛЬНОМ мире.

Странное и даже, в некотором роде, пугающее предчувствие овладело им.

Что-то явно должно было произойти.

Вот только что?

***

Наступило 29-е марта, день прибытия первой команды.

На базе жизнь шла своим чередом. Солдаты несли службу, офицеры заведовали армейским хозяйством, и кроме нескольких посвящённых в проект, никто толком не знал, что именно сегодня должно произойти. Из столицы прибыли представители высшего эшелона власти,

но уже без передвижной лаборатории, которая покинула объект несколько дней назад.

Погода для конца марта стояла изумительная. В лесу уже почти сошёл снег, вот-вот появятся подснежники и потекут весёлые ручьи. Друзья собрались в столовой, приготовив одеяла, шоколадки и минеральную воду. Точного времени прибытия никто не знал, поэтому все были наготове, начиная с самого раннего утра и ожидая прибытия с минуты на минуту. Любаша утешала Алёну, что переброска пройдёт без технических неполадок и её благоверный вернётся вполне здоровым и цветущим после «курорта» на Ближней даче вождя. Марк Данилович собрал медицинский персонал, подготовил лабораторию для немедленного взятия анализов, А Тимофей Фёдорович наказал капитану охраны быть подле лифта в сопровождении инженеров, чтобы сразу проверить работоспособность оборудования портала перемещения.

И вот оно! Столь долгожданное событие случилось!

После обеда у холма завывала сирена. Пластина перемещения на дереве завибрировала, издала ритмичный зуммер, створки холма разъехались, лифт поднялся из глубины подземелья, и на свет божий вывалились прямо в руки встречающих два замёрзших и голодных после анабиоза путешественника.

Встреча произошла.

Оба сотрудника КГБ деликатно стояли в стороне, наблюдая, как встречающие хлопают в ладоши, обнимают вновь прибывших и ведут их в натопленную баню.

— Ты меня задушишь, ангел мой... — промычал Сергей с набитым ртом Алёне, которая буквально повисла на нём, осыпая поцелуями. Егорович доложил по команде полковнику, что миссия выполнена, саркофаги забиты до отказа, и передал личные приветы от Василия Сталина и Николая Сидоровича Власика. Пакет с инструкциями от Ивана Яковлевича был вручён главврачу базы и, сняв тут же образцы слюны у обоих путешественников, Марк Данилович поспешил в лабораторию. Пробы крови у них возьмёт старшая медсестра в бане, а ему не терпелось распечатать послание и углубиться в изучение феномена, произошедшего с Сергеем, поскольку Егорович уже успел в двух словах при докладе Тимофею Фёдоровичу упомянуть об инциденте.

Уже парясь на верхней полке в парилке, друзья узнали от Димы с Толиком, что такой же подобный приступ произошёл и с одним из них. Дима, хлестая веником Сергея по спине, рассказал обоим, как они с Толиком не попали в революционный Петроград, и как его несколько не-

дель подвергали всестороннему осмотру сотрудники военной лаборатории. Увлёкшись рассказом о своих приключениях, он едва не обмолвился за Маришку с Валиком, встреченных им в парке, однако Толик вовремя остановил его, показав глазами, что нужно молчать и ни в коем случае не бередить старую, уже зажившую душевную рану. Хорошо, что ни Сергей, ни Егорович ничего не заметили, наслаждаясь крутым паром и обществом своих приятелей, так и не поняв, о чём им хотел рассказать стусевавшийся вовремя Димка. Тем не менее, случай, произошедший с ним у саркофагов, заставил всех четверых задуматься о дальнейшем существовании проекта. Что предпримет полковник? Объявит карантин и пока приостановит проект? А как же письмо от личного врача Сталина? Что скажет Марк Данилович, разобравшись в его деталях и напутствиях Ивана Яковлевича? Что станет с ними, с участниками перемещений?

Эти и другие вопросы они обсуждали в парилке, пока Сергея с Егоровичем не вызвала в предбанник старшая медсестра, беря у них анализы крови. Уходя, она одобрительно улыбнулась и исчезла. Её с нетерпением ждали в лаборатории.

— Значит, этот неизвестного происхождения вирус «три в одном» не только у меня выявился... — констатировал Сергей, когда они уже покидали баню, расслабленные, прокалившиеся паром и весьма усталые.

Их уже ждал ужин, отдых и приятное забытье от всесильных рук Абакумова с Берией.

Теперь только отдыхать.

***

...Приступы неизвестного вируса у Егоровича и Толика начались один за другим с промежутком в два дня.

Прошла неделя после прибытия первой команды, и никто не ожидал столь пагубных последствий, которые последовали за этим.

Уполномоченные из столицы, изъяв письмо у Марка Даниловича, немедленно отбыли в столицу, не оставив решительно никаких инструкций, что предписывалось главврачу делать дальше. Он так и не успел распечатать пакет, когда его вежливо попросили отдать его для дальнейшего изучения уже не на территории базы, а в стенах секретных учреждений, где им займутся соответствующие органы. Марк Данилович так и остался в неведении всех напутствий Ивана Яковлевича своему будущему коллеге. Письмо как в воду кануло, и в последующие дни о нём нигде не упоминалось. Тимофей Фёдорович только разводил

руками на все запросы своего помощника, поскольку на его звонки в Кремль всегда следовал вежливый ответ: «Этим вопросом займутся специальные сотрудники органов. Настоятельно рекомендуем забыть о данном документе, во избежание дальнейших неприятностей». Всё! Круг замкнулся. Им объяснили чётко и доступно — не лезь, куда не следует.

Так прошло несколько дней, пока в организме Толика и Егоровича не возбудился новый приступ непонятного вируса.

5-го апреля возбудитель вируса «три в одном» посетил Егоровича.

7-го апреля — Анатолия.

Друзья гуляли по лесу с самого утра, прихватив с собой картошку в мундирах и замаринованное мясо на шашлыки. Снег уже сошёл, в лесу попадались сухие поляны, и Люба с Алёной взяли одеяла для пикника. Дима с Егоровичем насобирали сухого валежника, Сергей с Толиком занялись шашлыками, и всё, казалось, дышало спокойствием, прежде чем это внезапно случилось.

Егорович, подкладывая ветки в костёр, как-то неловко наклонился, пошатнулся, и с тихим стоном присел на землю, повалившись на прошлогодний мох как мешок с цементом. Никто ничего толком не сообразил — может, оступился или неудачно подвернул ногу, но когда он остался лежать недвижимым, едва не касаясь ботинками костра, все сразу вскочили, перепугано оттаскивая его подальше от огня. Началась суматоха. Любаша, несмотря на свой уже довольно приличный живот, подхватила его под спину и перевернула на бок, поскольку изо рта у него начали вытекать сгустки слизи, очевидно, рефлекторно исторгаемые организмом в случае потери сознания.

— Скорее по рации вызывайте капитана! — крикнула она, роясь в аптечке, которую непременно носила с собой в любое время дня и ночи. Рацию им выделили заранее, как раз для такого похожего непредвиденного случая, и Толик стал вызывать начальника службы безопасности базы, крича в мембрану трансивера:

— У нас обморок! Егорович потерял сознание: похоже на Димкин приступ.

— Понял вас! — немедленно ответила рация голосом капитана. — Будьте на месте, мы вас видим на радаре. Марк Данилович сейчас же приготовит палату и лабораторию для анализов. Группа эвакуации уже направляется к вам. — И через секунду уже не таким официальным тоном: — Будут минут через пятнадцать. Как он там, Толик?

— Лежит без движения, но дышит. Вырвал. Любаша с ним.

— Хорошо. Ждите. Сейчас принесут носилки.

Через пять минут вдалеке за деревьями в небо взмыла первая ракета. Толик дал поправку по рации и, спустя пару минут, вторая ракета взвилась уже ближе. Всё это время девушки поддерживали голову их старшего друга, а Сергей с Димой спешно тушили костёр, собирая остатки пикника назад в корзины. Отдых не удался.

Ровно через двенадцать минут к дереву, где лежал Егорович, подбежали солдаты во главе со старшим лейтенантом охраны, с которым друзья познакомились ещё у ворот комбината. Уложив бережно Егоровича на носилки, вся группа из восьми человек молча и быстро двинулась обратно, а старший лейтенант, захватив с собой оставшихся приятелей, через минуту последовал за ними. По пути Алёна и Люба рассказали офицеру, как это произошло, и он, всё время находясь на связи со штабом, передавал их слова Марку Даниловичу, который уже распорядился Евдокимовне готовить палату для больного.

Их встретил полковник.

С этого дня Егорович находился под постоянным присмотром, пока однажды, два дня спустя, 7-го апреля такой же приступ не посетил Анатолия.

С теми же симптомами.

...Над секретным проектом «Петля Мёбиуса» нависла тягостная волна предчувствия чего-то нехорошего, таинственного и непредсказуемого.

Он вступил в седьмую фазу своего существования.

Последнюю.

Глава 5. Заражение

Прошёл месяц.

Весна в лесах наступила, как ей и полагалось в это время года, превращая все окружающие лесные массивы в цветущий океан зелени. Егорович, а за ним через два дня и Анатолий благополучно перенесли приступы, как, впрочем, до них и Сергей в 1950-м году и Дмитрий, здесь же, на базе. Полковник пока отменил все перемещения путешественников, ожидая указаний из столицы, но Кремль почему-то молчал.

Алёна вернулась к своим обязанностям, Любе был дан отпуск по беременности, а четверо друзей сидели по домам, скучая, то и дело приставая к Тимофею Фёдоровичу с просьбами отправить их хоть куда-нибудь, хотя бы в соседнее десятилетие, лишь бы не слоняться по территории базы без своей основной теперь «работы».

Май месяц подходил к концу, а вестей из столицы всё не было.

Анатолий, сам того не ведая, попал под обаяние дочки бабы Маши — всё той же Евдокимовны, которая заведовала всем хозяйством в больничном корпусе базы. Дочь звали Ларисой, она работала с матерью, но в эксперимент посвящена не была. Тихая, печальная в своей красоте девушка уже успела побывать замужем и остаться вдовой, когда три года назад похоронила мужа — лётчика-испытателя одного из военных полигонов близ столицы. Детей они завести не успели, ей шёл сейчас двадцать второй год и, увидев впервые Анатолия, бедное женское сердце, истосковавшееся по обыкновенной любви, вспылало вновь с новой силой, о чём сама Лариса и не подозревала до поры до времени. А когда, в силу обстоятельств, пришлось ухаживать за больным, они познакомились ближе, и вскоре у обоих проснулись чувства, которые впоследствии можно было назвать романтическими. Димка посмеивался над другом и показывал три пальца, очевидно, подразумевая, что их полку прибыло: назревала уже третья семья за время их участия в проекте.

Профессор довольно потирал руки, полагая, что неприкайнным бойлём оставался теперь только Егорович, поскольку был самым старшим из двух смежных команд полковника. Однако это дело времени, как уверял он сам себя, безвылазно теперь находясь по вечерам в штабе, проверяя и перепроверяя все составляющие алгоритмы своего детища — секретного проекта «Петли Мёбиуса». Марк Данилович безотлучно находился при нём, либо не покидал стен лаборатории, изучая анализы непонятного вируса под названием «три в одном».

База жила своей жизнью, всё вроде было как прежде, если не считать застоя в эксперименте и какого-то необъяснимого гнетущего чувства, овладевшего всеми участниками переброек. Дружья собирались по вечерам у кого-нибудь дома, играли в бильярд, шахматы, волейбол, днём гуляли в лесу, ходили на рыбалку, иногда к ним присоединялся капитан, пока не отбыл в столицу по какому-то секретному поручению полковника.

И тут это произошло.

Двадцатого июня ровно в полдень стояла чудесная погода. Весь контингент базы выехал на двухсуточные учения, устраиваемые начальником гарнизона раз в полгода, поэтому Лариса на эти дни осталась без дела, столовая пустовала, и она все свои кулинарные способности перенесла к Толику в квартиру.

За столом собрались друзья, вернувшиеся недавно с рыбалки, и Димка развивал тему, которую они начали ещё у реки. Девушки хлопотали на кухне.

— Почему, я спрашиваю вас, — вопрошал он, — у нашего профессора не было таких же приступов детских болезней, что и у нас? Он ведь тоже перемещался в наше с Толиком время, жил с нами в домике егерей, дышал тем же воздухом, ел ту же пищу... и не заразился.

— Наверное, не успело зацепить, — предположил Сергей, любопытно бросая взгляд на Любашу, которая уже ходила по кухне как колобок с весьма упитанным животом. Ещё не зная, что с ним произойдёт через минуту, он послал Алёне воздушный поцелуй, и уже было собрался продолжить комментарий, как вдруг покачнулся на стуле, как-то обмяк и, словно куль с песком, свалился под стол, прямо на ноги своих друзей. Никто ничего не понял в первый момент, затем все разом вскочили, бросились к упавшему, и принялись приводить его в чувство. Любаша, несмотря на свой живот, схватила аптечку, присела, положила голову Сергея себе на колени и дала понюхать ему нашатырного спирта. Реакции никакой не последовало. Парень лежал в неподвижности, и с его губ стекала вязкая желтоватая слюна. Всё произошло так быстро и внезапно, что в первые мгновения никто не догадался позвонить по телефону, а когда Димка, наконец, придя в себя от растерянности шагнул к аппарату внутренней связи, и его скосило, будто вытолкнуло из пространства чьей-то невидимой силой. Съехав спиной по стене, он привалился боком к косяку проёма и затих, свесив голову набок, истекая слюной и не подавая никаких признаков жизни.

Таким образом, вторая волна приступа посетила сразу обоих путешественников, не дав им возможности даже осознать, что с ними произошло.

...Все последующие дни пошли один за другим сплошной круговертью. События наваливались друг на друга, возрастая в геометрической прогрессии как снежная лавина, катящаяся среди горных массивов. В данном случае, вместо трёх детских болезней скарлатины, кори и коклюша, в организмах путешественников возбудились вирусы болезней уже зрелого возраста: ангины, гриппа и оспы. Нашествие вируса «Три в одном» посетило сразу всех путешественников, заражая организмы носителей своим внутренним истреблением. Спустя сутки он подкосил Егоровича, ещё через день — Анатолия. Такой же лавиной этот вирус прошёлся и по девушкам, сбивая их с ног, словно косилкой для травы, поскольку они имели постоянные контакты со своими мужчинами.

Марк Данилович в срочном порядке связался с секретной лабораторией столицы и немедленно ввёл на территории базы карантин высшей категории безопасности. Всех путешественников закрыли в лазарете до приезда из Кремля передвижной лаборатории. К приятелям никого не пускали и ограничили доступ даже для медицинского персонала. Девушек поместили в отдельные палаты, а к Любаше приставили специального врача следить за исходом её беременности. Тимофей Фёдорович и Лариса, примкнувшая к группе путешественников последней, подверглись тщательному осмотру, но, к счастью, никаких патологий выявлено не было. Марк Данилович разводил руками и решительно не знал, что делать дальше. Через сутки приступы прошли сами собой, антитела организмов одержали верх, и друзья чувствовали себя, как ни в чём не бывало.

Казалось, угроза миновала.

Пока в один прекрасный день...

***

...по всем телам путешественников не прошла волна третьего и последнего кризисного приступа, начиная с Сергея и заканчивая Егоровичем, лежащих в палатах, под присмотром приехавших из столицы сотрудников КГБ.

На этот раз было уже страшно всем.

В течение двух суток три вируса оспы, гриппа и ангины посетили путешественников, истребили друг друга, но оставили после себя необратимые последствия. А именно...

Склероз.

Поседение и импотенция.

Маразм и амнезия.

Морщины и выпадение зубов.

Облысение.

Частичная слепота.

Сыпь по всему телу и частичный паралич конечностей.

Итог:

Заражение пошло по всей базе, включая солдат и офицеров. По цепочке. Принцип домино.

Лазарет и пустующие ранее койки были забиты до отказа. Медицинский персонал не справлялся с наплывом заражённых, которые, спустя сутки, выздоравливали сами собой, и возвращались на свои служебные места, за исключением самих участников проекта. Любашу и Алёну отправили в город в центральную больницу, где им предстояло

провести все последующие дни перед родами Любы. В течение недели весь персонал и личный состав секретного объекта был эвакуирован грузовиками в неизвестном направлении. На территории постоянно дежурили четыре передвижные лаборатории и появились люди в комбинезонах химической защиты. На базе остались только участники проекта, посвящённый в эксперимент персонал и добровольцы офицеры во главе с капитаном и старшим лейтенантом охраны.

Тимофей Фёдорович, Марк Данилович, Лариса и Марья Евдокимовна тоже покрылись сыпью, но она прошла через двое суток, чего нельзя было сказать о Сергее, Диме, Толике и Егоровиче.

К концу первой недели третьей волны выздоровели все, кто остался на базе, кроме четверых путешественников, очевидно, заразившихся непонятным вирусом через свои перемещения во времени. Все четверо лежали каждый отдельно в одной из передвижных лабораторий, не имея возможности, даже перебраться парой слов друг с другом: контактировать между собой им запретили. Тимофей Фёдорович уже не контролировал ситуацию: теперь на базе хозяевами стали люди в комбинезонах. Каждое помещение, включая гаражи, склады, оранжереи и скотные загоны были обработаны специальным раствором; домашних животных и птиц вывезли за границу базы, а столовая, клуб и казармы опечатаны особым распоряжением из столицы.

Ещё через пять дней путешественники один за другим пришли окончательно в себя; вначале Сергей с Димой, затем и Егорович с Толиком.

Но друзей было не узнать. То, что увидели оставшиеся на базе, когда тех впервые выпустили из фургонов лабораторий, заставило всех замереть на месте. Лариса и Евдокимовна вскрикнули одновременно от ужаса и едва не лишились сознания.

...Все четверо путешественников за эти двенадцать дней превратились...

В настоящих СТАРИКОВ.

***

Стремительнее всех начал стареть Николай Егорович, так как по возрасту был самым старшим из всей четвёрки. Сейчас он выглядел дряхлым беззубым девяностолетним стариком, которого приходилось кормить из ложки. За ним ухаживала Евдокимовна. Тот Егорович, что был душой всей компании, который одним из первых обнаружил комбинат, локомотив, убитого учёного и саму базу, который первым покорил пространство-время, теперь что-то невнятно бормотал и не узнавал ни-

кого вокруг. С прискорбием и печалью было видно, что дни его уже сочтены.

Чуть «лучше» выглядел Анатолий, лет на двадцать моложе, но не более того. Редкие седые волосы, морщины, избороздившие некогда забавное и умное лицо, делали теперь путешественника из будущего неузнаваемым. Он едва видел что-то в расплывчатых силуэтах и Лариса, так и не познавшая его любви, с покорностью и печалью ухаживала за ним все последующие дни. Толик, семидесятилетний теперь старец, слушал её утешительные речи, но ответить ничего не мог: вирус лишил его способности говорить.

Дима, этот неутомимый говорун и любопытный во всех начинаниях друг выглядел лет на шестьдесят. Он мог общаться с персоналом, гулять по территории базы, но увидев себя в зеркале после посещения его возбудителем инфекции, надолго замкнулся в себе, подпуская к своей постели только Тимофея Фёдоровича. Тело теперь принадлежало не ему. Тело принадлежало ВРЕМЕНИ. Он наотрез отказался говорить о себе что-либо Любаше, и бедной девушке в поликлинику города пришлось сообщить, что их всех четверых на какое-то время отправили в столицу, без права общения по телефону. Любаша пришла в истерику, а дополняло создавшуюся трагедию отсутствие вестей от Сергея, так же не захотевшего, чтобы Алёна узнала, в каких немощных старцев они превратились за время их отсутствия. Сергей, хоть и выглядел «моложе» всех, но из озорного двадцатилетнего парня с весёлыми взглядами на будущее, он превратился в пятидесятилетнего лысеющего пожилого человека.

Марк Данилович каждый день присутствовал на совещаниях «комбинезонов», и каждый день звонил девушкам, придумывая новые отговорки и сочиняя очередные небылицы, что их друзей задерживают в столице ещё на неопределённый срок.

И...

Над базой появились вертолёты.

Над лесом.

С белыми крестами.

Шесть машин, по кругу в небе.

В проекте «Петля Мёбиуса» назревала катастрофа.

***

...Николай Егорович, бывший путеобходчик, первый путешественник во времени и просто добрый одинокий человек умер 2-го августа, тихо и безболезненно, прямо во сне. Марья Евдокимовна, она же баба

Маша, пришедшая утром в лабораторию покормить старика, нашла того уже остывшим и окоченевшим. Тело иссохло до неузнаваемости, но на вытянутом заострённом лице застыла умиротворённая улыбка, будто говорившая кому-то неведомому: «Я покори́л ВРЕМЯ. Я проник в тайну иного измерения, и теперь оно меня отпустило. Аминь».

Марк Данилович впервые разрешил приятелям собраться на воздухе, чтобы почтить память своего умершего приятеля. Трое путешественников, наконец, могли обняться, с трудом узнавая друг друга. Весть о кончине их старшего товарища привела всех в удручающее настроение, хотя каждый по-своему и был готов к этому трагическому концу. Каждый ведь знал, что они стареют очень быстро, буквально за месяц, проходя все стадии возрастных изменений организма, в реальной жизни которому понадобилось бы два-три десятилетия, чтобы прийти в такое дряхлое состояние, а Егорович, к тому же был и самым старшим из них. И каждый уже знал, что следующим из проекта будет Анатолий.

Полковник объявил, что Николая Егоровича хоронить не будут. Его кремируют. Это было указание Кремля. Затем урну с прахом первого путешественника во времени переправят в столицу, в одну из лабораторий КГБ.

Все понимающе молчали. Толик сидел в коляске, укрытый пледом, рядом с ним находилась Лариса. Евдокимовна готовила на костре домашнюю уху, тут же под деревьями присутствовали и Марк Данилович с капитаном охраны. Старший лейтенант отлучился в город навестить девушек и узнать, как себя чувствует Любаша перед родами. Дима не находил себе места, но поделаться ничего не мог, как, впрочем, и Сергей, вспоминая свою Алёну.

Костёр мирно потрескивал, в ручье плескалась рыба, всё, казалось, дышало тишиной и спокойствием. Молча разлив по рюмкам коньяк, все оставшиеся члены проекта помянули своего старшего друга и уставились на огонь с понятной в глазах безысходностью. Тимофей Фёдорович не мешал им думать о чём-то своём, сокровенном, известном только им самим. Он так же был удручён и совершенно растерян в последние дни, абсолютно не понимая, как такая трагедия могла произойти за такой стремительно краткий срок. И его, собственно говоря, можно было понять: потерять сразу ВСЁ, в одночасье, и проект, и друзей, с которыми сблизился за последние дни существования проекта, что называется, едва ли не кровно, на уровне семейных и тёплых дружеских отношений. Они успели привыкнуть друг к другу, сблизиться, и даже, в некоторой степени полюбить друг друга, начиная ещё с того времени, когда они провели почти месяц вместе в лесу в домике лесорубов.

Боже, как давно это было...

Тимофей Фёдорович смахнул слезу, виновато бросив взгляд на своих подопечных.

Не уберёг. Не смог справиться с парадоксом Времени и Пространства. Не осилил ту тайну за семью печатями, которая не дана разуму человечества проникнуть в её глубины. А ведь как заманчиво всё начиналось! Какие были грандиозные планы на будущее! Он уже планировал в дальнейшем создать ещё одну, третью команду, из таких же добровольцев, как и эти первые его любимцы. А молодые? Они успели полюбить друг друга и, благодаря проекту, создать свои собственные семьи! И вот теперь...

Он уже получил указания от «комбинезонов» насчёт дальнейшей судьбы всех троих, оставшихся в живых путешественников. Как не тяжело было говорить об этом, но он с камнем в сердце объявил им эту прискорбную новость: их действительно отзывают в столицу для последующих экспериментов, только уже не под его руководством и опекой, а под пристальным взглядом сотрудников госаппарата.

Каждый из присутствующих понимал, что будущего у них теперь нет. Будущее их забрало ВРЕМЯ.

Так и сидели они молчаливо у костра, думая каждый о своём, пока Марк Данилович не нарушил тишину:

— Меня тоже переводят в город. Буду заведующим отделением центральной поликлиники, где находятся девушки. Как раз Любаша будет у меня под присмотром — хоть это радует. На базе я пробуду ещё два дня, и это будут последние дни, прежде чем вас отправят в столицу. Больше мы не увидимся, друзья.

Глаза его повлажнели, и он отвернулся к огню, смахивая непрошеную слезу.

— Сопровождать вас будет капитан, — добавил полковник. — Вы к нему уже привыкли, так что хоть в этом мне удалось уговорить «комбинезонов», как мы их называем. Он постарается максимально облегчить ваш переезд и освоение на новом месте.

— Нас запрут под замок? — прокашлявшись по-старчески, спросил Дима.

— Не знаю, друг мой... — печально ответил бывший куратор проекта. — Это уже не в моей компетенции. Если говорить простым человеческим языком, то у меня вас просто забирают. Ни больше, ни меньше. Не буду скрывать, что с первого дня пребывания в тех лабораториях, ваша жизнь изменится в корне. Вас будут просвечивать, колоть, прове-

рять на уровень заражения, брать бесконечные анализы. Возможно, месяцев через пять вас и отпустят...

Он замолк, уставившись на огонь, от дыма которого текли по щекам слёзы. Впрочем, от дыма ли?

Собравшись с духом, Тимофей Фёдорович, наконец, решительно поднялся, порывисто наклонился к Толику в коляске, обнял, затем по очереди обнял Сергея и Диму, сглотнул комок, подступивший к горлу, и на прощание выдавил из себя:

— Простите меня, ребятки мои. Не уберёг я вас. Прощайте. Мы с Марком Даниловичем уходим, у вас остаются последние два дня, чтобы привести в порядок свои дела, прибраться в домиках и сложить вещи... которые, впрочем, могут вам не понадобиться на новом месте. Ещё раз простите...

И ушёл нетвёрдой походкой, не оглядываясь и не смотря себе под ноги.

За ним последовали остальные.

Друзья остались одни.

***

...Толик скончался на следующее утро, как, впрочем, и предвидели те, кто ещё остался посвящённым в секретный проект «Петля Мёбиуса». Умер без мучений, за день до отправки в столицу. После завтрака баба Маша выкатила его на коляске в последний раз подышать свежим воздухом во дворике базы, внутри которой он столько пережил и сроднился с ней как с собственным домом. Погода стояла чудесная, светило солнце, небо было безоблачным и будто манило его к себе, зная его скорую участь. Сергей с Димой в это время сидели неподалёку, смотрели, прищурившись на солнечные блики, и наслаждались последним днём пребывания на территории секретного объекта, который теперь был заполнен не марширующими по плацу солдатами, а людьми в комбинезонах химической защиты. Им теперь было всё равно. По слухам, базу вскоре законсервируют и профессора отправят в отставку, закрыв проект в целях дальнейшей безопасности, а контингент расформируют, раскидав по ближайшим гарнизонам, предварительно стерев всем память, как в случае Валика с Маришкой.

— Бежать нам надо, — мечтательно проговорил Сергей, смотря близорукими глазами на проползавшего под ногами муравья.

Дима застыл, сидя на траве, и весь обратился в слух, поскольку с недавних пор слышал не очень хорошо из-за внезапно навалившейся старости.

— Ты в своём уме? — понизив голос, спросил он, явно думая, что Серёга просто шутит.

— В своём, — усмехнулся Сергей. — Маразм ещё меня не коснулся.

— Да? А как насчёт паспортов, продуктов, денег? У нас нет ни того, ни другого, ни третьего. Кругом оцепление из спецназа и, окажись мы по ту сторону колючей проволоки, нас просто пристрелят! Об этом подумал? К тому же Толик. Его-то куда денем.

— С собой возьмём... — уже не так уверенно откликнулся Сергей.

— На коляске?!

Сергей не ответил.

— Ты забыл, что мы теперь НИКТО. Нас не существует! И, кстати, когда ты намерился бежать, если завтра нас переправляют в столицу?

— Вот! — оживился друг. — Во время этапирования и сбежим.

— Ты опять забыл за Толика, продукты, деньги и документы. Как быть с этим?

Сергей немного подумал, затем, очевидно, взвесив что-то в уме, предложил другой вариант:

— Хорошо. Убедил. А как насчёт того, чтобы сегодня ночью взвалить Толика на плечи, добраться до саркофагов, запустить программу и рвануть в ВАШЕ время, к нам, в наш домик? Помнишь его?

Дмитрий уже, вероятно, и сам подумал об этом, сомнительно качнув головой.

— Без Тимофея Фёдоровича всё равно сами не сможем. Программу перемещений-то выставляет он, а никто другой. У него коды запуска переброски и прочие алгоритмы. Саркофаги — это просто автоматические капсулы перемещений, а сам пульт управления находится в кабинете профессора, в штабе, где сейчас главенствуют «комбинезоны». Вот если бы Тимофей Фёдорович согласился с нашим планом...

— Ну, и в чём проблема? Нужно немедленно его уговорить, пока у нас остался ещё вечер впереди, — с азартом проговорил Серёга, увлечённый собственной дерзкой мыслью. — Ведь мы там погибнем, Дима!

— Где?

— В лабораториях. В столице.

— Хорошо. Допустим. А как же Марк Данилович?

Сергей отмахнулся:

— Вот кто уж точно захочет, чтобы мы бежали, так это наш славный доктор! Он нам ещё и поможет, уверен! Предложим полковнику такой вариант: саркофагов четыре, верно?

Дима кивнул.

— Следовательно, в один укладываем Толика, во второй профессор берёт всю документацию проекта и перемещается с ней вместе с нами в ВАШЕ время, где в лесном домике заново начнёт воплощать его в жизнь, только уже с вашей технологией будущего. А? Как тебе такой вариант? Уж там-то нас эти «комбинезоны» никак не достанут!

— Откуда такая уверенность? Они же будут контролировать проект, после того, как профессор исчезнет вместе с нами.

— Исчезнет, верно. Но прежде он запрограммирует пульт управления на самоуничтожение. Как только мы переместимся, сработает автоматика, и весь портал перемещений взлетит на воздух к чертям собачьим! Не останется даже схем и формул, по которым его можно будет заново собрать. Вся подноготную портала знает-то только наш полковник, и никто другой из Кремля. Даже Марк Данилович не имел доступа к документации проекта. Сегодня решается наша жизнь, Дима!

Сергей уставился на друга в ожидании, который надолго задумался, очевидно, взвешивая все за и против, прежде чем осуществить задуманное.

— Да. — Наконец, решительно ответил он. — Ты прав. Решено. Осталось только за малым: уговорить нашего профессора.

...И в этот момент со двора донеслись крики Марьи Евдокимовны:

— О господи! Толик!

Затем послышались всхлипы и причитания:

— Беда-то какая... Толик, родной!

Друзья обменялись печальными взглядами и, уже поняв, что случилось, бросились во двор.

***

...Из-за смерти второго участника эксперимента этапирование в столицу отложили на два дня. Предстояло отправить покойника в крематорий, уладить кое-какие возникшие неудобства, и у друзей появилась возможность более детально всё обдумать, готовясь к побегу более тщательно. Прощание было мучительным. Тело друга перенесли в лазарет, оставив его до утра под присмотром Марьи Евдокимовны. Утром капитан должен будет отвезти то, что осталось от путешественника в город, где их уже ждал старший лейтенант. Как и у Егоровича, на иссохшем и безликом лице у Толика читалась какое-то умиротворение, никак не вяжущееся с внезапной смертью. Он ушёл из жизни великим путешественником, которому покорилось ВРЕМЯ.

Или всё же не покорилось...

Лариса ничего не узнала, находясь с подругами в поликлинике города. Ей ещё прежде было доложено, что Толик покинул базу вместе с остальными участниками проекта, направляясь в секретную лабораторию столицы.

Расходились молча, на душе было скверно. Перед зданием стоял закрытый бронированный лимузин чёрного цвета. Рядом гудел на холостых оборотах армейский уазик и «Волга» такого же чёрного цвета. Сопровождение. В лимузин уже усаживались двое сотрудников госаппарата, сменив комбинезоны защиты на респектабельные костюмы нейтральной расцветки. Друзья проводили взглядом удаляющийся кортеж и понуро, с удручающим видом отправились к беседке. Уже за пределами плаца к Сергею с Димой приблизился осунувшийся и усталый профессор, при этом как-то таинственно моргнув, уводя их подальше от шныряющих тут и там «комбинезонов».

— Вот что, ребятки мои... — промолвил он и едва не осёкся, назвав друзей ребятками: перед ним сейчас стояли два пожилых мужчины почти одного с ним возраста. Тем не менее, взяв себя в руки, он взволнованно и загадочно зашептал:

— Бежать вам нужно. Иначе вы в столице погибнете или останетесь навсегда в закрытом учреждении для умалишённых, а я не могу этого допустить: слишком уж близко привязался к вам.

Друзья с недоумением уставились на полковника. Он будто читал их мысли. Именно этого момента они и ждали, чтобы попытаться уговорить своего руководителя бежать вместе с ними. А тут вдруг он сам предложил похожий вариант.

— Вот что я предлагаю, — продолжил он, оглядываясь на проходящих мимо сотрудников с чемоданчиками в руках. Вертолёты уже покинули сектор облёта, но по всем признакам база готовилась к длительному консервированию как объект, несущий опасность не только оставшемуся контингенту, но и всему ближайшему окружению, кто находился здесь с момента первых опытов со ВРЕМЕНЕМ.

— Я последние дни долго размышлял, не посвящая в свои планы никого, включая и Марка Даниловича. Боялся утечки информации. Он мне только сегодня утром рассказал об одном нашем инженере, который передавал тайком в Кремль всё, что происходило на базе.

Тимофей Фёдорович чуть помедлил, подыскивая слова. Голос дрожал от возбуждения, а друзья во все глаза уставились на него, ещё не вполне осознавая, что именно он им предлагает.

— Итак. Я всё обдумал. Из-за похорон Толика у нас появилось два дня отсрочки. «Комбинезоны» будут ждать возвращения капитана из

крематория, поскольку он должен будет сопровождать вас до столицы, и тогда уже будет поздно. Вот за эти два дня вам и следует бежать. Вопрос только, куда?

— Лишь бы не здесь оставаться! — первым откликнулся Сергей, понявший, наконец, к чему клонит профессор. — Даже если побег удастся, куда мы подадимся? Нас будет искать половина КГБ всей страны! Мы ведь «секретные». Ни паспортов, ни денег, ни продуктов...

— Я думал уже об этом. Это не выход. А вот переместить вас куда-нибудь я, пожалуй, смогу. Главное, чтоб «комбинезонов» не было поблизости. Скажем, ночью. Вам сейчас нужно собрать самое необходимое, что может поместиться в саркофаги. В том домике, что мы оставили в ТВОЁМ, Дима, времени, есть продукты и фонари, капканы и дрова на первое время. Позже вы сможете наведаться в твою квартиру, ну а дальше... — он вздохнул, будто не хотел их отпускать, — а дальше, смотря уже по обстоятельствам.

— Так мы же этого как раз и хотели, родной наш Тимофей Фёдорович! — вскричал Серёга, едва не бросаясь полковнику на шею. — Только мы хотели, чтобы и вы с нами переместились в тот домик, прихватив с собой всю документацию проекта. Всё равно теперь база вам не принадлежит, и вас вскоре отправят в отставку.

— Если ещё отправят, — вставил хмуро Димка, тоже уже поняв, что им предлагает профессор. — А могут и к стенке поставить, как вы в своё время того учёного в белом халате. К тому же, вас уже ничто тут не держит. Вы одиноки, без семьи...

— А девчата? — с сомнением поинтересовался бывший руководитель проекта? — С ними-то как?

Дима сглотнул комок, очевидно, уже решившись на крайний шаг:

— С моей Любашей будет пока Марк Данилович. Алёна Серёгина рядом, плюс Лариса. А когда вы вновь восстановите проект в нашем том домике, мы обязательно вернёмся сюда и заберём всех в МОЁ время. Вместе с уже родившимся сыном.

— Я смотрю, вы всё уже обдумали. Осталось за малым: как предупредить Марка Даниловича и вывести из строя пульт управления? Вас не удивляет, что я так быстро согласился? Сказать по чести, я и сам подумывал о таком варианте. Саркофагов четыре, схемы и документы я возьму с собой, ценности для обмена на первое время у меня есть в специальном сейфе, следовательно с голоду не умрём. Мы на несколько месяцев запрячемся от всех в домике, я возьмусь за восстановление портала перемещения, а вы мне будете помогать, доставляя нужные материалы и оборудование.

— Точно! — воскликнул Сергей во второй раз, но вовремя осёкся, заметив, как на него с любопытством взглянули проходящие мимо «комбинезоны». И то верно: только что прощались с покойным товарищем, а тут орёт радостно, как одержимый.

Тимофей Фёдорович тем временем поднялся со скамейки и решительно прошептал:

— Воистину мы с вами стали заговорщиками. Но ничего не поделаешь, теперь я для них никто, и правильно ты сказал, Дима, меня запросто могут ликвидировать, предварительно изъяв все документы, как знакомое нам письмо у Марка Даниловича. Сами вынуждают меня на крайние меры.

Он оглянулся, убеждаясь, что их не подслушивают:

— Итак. Я направляюсь к себе в кабинет, закроюсь, подготовлю всё к самоуничтожению пульта управления, запрограммирую портал на переброску нас ночью, возьму из сейфа все раритеты и ценности и отправлюсь на беседу с Марком Даниловичем. Это предоставьте мне, он даже будет рад, узнав о нашем плане. Оставлю ему кое-какие указания насчёт девушек, и ровно в полночь буду ждать вас у холма, рядом с пластиной активации. Всё ясно? А вы между тем, как я уже сказал, соберите сменную одежду и всё, что посчитаете нужным, кроме продуктов. Ими мы запасёмся, когда уже пребудем на месте. У штаба, насколько я знаю, по ночам никто не дежурит, так что я с успехом смогу всё это претворить, так сказать, в жизнь.

Сейчас он снова был полковником. Глаза его загорелись недобрым огнём, и он с ненавистью посмотрел на копошащихся у машин «комбинезонов».

— Вы ещё пожалеете, что списали меня со счёта, — зло проговорил он и отпустил друзей, которым не терпелось заняться делом.

Ночь обещала быть тревожной...

***

В общежитии офицеров кое-где светились окна. Казарма оцепления была погружена в темноту. Луна иногда появлялась из-за облаков, но ненадолго, тотчас исчезая, чем способствовала претворению задуманного плана троих, теперь уже, беглецов.

Сергей, как было условлено заранее, активировал пластину на дереве и вызвал автоматический лифт к подъёму на поверхность. Оставалось ждать профессора. Вещи в рюкзаки были сложены, свет в домиках оставлен притушенным, будто хозяева читали на ночь увлекательные

книги, пост охраны благополучно пройден. Что ещё? Что теперь держало их в ЭТОМ мире?

Оба друга лежали в траве, прислушивались, и думали о своих девушках, разумно полагая, что вернутся к ним тут же, как только профессор восстановит проект уже в ИНОМ для всех времени. Только ЭТО их ещё и держало в этом, теперь чуждом для них мире. Душой и мыслями они уже были далеко, в другом измерении, в своём домике в лесу, где когда-то провели столько счастливых дней. Родится сын, думал в этот момент Дима, и он заберёт его с собой, в новый, непонятный для него мир, где они заживут счастливо и безмятежно. Возможно, недуг старчества, посетивший их в ЭТОМ времени, исчезнет сам собой, когда они переместятся в БУДУЩЕЕ. Тимофей Фёдорович наверняка что-нибудь придумает.

...Время показывало ровно полночь.

Послышался осторожный хруст веток, где-то ухнула сова, одно из окон в казарме погасло, и к друзьям в траву скатился профессор, отдуваясь под тяжестью объёмного рюкзака.

— Всё в порядке, — прошептал он, передавая неподъёмную ношу Сергею. — Ценности и документацию забрал, пульт управления запрограммировал. После нашей переброски он тут же активируется, срабатывает блокировка, и весь кабинет превратится в обугленные останки проводов, плат и микросхем. Не останется даже колёсиков от передвижных кресел.

Он взглянул на часы.

— Через пять минут отправляемся. Марк Данилович, узнав о нашем плане, пришёл в настоящий восторг. Бедный наш врач места себе не находил в последние дни, прежде чем вас должны были отправить в секретные застенки лабораторий. Я ему передал, чтобы он успокоил девушек, и всё им рассказал, взяв с них клятву, молчать, поскольку их впоследствии могут допрашивать. Он и сам бы хотел отправиться вместе с нами, но долг перед девушками, да и семья... сами понимаете.

— Они будут нас ждать? — с надеждой и дрожью в голосе шёпотом спросил Дима.

— Как только Любаша родит, им сразу выделяют квартиры в центре города у парка с прудом, где будут плавать утки. Лариса, Алёна, Евдокимовна и твой родившийся сын — все будут жить на одной площадке подъезда — об этом позаботится Марк Данилович. Будучи главным врачом поликлиники, он сможет постоянно присматривать за девушками, да к тому же вернётся и капитан охраны, прикрепленный к Марку Даниловичу после закрытия проекта. В Кремле сначала не поймут, куда

мы скрылись, начнут искать, допрашивать, но главврач будет на чеку. В общем-то, их недолго потаскают, так как все находились за пределами базы, когда мы бежали, а Марк Данилович заблаговременно оказался в общежитии офицеров, играя с ними в преферанс. Светящиеся окна видите? Вот там сейчас и находится наш славный доктор, усыпляя бдительность «комбинезонов».

Спустя минуту все трое поднялись, направились к поднимаемому бесшумно лифту, но на миг остановились, окинув прощальным взглядом территорию родной им базы. При этом Сергей едва не пустил слезу, а Дима поёжился с таким видом, словно ему подали к столу нечто с виду заманчивое, но вряд ли съедобное. Каждый в этот краткий момент подумал о своём, о сокровенном, таившемся только в душе. За мгновение перед ними пронеслась вся жизнь, которую они здесь прожили, и которую теперь оставляли навсегда. Сергей оставлял здесь Алёну и воспоминания о Маришке. Дима оставлял Любашу и ещё не родившегося сына. А Тимофей Фёдорович оставлял здесь шестьдесят пять лет своей жизни, тридцать из которых он посвятил своему детищу: секретному проекту «Петля Мёбиуса».

Створы закрылись, и лифт плавно пошёл вниз.

Через два часа, голодные и замёрзшие, они окажутся в сосновом лесу начала XXI-го века близ домика лесорубов.

Там их ждёт новая, полная приключений и неизвестностей жизнь.

База содрогнулась от трёх взрывов, последовавших друг за другом, но путешественники уже не слышали этого. Их тела разложились на нейтроны, окутались мезонным облаком и понеслись в пространстве навстречу иному измерению.

...Последняя фаза секретного проекта перестала существовать в ЭТОМ времени навсегда.

Эпилог

В 1950-м году все документы будущих технологий, переданные через генерала Власика, будут находиться вначале у Сталина, а затем после его смерти — у Лаврентия Берии. Многие институты по всей стране под строжайшим секретом будут разрабатывать те новшества, что передали им путешественники. Многие профессора и академики, а ещё больше рядовых инженеров пропадут без вести, прикоснувшись к тайне перемещений во времени. Но дальше опытных образцов и первых прототипов дело не продвинется, поскольку три неполных года — крайне короткий срок, чтобы запустить все проекты в серийное произ-

водство. В 1953-м году скончается вождь всех народов, а через короткое время расстреляют наркома Берию. Все схемы и чертежи канут в вечность и исчезнут в неизвестности. Николай Сидорович Власик ещё долгие годы будет искать их по всем тайникам и архивам, и помогать ему будет всё тот же Иван Яковлевич, личный врач Сталина, чудом избежавший ликвидации. Однако всё окажется безрезультатным и бесполезным: скачка истории не будет. Ничего не произойдёт. История и Время будут идти своим чередом: шаг за шагом, год за годом, открытие за открытием.

...А в конце XX-го века, в конце октября месяца, в центральной поликлинике города, Любаша родит мальчика весом под четыре килограмма. Она назовёт его Димой. В честь папы.

Из роддома её будут встречать капитан охраны уже несуществующей базы, вернувшийся из столицы, Марья Евдокимовна с Ларисой, Алёна и, собственно, сам Марк Данилович, главный врач корпуса, всё это время неотлучно находившийся подле неё. Будет море цветов и много счастливых улыбок.

И что самое интересное — в тени деревьев за сквером, Марк Данилович мельком увидит знакомое лицо в очках: увидит, и тут же потеряет из виду.

Неужели Дима?

Неужели им это удалось?

Но как???

Да нет... наверное, показалось.

...Когда уже все с коляской отправятся в новые квартиры справлять новоселье, он ещё долго будет оборачиваться, но никому ничего не скажет.

Чтоб не сглазить.

А вдруг?

Если это был Дима, то секретный проект «Петля Мёбиуса» продолжил своё существование.

Только уже не здесь. Не в этом мире.

А совсем в другом измерении.

В БУДУЩЕМ.

СТАНЦИЯ «ТАЙМЫР»

Глава 1. СТАНЦИЯ «ТАЙМЫР». ПЯСИНСКИЙ ЗАЛИВ.

№ 1.

Это была тишина словно в вакууме. Планета, казалось, затаила дыхание, как гигантский организм, неподвластный человеческому разуму. Не было звуков птиц, зверей, не было ветра, даже хоть какого-то колебания воздуха. Тучи на небе остановились в тот момент, когда закрыли собой Луну, и лишь некоторые звёзды своим мёртвым сверканием проглядывали сквозь облака.

Непроглядная темень опустилась на тундру близ небольшого рыбацкого посёлка на берегу Пясинского залива, там, где извилистая река Пясины впадает в Карское море.

Вся живность будто онемела. Дикая утки, куропатки, сибирские совы, олени, волки, даже мелкие грызуны лемминги застыли на несколько минут в тех позах и тех местах, где застало их это необъяснимое явление.

На небольших, поросших ельником сопках, где испокон веков стояли каменные бабы ритуальных поклонений древних шаманов, застыло всё.

На одной из сопок, возвышавшихся над рыбацким посёлком, находилась геодезическая станция сейсмологов — этакий заброшенный и замкнутый в себе, одинокий мирок, который и станцией-то уже можно было назвать лишь с большой натяжкой. Два барака, два вагончика, гараж, радиорубка, хозяйственный сарай, дизельная подстанция, обветшалая водокачка, столовая, да утеплённая будка для собаки — вот и всё хозяйство на шестерых человек, вахтовым методом дежуривших здесь, на краю Земли, и по несколько месяцев не видевших цивилизации. До ближайшего крупного населённого пункта Усть-Тарей было не меньше сотни километров по тундре, бездорожью, болотам на вездеходах или зимой на санях в оленьих упряжках. Если посмотреть по карте, то далеко слева обозначался местный административный центр, город-порт Диксон, к которому путь лежал через самодельную переправу реки Пясины, теми же вездеходами или упряжками оленей трое суток пути с ночёвками в охотничьих срубках, разбросанных по тундре на всём протяжении маршрута.

Станция стояла на склоне сопки, чуть в стороне от посёлка и живущих в нём трех десятков семей, с одной улицей, вытасченными на берег лодками и шаманским шатром, приютившимся у края, куда вход постронному был абсолютно заказан. Последний столб с электрическими проводами заканчивался у трансформаторного блока станции, дальше шла бескрайняя полярная тундра сродни белому безмолвию, так хорошо описанному в рассказах Джека Лондона.

Прожектор светил в пустоту, рассеивая сгустившийся плотный мрак лишь отчасти. Было тихо и мирно, время — зимнее, полярное — едва перевалило за четыре часа ночи, и все обитатели станции ещё крепко спали.

Сюда никто не приезжал, не приземлялись вертолёты, не подходили к самодельному причалу даже мало-мальские баркасы или катера. Раз в два месяца, на вездеходе ГТТ или оленьих упряжках несколько рыбаков отправлялись через тундру в Усть-Тарюю, чтобы сдать свой двухмесячный улов в местный «Рыбхоз» и, получив по стандартным расценкам оплату, запастись продуктами, лекарствами и прочим необходимым.

Тем и жили.

В том же «Рыбхозе» получали заработную плату и обитатели сейсмологической станции, или как они себя сами называли — экспедиторы. Какая экспедиция — никто об этом уже давно не знал, жили и работали, менялись каждые два года. Станцию построили ещё в семидесятых годах, и она благополучно пережила в тихом уголке Пясинского залива правление Брежнева, перестройку Горбачёва, лихие «девяностые» с Ельциным, и распад Союза, плавно перетекая своим собственным здесь временем в наши дни, пока не произошёл этот непонятный феномен, с которого, собственно, и начинается данная история.

Наступил новый день.

На станции «Таймыр» в шесть часов утра зазвенел будильник.

№ 2.

Это было обычное утро, во всяком случае, для всех обитателей станции, которые абсолютно не подозревали о недавно случившемся феномене неизвестного происхождения.

Дело было так.

Первым проснулся Андрей, поскольку сегодня была его очередь снимать ночные показания приборов. Шаркая в домашних тапках по утеплённому полу, он проследовал вначале в уборную, затем, умывшись, направился в святая святых станции, пульту управления, где в

небольшой комнате располагались столы со всевозможной аппаратурой, начиная от старых, отживших своё приёмников «РП 250» и, заканчивая новыми «Р 155 Г», которые недавно им любезно доставили с Диксона по распоряжению куратора всех сейсмологических станций Таймыра, Павла Семёновича.

На столе лежал раскрытый журнал сдачи-приёма вахты, и привычным взглядом окинув тусклое зеленоватое мигание датчиков вместе с дрожанием стрелок различных приборов, Андрей внёс в журнал соответствующую запись, что за прошедшую ночь не произошло никаких происшествий. Всё было в норме. Ни один прибор не мигал красным цветом, следовательно, беспокоиться было не о чем.

Андрей нахмурился. Нужно было идти кормить Бадика, проверить привязанных на ночь оленей, но его что-то останавливало. Уникальность цвета утреннего неба была настолько очевидной, что он топтался на месте, всё ещё уставившись в окно, сам не зная, что его удерживает.

Это была уже его вторая вахта экспедиции. Супруга с шестилетним сыном остались дожидаться его в небольшом домике в деревне, хотя и просились быть поближе к его работе, но, здраво обсудив все за и против, они пришли к совместному решению, что переселяться на станцию Диксон будут только тогда, когда сыну придёт время посещать школу. Ровно половину вахты Андрей, уже можно сказать, оттрубил, высылая семье ежемесячные посылки с сувенирами и телеграфные переводы. Заполнив коробку подарками, он зачастую сам отвозил её в районный центр, иногда наведываясь в посёлок рыбаков.

Кроме него в команде был его начальник, Сергей Борисович Раевский, доктор исторических наук и глава экспедиции. Все на станции уважали его за покладистый характер, неутомимое рвение к исследованиям и абсолютную невозмутимость в сложных обстоятельствах. Были на станции и две женщины. Точнее, одна девушка — Тоня, милая и добрая красавица, безумно влюбленная в Витю-Василька, как его все называли дружески. Оба были ещё в возрасте двадцати трёх лет, когда нужно уже думать о создании семьи, к чему они, собственно и стремились. Второй была Елизавета Петровна, или просто Лиза, тридцати лет, потерявшая мужа при испытательных полётах. Об этой трагедии она никогда не распространялась. Тоня была специалистом по геодезии и медсестрой по совместительству. Лиза, в свою очередь, заведовала всем хозяйством на станции, начиная от кухонной посуды в столовой, и заканчивая граблями во дворе станции. Витя-Василёк копался в снегоходах и был постоянным водителем. Таким образом, Сергею Борисови-

чу было под шестьдесят, обоим влюблённым по двадцать три, Елизавете тридцать, а самому Андрею тридцать два.

Но был ещё один человек в их вахте, о котором стоит упомянуть, поскольку в данной загадочной истории он сыграет далеко не последнюю роль. Фамилия его была Коржин, а по имени его называл только начальник экспедиции, и то весьма редко. Вечно замкнутый и молчаливый тип, бывший ихтиолог и егерь, он держался на расстоянии от основного коллектива, зачастую не выходя к общему столу и днями напролёт пропадал в тундре с Бадильоном, собакой станции. Если не выходил в тундру, то бродил по болотам Пясинского залива, изучая местную флору и фауну, скорее, для удовольствия, нежели в научных целях. Он был старше Андрея на десять лет и был вторым по возрасту после Раевского, если не считать Павла Семёновича — куратора всех станций полуострова. Но тот обитал в Диксоне, и на территории станции «Таймыр» появлялся лишь наездами, когда раз в полгода отправлялся на вездеходе инспектировать остальные сейсмологические базы: «Стерлигова», «Челюскин» и «Полярная». Как раз вскоре Павел Семёнович с очередным объездом должен был заглянуть и сюда, поужинать, переночевать, выслушать жалобы с пожеланиями, и отбыть.

Андрей знал, что сегодня предстоит нелёгкий день.

Пора будить остальных. Через пару часов нагрянет начальство. Но...

Отчего же так смутно на душе?

№ 3.

— По-одъём! — заорал Андрей, прошествовав по коридору вдоль дверей, ведущих в отдельные комнаты его коллег. Совместно в одной комнате спали только девушки; у остальных были свои собственные уголки, не столь просторные, зато уютные и тёплые. Слева и справа по коридору было по три двери. Полочки с литературой, вазочки, переносные телевизоры и занавески на окнах дополняли нехитрый антураж жилого блока, сразу указывающие на то, что здесь приложила руку сама Елизавета и, с помощью Тони.

Около каждой двери в спальню, сбоку от проёма висели рамки с изображениями известных изыскателей Арктики и Антарктиды: Седова, Егорова, Сомова, Вернадского, Кулика и прочих. Последний, по рассказам старожилов, несколько раз ночевал в рыбацком посёлке, когда отклонился от своего маршрута в поисках нашумевшего в своё время метеорита под Каменной Тунгуской, и поколение молодых рыбаков-ненцев невероятно гордились этим фактом. Далее по коридору шли две

двери: душевой на два отделения и обширной кладовой, которой заведовала Лиза.

Проходя мимо каждой двери, Андрей по очереди стучал в них кулаком и задорно кричал, отчего во дворе принялся весело гавкать Бадильон.

— По-одъём! Скоро начальство нагрянет!

Открыв предпоследнюю дверь, он метнулся внутрь, сдёрнул одеяло и заорал в самое ухо своему младшему другу:

— Ва-си-лёк! Скажи спасибо, что водой не обливаю, как ты меня на той неделе.

Витя продрал очи и, махнув куда-то в пустоту, показал из-под одеяла кулак.

— Число? — щурясь, спросил он.

— Двадцать четвёртое сентября.

— Температура за окном?

— Минус девять.

— Ветер?

— Ниже умеренного.

Это была их каждодневная утренняя забава. Кто раньше будил, тот в шутку и отчитывался.

— Снега ещё нет?

— Назревает. Тучи какие-то, не по сезону, серые чересчур. Снеговые, похоже.

Витя вздохнул и потянулся.

— Вот и бабье лето пролетело — не заметили. Конец сентября, и уже снег на Таймыре.

Андрей тем временем распахивал шторы на окне, но в комнате стало не особенно светлее. Посмотрев на застланное небо, он сделал вывод:

— Июнь. Заполярная весна в разгаре. В июле и августе самое большее до десяти тепла, лето бжик! — и пролетело. Сентябрь, уже, пожа-луйста — минус девять.

— Да уж... — донеслось из-под одеяла. Делать было нечего, пришлось вставать. В Витины обязанности входило всё, что касалось технического обслуживания на станции: от поломки холодильника на кухне, до ежедневного осмотра тягача в гараже и снегоходов, а при наличии оленей — их кормёжки. Он был молодым, но мастеровитым механиком и на нём держалась буквально вся техническая часть базы и станции в целом. Станция «Таймыр» благодаря Витину усердию, что называется, блестела, и не потому, что они ждали начальства: так бы-

ло всю вахту, пока он находился здесь. Однако была и обратная сторона вопроса, довольно забавная. При всём своём усердии и трудолюбию, горе-маханик постоянно умудрялся куда-то встривать, что-то забывал прикрутить, что-то перетягивал; зачастую у него где-то искрило, сверкало, бухало током. Но вместо того, чтобы подтрунивать над младшим коллегой, его друзья смеялись вместе с ним, любовно называя Васильком.

Витя зевнул, и ему вспомнилась прошлогодняя (первая) зимовка на станции. Почти всё время дули ветры, переходящие в пургу и нескончаемые вьюги; было холодно, словно он находился в паре километрах от географического полюса Севера, а температура опускалась нередко, до минус шестидесяти градусов. Оленей тогда заперли в обогреваемые стойла, а Бадика забрали к себе в барак. Тут было тепло, хотя и ходили все в свитерах, но калориферы и батареи работали исправно. В эти дни из станции никто нос не показывал наружу, за всем происходящим наблюдали из окон комнаты пульта управления и, если бы ни показания приборов, вообще не знали, что творится кругом. Снег тогда был трескучим, и валил завывающей пургой несколько дней кряду без перерыва. Базу занесло сугробами, снег спрессовался под лютым морозом, и ни одна снеговая лопата не способна была его одолеть. Пришлось прицеплять к одному из снегоходов бульдозерный ковш, и при уже относительно поднявшейся температуре в минус сорок пять градусов, чистить территорию, делая по несколько заездов в день, едва не обмораживая себе пальцы рук и ног. Чистили по очереди все, кроме женщин. У них были другие заботы — тотчас отогреть любыми способами очередного ввалившегося с мороза зрителя станции.

Вот и теперь скоро заметёт, подумал Витя, нехотя вылезая из-под одеяла.

В самом конце жилого блока находилась общая комната отдыха, где можно было расположиться с уютом всей компанией после очередного трудового дня. Здесь на стене висел плазменный телевизор, любезно доставленный им из Диксона Павлом Семёновичем, а вокруг, по периметру были расставлены журнальные столики, а рядом глубокие кресла. За одними проходили еженедельные шахматные баталии между Андреем и Сергеем Борисовичем, за другими девушки либо вязали на досуге, либо раскладывали выкройки из журналов, присаживались за швейную машинку кому-то что-то подшить, заштопать, прострочить.

Вот в эту комнату и направился Раевский после того, как Андрей разбудил всю станцию, созвав мужской коллектив на утреннюю пятиминутку. Девушки уже ушли в столовую готовить завтрак, и профессор

решил дать коллегам последние указания перед приездом Павла Семёновича с его свитой. Куратора станций в таких плановых инспекциях зачастую сопровождали два его заместителя: главный инженер и кто-нибудь из научных сотрудников РАН (Российской Академии наук).

Коржин уже покормил собак и оленей и отправился в гараж копаться в двигателе вездехода. Бывший егерь уже достаточно исходил вдоль и поперёк Пясинский залив, ведя учёт косякам рыб, гнездовищам птиц и лежбищам морских тюленей, так что на сегодня у него никаких определённых задач не было. Таким образом, дав последние указания своим младшим коллегам и, убедившись, что на станции перед приездом начальства всё находится в рабочем состоянии, Сергей Борисович отправился в столовую, махнув рукой Васильку следовать за ним. Андрей ещё немного задержался и, проходя мимо комнаты пульта управления успел услышать обрывочные фразы, доносившиеся сквозь помехи из радиоприёмника:

«...магнитные возмущения в небе... (помехи) ...сильнее, чем при северных сияниях...

(треск и завывания)

в квадрате...»

Андрей вошёл в радиорубку и прислушался.

«...не зафиксированы ни одним прибором... (помехи) ...паники никакой нет, домашний скот и животные после краткого обездвиживания вновь пришли в себя...»

Он покрутил верньер настройки. Непонятные помехи, словно работающая газонокосилка, забивали голос диктора, и едва удавалось слышать конечную фразу передаваемых новостей. Он выдвинул шкалу настройки на максимум и, морщась, попытался ещё хоть что-то услышать.

«...антициклон... всё вернулось... что это было, мы оповестим позже... температура в Диксоне...»

Всё. Помехи исчезли. Дальше шли городские и зарубежные новости: близ Новой Земли во льдах застрял рыбный сейнер, на космической станции МКС астронавты чувствуют себя в порядке, в Дублине открылась всемирная выставка, и прочее, прочее, прочее. Андрей не стал слушать, удивившись лишь первым фразам диктора, ещё не вполне сопоставив их со странными тучами, накрывшими небо в это утро.

Их цвет.

С теми мыслями и вышел во двор.

Бадик весело гавкнул у пустой уже миски, и помчался по длинной проволоке, на которую была надета цепь. Краем глаза Андрей заметил

выведенный из гаража ГТТ, со спящим у его гусениц Коржиным. Значит, ещё не завтракал, отметил про себя Андрей. Ждёт, когда остальные поедят. Бывший егерь тем временем выпрямился и запустил в небо квадрокоптер. В сарае их находилось несколько штук, и наравне с дронами их запускали каждое утро обследовать территорию с высоты птичьего полёта. Проходя мимо приборов, Андрей мельком бросил взгляд на застывший флюгер, показывающий абсолютное бездействие ветра. Пурги сегодня не будет, успокоил он себя, хотя снег уже срывался, и просто в свитере к столовой идти было зябко. Толкнув массивную, обитую войлоком дверь, он вошёл внутрь, выпустив изнутри клубы ароматного пара.

Девушки суетились в окне кухни, из которой пахло жареной картошкой, луком и отварной олениной. Сергей Борисович, сидя степенно за общим длинным столом в форме буквы «Т», намазывал маслом бутерброд и слушал Василька, с воодушевлением что-то говорившего ему, забавно жестикулируя руками. Чайник кипел, маленький телевизор передавал вчерашний матч по футболу, в столовой царила та уютная утренняя атмосфера, когда хотелось побыть всем вместе, обсуждая грядущий день, заодно подводя итоги дня прошедшего.

Тоня поднесла к столу миски, горячую сковородку и присела рядом. Лиза дорезала хлеб, поставив плетёную корзину рядом с тарелкой солёных огурцов. Начальник махнул рукой, приглашая Андрея присоединиться, сам же, прервав Василька, шутиливо подметил:

— Быстрее скорости света, Витя, есть только скорость мысли, если бы она, разумеется, была включена в систему исчислений как физическая величина. Сам посуди. Сейчас ты мысленно находишься здесь, на Земле, в столовой станции «Таймыр». Верно?

— Так, — нехотя ответил тот, заморожено глядя на присевшую рядом Тоню. Уж больно не хотелось сейчас влюблённому парню слушать очередную лекцию профессора. Другое дело Тоня...

— Стало быть, — прервал его грёзы Сергей Борисович, — ты находишься сейчас в Солнечной системе. А уже щёлк! — он прищёлкнул пальцем, — и через мгновение твоя мысль перенесла тебя к центру галактики квазару, а то и дальше, вообще к обозримой границе Вселенной, до которой ты бы со скоростью света добирался, скажем, сотни и сотни тысяч световых лет. Да каких там сотни! Миллиарды световых лет, если судить по её предполагаемому возрасту после Большого взрыва. Тебе ещё туда долететь надо, Витя. А мысленно ты уже — щёлк! — и там. Вот это и есть парадокс скорости мысли, о котором ещё упоминал наш старик Эйнштейн. Он фактически доказал, что выше ско-

рости света ничего не может быть во Вселенной, но также допускал, чисто гипотетически, что мысль, будь она физической величиной, являлась бы конечной константой. Непреложным и непреодолимым абсолют в природе. Сейчас ты здесь, и оп! — ты уже, скажем, на краю Млечного пути. Мысленно. Уяснил?

Он похлопал младшего друга по плечу, чем, собственно, и отвлек его от мыслей о Тоне.

Андрей, тем времен, присев рядом с начальником, тихо поведал ему о своих мрачных предчувствиях, необыкновенном цвете туч и вставшем радио.

О госте из космоса, гигантском шаре идеально круглой формы, опустившемся на Землю, никто из обитателей станции, разумеется, ещё не подозревал. Природа словно затаилась, укрыла себя завесой молчания и чего-то ожидала.

...День только начинался.

№ 4.

На Таймыре завершаются многие атлантические циклоны, благодаря чему этот регион часто называют «кладбищем циклонов».

— Магнитная зона, — предположил Раевский, — в нашем районе полуострова зачастую останавливает целые циклоны, Андрюша. Отчего это происходит, учёные не знают и, сказать по правде, я тоже не совсем понимаю, каким образом этот феномен случается. Никто не знает. Возможно этот цвет туч, я, кстати, тоже обратил внимания сразу как проснулся, как раз и взаимосвязан с одной из природных аномалий над нашим полуостровом. Мало ли таких непонятных науке мест на Земле? В одной только нашей стране их десятки, суди сам. — Он стал загибать пальцы. — Подкаменная Тунгуска, Баргузинский треугольник на Байкале, Становой хребет у реки Учур, ущелье Ветренных камней, как его называют местные жители на Алтае... — Начальник махнул рукой. — Перечислять до вечера будем. И везде свои непонятные феномены природы. Ты говоришь, что приёмник не мог ловить волну из-за помех? Вот и тучи, вероятнее всего, приобрели такой цвет благодаря неизвестной нам аномалии.

— Да, но приборы...

— А что приборы? На то она и аномалия, чтобы выпасть из общепринятых понятий физических законов. Потому приборы и не зафиксировали ничего. Антициклоны могли на определённый срок остановиться, прекратить своё вращение, а затем, по непонятным нам причинам, заново «ожить», будто ничего и не происходило.

— Цвет был такой... — Андрей беспомощно обвёл помещение взглядом, — будто... одинарный, что ли. Без каких-либо примесей, оттенков, полутонов. Как на компьютере выведенный. Как ламинированная обложка тетради одним серым цветом.

Начальник немного задумался.

— Вот что, — решительно поднялся он. — Пойдём-ка, сходим к радиорелейной установке, послушаем, что передают более мощные приёмники. Заодно глянем в телескоп. Посмотрим, что он нам покажет в небе.

Поблагодарив девушек за завтрак и прихватив с собой упирающегося Василька, они втроём покинули столовую.

— А ты, Ромео, — нарочито начальственным тоном отчитал он Витю, — марш в гараж заниматься делом, а то Коржин за тебя всю работу делает. Позже налюбуетесь друг на друга с Тоней, когда проверка отбудет восвояси. Чтоб у меня на станции всё блестело, всё работало, и нигде не било током. Если Павел Семёнович останется недовольным, считай, что ты труп. Отправлю в тундру без еды и воды в гости к снежному человеку. Усёк?

— Яволь! — весело откликнулся Витя. — Осмелюсь доложить, что снежный человек обитает в тайге, а не в тундре. Здесь бигфуты.

— Не важно, — отмахнулся начальник. — Это я к слову. Смысл ты понял. — И они с Андреем направились к радиорелейной установке.

— Коржина покличьте! — донеслось им вслед из столовой. — Второй раз разогревать не будем.

Интересно, подумал Андрей, едва поспевая за начальником, у этого Коржина зона комфорта всегда величиною с плавательный бассейн, что не подступиться?

Время подходило к половине девятого, и небо теперь было чистым, без каких-либо признаков аномалии. Сменив бывшего егеря, чтобы тот успел позавтракать, Василёк залез под днище вездехода, а Сергей Борисович в это время просматривал записи радиотелескопа, который должен был фиксировать все необычные явления в небе, если они, разумеется, происходили.

Должен...

Но не зафиксировал.

Стационарные приборы не заметили ничего, что хоть мало-мальски напоминало аномалии.

Откровенно говоря, Андрей уже был готов к этому, и нечто подобное предполагал ещё прежде, чем они вошли в радиорубку. Раз сообщили, что ни один прибор в Норильске и Дудинке не зафиксировал ос-

тановки циклонов, то каким образом эту аномалию могли зафиксировать приборы, едва дышащие на ладан и уже давно списанные, здесь, в радиорелейной установке? Считывающее устройство радиотелескопа молчало и не показывало никаких отклонений от нормы.

— Странно... — произнёс начальник себе под нос. — Ничего не понимаю.

Он озадаченно потёр затылок, недоумённо взглянув на своего младшего помощника. Кругом были протянуты провода считывающих устройств, стояли стеллажи со схемами и документациями, иным из которых было, по меньшей мере, с десятков лет. Большинство оборудования вышло из строя ещё в прежние вахты, а оставшиеся приборы работали автономно, требуя проверки раз в два-три месяца, и если бы не телескоп, к которому они наведывались регулярно, то слой пыли на столах был бы гораздо толще. Сергей Борисович и приходил сюда лишь для просмотра записей радиотелескопа: пролетающая комета или приближающийся метеорит наверняка бы сразу записался считывающим устройством, но... как уже было сказано, абсолютно ничего не записалось.

Они ещё немного покопались в оборудовании, проверили показания, просмотрели график движения по небосводу тех или иных космических тел, затем, так и не обнаружив каких-либо сбоев, покинули пыльное помещение, затворив двери до следующего визита.

— Ты что-нибудь понял? — спросил начальник станции, когда оба возвратились в жилой блок.

— Только то, что там изрядно грязно, и нужно попросить Тоню протереть паутину и пыль перед приездом Павла Семёновича.

— И это тоже, — согласился Раевский. — Но я о телескопе толкую. Ни одной записи, хотя последний раз мы проверяли его неделю назад.

Он позвал Тоню и попросил убраться в радиорелейной и отпустил Андрея по своим делам. Сам же направился в комнату радиорубки проверить всё ещё раз, поскольку вдалеке уже слышался рокот подъезжающего вездехода.

Весь двор базы наполнился выхлопами солярной гари и рёвом танкового двигателя, пугая полярных сов и куропаток, сидевших на столбах электропередачи. Бадик залиvisto загавкал. Огромный тягач-вездеход, сделав последний разворот на гусеницах и выдав напоследок клубы дыма, застыл у гаража, словно изваяние, распространяя вокруг себя едкий запах солярки. Один за другим из кабины выпрыгнули три пассажира и, очутившись на твёрдой земле, принялись разминать конечности после долгой дороги.

— Ох, и растрясло же нас по этой чёртовой тундре! — весело пробасил старший из них. Павлу Семёновичу было за пятьдесят, и из всех троих он выглядел самым рослым и мел манеру выражаться всегда громко и властно, чтоб все его слышали, при этом, абсолютно не осознавая своим добродушием, что голос его звучит начальственным тоном. — Я такой поездки век не видывал! — заявил он, пожимая руку Раевскому. — Или новый водитель лопух, или тундра стала ещё более непроходимой.

Их встретили хлебом-солью и торжественно провели в столовую, где стараниями девушек уже был накрыт праздничный стол. Поочерёдно обняв собравшихся коллег и потрепав по плечу своего любимца Витю-Василька, он удивился, поднимая первую рюмку с дороги:

— А где же ваш Коржин? Отчего не встречает?

Только тут все заметили, что бывшего егеря нет среди них, словно сквозь землю провалился.

— Непорядок! — крикнул куратор, закусывая солёным огурцом. — Впрочем, ладно, я всегда замечал, что он у вас какой-то странный, нелюдимый, всегда старается быть незаметным. Ещё появится, надеюсь?

Сергей Борисович только пожал плечами, сам не понимая его отсутствия. Ещё недавно был в гараже, потом сходил в столовую, и на тебе — перед приездом начальства куда-то исчез.

— Прохор! — гаркнул Павел Семёнович в раскрытую дверь столовой.

Андрей сразу отметил про себя, что водитель новый, явно из местных, из Диксона, раз имя такое дивное.

— Здесь Прохор! — донеслось из глубины ГТТ.

— Машину-зверя, твоего, в гараж. Василёк тебе поможет. Проверь радиатор и потом к нам в столовую. Ясно?

— Так точно! — по-военному отчеканил водитель. — Всё в норме вашбродие, поломок нет, солярка залита, радиатор в порядке.

Витя поспешил знакомиться с Прохором, а остальные, рассевшись за столом, принялись беседовать, закусывая и наливая по второй рюмке.

Инспекция на станцию «Таймыр» прибыла.

№ 5.

Это была полярная тундра, и Коржин углубился уже на порядочное расстояние, хотя и находился ещё в зоне их постоянных вылазок в радиусе нескольких километров от базы. К северу лежал Пясинский залив с его изогнутой береговой линией, у которой располагался рыбацкий

посёлок. Слева протекала река Пяси́на с её бесчисленными мелкими притоками, а дальше на востоке, у хребта Бырранга находился населённый пункт Усть-Тарей, до которого было не менее четырёхсот километров. Коржин сейчас продвигался пешком по территории, исхоженной им с десятков раз, полярники не раз бродили по ней, стреляя в куропаток или натаскивая Бадика на забегавших сюда песцов. Настроив рацию на приём, он тайком покинул столовую, совершенно не имея желания встречаться с куратором станций, и дело вовсе не в его нелюдимости. Отнюдь.

Он отошёл от жилой территории километров на пятнадцать и приближался к границе, где пешком уже никто так далеко не заходил — всё больше на снегоходах. Пройдя ещё с полчаса, он остановился, осматривая под ногами последние следы гусениц за которыми начиналось белое безмолвие, каким описывал его в своих романах Джек Лондон.

Отжившие короткий летний сезон кустарники вероники, брусники и багульника окружали его со всех сторон, а пожухлая сухая трава стелилась под ногами, давая возможность перепрыгивать с кочки на кочку, не замочив ног в топком болоте. Повсюду росли мох и лишайник. Это был последний ареал обитания хвощей, сибирских лиственниц и карликовых берёз. Дальше только ягель и вечная мерзлота.

Бывший егерь внезапно прислушался и вскинул ружьё. Где-то шмыгнул горноста́й. Вдалеке послышался приглушённый рык полярной рыси. Снующие тут и там лемминги, на которых Коржин не обращал внимания, как-то вдруг застыли на секунду, затем, пискнув, бросились в разные стороны. Не иначе медведь поблизости, мелькнула у Коржина мысль. Он встречался однажды с этим грозным хозяином тундры, проезжая мимо на «буране», однако вступать в контакт, разумеется, не счёл нужным. Он даже не стал прицеливаться: развернул снегоход и умчался прочь, подальше от неприятностей.

Сейчас такая встреча не сулила ему ничего хорошего, и егерь впервые пожалел, что не взял с собой Бадильона.

Но произошло совсем не то, что он ожидал. Вместо медведя, или какого другого хищника, Коржин внезапно почувствовал, как сжало грудную клетку, перекрывая доступ кислороду, в глазах потемнело, и он едва не уткнулся носом в серый мох, потому, что ноги подогнулись. Тут-то он и увидел это.

...Ружьё выпало из рук. Трансивер, никуда не годный в данную минуту упал рядом, зарывшись своей антенной во влажный мох. Голова гудела, как сотни колокольных набатов, ноги, потерявшие опору, стали

ватными, а сердце отбивало стук подобно отбойному молотку. Из серой пустоты, раскручиваясь кольцами и стелясь по земле словно щупальцами, стал наползать непонятный туман, обволакивая своей серебристой субстанцией ближайšie кочки и кустарники. Клубы испарения застыли в метре от него, теряясь своими зыбкими очертаниями где-то высоко над головой, в небе. Он сделал несколько неуверенных шагов, чтобы попытаться выйти из объятий, как вдруг...

Какая-то матовая дымка, похожая на сетку экранного монитора, буквально прошла его электрическим током. Коржин, сам того не ведая, пересёк некую границу, разделявшую два противоположных по своей сущности мира и оказался внутри совершенно другого пространства. Ощувив, что стал почти невесомым, он тотчас застыл на месте, отрешённо наблюдая как сетчатая дымка сомкнулась за его спиной и исчезла. Был туман — и нет его. Пропал. Сгинул. Испарился. Вместо него в воздухе парила пелена. На которой были видны восьмиугольные ячейки, точно подогнанные друг к другу, явно искусственного происхождения. Завеса была... рукотворной.

Внутри этого замкнутого купола, накрывшего его, гравитация отсутствовала и не существовало никаких ни движения, ни света, ни запахов.

Превозмогая внезапно нахлынувшую усталость, он уже было потянулся к рации, как вдруг она пискнула, кто-то пытался прорваться к нему сквозь защитный экран инородной сферы. Но Коржин уже этого не слышал.

Его поглотила пустота.

Глава 2. ПЕРВАЯ АНОМАЛИЯ

№ 6.

Это был огромный сфероид идеальной формы. Колоссальный объект неизвестного происхождения висел над поверхностью в нескольких метрах от земли, абсолютно не подавая никаких сигналов. Высотой он превышал любое многоэтажное здание, какие доводилось видеть геологам, посещая Диксон, Дудинку или Норильск. Справа и слева от «пузыря», как называли его изыскатели, сновали грузовики с полными кузовами почвы, тут же работали, пыхтя соляркой, экскаваторы, и копошилось несколько десятков людей в тёплых комбинезонах и средствах химической защиты. Голоса смешивались с рёвом механизмов, над объектом висел смог отработанной солярки, и снег, уже мелкий, порою пере-

ходящий в небольшую метель, окутывал близлежащую территорию в радиусе шести квадратных километров.

Мороз крепчал. Вчера было минус двенадцать, сегодня термометры показывали уже минус шестнадцать. Почва верхнего слоя промёрзла, но, всё же, не настолько, чтобы её не смог снять острозубый ковш бульдозера. Несколько дней назад, проверив уровень радиации и окружив территорию всевозможными датчиками слежения, изыскатели, прибывшие в эту часть тундры из Норильска и Дудинки, навесили кругом прожекторы, обнесли «пузырь» сканирующими приборами, и навели на него сейсмологические спутники.

Вокруг раскопок под днищем шара по всему периметру карьера раскинулись временные утеплённые жилые блоки для трёх десятков изыскателей, вызванных Павлом Семёновичем из столицы, поскольку открытие неопознанной аномалии уже само по себе несло категорию сенсации мирового и планетарного масштаба.

...С момента исчезновения егеря Коржина прошёл месяц. Снег, прежде падавший невесомыми хлопьями, затем всё более сухой и мелкий постепенно накрыл участки тундры и долгая полярная зима, шаг за шагом начала входить в свои права.

Место исчезновения Коржина коллеги обнаружили, отправившись на поиски по его следам, которые через несколько километров обрываются на пустом месте рядом с валявшимся в лишайнике трансивером.

Оставив девушек на станции, группа Раевского во главе с Павлом Семёновичем, отправилась на снегоходах по следам Коржина, а остальные помощники должны были догнать их на ГТТ с водителем Прохором. Верный пёс Бадильон бежал рядом, прицепленный поводком к одному из «буранов», принохиваясь к следам своего хозяина. Спустя два часа быстрой езды, Бадик начал проявлять нетерпение, и когда его отцепили, тотчас помчался вперёд, оглашая тундру залиvistым лаем. Замерев в охотничьей стойке у небольшой карликовой сосны, пёс всем видом показал, что нашёл нечто важное. Тут-то и обнаружилась валявшаяся под первым снегом рация, рядом с брошенным ружьём. Ни следов борьбы, ни обрывков одежды, ни оставленных знаков в виде зарубок или сломанных веток не было. Следы обрывались на ровном месте. Всё. Дальше пустота.

Василёк осмотрел рацию со всех сторон и подозвал Андрея:

— Кнопка рации работает на «передачу», — пояснил он, показывая другу трансивер.

Остальные участники поисков разбрелись по поляне, выискивая в припорошенном снегу хоть какие-либо признаки, указывающие, что их коллега остался жив.

— И что? — поинтересовался Андрей.

— А то, друг мой, что в момент нажатия на «передачу», его, очевидно, что-то испугало, и он не успел выйти с нами на связь, уронив рацию в лишайник.

Подошли остальные.

— Может, просто случайно выронил? — предположил куратор станций.

— Случайность, Павел Семёнович, — поправил начальника Раевский, — это хорошо организованная необходимость. И что-то мало верится в такое совпадение.

...Вот тут-то они и увидели это.

Точнее, первым аномалию заметил Василёк и, толкнув Андрея в бок, глазами показал поверх макушек деревьев. Ни он, ни остальные, взглянувшие в том направлении, ничего подобного в жизни не видели: даже профессор едва не ахнул, присев на подкошенных ногах.

Гигантская громада сфероида идеальной формы возвышалась над тундрой, словно Колосс Родосский, закрывая собой четверть неба, и гася лучи полярного солнца. Он возник и завис в нескольких метрах от земли только что, ниоткуда, из пустоты, переливаясь всеми цветами спектра.

Как они могли его не обнаружить, подъезжая на снегоходах к этому участку тундры? По всем физическим законам этот циклопический объект должен был виден ещё задолго до их приближения, возвышаясь над деревьями, словно пик горной вершины в Альпах. Шар нависал над их голова своей колоссальной массой, абсолютно не подавая никаких признаков жизни. То, что этот объект был искусственным, а не природным, не вызывало никаких сомнений. Какая же сила, а точнее, разум смогли создать нечто подобное?

Ответов не было.

Здрав головы, полярники ещё долго созерцали неизвестный объект, затем, так и не обнаружив своего коллегу, все вернулись к вечеру на базу, рассказав девушкам о случившемся. В тот день инспектирование станции «Челюскин» было отложено Павлом Семёновичем на неопределённое время, и вместо этого, он помчался на вездеходе в Диксон, оповестить весь научный мир о находке в тундре полуострова Таймыр загадочной аномалии, прибывшей к нам на планету, очевидно, из кос-

моса. Там же он предполагал набрать первую команду изыскателей для его детального изучения.

Таким образом, в течение месяца вокруг «пузыря» появились жилые блоки, котлован, техника и многолюдный штат всевозможных учёных, биологов, археологов и прочих специалистов со всей страны.

Коржин пропал.

Целый месяц о нём на станции не было никаких известий.

Пока однажды...

№ 7.

Был обычный день наступающей на Таймыре зимы, когда утром все разъехались на снегоходах и, проводив коллег, Лиза на базе осталась одна, не считая Бадильона в будке. Бадика на ночь забирали в жилой блок, однако днём, при температуре минус двадцать, он вполне мог находиться на морозе, бегая по территории на цепи, прикреплённой к длинной проволоке, тянувшейся от конуры до самых ворот, минуя столовую, водокачку и радиорелейную станцию.

Лиза не первый раз оставалась одна, заведывая всем хозяйством базы и, в ожидании друзей, занималась готовкой, стиркой, уборкой помещений, отчего её все любили и уважали. Проводив поисковые группы, в каждой из которых было по два человека, она уже хотела заняться делами, как вдруг обнаружила нечто, что заставило её замереть на месте, держа в руке миску для Бадика. Пёс, кинувшийся к ней с весёлым лаем, внезапно застыл, поджал хвост и утробно зарычал в пустоту.

Фрагмент пространства возле водокачки начал закручиваться в некое подобие туманной спирали размером с футбольный мяч, и по мере приближения к жилому блоку всё больше расширялся в диаметре, паря бесшумно над поверхностью земли на расстоянии полутора метров. Клубящийся дымкой осязаемый шар возник ниоткуда, покинул водокачку и, плавно перемещаясь в земной атмосфере, остановился в нескольких метрах от собаки и девушки. Теперь он раздулся до размеров подстанции, ещё спустя несколько секунд до размеров сарая и, видимо, израсходовав всю энергию, застыл на месте, продолжая пульсировать и клубиться внутри словно кипящий бульон в кастрюле. Всё это время (а прошло не более двадцати секунд), Лиза смотрела на аномалию вытаращенными от страха глазами, и её рот, открытый в безмолвном крике, так и не успел выдать ни визга, ни восклицания, ни всхлипа. Пёс тоже молчал, лишь изредка поскуливая от страха.

Непонятное физическое явление уменьшилось в размерах и, продолжая скручиваться в замысловатые узлы, выплонуло в пространство

несколько шаров поменьше, с обычный кулак величиной. Зрелище было жутковатое. Ни Лиза, ни Тоня сами так и не побывали на месте обнаружения необъяснимого наукой феномена, но хорошо представляли его по рассказам и фотографиям, которые им показывали Василёк с Андреем. Этот шар был поменьше, однако определённо принадлежал к той же неземной природе, что и сам гигантский «пузырь», как они все его называли.

Клубящаяся сфера покачалась ещё пару секунд, будто рассматривая пристально окружающее её пространство, колыхнулась, и не спеша поплыла назад к водокачке. Девушка так и не поняла: была ли то шаровая молния, или же гость из космоса, посетивший их станцию этим морозным утром по какой-то неведомой ей причине. Бадильон, успевший спрятаться в будку, осторожно высунул из неё нос, проводил взглядом объект на достаточно безопасное расстояние, и только тогда неуверенно гавкнул. Это и спровоцировало Лизу, наконец, взвизгнуть, бросить миску и кинуться внутрь барака, едва не упав. Сгусток тумана на миг остановился, как бы «прислушиваясь» к лаю собаки, затем расплылся в пространстве, потёк струями по земле, быстро взметнулся вверх, и испепеляющим жаром обрушился на водокачку. Зажглось ослепительно белое пламя, вовсе не похожее на огонь, а, точнее, вообще ни на что не похожее, Лиза дико вскрикнула и захлопнула за собой дверь. Пламя над водокачкой тут же погасло и наступила тишина. Девушку била крупная дрожь. Казалось, по территории базы прошла какая-то неведомая волна, похожая на землетрясение среднего порядка (позже приборы сейсмографов это подтвердят), и тут же ушла сама собой в глубину недр земли, где и пропала окончательно. Сгусток, клубок тумана исчез, белесая вспышка огня с громким хлопком взорвался в пространстве.

На всё про всё ушло не более минуты. Водокачку от пожара спасла цистерна с водой, возвышавшаяся над строением и предназначавшаяся для хозяйственных нужд базы.

Только теперь Лиза спохватилась и бросилась к стационарному передатчику, настроенному на частоту раций каждого из сотрудников базы. Вызывать Витю с Тоней, которые вылетели на вертолёте осматривать очередной квадрат тундры, было лишней тратой времени, а вот Андрея или Сергея Борисовича волной частоты она вполне могла поймать.

Что и сделала незамедлительно.

Ответил начальник станции.

Скороговоркой, глотая буквы и путаясь в собственных словах, она кое-как объяснила о том, что только что произошло, на время забыв о Бадике и собственном страхе, уже постепенно отпускаяшем её, как и следовало ожидать от отважной девушки, не раз сталкивавшейся с опасностями любого рода. Раевский, едва поняв её, тут же оповестил, что разворачивает снегоход назад, и через полтора часа будет на базе, а она пусть ни под каким предлогом не покидает жилого блока.

Но тут случилось ещё более странное. Как только она закончила сеанс связи со своим начальником, со стороны водокачки послышался надрывный кашель, Бадик радостно гавкнул, и из-за ограды показался едва различимый силуэт. Позже Лиза вспомнит, что не сразу узнала в этом нём своего исчезнувшего коллегу Коржина.

Да, это был он. Егерь, собственной персоной.

Но в каком виде!

Как он мог здесь оказаться? Прошёл месяц со времени его исчезновения, внезапного и необъяснимого: его продолжали искать, хотя выжить в морозной тундре боле трёх дней, не имея никаких средств существования, практически невозможно. И Лиза прекрасно знала об этом. Она взяла в руки попавшийся на глаза огнетушитель, прильнула к оконному стеклу и наблюдала за его поведением, совершенно не соображая, радоваться ей или прятаться от столь внезапного появления. Бывший егерь передвигался как-то странно, покачиваясь из стороны в сторону и озираясь, будто впервые оказался на территории базы. Увидев подбегавшего пса, он шархнулся в сторону, прикрыл руками грудь да так и застыл на месте, будто сообразив, что бежать не имеет смысла — собака всё равно его нагонит. Похоже, хозяин совсем не узнавал своего питомца. Бадик опустил хвост и прижал уши. Бедная собака абсолютно не понимала действий своего хозяина. Лиза за окном отметила про себя бороду на давно не бритом лице, порванную местами одежду, потрескавшиеся губы, впалые и пустые глаза, едва державшиеся на ногах размякшие унты и совершенно голые, обмороженные руки. Вместо шапки на голове был повязан его же собственный шарф, который Тоня вязала в часы досуга всем коллегам по станции. И девушку испугали глаза появившегося: красные, дикие, пустые, безумные. Такие глаза бывают у затравленного зверя, попавшего в западню и ищущего выход — грызть, рвать, терзать — лишь бы выбраться в безопасную зону. Взгляд загнанного зверя.

И что ей теперь оставалось делать?

...А между тем, в дверь уже стучали.

Громко.

Властно.
Настойчиво.

№ 8.

...Это была река Пяси́на, впадающая в одноимённый залив Карского моря. Её русло пролегает по глухим нежилым местам, где по берегам попадаются редкие брошенные дере́вюшки. На ней много порогов и перекатов, и своими бурными потоками она напоминает могучий Енисей в миниатюре, с той лишь разницей, что здесь по всем склонам берегов были в беспорядке разбросаны вкопанные в землю загадочные камни идеально круглой формы, имеющие разную величину и объёмы.

Андрей знал от Раевского, что подобные каменные изваяния в археологии называют сейдами, так же как и в Карелии близ реки Охта. Очевидно, отголоски карельских мифов и шаманских поверий неразрывно связаны с подобными легендами Таймыра, и сказания о каменных идолах ещё издревле распространились по всему полуострову, особенно укореняясь в глухих его частях заполярной тундры. Одно из таких поверий Андрей слышал от рыбаков в посёлке и, отыскивая Коржина, решил навестить этот участок реки, скорее, ради интереса, нежели в научных целях.

В эту часть тундры никто из зрителей станции не заезжал, поскольку места были непроходимыми, и дальше на снегоходах продвижение было невозможным.

Вот сюда он и направил свой «буран», доехав до последней поляны у берегового обрыва, где и оставил его на несколько часов, прикрыв брезентом. Эту обрывистую пойму реки местные шаманы «Долиной духов», имея в виду, что забредший сюда путник никогда не возвращался назад. В научном варианте эта долина называлась Сейдовой: от слова «сейд» — каменный идол. Они представляли собой огромные валуны, опорами которым служили несколько камней меньшего размера, и Андрей знал, что официальная наука не признаёт в них природное образование или результат таяния ледников. Здесь было намного сложнее: они были рукотворными, и иные достигали размерами трёхэтажных домов с колоссальной массой давления на один квадратный метр почвы. В прежние времена сюда уходили целые экспедиции, однако люди пропадали и не возвращались назад. Двое изыскателей из числа экспедиции Леонида Кулика пытались пройти здешним маршрутом, отстав от группы на несколько дней. Больше их никто не видел. Они исчезли бесследно, канули в вечность, растворились в истории, как и большинство

других смельчаков, пытавшихся раскрыть тайну сейдов в этих сакральных местах.

Андрей знал, что вышесказанное вовсе не является истиной в последней инстанции. Это только одно из предположений, однако, оно лишний раз указывает на то, что река Пяпина с её загадками порождают самые невероятные гипотезы. А они, как известно, возникают тогда, когда весьма трудно объяснить какое-либо явление с позиций современной науки.

Именно пред таким явлением и стоял сейчас Андрей.

Он совершенно случайно забрёл в это глухое урочище, абсолютно не подозревая, что ждёт его впереди. До сегодняшнего числа, исколесив порядочную площадь тундры на своём снегоходе, он день ото дня расширял зону поисков. Тоня и Василёк же осматривали тундру из кабины вертолётa, облетая квадрат за квадратом территорию глухого Пяпинского залива.

...Каменный сферолит идеально круглой формы, как бы балансировал на гранитной подставке, но лёгкое дрожание поверхностной площади наблюдалось не только при порывах слабого ветра, и не прекращалось даже тогда, когда становилось совсем тихо, если не считать шума бурлящих потоков близкой реки. Монолит был крупный, выше его роста, вероятно, очень тяжёлый, однако его вибрация была заметна. Глыба сразу напомнила ему тот колоссальный сфероид, что они обнаружили в первый день поисков Коржина. Мысленно Андрей окрестил его «младшим братом» той загадочной сферы: гладкий, словно отшлифованный, он походил на бильярдный шар, увеличенный в размерах, и это наводило на мысль, что данный объект создан скорее неким всемогущим разумом, нежели действием природных стихий. Монолит со всех сторон окружали кусты, он находился на противоположном берегу, метрах в двадцати от бурлящего потока. Вокруг сейда земля была утоптана, и создавалось впечатление, что к этому месту регулярно ходили сотни лет. Возможно, когда-то населявшие эти места гиперборейцы совершали возле каменного шара свои ритуальные обряды, подумал Андрей. Такие же сферолиты из спрессованного песчаника находили и в Мангышлаке, и на Земле Франца Иосифа и на Новой Земле и на других архипелагах Карского моря. Насколько Андрей знал из рассказов Раевского, ядро таких шаров составляла органика, а поверхность была либо из минерала марказита, либо из вулканического стекла обсидиана. Что находилось внутри, никто не знал, поскольку шары не поддавались изучению. Их не могли ни распилить, ни просканировать, ни просветить рентгеном, как, собственно, и ту сферу, что обнаружили

изыскатели. Она «не давалась» изучению, оградив себя неким полем, при соприкосновении с которым изыскателей било током и отбрасывало на несколько шагов. Как хочешь, так и понимай, подумал Андрей. Выходит, вот откуда идут эти поверья шаманов. Следовательно, их изготавливали либо «с натуры», либо по памяти, но в обоих случаях в те времена гипербореи, так или иначе, присутствовал контакт. Древние люди видели эти сфероиды собственными глазами, фигурально выражаясь, «по горячим следам», и каким-то неизвестным способом вырезали из монолитных кусков скал похожие образы в виде сейдов.

Бросив последний взгляд на загадочное образование, он поспешил к оставленному снегоходу, чтобы по радиации связаться с начальником, предварительно отметив на карте месторасположение инородной аномалии. Уже подходя к «бурану», он отчётливо услышал звуки вызова: кто-то настойчиво пробивался к нему на связь. Схватив трансивер, он включил передатчик на приём.

— Андрей! — донеслось из мембраны. — Где ты?

— Что случилось, Сергей Борисович? Я только что обнаружил...

Андрей сквозь помехи хотел передать начальнику, что нашёл загадочные сферолиты неизвестного происхождения как на Мангышлаке в Казахстане, но не успел.

— Это позже! — перебил взволнованный голос Раевского. — Слушай меня внимательно. На станции что-то произошло. Со мной связалась Лиза. Похоже, она в опасности.

Кроме искажённого помехами голоса, в радиации доносились звуки ревающего двигателя и завывания ветра.

— Я развернулся и еду назад! — кричал профессор сквозь помехи. — Она что-то пыталась мне сказать о каком-то огне, чуть не спалившем водокачку и...

— Что? — Андрей уже застёгивал сумку, перекидывая ногу через сиденье.

— Какой-то большой шар, плавающий в воздухе, как... тот «пузырь» в карьере, только размерами меньше.

«Снова шар...» — подумал Андрей, выжимая сцепление. Мотор заревел, перекрывая громкость радиации, и уже на ходу, Андрей дослушивал остальное.

— Василька с Тоней я предупредил, они тоже разворачивают вертолёт, так что возвращайся. Лиза в панике, и не знает, что делать. А ты сам понимаешь, просто так она бы не выходила на связь. Там что-то случилось. Она не успела толком объяснить, радиация умолкла внезапно.

— Понял вас! — крикнул Андрей, выбираясь на свою колею. Гусеницы взметнули комья снега. Где-то с испугом промчался песец.

— Поспешите...

Андрей кинул рацию в бардачок и, что есть мочи, надавил на газ.

Опять шар. И в том карьере и тут у реки и на станции. Прямо наше-ствие какое-то.

Всю дорогу его не покидала мысль, что что-то должно произойти.

Он ещё больше прибавил газу.

...А когда со всего размаху въехал во двор территории, то обнаружил пустой снегоход начальника.

Сергей Борисович его опередил.

С этого момента события на станции начали развиваться стремительно.

№ 9.

Входная дверь жилого барака была раскрыта настежь, и это при таком-то нешуточном морозе! Бадильона нигде не было — Андрей свистнул, но собака не залаяла.

Тут что-то было не так...

Нигде никого.

Переступив порог, и едва не споткнувшись о валявшийся на полу огнетушитель, он осмотрел комнату «пульта управления», признав себе, что чувствует какую-то смутную тревогу. И лишь добравшись по коридору к комнате отдыха, он внезапно понял, что именно его тревожит.

Гнетущая тишина.

Она была повсюду, тяжёлая, жуткая, страшная.

То, что он увидел, едва не лишило его рассудка.

...Посреди комнаты отдыха, рядом с перевернутыми креслами, в луже растёкшейся, уже подсыхающей крови лежала... Лиза.

Руки её были раскинуты в стороны, голова неестественно вывернута к окну, в которое смотрели её стеклянные и безжизненные глаза. Рот был открыт в агонизирующем крике, на затылке зияла кровоточащая рана, из которой пульсирующими толчками всё ещё продолжала вытекать кровь с частицами мозгового вещества. Чудовищной силы удар, видимо, пришёлся девушке сзади и, падая в беспамятстве, она так и не осознала, с какой стороны к ней пришла смерть.

Слёзы заволокли глаза. Андрею не нужно было приседать и проверять пульс: девушка была мертва.

Этот запах смерти...

Шатаясь как маятник и хватая ртом воздух, он сквозь пелену слёз уставился на следы представшей перед ним трагедии. В том, что здесь произошло убийство, он нисколько не сомневался. Ближайшие перевернутые кресла валялись в нескольких шагах от тела, рядом отчётливо виднелись три следа, которые обрывались внезапно.

До двери не допрыгнуть.

Физически такое невозможно, обладай ты хоть прыткостью гепарда. До неё было не меньше десяти метров.

Андрей застыл на месте, бессмысленно вглядываясь в последний левый след унта.

Когда-то Витя-Василёк показывал ему подошвы всех обувок, которые частенько ремонтировал: набивал войлок, правил, подстёгивал, подшивал, одним словом, приводил в порядок. Каждая подошва имела свою индивидуальность и отличалась стёжками от других, имея свою собственную структуру. У Вити она была «ёлочкой», у Раевского и Коржина «тракторной», а у самого Андрея подошва была «паркетная».

Здесь присутствовали отпечатки «тракторной» подошвы.

Сергея Борисовича или Коржина.

Всё ещё полностью не придя в себя, он кинулся в комнату радиосвязи и, отпихнув ногой огнетушитель, принялся с остервенением крутить верньер настройки, пытаясь лихорадочно поймать Витину волну, на которой работала его рация. Зафиксировав шкалу на нужной отметке, он заорал в мембрану микрофона:

— Витя! Ответь!

Словно из потустороннего мира, откуда-то издалека послышались завывания вертолётных винтов, затем сквозь шум и треск помех раздался голос Василька, перекрикивающий пропеллеры:

— Слышу! Кто на связи?

— Андрей! Где бы вы ни были, срочно возвращайтесь! — прокричал он на всю комнату. — У нас беда!

Помехи глушили Витин голос.

— Я на станции! — кричал Андрей, сам не узнавая свой голос. — Слышите? Здесь произошло убийство!

Последовала пауза, и, как показалось Андрею, далёкий всхлип воскликнувшей в ужасе Тони.

— Будем через час. От взлётной площадки ещё полчаса на снегоходе... — прокричал в ответ Витя, и рация умолкла. Сколько Андрей не пытался вернуть утерянную волну, всё оказалось бесполезным.

Лихорадочно озираясь по сторонам, он пытался привести мысли в порядок. Прежде всего, где сам начальник станции? Где Раевский? Пустой снегоход стоит во дворе, следовательно, он должен быть здесь, а это значит...

Это значит, что он видел убийцу.

Андрей не знал, что предпринять в первую очередь: вызвать по радиации Павла Семёновича или броситься о двор искать начальника? После секунды раздумья он выбрал первое. Вызвав лагерь изыскателей, он, как мог, через помехи объяснил в двух словах что произошло, попутно прикидывая в уме, где сейчас мог находиться Сергей Борисович: если его нет в жилом блоке, следовательно, он, либо в столовой, либо где-то во дворе. Куратор станций вначале категорически не хотел воспринимать ужасную информацию, совершенно не понимая, о чём идёт речь. Андрей кричал в микрофон, сбивался, повторял, пока, наконец, начальник не понял и не выдохнул:

— Ох!

Но тут же, взяв ситуацию в свои руки, выкрикнул сквозь помехи:

— Немедленно выезжаю! Ищи Раевского. Ничего не трогайте. Собаки тоже, говоришь, нет нигде?

Андрей подтвердил.

— Осмотри всю территорию: сараи, водокачку, радиорелейную установку. К вечеру, если вездеход не застрянет, будем у вас...

Приемник умолк. Он выскочил на морозный воздух. Свистнул собака. Позвал. Тишина. Прокричал два раза имя начальника. Огляделся. Никто не отвечал. Никого. По пути бросил взгляд на водокачку, и только тут заметил свежую сажу от копоти, будто цистерна некоторое время находилась в эпицентре крупного пожара. Было похоже на небольшой взрыв и частичное воспламенение, которое затем погасло. Ладно — это позже. Сейчас не горит — не горит. Прежде всего, Раевский. Где он?

Ворвавшись в столовую, он лихорадочно обвёл её взглядом. Всё на месте, ничего не тронуту, даже кастрюли вымыты: Лиза, вероятно, убралась здесь сразу, как они, позавтракав, отбыли каждый на свой участок поисков.

И снова никого.

Не задерживаясь, он побежал к радиорелейной установке, совершенно забыв о стойле с оленями, но сейчас не это было главным. Если и мог ещё где-нибудь находиться начальник станции — так только там. И рванув дверь на себя, он тотчас застыл как вкопанный, не в силах сделать следующий шаг. Гораздо рациональнее было броситься вниз и

оказать первую помощь, но Андрей в этот миг потерял всякое самообладание.

...Его начальник, Сергей Борисович Раевский, лежал на полу без сознания и... сжимал в руке большой гаечный ключ.

Где-то вдалеке прокричала полярная сова и всё стихло.

№ 10.

Павел Семёнович принял вызов по радиации и, наскоро переговорив с Андреем, тотчас вызвал к себе в вагончик главного инженера трёх метеостанций полуострова. Тут же, у стола, заваленного документами и схемами раскопок, находился и научный сотрудник проекта — молодой кандидат наук Илья Фёдорович. Он-то как раз и был кстати. Илья Фёдорович был специалистом по местному фольклору и древним шаманским поверьям и, обнаружив недавно некие следы вокруг гигантского «пузыря», он сразу привязал эти маленькие отпечатки к забытой легенде о таинственном народе, по преданиям, обитавшем когда-то в тундрах Западной Сибири. Жители Крайнего Севера называли их ненецким словом сиртя, приписывая этим загадочным обитателям подземелий немало странных свойств. При первом осмотре территории следы были не видны, но когда бульдозеры сняли верхний слой вечной мерзлоты, на глубине трёх метров сразу обнаружили эти древние отпечатки, как минимум двух-трёх вековой давности. Согласно легендам, до того, как по непонятным причинам уйти под землю, сиртя жили на поверхности, всячески избегая встреч с людьми: странные невысокие обитатели выходили на поверхность тундры только по ночам или в глубокий снежный туман. Они носили красивую одежду с металлическими и золотыми подвесками, поддерживали зыбкую связь с самоедами (или самодийцами) — ненцами, сравнительно недавно заселившими побережье Карского моря, но с цивилизованными людьми в контакт не вступали. Эти антропоморфные существа, похожие на людей присутствовали во всех мифологиях местного фольклора, и научный сотрудник как раз сидел над энциклопедией, создавая тщательную классификацию, когда Павел Семёнович рассказал ему о происшествии на базе. Оба, тут же, наспех собравшись, покинули вагончик, энергично отдав кое-какие указания бригадирам раскопок, и стремительно направились к вездеходу, где их уже поджидал главный инженер с водителем Прохором. Работа в карьере кипела. Звук работающих бульдозеров, экскаваторов и самосвалов разносился далеко в тундре; несколько десятков рабочих, в числе которых были и сотрудники команды «Космопоиск» Вадима Черноброва, вели наблюдение за огромным сфероидным объектом, который

по-прежнему возвышался своей над тундрой. «Пузырь» покоился над землёй на расстоянии нескольких метров, и по-прежнему не подавал никаких признаков жизни, окутав себя неким полем, сквозь которое невозможно было пробраться. Уже несколько дней сотрудники различных научных кругов пытались взять на пробу хотя бы мелкий образец поверхности загадочного шара, но все попытки были бесполезны: он просто никого к себе не подпускал.

Шар «молчал».

Это была иноземная аномалия.

Космический сферолит извне.

Из космоса.

Пока вездеход выезжал на проезжую колею среди насыпей, Павел Семёнович ещё раз взялся за рацию. Уже дважды он вызывал Раевского, но тот отчего-то молчал, поэтому сейчас он вызвал Витю-Василька.

— Ты знаешь, что случилось на станции? — перекрикивал он помехи. — Антонина с тобой?

— Да! Мы уже подлетаем к взлётной площадке. Там переседем на снегоход, и... (помехи заглушали голос).

— Хорошо. Как только заедете во двор станции, сразу набери меня и обрисуй обстановку.

— Понял! Я связывался с Сергеем Борисовичем, он не отвечает.

— Мне тоже, — хмуро подтвердил куратор станций. — Будьте с Тоней готовы ко всяким неожиданностям. Неизвестно, что там вообще произошло. Елизавета мертва, вот всё, что мне известно.

Наказав им быть осторожнее, он отключил трансивер, выругался и бросил последний взгляд на гигантский шар, возвышающийся над тундрой.

Уже миновав границу огороженной зоны, под грохот вездехода, куратор станций поделился, наконец, информацией со своими помощниками. Илья Фёдорович частично знал о происшедшем, так что рассказ Павла Семёновича был адресован в основном водителю Прохору и главному инженеру Степану Сергеевичу.

Колоссальный круглый монолит остался за кормой их вездехода.

...Больше они его не увидят.

№ 11.

Как только вертолёт «Ми-8» коснулся взлётной площадки, Василёк выпрыгнул из кабины и, подхватив Тоню, спешно направился к техническому навесу, под которым, укрытые брезентом стояли снегоходы. Уже через несколько минут они мчались по тундре, оставив пилота в

комнате отдыха дожидаться с остальными лётчиками новых указаний от Павла Семёновича.

А в это время, в помещении радиорелейной установки происходило следующее...

Придя в себя благодаря заботам Андрея, профессор Раевский, морщась от боли в затылке, кое-как рассказал своему коллеге о том, что произошло после того, как он слез с «бурана» и вошёл в жилой блок станции. Но прежде чем поведать ему страшную весть, он, кашляя и натужно вдыхая воздух, озабоченно спросил, оглядываясь кругом:

— Где Коржин?

— Кто? — не понял Андрей, удивлённо вскинув брови. Он держал голову начальника у себя на коленях и влажной тряпкой вытирал кровь, проступившую на затылке.

Сергей Борисович отпил глоток из фляги, всё ещё сжимая ключ в руке.

— Егерь где?

— Там, где и был, — удивился геолог. — Где-то в тундре. Мы же его так и не нашли.

— Уже нашли, — хмуро ответил начальник, поднимаясь на неокрепших ногах и держась за товарища.

— Как это... нашли, — начал было Андрей, но Раевский перебил:

— Он здесь, Андрюша. Или был, во всяком случае. Это ОН меня ударил сзади по голове. Как и Лизу. Ты её видел?

— Видел, — ошарашено ответил Андрей и недоумённо посмотрел на своего старшего друга.

— Тогда слушай меня внимательно и не перебивай. — Сергей Борисович уже стоял на ногах, прислонившись спиной к косяку раскрытой настежь двери. — Это ОН убил Лизу. Я его успел увидеть, когда вошёл в коридор. Он выходил из комнаты отдыха, весь в крови, и, столкнувшись со мной, внезапно ударил по голове чем-то тяжёлым. Я думаю, огнетушителем. Когда я пришёл в себя, вероятно, секунд через двадцать, его уже не было. Схватив этот ключ, — он покрутил его в ладони, — я бросился во двор, но и там его не было.

— А Бадик? Он что, совсем не гавкал? — Андрей всё ещё не смирился со столь потрясающей мыслью, что их егерь мог быть причастным к убийству девушки.

Да что там убийству...

Как он **ВООБЩЕ** оказался здесь спустя месяц?

Как он **ВООБЩЕ** выжил в тундре, проведя в ней более тридцати дней на морозе, один, без еды и подходящей одежды?

— Собаки тоже нет, — прервал его мысли начальник станции.

Андрей вдруг отчётливо вспомнил последний, обрывающийся в центре комнаты след левого унта, и невольно бросил взгляд на обувь профессора, отметив про себя, что тот тоже в унтах, в каких был Коржин, прежде чем исчез.

Но каким образом он мог обрываться в середине комнаты, если до двери допрыгнуть не было никакой возможности?

И самое главное: зачем убивать беззащитную девушку и нападать на начальника станции?

Пока Сергей Борисович в двух словах передавал ему происшедшее, Андрей бережно подхватил его под руки и вывел на открытый морозный воздух, чтобы тот смог отдышаться. При этом геолог не забывал цепким взглядом осматривать территорию двора, перехватив гаечный ключ в свою руку.

— Думаете, он ещё где-то здесь? Спрятался вместе с собакой, когда услышал мой снегоход?

— Не знаю, Андрюша, — выдохнул Раевский. — Помню, что я бросился в столовую, затем к водокачке — кстати, вот ещё одна загадка, о которой кричала мне по радиации Лиза. Будто бы она видела какое-то пламя, едва не взорвавшее водокачку. Пламя было круглым, только меньшего размера, нежели мы с тобой видели в тундре. А когда я добрался до радиорелейной установки, потерял сознание, и пришёл в себя, когда ты уже склонился надо мной. Вот так. Вот и вся история. Где сейчас егерь и где собака, я абсолютно не знаю.

Андрей в свою очередь рассказал, как он нашёл мёртвую Лизу и как бросился искать профессора, наткнувшись на него в рубке радиосвязи. Пересекая под руку двор, они добрались до столовой, где и присели отдохнуть, приходя в себя от столь ужасных по своей сути событий.

— Он был весь в лохмотьях, — вспомнил профессор, пока Андрей наливал в рюмку коньяк. После того, как начальник выпил, Андрей налил и себе.

— Весь заросший, — продолжил Сергей Борисович уже не таким дрожащим голосом. — Тощий, с потрескавшимися губами, и самое главное... — он сделал паузу, — самое главное, Андрей, были его глаза! Жёлтые как у кошки, безумные, алчные и... первобытные.

— Простите?

— Будто бы в них не было никакого разума. Увидев меня, егерь буквально оскалился. Я не шучу. Как зверь, загнанный в капкан. Прыгнув, словно воспарив в воздухе, он пересёк коридор и ударил. Дальше ты

знаешь. Но прежде чем погнаться за ним, я ещё успел заглянуть в комнату. Там-то я и увидел нашу девочку, в луже крови. Она была мертва, это было понятно с первого взгляда, и чтобы не терять времени, я бросился за ним, понимая, что ей уже ничем не поможешь.

В этом месте рассказа Андрей ощутил какую-то зыбкую тревогу. Ему показалось, что профессор что-то не договаривает, или, во всяком случае, путается в словах. Но, отнеся это за счёт его потрясения, Андрей не придавал тогда значения этим словам.

Как выяснится, именно в этот момент ему как раз и нужно было бы обратить на это внимание.

...Но это выяснится гораздо позже, когда изменить ничего уже будет невозможно.

№ 12.

— Вот и всё, — отставив в сторону рюмку, задумчиво признался профессор. — Больше я ничего не знаю.

Они молча переглянулись, и Андрей отчего-то не поверил своему начальнику. Тут что-то не вязалось. Что-то такое, ещё не совсем осознанное, но теребившее душу. Что-то тревожное, непонятное и не поддающееся логике. Вот он, профессор, сидит перед ним, уставший, сморщившийся от боли, скорбящий по убитой девушке, но...

Так ли это? Уж больно рассказ нескладный у него получается.

Андрей встал и подошёл к кухонному столу, выбирая увесистый тесак, которым они разделявали оленину. Какое-никакое, а всё же оружие.

— Этот псих, вероятно, хотел прикончить заодно и меня, — тем временем продолжал Раевский. — но помешал ты со своим снегоходом, который он услышал ещё издалека. Когда убегал со станции, он схватил и Бадильона. А вот куда — одному Богу известно, — сокрушённо вздохнул он. — Я не фанатик религии, ты знаешь, однако некая мистика тут определённо присутствует. Как телекинез какой-то. Сам посуди: тот большой «пузырь» в карьере и этот малый шар, о котором кричала в рацию Лиза, возможно, связаны между собой каким-то непонятным нам образом. Ты видел водокачку? Что скажешь?

— Опалённая со всех сторон как при мощном взрыве.

— Во-от! — протянул Раевский, подняв палец вверх. — Я думаю, это был он. Как некий сгусток шаровой молнии. И принёс он с собой Коржина. Внутри.

— Где?

— Внутри себя, я полагаю. Появился, взорвался в нашей непривычной для него атмосфере и, высвободив егеря, дематериализовался, взорвавшись. Прыжок Коржина через комнату и весь коридор, Андрюша, был вовсе и не прыжком по своей сути, а неким перемещением — мгновенным, стремительным, сквозь пространство — внутри «малого» шара, как мы его будем называть. Свихнувшийся маньяк, пробивший месяц неизвестно где и вернувшийся зачем-то сюда, перемещается в некоем сферолите, убивает девушку, покушается на меня, забирает с собой собаку, и исчезает с этим малым «пузырём». Другими словами, мы столкнулись с неким феноменом, с которым человечеству ещё сталкиваться не приходилось за всю историю его существования. Других объяснений у меня попросту нет. Впрочем, я уже в этом признался. Будем ждать остальных, в особенности Илью Фёдоровича. Это как раз по его части.

Андрей надолго задумался, вспоминая тело Лизы с неестественно вывернутой к окну головой и её безжизненным взглядом. Тут определённо было что-то не так. Вроде бы всё сходилось...

Но выражение профессора «покушается на меня...» путало все его мысли. Какие-то сомнения закрадывались в душу. Он ещё не совсем понимал, отчего ему так тревожно, но и объяснить себе был не в состоянии.

— А пока нам с тобой предстоит заняться телом Лизочки, — донеслось до него словно из пустоты.

Андрей тряхнул головой и услышал приближающийся рокот снегохода. Через минуту в столовую ввалился Василёк, а за ним и Тоня — оба запорошенные снегом и свисавшими на одежде сосульками. Тоня сразу кинулась к начальнику станции осматривать затылок, а Витя, схватив друга за руку, потащил во двор, где Андрей и рассказал ему вкратце положение дел. Они осмотрели водокачку, будку собаки и стойло оленей. Животные мирно ели сухой ягель, насыпанный им Лизой, и совершенно не интересовались происходящим.

Погребение Лизы друзья оставили до прибытия куратора всех станций.

А тем временем вездеход Павла Семёновича уже был в нескольких километрах от места трагических событий.

Скоро они встретятся.

...И встреча эта будет для них последней.

Глава 3. ОДИССЕЯ СТРАНСТВИЙ ЕГЕРЯ КОРЖИНА

№ 13.

Этот загадочный случай произошёл с ним в 2003 году, когда ему было 27 лет, и он подался на рыболовецкий сейнер помощником ихтиолога, после того, как его уволили из запасников краеведческого заповедника, где он проработал егерем несколько лет. Свидетелями этого необъяснимого феномена стали российские рыбаки Северного гражданского флота, промышлявшие сельдь в Карском море близ островов архипелага Новой Земли. 16 августа (по судовому журналу) на сейнере стал барахлить основной двигатель, и судно легло в дрейф, чтобы устранить неполадку. И вдруг перед глазами Коржина и других моряков, из морской пучины, как им показалось, всплыл огромный лайнер колоссальных размеров. По его палубам металось множество пассажиров; люди кричали, плакали и молили о помощи. Было много детей. Некоторые, отчаявшись, бросались за борт в ледяные воды, и российские рыбаки застыли в ужасе, осеняя себя крестным знамением: это был легендарный «ТИТАНИК»!

Прошло всего несколько минут, и он вновь ушёл под воду, будто и не появлялся. Из-за сломавшегося двигателя рыбаки не могли подойти ближе, чтобы оказать помощь плавающим в ледяной воде людям. Они лишь дали радиogramму об этом невероятном событии. Её приняли в штабе ВМС Северного флота, и в указанный район с базы Варнек острова Вайгач срочно направился военный эсминец, к счастью, оказавшийся недалеко от места «второй» гибели знаменитого лайнера. Ему удалось поднять из воды 13 человек, на которых были спасательные жилеты с надписями «Титаник». И вот что показалось тогда поразительным Коржину: все они были живы.

Второе, что поразило молодого егеря, это прямо-таки фантастическая завеса секретности, окутавшая этот необъяснимый феномен. Военные отказались дать прессе какую-либо информацию, с рыбаков взяли подписку о неразглашении, но со временем утечка всё же произошла, и отнюдь не по вине Коржина. Эксперт по морским катастрофам заявил тогда: «Возможно, в данном случае мы столкнулись с перемещением лайнера во времени и переход его в иное пространственно-временное измерение. Могу только подтвердить, что 16 августа 2003 года действительно имело место всплытие затонувшего судна на поверхность Карского моря, а на его борту наблюдались живые люди».

На вопрос, каким образом покоящийся в глубинах Атлантики «Титаник» мог оказаться в пределах Северного Ледовитого океана, специа-

лист по катастрофам умолчал, мотивируя тем, что и сам понятия не имеет.

С тех пор прошло около двадцати лет, но бывший егерь смутно помнил, как при всплытии лайнера моряки наблюдали в небе гигантский шаровидный объект, словно всасывающий в себя стальную конструкцию корабля и всех его пассажиров. Зрелище было настолько реальным, что Коржин запомнил его на всю жизнь, и не раз ему потом мерещились барахтающиеся в воздухе тела, которые всасывались воронкой в зев чёрной внутренности загадочного круглого монолита, размером с добрую гору где-нибудь на Кавказе. Дальше его жизнь складывалась по-разному: где помощником ихтиолога, где егерем, но всегда было одно. В какую бы местность или экспедицию его не заносила судьба, он по-прежнему искал доказательства существования Антимира, как он именовал пространство, поглотившее и лайнер, и его пассажиров, и сам колоссальный объект, растворившийся в воздухе на глазах у всего экипажа рыбацкого сейнера после того, как всосал в себя гибнувших пассажиров тонущего судна. Отсюда и нелюдимость, и нежелание общения с другими членами группы. Когда он узнал, что некий начальник станции «Таймыр» ищет в новую вахту ихтиолога для изучения, Коржин прошёл собеседование с профессором Раевским, и был включён во вновь набранную команду. Тем самым он получил возможность бывать и на побережье, и в тундре, где по его данным происходили немаловажные для него события: он слышал и о сейдах, и о народе сиртя, и о других аномальных явлениях, случавшихся на полуострове. Вместе с Бадильоном он совершал вылазки вглубь тундры, выискивая следы или доказательства своим предположениям, поскольку, с точки зрения современной квантовой физики, в этом нет ничего необычного. В поверьях шаманов этой части Таймыра до сих пор сохранились сказания о некогда спускавшихся на Землю огромных шарах, которые, «погостив» какое-то время на планете, исчезали так же внезапно, как и появлялись, прихватывая с собой целые племена и народности, населявшие полуостров в те или иные времена. Один из квадратов вечной мерзлоты он наметил для себя заранее, и тот день, когда на станцию должен был приехать с инспекцией Павел Семёнович, Коржин покинул её, углубляясь в тундру, совершенно забыв взять с собой Бадильона.

Пройдя с десяток километров в направлении, где никто из его команды прежде не бывал, он, собственно говоря, и столкнулся там с неведомым, тем самым удовлетворив своё любопытство. Непонятная сила

обволокла его сетчатой оболочкой, и близ огромного пульсирующего «пузыря», как нарекли его позже изыскатели, он потерял сознание.

А произошло всё это более месяца назад.

№ 14.

После того как через егеря прошёл электрический ток он, на какое-то время выпав из реальности, теперь приходил в себя, ощущая необычайную лёгкость в теле, его подмывало воспарить над поверхностью как те ангелы, что населяли небеса. Он оглядывался в поисках брошенного ружья и трансивера. Мыслей никаких не было. Голова была пуста. Он выпал из этой жизни, бессмысленными глазами уставившись на ружьё и рядом валяющуюся рацию. С этого момента они перестали его интересовать, поскольку он, собственно, вообще не понимал их назначения.

Коржин стал безликим.

Он стал пустой телесной оболочкой для несуществующей души.

Манекеном.

Рация и винтовка так и остались лежать в ягеле, а он, поднявшись, и пустым взглядом уставившись на громаду космического «пузыря», направился к нему, совершенно не ощущая опасности.

Будто поджидая его, циклопический сфероид раскрыл свои «объятия», раздвинув небольшие створки как дверцы лифта в многоэтажном доме. Некая сила всосала его внутрь и, паря в невесомости, его тело медленно вплыло в черноту зияющей бездны. Ни страха, ни тревоги егерь не чувствовал. Пространство, окружающее его внутри мегалита, было просто огромным, и если бы он как обыкновенный здравомыслящий человек мог в этот момент рассуждать логически, то несказанно бы удивился, не увидев перед собой даже горизонта. Внутренняя оболочка шара казалась бесконечной. Он очутился в центре какого-то помещения, который сверху был накрыт полусферическим прозрачным куполом. Высота купола потрясала своими размерами, но, по всей вероятности, основной каркас строения со всеми залами и прочими техническими помещениями находился где-то внизу, под его ногами. Попади сюда, к примеру, Витя-Василёк, тот бы сразу выкрикнул нечто вроде: «Вот те нате, болт в томате! Это ж куда меня занесло, родимого»? Однако сейчас здесь был не Витя, а Коржин. Этот стоял, взирал на развернувшуюся перед ним панораму и без всякого интереса рассматривал окружающий его замкнутый простор.

А потом ему и вовсе «отключили» сознание.

Сетчатое ячеистое образование прошло сквозь него, и он, как стол — так и повалился на бок. Это потом, уже придя в сознание, он будет помнить лишь смутные отрывки того, что с ним происходило в тот момент. Внезапный, насыщенный запах аммиака; склонившиеся над ним какие-то призрачные тени; холодные прикосновения чего-то похожего на щупальца медуз — противные, скользкие, вызывающие тошноту. Когда он придёт в себя, в его сознании всплывут смутные обрывки, как его укладывают на какую-то поверхность, вводят в пищевод зонды, делают инъекции и присоединяют к венам трубки гибких шлангов. Смутные проблески реальности сменялись провалами в забытье, потом обратно, и так — до бесконечности. Он грезил наяву, впадал в беспмятство: действовали препараты, вводимые ему внутривенно. Несколько раз у него случалась рвота. И всё начиналось опять. Это был какой-то загадочный конвейер, не имеющий ни конца, ни края. Для чего всё это происходило, он не имел ни малейшего понятия. Бесконечная череда процедур, забытья, зондирования и снова забытья. Биологические часы его организма не выдавали в мозг и сотой доли реального времени. Он затерялся в нём. Растворился. Сгинул в пустоте. Вместо егеря Коржина сейчас была лишь его оболочка. Вахтенный смотритель станции «Таймыр», бывший егерь и по совместительству помощник ихтиолога перестал существовать как личность. А где-то в середине необъятного амфитеатра располагались какие-то непонятные кубы, шары, цилиндры и пирамиды.

Воскоподобное вещество бурлило и поднималось каплями к поверхности, затем, поколыхавшись, бесформенными массами опускалось на дно, где, нагреваясь, вновь устремлялось вверх. И так раз за разом, постоянно меняя свои формы, очертания. Казалось, гравитация уступила здесь место сплошному вакууму, а сама жидкость, подобно глицерину, имела прозрачный цвет и совершенно не реагировала на силу притяжения земной поверхности.

Это была лаборатория сотворения новых форм биологической материи.

Рассадник молекулярного «топлива» для Земли.

Оранжерея для новых видов фауны и флоры на планете.

Частицы его тела находились сейчас внутри этой бурлящей биомассы.

...Что-то зловещее и неведомое витало в воздухе.

№ 15.

А потом был «малый» шар, как его позже назовут все невольные участники данного феномена. Прозрачный, высотой в два человеческих роста, едва покрытый мутноватой дымкой, он колыхался над полом в нескольких метрах от Коржина. Егерь просунул руку внутрь сферы и... остолбенел от неожиданности. Он посмотрел на свою руку. Её не было. Граница прозрачной сферы, казалось, была лишь условной: переход из состояния видимости в невидимость произошёл плавно и незаметно. Ощущение было такое, будто он просто погрузил руку в ёмкость с тёплой водой, не более того.

Отдёрнув руку, он с облегчением узрел её по-прежнему, и уже увереннее, снова погрузил её внутрь шара, теперь по самое плечо. Произошло то же самое. Рука исчезла прямо на глазах, будто растворилась в пустоте.

Выходит, что шар поглощает в себя всё? Внутри он имеет свой замкнутый мир, не видимый и не ощущаемый снаружи? Погрузившись в его глубину, тебя никто не сможет видеть извне?

Более не раздумывая (да и чем, собственно-то думать?), Коржин втолкнул своё тело внутрь сферы, ничего не почувствовал, и тотчас провалился... в небытие.

Пустота внутреннего мира поглотила его целиком, шар качнулся в пространстве, завибрировал и... сгинул, будто его и не было. Последнее, что смог осознать егерь, прежде чем перейти в состояние иной реальности, это громкие завывания какой-то сирены, переходящее, как ему показалось, в настоящий рёв приближающегося локомотива.

Бывший егерь, смотритель сейсмологической станции и просто обычный человек, Коржин перестал существовать в этой реальности. Теперь его тело, заключённое в ограниченном пространстве, понеслось куда-то вверх по глассаде, в облака, в стратосферу, прочь подальше от Земли.

№ 16.

...Вообще-то, местность была ему незнакома.

Он вернулся, а точнее, его возвратили совершенно не в ту среду, из которой забрали. Ни гигантского «пузыря», ни знакомых звериных тропок, ни других привычных ориентиров он сейчас, сколько не вглядывался, не замечал. Да. Он, несомненно, был в тундре. Но не в своей тундре, к которой привык издавна. Скорее, в чужой, в неизведанной, где он не бывал ещё ни разу. Поэтому, то, что он увидел в первый момент, заставило его воспрянуть духом. Шар, непонятно каким образом,

доставившие его сюда, исчез несколько минут назад, и он уже изрядно замёрзший, пытался вычислить, куда его занесло на этот раз.

Издалека это было похоже на небольшую хижину, какие строят рыбаки по всему побережью залива, чтобы в штормовую погоду или снежную бурю было, где скрыться, имея внутри обязательный минимальный запас выживания. Застигнутый непогодой путник, мог всегда переждать непогоду в такой хижине, где была сложена временная печь, запас дров и килограмм-другой какой-нибудь крупы. Каждый, затерявшийся в тундре, оставлял в такой хижине минимальный запас следующему бедолаге, и таких срубов по побережью Карского моря было настроено немало. Но, откуда рыбацкая хижина могла появиться здесь, в тундре, за десятки километров от Пясинского залива, Коржин не имел ни малейшего понятия. Уже подходя к срубам, он задался вопросом: «А рыбацкая ли она вообще, эта хижина»? Так или иначе, а укрыться от холода в этом срубе на первое время было просто необходимо. Возможно, он найдёт там дрова и что-то чем можно утолить свой голод, который терзал его ещё с тех пор, как он покинул «малый» шар и оказался в снежной пустыне. Начинался буран. Глаза слепило, завывания ветра охладили душу неприятным покалыванием. Страшным зигзагом рисуется порою жизнь человеческая. Попади он сейчас в этот буран, и его занесёт снегом, оставив закоченевшее тело на съедение росяхам и волкам.

Но это лирика. Ступая в снегу и поминутно озираясь по сторонам, он подошёл к двери. С натугой дёрнул на себя и ввалился внутрь, явно ожидая чего-то нехорошего.

Внутри было немного теплее, но не до такой степени, чтобы можно было тут же согреться. На счастье, печь имелась, как и запас дров, сложенных пирамидкой подле сооружённого кем-то очага. Не бог весть что, но лишь бы работала. Он принялся лихорадочно искать в полумраке спички и, обходя довольно просторную комнату, наткнулся на придвинутый к стене стол. Одежда висела на нём балахоном, с неё капало, его лихорадило и трусило так, что зубы гремели, выбивая такт какой-то давно забытой мелодии. Возле стола две грубо сколоченные табуретки, на столе допотопная керосиновая лампа, огарок свечи, шахтёрский фонарь на аккумуляторе и... коробок спичек.

О чудо! Коржин едва не взвыл от радости. Акцент делался, прежде всего, на то, что заблудившийся или просто уставший до смерти путник не будет иметь сил расходовать свою последнюю, едва сохранившуюся энергию: для него и было приготовлено всё сразу.

Через несколько минут огонь уже пылал внутри печки, и в помещении начало постепенно теплеть. Снаружи завывал буран и бесился ветер. Огонь мерно гудел, дрова потрескивали и Коржин, наконец, освободившись от мокрой одежды, мог её развесить на верёвку, протянутую над очагом. Теперь можно и осмотреться.

На печке стоял железный, закопчённый со всех боков чайник, в дальнем углу, прислонившись к бревенчатой стене, располагался жбан с затхлой водой, которой, очевидно, не пользовались уже много лет. Раскрыв дверь, он попытался набрать чайником снег, но в лицо ударили сотни тысяч мелких игл, сразу забив рот, нос и уши. Превозмогая колючую боль, он ухитрился зачерпнуть ком снега, навалился на косяк и еле успел закрыть дверь, прежде чем её снесло порывом бешеного бурана. В голове отчего-то всплыла недавно прочитанная им статья в научном журнале, что американское астрономическое агентство НАСА в 2018 году, с помощью космических челноков распылило вокруг атмосферы два миллиарда швейных иголок, и они стали кружиться по орбите подобно миниатюрным спутникам Земли. Для каких целей это было сделано, в статье не говорилось, а может он просто не придал в тот момент этому факту должное значение. Ну и бог с ними, с этими иголками. Сейчас не до этого.

Единственное оконце было занавешено изнутри пологом выцветшего старого одеяла, при соприкосновении с которым оно едва не рассыпалось у него в руках. Жестяные банки, обнаруженные им на полке, были наполовину заполнены крупой, мукой и какими-то сухими травами. Была даже солонина — твёрдые, как кирпичи куски оленины. Он был настолько голодным и уставшим, что на такие мелочи уже не хватало сил: хуже диареи ему всё равно не будет, ну разве что ещё и рвота — в конце концов, не самый худший вариант в его создавшемся положении.

Сварив кашу и настругав в котёл солонины, он утолил зверский голод, поглощая ржавой ложкой похлёбку едва ли не кипятком. Пару дней ему непременно предстоит провести в этой хижине, пока не закончится буран, поэтому, кое-как насытившись, он принялся осматривать комнату, мысленно решая, что ему делать дальше.

Прислонившись в углу косяка двери, стояли две пары старых, дышащих на ладан лыж, похожих на широкие снегоступы. Две пары закаменевших от времени валенок дополняли картину давно покинутого жилища. Брезентовые штаны и меховая парка вся изъеденная молью. Оленья шапка. Два ржавых капкана, висящие на бревенчатой стене, две миски, тупой нож, ложки, пара кружек — жестяные, как и миски.

Шахтёрский фонарь с мощным, но уже отжившим своё аккумулятором, выдавал едва различимую полоску света, и бывший егерь решил приберечь зарядку на случай какой-нибудь неприятности.

Вернувшись к настилу, покрытым соломенным тюфяком, он принялся обследовать внутренность прикроватной тумбочки, выдвинув ящик и заглядывая в него. Тумбочка была пуста, если не считать огрызка карандаша и...

Коржин на миг застыл. То, что он увидел, повергло его в шок не меньше того, как он впервые узрел загадочный монолит над тундрой.

В тумбочке лежала... газета.

Все мысли сразу вылетели напрочь, стоило только взглянуть на заглавие первой страницы и дату. Сложенный вчетверо газетный лист был датирован... 24-м августа следующего, грядущего года.

Егерь на минуту бессмысленным взглядом уставился в потолок, где от очага плясали причудливые тени. Что-то жутковатое было в них, словно в неведомом танце закружился хоровод карнавальных масок — с клювами, хвостами, веерами перьев. Коржин потряс головой.

...В статье на заглавной странице говорилось, как некий куратор сейсмологических станций полуострова, вместе с научными сотрудниками института исследований, обнаружили недалеко от станции «Таймыр» неопознанный инородный объект сфероидной формы, висящий над землёй и не подающий никаких признаков активации. Неопознанный объект был обнаружен в прошлом году неким егерем Коржиным, который исчез при загадочных обстоятельствах. Егеря так и не нашли. Он исчез внезапно, оставив на месте исчезновения ружьё и трансивер в рабочем состоянии. Впрочем, есть сведения, что на станции «Таймыр», ровно через месяц после исчезновения сотрудника, таинственным образом погибла одна из девушек, работавшая там вахтовым методом. Начальник станции якобы перед смертью девушки видел этого самого егеря во дворе, а потом, получив от него удар по голове, потерял сознание. Поиски пропавшего длились ещё полтора месяца, но результатов никаких не принесли.

Коржин ошалело вглядывался в статью, абсолютно не понимая, что именно он читает. Газета-то была датирована будущим годом, который, по его собственным подсчётам, ещё не наступил.

Ну а дальше, вообще пошла какая-то несурезица.

...На прошлой неделе, по словам очевидцев, работающих в карьере изыскателей, во время ночного дежурства, один из научных сотрудников, дежуривших в ту ночь, оповестил всех под утро, что инородный объект в виде огромного сфероида исчез, что называется, прямо у него

на глазах. Испарился в пространстве, сгинул, будто провалился в пустоту. Проснувшаяся команда (около сорока человек) увидела перед собой лишь пустую тундру и небольшую вмятину на промёрзшей земле — точно под основанием некогда висевшего объекта. Во время своего пребывания на полуострове инородный шар не произвёл никаких враждебных или агрессивных действий. Более того, он вообще не выказывал никаких признаков «жизни». Журналисты решили донести читателям эту невероятную историю только сейчас, спустя год, однако история ещё не закончена, и они будут держать своих подписчиков в курсе всех, связанных с ней событий.

Дальше под статьёй шли различные умозаключения и комментарии ведущих специалистов в области уфологии, и Коржин, отложив газету, не стал их читать. Голова и так шла кругом. Их выводы, в общем-то, сводились к одной и той же мысли:

Шар — это инопланетный НЛО, а смерть сотрудницы — происки егеря, сбежавшего со станции, и загадочным образом, появившимся вновь спустя месяц после своего исчезновения.

Вот, собственно, и всё.

Но дата!

Эта была газета будущего года. Ведь он ещё не побывал на станции, находясь сейчас здесь в сторожке рыбаков, за несколько десятков километров от места будущих событий, которые ещё, собственно, и не произошли!

Каким образом газета могла оказаться здесь?

Коллапс времени? Он попал в будущее? Или, наоборот, сама газета попала из будущего в его настоящее время? И если второе вернее первого, то кто её сюда доставил? Кто положил её в тумбочку? Кто был здесь до него, если ничего не тронута уже несколько лет???

Чертовщина какая-то, сплюнул на пол Коржин. Вдруг накатила волна страха. Сердце начало метаться внутри грудной клетки. Пульс забился как дробь армейского пулемёта. Тревога!

Он вскочил на ноги, едва не опрокинув шахтёрский фонарь. Дальше что?

Дальше было необъяснимое.

Некое материальное воплощение неведомой опасности теперь находилось прямо здесь, в комнате, у него за спиной. Медленно, чтобы не спровоцировать никакой агрессии, он обернулся и... в недоумении отпрянул от стены

Стена светилась.

Сложенная из кедровых брёвен, она издавала свечение, которое раньше он не заметил из-за отблесков огня, гуляющих по потолку. В хижине не было ни лампочек, ни розеток, ни выключателей.

Послышался слабый хлопок, затем комнату озарил неоновый луч света, и голограммный экран изображения появился на стене. На развернувшейся панораме в мельчайших деталях перед ним предстала карта того места, где он сейчас находился. Географическими координатами были обозначены Пясинский залив, береговая линия Карского моря, их собственная станция «Таймыр», а светящейся пунктирной линией был обозначен его маршрут, пройденный им до того, как его всосало внутрь космического мегалита. Дальше была тундра, и в конце карты, жирным крестом пульсировала его хижина.

Ему показывали координаты его местонахождения.

...Что произошло дальше, он позже не вспомнит. На этом и закончился его загадочный сеанс. Карта исчезла, а самого егеря прошло электрическим током, отчего он повалился на бок и застыл до следующего утра, не теряя сознания.

Для чего ему показали голограмму, он так и не осознал, провалившись в небытие. Сознание покинуло его, оставив в реальном мире лишь его пустую оболочку в форме уставшего и измождённого тела.

Коржин уснул.

№ 17.

Снежная вьюга постепенно утихала всю ночь, и к утру окончательно успокоилась. Рассвело быстро. Ветер утих. Пора было заняться подготовлением к походу. То, что ему каким-то образом предлагали вернуться на станцию, он помнил смутно: всё казалось поутру неким кошмарным сном с двигающимися тенями на потолке. В каком направлении идти, он понятия не имел. Компаса у него не было, следовательно, ему нужно продвигаться просто на север, ориентируясь в тундре по природным подсказкам. По его расчетам, от хижины оленеводов до метеостанции было никак не меньше 150 километров — по тундре, мерзлоте, ледяной пустыне. Ему предстоял весьма долгий путь — с опасностями, голодовкой, непонятными аномалиями и риском попасть в зубы волкам или медведям.

Солонину он ещё раз проварил, разрезал на несколько десятков тонких кусков, повесив их сушиться на ту же верёвку, где вчера подсыхала одежда. Проверив снегоступы и отбив камнем валенки, он почистил и привёл в порядок меховую парку, сложил узлами верёвку, пересчитал драгоценные спички, почистил один из капканов, и уже к вече-

ру был готов выступить в многодневный изнурительный поход сквозь безликие массивы снежной тундры. К вечеру в капкан угодила полярная куропатка. Отварив её в котле, Коржин обглодал косточки, а мясо прокоптил на углях, с чем и уснул, намаявшись за день своими нехитрыми сборами.

А проснувшись рано поутру он покинул хижину, имея в наличие валенки, капкан, нож, котелок, фонарь и спички. Верёвку он обвязал вокруг пояса, накинув сверху оленью парку и нахлобучив на голову меховую шапку. Ступать в снегоступах было неловко, но уже спустя несколько сот метров он к ним приловчился, делая передышки через каждые полчаса. Мороз щипал нос и уши, однако идти оказалось не так трудно, как он первоначально ожидал. Его вовсе не удручал тот факт, что, уходя, он, в буквальном смысле, обчистил сторожку до основания. Тут, либо пан, либо пропал. Неизвестно ещё, сколько времени в неё не будут забредать следующие путники, а самому выжить ему сейчас было просто необходимо. Дрова он оставил, свечками не пользовался, капкан прихватил только один, а что до фонаря, так ему и так «жить» оставалось считанные часы.

Погода после ночного бурана стояла на удивление тихая и ясная. Шапка и рукавицы грели отменно, валенки были сухими, продвигался он относительно без усилий — идиллия, да и только.

Где-то в этих местах, по поверьям старых рыбаков и шаманов, некогда, на заре человечества была Гиперборея — об этом как-то рассказывал Раевский, уютно расположившись в комнате отдыха с остальными сотрудниками базы. Где-то здесь, на этих безмолвных просторах должны находиться загадочные мегалиты таймырского Стоунхенджа. Экспедиции, обнаруживавшие эти непонятные нагромождения каменных идолов и сферолитов, затем неведомым образом исчезали бесследно, оставляя после себя лишь послания в запечатанных бутылках с едва прорисованными картами своих маршрутов, которые потом находили на берегах бесчисленных рек, прорезавших полуостров от запада до востока и от юга до севера.

Заданный режим у него был таков: шестикилометровый переход — привал на обед — снова переход — затем ночёвка. Первые два дня погода позволяла придерживаться данного графика. Мясо куропатки и солонину он экономил, на ночь ставил капкан, а во время продвижения среди карликовых берёз и сосен иногда с ножом охотился на леммингов. Голод пока не мучил. Спички он ещё в хижине разрезал каждую на две части, и огня хватало. Однако, он прекрасно понимал, что на две

недели пути всех предусмотренных запасов ему не хватит — как ни экономя.

На утро шестого дня он, уже порядком облегчённый от запасов пищи, и остановившись на очередной привал, внезапно почувствовал что-то неладное. Последние несколько часов его нестерпимо терзал голод, солонина закончилась, лемминги куда-то исчезли, а за песцами ему было попросту не угнаться. Желудок отчаянно требовал пищи. По всем приметам и природным подсказкам намечался снежный буран, а ведь он не прошёл ещё и половины пути. Он замёрз. Губы его потрескались, отросшая борода торчала сосульками, глаза резало, в ушах пульсировала тупая боль, а по ночам его преследовали сны с жареными окороками и пирогами со сладкой начинкой. К вечеру седьмого дня ему попала замёрзшая, наполовину изглоданная тушка полярной лисицы — возможно, росомаха не доела или тундровая рысь оставила на потом. Возликовав в душе, он перенёс останки подальше от места, и пока разгорался костёр, вонзился зубами в сырую замёрзшую печень, едва не сломав себе передние зубы. Утолив кое-как нестерпимый голод, он обглодал косточки, оставив четыре тощих куска на следующие дни. Эта маленькая передышка лишь едва притупила его голодное состояние, но это дало ему возможность проспять всю ночь без кошмаров, окончательно не замёрзнув.

На восьмой день пути (по его сбившимся подсчётам) Коржин увидел вдалеке занесённые снегом каменные формирования, врытые в землю вокруг невидимого центра. Расположение камней в точности повторяло легендарные мегалиты, найденные в Британии: их было ровно двенадцать, по числу месяцев в году или знаков Зодиака в гороскопе. Единственная разница от Стоунхенджа заключалась в поперечных верхних плитах — их не было. Все одиннадцать глыб правильной прямоугольной формы стояли полукругом как колонны, образуя мистическую пентаграмму, видимую только с высоты птичьего полёта. Двенадцатая же, отдельно стоящая колонна, при ближайшем осмотре, представляла собой вырезанного из камня... мастодонта.

Собственно говоря, он даже не удивился. После того, как он побывал внутри космического сферолита и видел лабораторию для разведения новых форм жизни, ему уже ничего не казалось противоречивым. И казалось ли? Разум его был притуплен холодом, мысли в голове появлялись лишь о скорейшем утолении голода и, следовательно, до этих реликтов старины какой-то там Гипербореи ему сейчас не было никакого дела.

Он прямо и заночевал здесь, разведя костёр и сжевав последний кусок лисьего мяса.

А когда проснулся, ему показалось, что пальцы ног превратились в десять недоваренных картофелин — такие они стали чужие и омертвевшие. Занесённый снегом, он почти ползком придвинулся к костру, с облегчением взвывая: ноги просто затекли. Могло быть и хуже.

Капкан был пуст. Что толку смотреть на каменного мастодонта, если нестерпимый голод гнал его вперёд? Так он и шёл весь утренний переход, опустив голову от ветра, изредка бросая взгляд, намечая очередной ориентир. И так — до бесконечности. Пил он растопленный снег, еле передвигал ноги, вытаскивая поочерёдно, то правую, то левую из какой-нибудь снежной ямы, хрипел, обливался потом и тут же замерзал. Следующего перехода он, надо полагать, не переживёт — Коржин уже знал это. Ресурсы его организма были на исходе, голод и крайняя усталость преследовали каждый его изнурительный шаг, преодолев за последние два дня едва десяток километров, по пять за день.

Он часто слышал вдалеке леденящий кровь рык какого-то большого зверя, очевидно медведя; два или три раза в поле его зрения попадала не менее коварная россомаха, имеющая тактику запрыгивать жертве на спину, перегрызая шейные позвонки, а ночами его беспокоили полярные волки, боящиеся подойти к костру. Было ещё заострённое копыё, которое он выстругал ножом, но для охоты оно не годилось: лемминги были шустрые, а песцы оббегали его стороной, поэтому он пользовался им в качестве шеста для прохода по снегу. Несколько раз попадались заснеженные поляны с замёрзшими как сосульки ягодами. Тогда он набирал их в кружку, кипятил на костре и пил горячий отвар — это и спасало ему жизнь. Валенки набухли, превращаясь в настоящие тюремные колодки, но он их не снимал, боясь полного обморожения ног. Следующую ночь без пищи он не переживёт.

С этим неутешительным выводом он и уснул.

...В этот раз ему снились прожаренные в духовке свиные рёбрышки.

№ 18.

Сколько он ещё бродил по ледяной пустыне, он не помнил. Пролетали куропатки, под ногами шныряли лемминги, завывали вдали волки и почти вплотную пробегали наглые песцы, а он всё шёл и шёл, совершенно не разбирая дороги и не пользуясь никакими ориентирами. Внутренне опустошённый, заросший, истощённый до предела, он похо-

дил сейчас на замёрзший кусок льда, чудом передвигающийся в неизвестном направлении, куда глаза глядят — лишь бы идти, не падать, не замерзнуть. Питался ягодами, мёртвой замёрзшей падалью, а то и вовсе помётом, оставшимся от полярных птиц. В один из дней где-то вдалеке пролетел вертолёт с едва слышимым урчанием пропеллеров, но егеря даже не поднял головы, настолько был обессилен его организм. Он брёл вперёд, глядя под ноги, иногда натыкался на деревья, сворачивал в сторону, костёр разводил только на ночь, а спичек в его коробке оставалось четыре половинки. Начинаясь было буря неожиданно стих и это спасло ему жизнь. Природа, казалось, сжалась над ним, но он прекрасно осознавал, что это затишье не будет длиться вечно. Счёт времени он потерял, руководствуясь лишь бледным полярным солнцем: если светло — надо идти, если сумрак — нужно спать. И так день за днём.

Поэтому, когда в один из дней он снова увидел впереди себя серебристый матовый шар, парящий в нескольких сантиметрах от сугробов, он ничуть не удивился: этот непреложный факт его сознание отметило как очередную галлюцинацию, не более. Объект двигался параллельно его маршруту, плавно огибая деревья с прочей скудной растительностью, а когда нечто ячеистой структуры прошло сквозь его тело, Коржин почувствовал знакомое опустошение внутри, будто из него в мгновение ока выкачали все внутренние ресурсы организма. Поведение малого сфероида казалось, как бы осмысленным. Из оцепенения его вывело внезапное тревожное гудение. Между деревьями шагах в двадцати показалась хищная прищуренная морда россомахи, и она уже готовилась к прыжку, как вдруг... Пшик! — беззвучно выскользнул луч и в долю секунды испепелил животное. Меж тем, шар, как ни в чём не бывало, вернулся назад и застыл возле егеря, словно приглашая его внутрь.

Замкнутое пространство иного мира поглотило его в себя, и последнее, что он смог ощутить, прежде чем провалиться в небытие, это восхитительное тепло, накатившее на него волной. Вот тогда-то и освободилась душа — стало легко-легко, даже почудилось: не сама ли судьба вырвала его из объятий ледяной мерзлоты? Дальше — пустота, гиперпространство, и сладостная нирвана воспарения.

Бросок сквозь иное измерение был мгновенным. Перед воротами базы и техническим двором метеостанции, в двух шагах от водокачки, малый сфероид материализовался в воздухе, раскрыл створки, «выплюнул» из себя оттаявшее тело егеря, и «отплыл» по воздуху на недалёкое расстояние, словно наблюдая со стороны, что последует дальше.

Коржин помутневшим взглядом обвёл территорию и упёрся в радиорелейную установку, рядом с которой стоял снегоход их начальника станции.

Со стороны водокачки послышался хлопок, вершина гидронасоса озарилась неоновым светом, и воздух тут же пропитался озоном. Рядом раздался встревоженный лай Бадильона. Собака пробежала мимо него и, не обратив абсолютно никакого внимания, кинулась за ограждение водокачки, где и пропала из вида. Шатающейся походкой он подошёл к двери жилого блока, принялся колотить кулаками и пытался пробраться внутрь, но чувство какой-то нереальности заставило его отступить. Он даже слышал всхлипывания Лизы, спрятавшейся внутри барака, но выкрикнуть что-либо утешительное не успел. Девушка закричала.

Снести дверь плечом было делом нескольких секунд, и егерь даже не поразился той могучей силе, невесть откуда вдруг взявшейся. Звук крика доносился из комнаты отдыха. Стремительно рванувшись в коридор, егерь едва не споткнулся об огнетушитель, валявшийся на полу и, машинально схватив его, ворвался в комнату отдыха, где и замер на месте.

...Лиза лежала на полу с проломленным черепом, а над ней с гаечным ключом в руке, отведённой для замаха, склонился... начальник метеостанции Раевский. Прежде чем Коржин успел что-либо сообразить, рука с ключом обрушилась второй раз, инструмент глубоко вошёл внутрь черепной коробки, и послышался противный чавкающий звук, будто в склизкую мокрую грязь со всего размаху шмякнули что-то тяжёлое. Хлюп! Затем ещё удар. Хлюп! Начальник нанёс три удара ключом, прежде чем Коржин, выйдя из оцепенения, наконец, заорал. Во время ударов жертва вначале хрипела, а позже и совсем затихла. При этом, погружая со всего размаху ключ в то, что осталось от головы, Сергей Борисович удовлетворённо подвывал и сладострастно причмокивал губами, словно пробовал на вкус экзотическое блюдо, поданное в ресторане.

Обернувшись на дикий крик егеря, он ослабил хищным звериным оскалом и изрыгнул рык проклятия, видимо, сожалея, что его застали на месте расправы. Безумные, красные глаза, взгляд похожий на взгляд серийного маньяка. Коржин едва узнал их — настолько глаза Раевского были безумными и отрешёнными от окружающей его реальности. Миг был коротким. Тут же, разъярённый и только что убивший девушку начальник метеостанции кинулся на непрошеного свидетеля, сделав в воздухе гигантский прыжок, однако Коржин уже нёсся по коридору, отбросив огнетушитель в одну из комнат. В луже крови остался

одинокий обрывающийся след левой ноги, обутой в такие же пимы, как и у егеря, с таким же рисунком и похожими стежками по краю подошвы. Впрочем, этот факт выяснится много позже, когда вся история с гибелью Лизы выплывет наружу благодаря усердным расследованиям Ильи Фёдоровича — научного сотрудника, прибывшего вместе с Павлом Семёновичем. Пока же, убегая от обезумевшего профессора, Коржин кинулся к радиорелейной установке, где его в два прыжка настиг разъярённый убийца. Оба ввалились в помещения радиорубки, где запутались ногами в проводах, упав друг на друга. Снаружи послышался лай собаки. При падении ключ отлетел в сторону егеря и, схватив его дрожащими руками, он совершенно рефлекторно, защищаясь и не осознавая, что делает, со всего размаха впечатал в затылок своего начальника. Тот, издав нечленораздельный рык, тотчас обмяк, повалился кулем навзничь и, прислонившись к стене как мешок с цементом, замер окончательно. Сознание покинуло его, он остался недвижим.

Ошеломлённый во всех отношениях егерь только теперь заметил, что всё ещё держит окровавленный ключ обеими руками. Коротко вскрикнув, он выронил его из рук, и инструмент с глухим стуком упал к ногам поверженного.

Прошло несколько секунд, прежде чем Коржин начал постепенно приходиться в себя. Обхватив голову руками, он застонал от безысходности. Рядом никого не было, а он уже знал из газеты, что убийство коллеги припишут ему, и никто не будет иметь понятия, что именно здесь произошло. Как он докажет, что убийца не он, а всеми уважаемый начальник метеостанции, впавший в безумие по неизвестным никому причинам? Как он объяснит своё отсутствие, продлившееся более месяца, а ещё нелепее — своё чудесное возвращение внутри «малого» сфероида, доставившего его сюда будто по заказу? Что могло повлиять на разум Раевского, чтобы он, подобно маниакальному монстру, мог сотворить такое?

И будто назло всему, снаружи послышался нарастающий звук приближающегося снегохода. Послышался весёлый лай Бадильона, который, впрочем, сейчас же оборвался и пропал напрочь.

Во двор на «буране» въезжал Андрей.

Егерь испугался! Что делать? Он ведь ничего не докажет, если Андрей увидит его стоящим над поверженным начальником станции, да ещё и с валяющимся рядом инструментом.

Нет. Оставаться здесь нельзя ни в коем случае. Нужно время, чтобы всё как следует осмыслить, прийти в себя, собрать улики и доказа-

тельства, а потом уже являться с ними к народу, отстаивая свою непричастность к убийству.

Забежав за агрегат гидронасоса, егерь едва перевёл дыхание, тут же нос к носу столкнувшись с Бадиком, который вначале глухо зарычал, потом принялся и завилал хвостом, признав в оборванном незнакомце хозяина. Матовый сфероид, словно ожидавший подобной развязки, немедленно «подплыл» к ним в воздухе, обволок два силуэта своей прозрачной сферой, поглотил в себя и, колыхнувшись в пространстве, издал глухой хлопок. Затем исчез в пустоте, будто его и не было. Со стороны это выглядело ослепительной вспышкой, потом — хлопок!.. И ничего.

Сгинул. Испарился. Дематериализовался. Унёсся в пространство с нулевой гравитацией.

Последнее, что Коржин услышал, прежде чем покинуть базу столь оригинальным образом, был изумлённый крик Андрея, выбежавшего на крыльцо жилого блока. Труп был найден. Всё стало ясно. Именно об этом событии напишут потом в газете, которая лежала сейчас в его внутреннем кармане. Однако всё это придёт гораздо позже. Собака лизнула его в обмороженную руку, и они помчались внутри сферы куда-то вдаль, сквозь пространство, сквозь время — навстречу бесконечности.

Глава 4. КАРЬЕР ИЗЫСКАТЕЛЕЙ

№ 19.

Источник — anomalien.com

«Эта история случилась в ноябре 1959 года, когда над португальским городом Эвора был замечен висящий в небе шар необъятных размеров. Директор местной школы пытался рассмотреть объект в телескоп и заметил нечто, похожее на механическую медузу.

Объект раскачивался и двигался по небу с огромной скоростью, иногда останавливаясь и внезапно направление. В конце концов, он замер в воздухе примерно на полчаса, а затем улетел, оставив жителей в небывалой панике. Сразу после этого на город выпали странные осадки в виде белых студенистых нитей, укравших все белой «паутиной».

С места событий были эвакуированы люди. Выпавшие нити были хрупкими и легко разрушались, но военные и учёные из Лиссабонского университета смогли взять образцы странного вещества. Анализ показал схожесть с известными на Земле одноклеточными организмами.

Во время исследования выяснилось, что «паутина из Эворы» имела активно действующие щупальца, проявлявшие реакции, которые наблюдали под микроскопом. Щупальца были образованы параллельными нитями, соединённые студенистым веществом похожим на обычный клейстер. Каждая нить была прозрачной. Внутри можно было увидеть маленькие тельца, которые со временем росли и увеличивались в размерах. Щупальца исходили из центрального «тела», в котором было отверстие, обрамлённое тонкими узорами. В веществе, из которого оно состояло, были видны складки или трещины. Наблюдения проводились до тех пор, пока щупальца и центральное тело не распались сами собой.

Исследователи Лиссабонского университета неофициально заявляли тогда, что «микроорганизм из Эворы» представляет собой странное существо, неизвестное земной биологии, и его можно считать первым обнаруженным свидетельством внеземной жизни.

В 1978 году на факультете естественных наук университета в Лиссабоне вспыхнул пожар, уничтоживший все доказательства того, что нечто из Эворы действительно существовало. Законсервированные образцы инородных организмов погибли в пламени, не оставив после себя никаких следов.

Позже, этот феномен стали называть «Паутиной Эворы».

На данный момент повторить опыты с неизвестным микробом не представляется возможным из-за отсутствия образцов».

Таким образом, тайна Эворы не раскрыта и по сей день.

№ 20.

...Прошли десятилетия после этого загадочного случая и почти год после описываемых ранее событий.

Тогда, десять месяцев назад, Лизу похоронили скромно, рядом со станцией, не привлекая прессы, однако о «странном» происшествии и исчезнувшем затем коллеги, всё же стало известно. Каким образом просочилась информация, никто не знал. Приехавший в день убийства куратор станций Павел Семёнович со своими помощниками застали на базе удручающую картину. Сергею Борисовичу, начальнику метеостанции была оказана медицинская помощь. Он два дня пролежал в своей комнате, соблюдая постельный режим. Ухаживала за ним Антонина.

После всех опросов, сопоставления фактов и проведённого расследования, ни у кого не оставалось сомнений, что убийство совершил егерь Коржин, исчезнувший на время, а затем каким-то образом, поя-

жившийся на базе. После жуткого происшествия он снова исчез: теперь уже навсегда, в неизвестность. Вместе с ним пропал и пёс.

Благодаря неограниченным полномочиям куратора станций дело постепенно замяли, однако осадок чего-то загадочного, до конца невыясненного, непонятного и необъяснимого всё же остался. Прежде всего, Илье Фёдоровичу и Степану Сергеевичу (главному инженеру всех сейсмологических станций полуострова) не давали покоя отпечатки следов в луже крови. Восстановленная по рассказам Андрея и Раевского полная версия происшедшего, да и сами показания потерпевшего порою шли врозь со здоровой логикой и их собственными выводами на основании расследования. Здесь явно было что-то не так...

Однако на фоне последующей затем сенсации, убийство сотрудницы базы постепенно отошло на второй план и затмилось более грандиозными событиями, всколыхнувшими весь научный мир до основания. Происшествие на базе приобрело локальный статус, и оплакивать девушку, не имевшую к тому же никаких близких родственников, предстояло теперь только самим членам вахтенной экспедиции. Научный мир, как, впрочем, и пресса на время забыли о ней, поскольку случилось другое.

Космический «пузырь», как его окрестили сотрудники базы, исчез...

Карьер был пуст, и о непонятном госте из глубин Вселенной возвещала лишь углублённая впадина на месте, где он некогда покоился над землёй, не проявляя никаких признаков «жизни». Это произошло спустя десять месяцев после происшествия на базе. Команда станции «Таймыр» продолжала работать в привычном им режиме, разве что частенько вспоминали Лизу и исчезнувшего убийцу-егеря. Вчера Павел Семёнович, приехавший на станцию, озабоченно кинул на стол свежую газету и с гневом выдал:

— Вот, полюбуйте! Журналисты уже и в карьере всё разнохали, сколько мы не пытались скрыть данный факт. «Пузырь» пропал, зато нагрязнили эти дармоеды.

Василёк схватил в руки свежий номер и принялся читать вслух. В столовой вокруг него сгрудились остальные члены базы, повисла гнетущая тишина. Тоня — единственная оставшаяся на кухне после смерти Лизы, уже убирала со стола, напомнив куратору станций, что тот вскоре обещал пополнение в их коллективе.

— Да помню! — недовольно отмахнулся он. — Вот разгребём эту неприятную оказию, тогда и пришлю вам двух человек. Женщину и мужчину. Мне эти журналисты, чтоб их черти съели, вот где сидят! — он выразительным жестом провёл ладонью поперёк горла. — Через три

дня жду вас там, — обратился он к Андрею с Раевским. Василёк останется здесь, на базе, а вы оба нужны мне в карьере. Илья Фёдорович уже там, Степан Сергеевич тоже. Будем думать, что делать дальше. Новых членов вахты встретят ребята. Тоня подготовит комнаты, Витя поедет их встречать. Они придут на вертолёт. Всё. Я отбыл.

За хлопнувшей дверью послышалось:

— Прохор! Заводи свой танк. Нам к вечеру в карьере надо быть.

И уехал.

Друзья снова перечитали газету.

В одной из рубрик описывалось исчезновение загадочного сферолита, в другой, в который уже раз упоминалось происшествие на станции «Таймыр», случившееся десять месяцев назад, когда была убита сотрудница базы.

Сергей Борисович Раевский абсолютно не помнил, что именно произошло в тот день. Точнее, он помнил, но помнил только то, что на него напал егерь и, убив девушку, каким-то невероятным образом исчез вместе с собакой. Вот, собственно, и всё, что выдавала ему память. Ни нападения на Лизу, ни гигантского прыжка в сторону Коржина, ни разводного ключа в руке он не помнил, как, впрочем, не помнил и сам факт убийства, что именно он, а не егерь был причастен к нему. Память заблокировалась сама собой. В тот момент ему мерещилось, будто он каким-то невероятным образом, без всяких усилий, воспарил в вышину божественно зенита, и уже оттуда, с высоты небесной канцелярии наблюдал за своими кровавыми действиями, словно потусторонний зритель из ложи театра. Сам он, настоящий, был в вышине, а там, внизу, погружая с размаху ключ в череп девушки, находился совсем не он, не его сущность, а некая демоническая ипостась, принявшая облик начальника станции. Потом было расследование, опросы, показания. Все остановились на мнении, что убийство совершил егерь Коржин. Все, кроме Ильи Фёдоровича.

Однако Раевский об этом ничего, разумеется, не знал.

Проснувшись утром, они наскоро перекусили, сели на задние сиденья снегоходов, и Тоня с Витей отвезли их к тому месту, где десять месяцев назад они обнаружили следы Коржина. Сергею Борисовичу с Андреем предстояло пройти через тундру тем предполагаемым маршрутом, по которому в своё время двигался егерь, пока не исчез, оставив. Простившись с друзьями, которые развернули квадроциклы и поехали назад на базу встречать новых членов вахты, оба путешественника, нагруженные рюкзаками, отправились в путь, надеясь преодолеть этот отрезок тундры за трое суток, добравшись в карьер к указанному сро-

ку. Там их будет ждать Павел Семёнович. Они бы с удовольствием взяли с собой Бадика, но верный пёс, казалось, канул в вечность, как и сам его хозяин.

Погода стояла на удивление тихая и спокойная — лучшая пора заканчивающейся в тундре осени: ещё неделя, и в эти суровые края нагрянет её величество зима. Местность в этом участке вечной мерзлоты была похожа на застывшую в веках величественную трясину, образовавшуюся на месте падения некогда огромного метеорита. По преданиям, эта глобальная катастрофа произошла несколько сотен лет назад, и охотники за пушниной обходили эти места стороной. Здесь часто в воздухе концентрировались различные испарения. Газовые образования вырывались из недр земли словно гейзеры, и мор в таких случаях был повальным: окажись здесь одинокий путник, охотник или просто турист — незамедлительно бы погиб, не оставив после себя никаких следов.

Они об этом знали. Именно через такое «гиблое» болото и продвигались сейчас путешественники. Порядком уставшие и вымотанные, они, наконец, добрались до более-менее подходящего для лагеря места, скинули рюкзаки, осмотрелись, и решили заночевать именно здесь.

— Хорошо, что палатку не пришлось тащить, — выдохнул, отдуваясь, Андрей. Они ограничились спальными мешками, посчитав, что на две ночёвки, она, собственно, и ни к чему: лишний груз да и только.

Кругом, огибая небольшой островок со всех сторон, простирались мшистые болота, в которых при ходьбе хлюпала и чавкала зелёная ти-на, вместе с водой попадая хоть и в резиновую, но не всегда выручавшую обувь. Где-то фыркнула россомаха и вспугнула стаю тундровых куропаток. Шмыгнул в кустах песец, блеснув в тусклом солнце своим пушистым мехом. Путешественники развели костёр, разогрели на огне по банке тушёнки и продолжили разговор, начатый ещё на подходе к поляне. Говорил как всегда в основном профессор, Андрей же старался не пропустить ни одного слова. Уже не раз он замечал на протяжении этих десяти месяцев, что рассуждения и воспоминания Раевского насчёт происшествия на базе не всегда вяжутся со здравым смыслом, заставляя Андрея и Василька (с которым он постоянно делился своими сомнениями), пересматривать свои выводы и заключения. Тут было что-то не так...

— Возьмём, к примеру, тот малый шар, — меж тем размышлял начальник станции, — о котором по рации кричала Лиза, что он якобы появился ниоткуда и спалил половину водокачки. Вместе с ним каким-то образом одновременно появляется и Коржин. Не улавливаешь некую связь двух событий? Малый шар, я думаю, есть некий отделившийся

сегмент от того «пузыря», что до недавних пор находился в карьере Павла Семёновича. Вот и будем считать, что этот малый сфероид, каким-то необъяснимым нам образом смог отделиться от «матки», перенести внутри себя егеря и, освободив его на станции, спалить ко всем чертям нашу водокачку. Дальше, очевидно, после того как Коржин, опять же, по непонятным нам причинам убивает девушку, гонится за мной, нападает, бьёт по голове, но не успевает из-за твоего появления расправиться со мной, шар снова «забирает» его внутрь, на этот раз вместе с собакой. Нам неизвестны мотивы убийства. Что его заставило так надругаться над девушкой? Какие причины?

— Вы хотите сказать, что Коржин не пешком добрался до базы? Что его переместил туда этот малый сфероид?

— Выходит именно так. Иначе, каким образом они могли оказаться там одновременно, а потом сгинуть? Телепортацию, Андрей, ещё никто не отменял. Мосты Эйнштейна-Розена хоть и существуют в образе гипотез, однако их видели ни один раз, причём очевидцы были незнакомы и жили в разные времена. В 2017 году китайским учёным удалось телепортировать фотон на один из орбитальных спутников, находящийся в пятистах километрах от нашей планеты. Другой же известный пример, это магнитные порталы, служащие тоннелями между магнитными полями Земли и Солнца. Это участки пространства, где магнитное поле Земли соединяется через некое «устье» с магнитным полем нашей материнской звезды, образуя тоннель длиной в сто пятьдесят миллионов километров! На основе данных, полученных в агентстве НАСА, мои коллеги выяснили, что магнитные порталы открываются и закрываются раз в несколько тысяч лет, а, возможно, и с какой-либо периодичностью — мы пока не знаем. Находиться эти порталы могут, как в сотнях тысяч километрах от поверхности, так и на самой планете, здесь, среди нас.

Он подкинул веток в костёр и поднял палец вверх:

— А теперь представим на минуту, что тот пузырь в карьере... и был этим порталом, попавшим к нам на Землю через «мост Эйнштейна-Розена». Ничто тебе не напоминает?

— Этот малый шар, что на базе...

— Отделился от пузыря-матки, — кивнул Раевский, — захватил с собой попавшегося «под руку» егеря и перенёс в себе на какое-то условное расстояние — в данном случае к нам на станцию, — закончил за Андрея начальник. — Именно в те дни, насколько я помню, ты мне рассказал о якобы внезапно остановившихся циклонах. Помнишь? По всей видимости, это событие точно таким же образом связано с появ-

лением в нашей атмосфере этого загадочного космического «пузыря», а позже, и с отделившимся от матки малым шаром, который перенёс Коржина к нам на базу. Помнится, ты мне рассказывал, что уловил волну радиопередачи, в которой сквозь помехи доносилось что-то... — он напряг память. — Ну-ка, напомни мне, старику.

— Передавали, что якобы на несколько минут обездвижились все животные, обитающие в пределах Пясинского залива, а может и всего полуострова Таймыр, — пояснил Андрей. — Но я плохо расслышал, поэтому утверждать не могу.

— Вот! — заключил профессор. — Это ведь тоже произошло в тот день, когда мы ждали Павла Семёновича, а затем исчез Коржин. И в этот же день, теперь я уж точно уверен, появился наш пресловутый «пузырь» из космоса. Следовательно, дружок мой, здесь всё взаимосвязано. Показавшееся нам в тот момент инертное поведение чужеродного гостя, и их неагрессивное, как бы апатичное состояние не должно вводить в заблуждение. Наоборот, я думаю, они крайне опасны и могут свети человека с ума. Пример тому — наш егерь.

При этих словах Сергей Борисович втянул носом воздух, поморщился, оглянулся, обводя взглядом тёмное болото за отблесками костра:

— У каждого чувства есть свой вкус, Андрей. Учёные доказали, что при страхе на языке появляется солёный привкус, при досаде и тоске горький, при блаженстве сладкий, а при зависти — кислый. У тебя какой сейчас? Ничего не чувствуешь?

...И тут же, как мешок с песком, теряя внезапно сознание, повалился на землю, уткнувшись лицом во влажный мох болотной тундры. Вслед за ним, не успев ответить и толком осознать, в мох уткнулся и Андрей. Всё произошло настолько неожиданно, что оба застыли в нелепых позах.

В центре заросшего трясинной кратера, оставшегося после некогда упавшего в этих краях метеорита, что-то булькнуло, вздыбилось, и на поверхность зеленоватой жижи из недр болота вспучился воздушный столб. Достигнув своей критической точки и издав оглушительный хлопок, один из сегментов тромба лопнул, наполняя воздух едкими миазмами. Всё живое в пределах досягаемости смертоносных испарений повалилось на землю, застыв без движения на несколько минут. Полярные совы наравне с белками посыпались гроздьями с деревьев, песцы, словно наткнувшись на невидимую преграду, замирали на месте, переворачивались на спины и застывали с поднятыми вверх лапами. Пробегавшая невдалеке россомаха уткнулась хищной мордой в лишайник, да так и замерла на месте, испустив последний выдох. Даже тундровый

гнус, казалось, комьями начал осыпаться на вязкую поверхность болота, словно хлопьями снега покрыв километровой радиус действия губительного газа. Воздух спрессовался, сгустился. Всё замерло. Ни звука, ни шелеста, ни шороха, ни ветра. Путешественники так и остались лежать в нелепых позах, не подавая абсолютно никаких признаков жизни.

№ 21.

Дальше было совсем непонятное.

Они пролежали так без движения около минуты, когда к ним по воздуху «подплыл» неопознанный объект сферической формы, раздулся, обволок их, вобрал в себя, и сгинул в пространстве, издав на прощание негромкий хлопок. На всё про всё ушло не более десяти секунд. Шар испарился так же быстро, как и появился. Газовые образования постепенно растворились в воздухе, а затем и вообще исчезли, уступив место чистому живительному озону. Птицы вспорхнули на ветки, мошкара тучками поднялась над болотом, россомаха рыскнула дальше, а песцы, вскочив на лапы, даже не заметили своего непонятного состояния. Природа возвратилась к жизни.

Шар в мгновение ока перенёс путешественников на несколько десятков километров вперёд и исторгнул из себя близ сторожки оленеводов, где прежде до них побывал их коллега Коржин. Освободившись от «пассажиров», объект покачался в воздухе, просканировал лучами местность и, издав хлопок, исчез в пространстве как лопнувший мыльный пузырь. Всё затихло.

...Первым пришёл в себя Андрей. Увидев своего начальника в нелепой позе, распластанным на сырой земле, он тут же подполз к нему, схватив за воротник куртки. Раевский вздохнул, открыл глаза. Взгляд его, поначалу бессмысленный, обвёл местность и вернулся к своему напарнику. Теперь оба сидели, оглядываясь по сторонам.

— Ты что-нибудь понимаешь? — хрипло, как после простуды спросил начальник станции. В голове что-то шумело, а конечности казались невесомыми.

— Только то, что нас каким-то образом перебросило в иную местность. Мы что, были в обмороке?

— Похоже на то, — опираясь на плечо друга и поднимаясь, констатировал профессор.

— Оба? Одновременно?

— Видимо, нас на болоте обволокло какими-то неизвестными испарениями и, надышавшись ими, мы одновременно отключились. Смот-

ри... — он указал рукой на видневшуюся среди деревьев ветхую хижину. — Нас взяло и перенесло за несколько десятков километров от кратера, пока мы были без сознания. Вопрос только, для чего и зачем? Часы ни у тебя, ни у меня не работают. Факт? Возможно, и Коржин подобным образом перемещался в пространстве, а мы с тобой как раз и посетили этот пресловутый «мост Эйнштейна-Розена», о котором я тебе рассказывал. Точнее, не мы его посетили, а он нас. Нас в мгновение ока перенесло в другую точку тундры. Этот пустынный край с вечной мерзлотой славится своими побегами заключённых.

Андрей присмотрелся к едва заметному строению.

— Ночевать всё равно где-то придётся. Рюкзаки наши остались на болоте. Так отчего и не в этой сторожке? Следов человека пока не наблюдается, — он осмотрел лишайник под ногами. — Может, рискнём? Всё же, какая-никакая, а крыша над головой. От этого проклятого гнуса уберёмся на ночь.

Всё было тихо, умиротворённо. Рядом на ветках прыгали полярные белки, у порога расположилась брошенная кормушка для оленей. Можно было смело заходить.

Спустя несколько минут оба приятеля расположились внутри сторожки, оставив дверь раскрытой настежь, чтобы проветрить помещение. Пахло плесенью и нестерпимо гнилью. Плита была покрыта изнутри недавней сажей, значит, ею кто-то пользовался. Ни лыж, ни обуви, ни верхней одежды. Зато дрова в углу, приготовленные для следующих путников. Всё как полагается. Кто-то ночевал, оставил запас дров и несколько спичек для растопки.

Проснувшись поутру и вскипятив чайник, они слегка перекусили, затем, покидая уже вполне гостеприимную сторожку, Сергей Борисович, внезапно что-то вспомнив, подошёл к тумбочке, выдвинул ящик и положил внутрь газету, которую прихватил с собой.

— А оставлю-ка я её здесь: авось кто-нибудь и почитает после нас. Такие же, забредшие сюда бедолаги.

— Лишь бы не зеки... — кивнул, выходя Андрей.

...Это была та самая газета, которую впоследствии найдёт егерь Коржин. Но это будет позже, совсем в ином измерении. Совсем в иной альтернативной реальности. Парадокс Эйнштейна-Розена тому и есть доказательство.

Покинув хижину, они направились в сторону озера на северо-восток, поскольку карта этого участка тундры осталась в одном из рюкзаков, теперь они ориентировались лишь по природным приметам. Три часа назад они уже останавливались на небольшой привал: выпили по

кружке горячего кофе из термоса, затем снова пошли. Развели костёр и сварили кашу из той крупы, что нашли в сторожке.

В это время в карьере изыскателей...

№ 22.

...а, точнее, ещё ранее, по всему периметру лагеря... лежали одни мертвецы.

Вповалку.

Десятками.

С перерезанными горлами или убитые в упор из ружей.

Безумство началось с исчезновением загадочного сферолита. В лагере началось смятение, переросшее затем в крайнюю стадию паники. Люди из команды геологов изменялись психически прямо на глазах. Помешательство и безумие буквально скосило несколько вагончиков за два дня. Землекопы, сотрудники, исследователи и даже люди из группы «Космопоиск» бросались друг на друга, резали глотки, кромсали тела и крошили головы, чем придётся или что попадалось под руку. У кого были ружья — стреляли в упор, совершенно не осознавая своих действий. Разум в одночасье покинул буквально всех, кто находился в карьере, включая бригадиров, группу охраны и самих учёных во главе с Ильёй Фёдоровичем. Всю задействованную технику разобрали на запчасти и, взорвав баки с горючим. Водокачка была подожжена и сгорела вместе с другими техническими складами и помещениями лагеря.

Два дня и две ночи пылал подожжённый карьер, распространяя по тундре сладковатый запах горелого человеческого мяса. Более полусотни рабочих и сотрудников методично истребляли друг друга в течение двух суток, не разбирая, кто есть — кто. Многие сгорели заживо, остальные бродили по лагерю и близлежащей округе с безумными глазами, словно зомби в фильме ужасов об апокалипсисе Земли. Их движения были автоматическими, они ничего не понимали, имея лишь желание истреблять ещё оставшихся в живых. За два дня карьер изыскателей превратился в обугленный лагерь смерти: в ход шли рычаги, цепи, штaketники, части от гусениц. К концу второго дня в лагере не осталось ни одного здравомыслящего человека. Все были либо растерзаны, либо убиты из ружей, либо валялись с перерезанными глотками. Это была настоящая бойня. Жертвам вырезали органы, вываливали кишки, потрошили безвольные тела, выгрызали сочную печень и высасывали сырые, ещё дрожащие как желе мозги. Трупы валялись повсюду.

Павла Семёновича убили в первый же день всеобщего безумия. Прохор, водитель вездехода, с остекленевшим взглядом вошёл в вагончик, где обитало начальство, с отрешённым выражением на лице разрядил свой дробовик прямо в упор куратора станций, превратив тело своего шефа в сплошное месиво кровавых ошмётков. То же самое он сделал и с помощником Павла Семёновича, когда тот с ужасом вскочил из-за стола, на котором лежали разложенные карты карьера. Прохор, абсолютно не ведая, что именно творит в эту минуту, хладнокровно распорол живот Степану Сергеевичу. У водителя ещё хватило времени распотрошить труп, вынуть тёплую печень, насладиться вкусом стекающей крови, вынуть кишки и повесить их между двумя лампочками, как новогоднюю гирлянду возле домашней ёлки. Хлюпая сапогами по кроваво-красным лужам, безумец тут же, начисто забыв о содеянном, покинул вагончик, сам вскоре попав под нож своих коллег по безумию: ему размозжили голову, а тело разрубили на части строительным топором. Прохор был забыт.

Илья Фёдорович повезло больше.

При первых признаках всеобщего помешательства, он закрылся в одном из подвалов, и просидел в нём, пока сарай сверху пылал всю последующую ночь. Когда остов сарая начисто сгорел, он обожжёнными руками кое-как вскрыл дверцу и, задыхаясь от гари, выполз наружу.

То, что он увидел вокруг себя, привело его в самый настоящий ужас, граничащий с тем же безумием. Вероятнее всего, его спас шарф, которым он прикрывал рот и нос от удушливого дыма, и эти неизвестные испарения, которые оставил после себя исчезнувший мегалит, не смогли пробраться в его лёгкие, как тем бедолагам, что, надышавшись ими, тотчас потеряли всякий рассудок. Перед ним предстало настоящее пепелище, похожее на шквал прокатившейся разрухи. Лагеря изыскателей больше не существовало. Кругом дымились груды тлеющих углей и валялись вповалку обожжённые трупы. Из пятидесяти с лишним человек, работавших в карьере, в живых остался он один.

Впрочем, нет. Не один. Где-то поблизости бродил последний безумец, убивший и растерзавший предпоследнюю жертву, и тем самым, оставшийся в живых. Теперь их на весь лагерь двое: не потерявший рассудок научный сотрудник исследовательского института и, собственно, выживший из ума полужомби-получеловек, с единственным желанием истреблять себе подобных. Вот только, где он? Нужно было что-то делать, но Илья Фёдорович не мог осмыслить, что именно нужно предпринять в первую очередь.

Прежде всего, оружие и вода.

Озираясь по сторонам, весь в копоти и ожогах, Илья Фёдорович бросился к почти обгорелому вагончику начальства, где и обнаружил ужасную картину убийства двух его коллег. Павел Семёнович был буквально разнесён выстрелом в упор, а тело Степана Сергеевича было выпотрошено до основания. Это было не просто убийство, заметил про себя научный сотрудник, это было самое настоящее надругательство над уже мёртвым трупом, будто убийца развлекался и получал наслаждение от разделки туши, как мясник на скотобойне.

Осторожно обходя дымящиеся развалины, он цепким взглядом выискивал среди валявшихся повсюду трупов какое-нибудь оружие. Винтовка погибшего охранника ему бы явно не помешала. Один, обуглившийся труп, привлёк его внимание своей нелепой позой. Руками он висел на колючей проволоке, окружающей прежде место парения «пузыря» над землёй, а ногами...

Их попросту не было. Тело расчленили, и причём, весьма искусно. Ноги бедолаги валялись отдельно.

Сняв с одного из трупов пустую флягу, он наполнил её горькой от сажи водой, а уже позже, покидая сожжённую водокачку, он почувствовал в себе мерзкое послевкусие: вода отдавала горелым мясом челювечины. Это был вкус смерти.

На помощь он не рассчитывал. Вертолётная площадка была разрушена до основания, а рации перестали работать в тот момент, когда исчез загадочный сфероид. Копаясь в обгорелой одежде трупов, он не считал себя мародёром, поскольку выворачивал карманы не ради наживы или какой-нибудь ценной находки, а ради выживания, ради того, чтобы добраться до людей. Спустя несколько часов в его распоряжении были уже нож, фонарь, верёвки, и самое главное, ружьё! Он подобрал его возле одного из охранников и чувствовал себя теперь относительно спокойно, если можно было себя так чувствовать.

Где-то поблизости треснула ветка, но это оказался тундровый пещ, привлечённый к лагерю запахом разлагавшейся мертвечины. К вечеру второго дня этот запах стал невыносимым, поскольку к нему ещё добавлялась вонь обгоревшего человеческого мяса.

Всё это время он ни разу не сомкнул глаз; рюкзак его теперь был набит до отказа провизией и предметами первой необходимости. Вздутые от пожара банки тушёнки составляли его рацион, а хищников становилось всё больше. Он не так боялся диких зверей, как того самого зомби, бродившего поблизости.

А он был...

Илья Фёдорович слышал его.

Глаза слипались от бессонницы. Выдержать ещё одну ночь, во что бы то ни стало! Одну только ночь! Потом он отойдёт от лагеря на порядочное расстояние, заберётся днём в попавшийся овраг, и провалится в сон до следующего утра.

Разогрев на костре очередную банку тушёнки, он, сморщившись от вкуса горелого мяса, едва протолкнул его в себя, перевязал обожжённые пальцы и уставился в огонь, сжимая приклад винтовки между колен. Мерное потрескивание костра умиротворило измождённое тело, и учёный провалился в небытие.

...Тут-то на него и напали.

№ 23.

Оказывается, их было двое.

Каким образом они не убили и не растерзали друг друга, так и осталось загадкой. В первый же вечер убив выходящего из вагончика водителя Прохора, они узнали вкус сырой печени. С этого момента они начали охотиться сообща, выгрызая печень у своих жертв, а когда живые исчезли, принялись за падаль. Тут-то они и заметили странного живого бродягу, всего почерневшего от копоти, который отличался от ходячих зомби своим поведением. Он ходил среди трупов, подбирал вещи, и самое главное — не ел человечину. Наконец, умиротворённый тихим потрескиванием костра, он склонил голову, прижал винтовку и уснул так глубоко, что можно было смело подходить, не боясь его оружия. Что они, собственно, и сделали.

Не сговариваясь и не обмениваясь словами, оба каннибала напали сразу с двух сторон, издав голодный рык. Ничего не понимая, но следуя инстинкту самосохранения, он чисто автоматически, на уровне подсознания, выстрелил в метнувшуюся к нему тень и разворотил внутренности людоеда напрочь. Перезарядить Илья Фёдорович не успел, поскольку с другой стороны на него напал второй зомби, явно не осознав, что его подельник уже корчится в кустах с развороченными кишками. Напавший сомнамбула начал душить ещё не совсем проснувшегося незнакомца и, урча от наслаждения, впился зубами в шею. Илья Фёдорович начал задыхаться.

И тут произошло неожиданное.

Уже теряя сознание и, мысленно прощаясь с жизнью, учёный вдруг услышал... лай собаки.

Сознание угасло. Оторвавшись от его горла, рычащий от злобы каннибал, попытался встать, но был снесён яростно накинувшейся со-

бакой. Бадильон (а это, разумеется, был он) навалился на тело и про- тяжно завыл.

Всё оказалось просто. Малый сфероид «доставил» их сюда, и Кор- жин с собакой оказались перед разрушенным пепелищем. Бадильон не- довольно зарычал, и шерсть на его загривке встала дыбом. Коржин принюхался. Так может пахнуть только поджаренное на огне мясо. Егерь не поверил своим глазам, и его едва не вырвало от отвращения. Трупы! Кругом лишь трупы! Обгоревшие, расчленённые, без рук, без ног, иные без голов. Настоящая бойня!

И это лагерь карьера?

С какой необъяснимой целью шар доставил их сюда? Зачем?

Сладковатый запах человечины был повсюду.

Бадильон глухо зарычал и бросился в кусты. Выскочив за ним, егерь увидел жуткую картину. Пёс уже сидел над поверженным телом, а рядом лежал... Илья Фёдорович, их научный сотрудник базы. Но в ка- ком виде! Учёный не подавал признаков жизни. Было видно, что его горло только что пытались перегрызть, но один зомби уже валялся за- стреленный, а второй покоился под лапами собаки, сам став жертвой разъярённого пса.

Коржин бросился к остывающему телу учёного. Вампиризм? Людо- едство? Каннибализм? Что здесь произошло? Какая неведомая сила бу- квально скосила весь лагерь изыскателей, превратив его в поле ис- требления?

Илья Фёдорович едва слышно застонал, изо рта выступила пузыря- щаяся пена, заливая собой подбородок, шею и расстегнутый воротник куртки. Коржин огляделся. Скорее всего, среди этих обгоревших мерт- вцов лежит где-то и куратор станций со своим помощником, возмож- но, с перерезанным горлом и вынутыми кишками.

В течение получаса он обрабатывал рану учёного и бинтовал укус на шее. Медикаменты он нашёл в рюкзаке, как, впрочем, и провизию с остальными вещами. Затем уложил пострадавшего удобнее у костра, и сам порядком проголодавшись, решил перекусить, оставив осмотр раз- рушенного лагеря до наступления утра.

...Так и просидели они до самого рассвета: Бадик принюхивался, Коржин дремал, учёный находился в небытие.

А в это время, в нескольких десятках километров от разрушенного лагеря...

№ 24.

Теперь Андрея было не узнать.

Начальник станции в смятении бросил взгляд по сторонам, однако уже было поздно.

Та винтовка, что лежала ближе к Андрею, вдруг оказалась у него в руках, и сейчас была наведена прямо в упор жертвы.

— Андрюша... ты что?

Голос у Сергея Борисовича был скорее удивлённым, нежели испуганным. О своей винтовке он даже не подумал. Да и от кого защищаться? От своего приятеля или коллеги по станции?

— Ты что?

— А вот что! — прорычал Андрей, взводя курок. Глаза его пылали гневом, но это были не глаза яростного человека. С уголка оскалившего рта тонкой струйкой свисала тягучая слюна, однако Андрей (или то, во что он превратился несколько минут назад) этого абсолютно не замечал.

— Это ты убил Лизу! Ты! Грязная скотина, ты думал, я не распознал сразу, что это был не Коржин?

Ствол ружья упирался едва ли не в грудь Раевскому, и от неожиданности, профессор не знал, что вымолвить. Они только что закончили ужинать, уже готовились устроиться под деревом на ночлег, как вдруг с его другом в мгновение ока произошла какая-то непонятная метаморфоза. Из приятного собеседника он вдруг превратился в угрожающего и агрессивного обвинителя, совершенно не осознавая своих действий. Раевский и сам чувствовал себя не лучшим образом, но приписывал своё необъяснимое состояние, не то газу на болоте, не то воздействию сфероида, который доставил их сюда по всем его предположениям. Андрей буквально на глазах начал подвергаться какому-то внешнему воздействию, и за одну минуту превратился в жуткого соседа, который накинулся на профессора с заряженной винтовкой.

— Побойся бога, Андрей! — опешил Сергей Борисович. — Какая Лиза?

— Наша Лиза!

— Но... но я не убивал её.

У Сергея Борисовича Раевского вдруг отчётливо всплыли едва различимые видения: он с ключом в руке над поверженной девушкой, затем прыжок через всю комнату, погоня за егерем, удар огнетушителем, обморок...

Звук выстрела оборвал его, и без того, призрачные видения.

— На! Получай, ублюдок! — это был последний человеческий возглас, который он услышал в своей жизни. Голову разнесло в клочья, мозги ошмётками облепили ближний кустарник и, падая навзничь, будто мешок с песком, тело бывшего начальника метеостанции, конвульсивно дёрнувшись, застыло навсегда. Всё было кончено за две секунды.

Андрей осмотрел место убийства пустыми глазами, сплюнул под ноги вязкую слюну и отчего-то проверил заряд дымящейся винтовки.

Совершенно не понимая, что только что произошло, полоумный лунатик пихнул тело ногой, подобрал рюкзак и, не оборачиваясь, пошёл прочь, даже не затушив костёр. Сомнамбула уходил, оставляя безжизненную массу на съедение тундровым рысям, песцам и рососохам.

...Что-то странное и неведомое витало в воздухе.

Где-то в кустах за деревьями, в нескольких метрах от трагедии, колыхался над землёй малый сфероид, словно наблюдая за только что случившимся. Но Андрей, разумеется, его не заметил.

Не до того было...

№ 25.

...В это же самое время, только в сорока километрах восточнее от места трагедии, верный пёс Бадильон будил своего хозяина, тыкая мордой между лопаток. Несколько раз научный сотрудник базы открывал глаза, обводил вокруг себя взглядом, но по-прежнему оставался безучастным.

Коржин проснулся. Первой мыслью было: что делать? До станции три дня пешком, техника вся разломана, рации не работают. Был бы он один — взвалил бы рюкзак, свистнул собаку, и пошёл, не глядя, благо сейчас не зима. Но с раненым куда подашься?

...Продумать план своих дальнейших действий он не успел.

Упругая волна спрессованного воздуха сбила его на землю. Он упал спиной в присыпанную яму, тут же провалился по пояс, не имея возможности за что-либо уцепиться. Стремительный порыв ветра разметал искры костра на расстояние нескольких десятков метров, в грудь садануло ударом молота и отшвырнуло из ямы к ближайшей сосне, впечатав спиной в ствол дерева. Фраза «хрень собачья...» была его последней фразой, произнесённой при утихающем сознании, а с такими словами, как известно, в рай не пускают. Илью Фёдоровича, как и его спасителя, перевернуло на бок, прижало к земле и, просвистевший сверху

вихрь, издав рёв, умчался ввысь, обрушив на учёного массу сухих веток. Воздух наполнился электричеством. На поляну, покачиваясь и, паря в пространстве, выплыл серебристый шар — меньший «брат» космического мегалита.

Просканировав тело учёного лучами, сфероид переместился ближе к егерю, издал едва ощущаемую вибрацию и застыл на месте, как бы «приглашая» проследовать внутрь. На всё про всё ушло не более десяти секунд. «Вобрав» в себя невольных пассажиров, шар раздулся в объёме, вспыхнул, издал оглушительный хлопок и... исчез, оставив после себя едва заметную точку.

И только два трупа, лежащих в нелепых позах, напоминали о недавно произошедшей в этом месте трагедии.

Ни Коржина, ни собаки, ни самого Ильи Фёдоровича больше в этой реальности не существовало.

Глава 5. ВСПЛЕСК ГРАВИТАЦИИ

№ 26.

...А в это время на станции «Таймыр» Витя-Василёк, всегда спавший так, что и пушкой не разбудишь, отчего-то вдруг дёрнулся во сне, открыл глаза и уставился в потолок, по которому блуждали призрачные тени. Луна светила в окно, ветер во дворе колыхал верхушки чахлых деревьев, отчего на стенах и потолке создавались иллюзии мистических «театров теней». Витя не был суеверным. Мало того, он всегда подшучивал над своими коллегами, когда те заводили разговоры о поверьях шаманов или религиозных ритуалах, до сих пор существующих в рыбацком посёлке среди старых погонщиков оленей. Встречаясь с каюрами, он в шутку предлагал обменять их ритуальные бубны на бутылку чистого спирта, чем нередко приводил почтенных старейшин в недоумение.

Два часа назад он расставался с Тоней, они разошлись по своим комнатам, чтобы немного поспать после нудного и тревожного дня, проведённого ими в ожидании каких-либо вестей. На базе они остались вдвоём, и уже третий день не находили себе места, строя бессмысленные догадки и предположения, отчего вдруг пропала связь с Раевским и Андреем, ушедшими к карьере изыскателей. С Павлом Семёновичем связи тоже не было, и это тревожило обоих ещё сильнее. Три дня они строили догадки, однако ни к какому результату и не пришли: коллеги как сквозь землю провалились. Вахта смотрителей станции, образно го-

воря, перестала существовать. Витя вызывал Дудинку, Норильск, Диксон, однако и они были недоступны. Молодые люди оказались в локдауне: ни звуков, ни вызовов, ни передач. Даже помехи в эфире не были похожи на обычную статику, всегда заполнявшую каналы радиоволн в любое время дня и ночи.

Проснувшись, Витя бросил взгляд на светящийся циферблат своих механических часов, подаренных ему на день рождения от всего коллектива базы.

Часы стояли...

Он не поверил своим глазам. Часы самозаводящиеся, их не нужно заводить каждые сутки, и они никогда прежде не останавливались!

Стрелки часов стояли ровно на двенадцатой отметке, минута в минуту, секунда в секунду. Наверное, есть что-то злодейское в тот кратчайший миг, подумал Василёк, когда все три стрелки сливаются воедино, создавая мистическую иллюзию потусторонних сил.

Витя выбрался из-под одеяла и поспешил к комнате Тони. Девушка тоже не спала, проснувшись, по её словам, несколько секунд назад. Она стояла в проёме двери, вглядываясь в пустое чёрное пространство коридора, и едва не вскрикнула, когда Витя подбежал к ней.

— Ясно, — выдал он, поразмыслив. — Нас что-то разбудило одновременно, ровно секунда в секунду. Часы остановились. Света нет ни внутри, ни снаружи. Я прихватил фонарик, — включил он луч рассеянного света. — Ты как? Не испугалась?

— Жутко как-то... — прошептала Тоня, когда они вошли в комнату радиосвязи. — Прожекторы во дворе тоже выключены, — припала она лицом к оконному стеклу, пытаясь разглядеть тёмную территорию двора. — Даже столовую не вижу.

— Это оттого, что луна зашла за тучи, — попытался успокоить девушку Витя.

Так и просидели они в комнате пульта управления всю ночь, пытаясь настроить приёмники на входящую волну. Аппаратура молчала. Едва забрезжил рассвет, они выбралась на улицу, первым делом осмотрев трансформаторную будку, но ничего утешительного для себя не обнаружили. Все релейные платы, стабилизаторы и адаптеры передачи тока были либо расплавлены, либо превратились в сгустки обугленных проводов, со всеми исходящими отсюда последствиями. Без главного инженера станционных комплексов здесь было понятно: трансформаторная будка не подлежала ремонту и превратилась в полный хлам. Её буквально разворотило, а то, что главный инженер Степан Сергеевич уже три дня как был мёртв, Витя, разумеется, не имел ни малейшего

представления. Связь отсутствовала, и теперь они были отдалены физически не только от карьера изыскателей, но и от остального мира в том числе.

К десяти утра Витя уже знал, что не работают квадроциклы и снегоходы. К двенадцати часам стало понятным, что станция обесточена надолго. К двум часам дня он обнаружил, что радиорелейная установка превратилась в такой же бесполезный хлам, как, собственно, и водоканал с трансформаторной будкой. Теперь от них не было никакого проку. К трём часам они с Тоней пообедали, разогрев на спиртовке то, что девушка успела приготовить за день, и пришли к неутешительным выводам, что они вдвоём остались одни на расстоянии двухсот километров до ближайших людей в карьере, и четырёхсот километров до ближайшего цивилизованного города — в данном случае Диксона. Был ещё посёлок рыбаков на берегу залива, но Витя решил навестить туда позже, поскольку там в это время года проживали лишь дремучие старики, да женщины с малолетним потомством. Всё зрелое население было задействовано на промыслах, вылавливая в Карском море косяки рыб, и не возвращавшись в посёлок месяцами, живя на сейнерах до окончания рыболовного сезона.

Таково было положение двух молодых людей к вечеру четвёртого дня после трагедии. Посетившая их волна непонятной природы вывела из строя всю механическую технику, не говоря уже об электронной. В их распоряжении были только фонари, кухонная плита с баллоном газа, да спиртовка, на которой они разогревали еду. Предстояло решить, останутся ли они здесь, или попытаются пешком добраться до лагеря, в котором, по их предположениям, находятся их друзья. За ужином пришли к выводу, что, прежде чем отправиться в лагерь, нужно навесить посёлок рыбаков, в котором находился стационарный передатчик, имеющий связь с сейнерами рыбаков и радиостанцией Диксона. Там люди. Там цивилизация.

— Меня больше интересует, почему о нас до сих пор никто не вспомнил? — усомнилась Тоня, укладывая в рюкзак Вити бутерброды, термос и пару бутылок спирта в качестве подарков местному шаману. Они решили, что Василёк рано утром спустится с сопки, наведается в посёлок и выйдет на связь с друзьями, затем к вечеру вернётся, и там они уже будут действовать в зависимости от полученных указаний. Тоня останется ждать его до темноты в столовой, и если он по какой-то причине задержится в пути, она закроется в жилом блоке, ожидая его до рассвета. Таков был план.

— Связи уже нет четвёртые сутки, — продолжила она, пока Витя проверял карманы и обувь: темнело быстро, а утром должно быть всё готово ещё спозаранку. — Неужели Павел Семёнович не заметил, что не может связаться с «Таймыром»?

— Я тоже думал об этом, — вздохнул Витя. — Тут что-то не так. Будто накрыло нашу станцию каким-то невидимым куполом, отгораживая нас от мира. Мы оказались в изолированной локации и сейчас похожи на двух букашек, засунутых в стеклянную банку с герметичной крышкой. Ни дать, ни взять — подопытные кролики для какого-то эксперимента...

Была ещё одна причина покинуть базу. Из-за отсутствия электричества прекратилась подача воды из без того уже сломанной водокачки. Запасов в баках оставалось на два-три дня, не более.

...И над всем этим — занавес полярного сияния: жёлтые, зелёные, пурпурные сполохи, с тихим шелестом парящие и танцующие в чёрном, негостеприимном небе.

№ 27.

Тоня ещё спала, когда Витя вышел из ворот станции, быстрым шагом направившись вниз в долину Пясинского залива. Имея за спиной рюкзак и заряженное ружьё, пройдя половину пути по тундре без особых приключений, он через два часа вышел к краю возвышенности, на которой располагалась их метеостанция. Дальше шла уже береговая линия Карского моря с базарами птиц, прибрежными скалами, мокрым мхом и лежбищами тюленей. Сразу повеяло морской свежестью, водорослями и гниловатым запахом птичьего помёта. Василёк стал спускаться вниз, где его взору предстала деревня поморов. С берега доносились крики буревестников, крачек и плескание нерп. Избы с высоты сопки казались угрюмыми, словно их покинули ещё прежде, чем рыбаки вышли в море. Что-то было не так...

Отчего не лают собаки? И где, собственно, сами люди, которые всегда встречали зрителей станции с великим радушием, заранее зная, что те никогда не приходят без подарков или сувениров?

Несколько десятков хижин стояли пустыми, и от этого покинутого жилья будто веяло страхом смерти — неминуемой, нелепой, странной и жуткой. Посёлок был пуст. Двадцать или тридцать семей местных поморов исчезли напрочь. Обходя хижину за хижиной, он видел только удручающую пустоту, впопыхах брошенную посуду и необъяснимый беспорядок, словно обитатели убегали, оставляя нажитый скерб на волю неизвестной стихии, посетившей их внезапно как шквал промчав-

шейся бури. Похоже, волна всплеска гравитации добралась и сюда, отметил про себя Василёк, держа на всякий случай ружьё наизготовку. Мало ли что...

Очевидно, тот всплеск, который посетил их станцию, был не чем иным, как остаточным отголоском более мощного импульса, эпицентром которого был как раз этот посёлок. В одной из последних хижин, стоящих на отшибе посёлка, он обнаружил едва живого старца, сидящего в застывшей позе. Старше него, казалось, был только Ноев ковчег. В меховой куртке-малице, в мягких оленьих пимах, с бусами, амулетами на груди перед Витей-Васильком предстал шаман. Лицо у старца было землистое, под цвет внутренней обивки хижины. Раскачиваясь в такт какой-то внутренней мелодии, ненец совершенно, казалось, не интересовался окружающим его миром, витая в блаженстве накуренного дыма как наркоман в приступе блаженного экстаза.

— Приветствую тебя, Великий шаман! — выдавил из себя Василёк, пытаясь вспомнить, как в таких случаях учил его Сергей Борисович обращаться к древним вождям рода. — Прости, что побеспокоил. Примешь ли в гости одинокого путника, спустившегося с Большой сопки над твоим жилищем?

Старец перестал качаться, открыл глаза.

— Что привело тебя сюда, инородец?

Голос его был глухим, тягучим, но отчего-то располагал к себе с первых же секунд общения.

— Мне нужен ваш передатчик в посёлке.

— Присядь, отдохни, — указал он рукой на оленьи шкуры у стены, которая была вся украшена ритуальными масками, оленьими рогами, амулетами и прочей атрибутикой древних шаманских поверий. В углу дымился котёл с каким-то непонятым варевом, от которого по всему жилищу распространялся едкий запах. — Ты пришёл с вершины Большой сопки, я знаю.

Витя поджал под себя ноги, ружьё положил рядом, а рюкзак прижал к коленям, доставая из него флягу со спиртом. Алкоголь он взял с собой на всякий случай, памятуя о том, что все ненцы — без разницы, каюры они или поморы — весьма ценят спирт, как дань подарка в качестве гостеприимства. При виде фляги у старца оживились глаза.

— Ты из тех геологов, что следят за погодой в заливе Моржей, — констатировал про себя нойд, передавая жестяную кружку из рук в руки. Они уже сделали по глотку, и благодатное тепло разлилось по телу, отчего Василька обволокла невесомая нега, заставившая полностью расслабиться и снять первоначальное напряжение. Шаман что-то рас-

сказывал, попыхивая трубкой, а Витя слушал, всё больше погружаясь в состояние блаженства. Сделав несколько затяжек, предложенных ему стариком, он обнаружил, что «поплыл» окончательно. Что-то невесомое и лёгкое было в этом «табаке»; душа словно растворилась, воспарила вместе с дымом и зависла под сводом хижины, наблюдая с высоты за непослушным теперь телом. Шаман говорил тихо, с хрипотцой, будто убаюкивая гостя, и от этого мерного голоса у Вити начали слипаться глаза. Ему казалось, что он провалился в какое-то эфемерное царство теней, но пересилив себя, он заставил прислушаться к таинственному голосу вождя ненецких поморов.

— Люди ушли в тундру, — слышал он сквозь дремоту. — Большая беда сошла на нас с той сопки, где находится твоя станция. Было однажды... — долетало до сознания Вити, — давно ещё, в эпоху мамонтов, когда спускался к Земле шар с неба. Тогда, тысячи поколений назад, этот шар принёс с собой разруху и мор моим далёким предкам. Лихая беда пришла во все поселения древних людей моего племени. Дети умирали ещё в утробе матери, птицы и звери покинули привычные места, и предание гласит, что шар висел над полуостровом три зимы и три лета, уничтожив вокруг себя всё живое, что могло летать, ползать, нырять или стремительно бегать. Сначала смерть скосила всех мамонтов, мастодонтов, пещерных медведей и шерстистых носорогов. Не стало зверей — погибли от голода и саблезубые тигры с леопардами. Людей же — самых сильных и выносливых — косило целыми племенами. Древние шаманы — мои предки — говорили, что этот шар испарял вокруг себя какие-то «злые» лучи, заставляющие ветрами разносить смерть людям, истребляя и убивая друга.

Шаман сделал паузу, и Василёк попытался раскрыть слипшиеся от дурмана глаза.

— Такой же шар спустился и с твоей сопки. Четыре дня назад. Я знал о поверьях своих дедов, поэтому повелел всем женщинам с детьми, стариками и больным покинуть тотчас посёлок, забрав с собой только воду и продукты. Если бы они задержались дольше — началась бы СМЕРТЬ.

Василёк жадно выпил воду. В голове шумело. Ему казалось, что он только что испытал чувство полёта, возвратившись откуда-то с берега залива, где с высоты птичьего полёта видел тюленей, скалы, сопку и свою станцию, на которой его ждала Тоня. Нужно было добраться до передатчика и возвращаться назад, оповестив перед этим Диксон о своём нешуточном положении. Однако мысли его витали где-то высоко в небе, а шаман продолжал что-то говорить.

— Первый шар на памяти моих предков уничтожил цивилизацию Туле, которая являлась праmaterью будущих цивилизаций. Второй шар посеял смерть на просторах полуострова во времена поздней цивилизации Гипербореи, как вы ее называете. Такие шары смерти появлялись и позже, раз в несколько столетий, разрушая и истребляя всё живое на Таймыре. Всегда, при посещении космических шаров, на полуострове останавливались ветра, жизнь замирала, а люди и звери пожирали друг друга независимо от рода или племени. Так как наши рыбаки сейчас заняты промыслом на сейнерах, я принял решение отправить их жён, матерей и детей вглубь тундры, подальше от опасности. Шар последовал дальше, паря над тундрой, и я теперь не знаю, где он, и что принёс с собой в этот раз — какие беды и разрухи.

Шаман забил новую трубку, а Витя про себя отметил, насколько умён и рассудителен старик, оперируя перед молодым гостем такими научными фразами, что и сам профессор пришёл бы в изумление.

— А почему ты сам остался здесь, Великий шаман?

Старик печально вздохнул, как бы сбрасывая с себя груз всего мира.

— Я Хранитель знаний, традиций. Я старейшина рода, защитник своего племени. Я страж.

Витя задумался, решительно отказавшись от новой порции дурмана, который протянул ему старец. Трубка дымилась и наполняла хижину приятным ароматом, от которого и так кружилась голова.

— Некая сила вырвалась наружу из недр земли и устремилась в атмосферу, едва не лишив всю станцию электрического снабжения. Точнее, лишила. Сейчас там нет ни тока, ни света, ни воды, поскольку водоканал работала от внешнего напряжения. Там осталась Антонина...

— Я помню её, — пыхнул трубкой шаман. — Иногда, направляясь за почтой в Диксон, они с вашим профессором заглядывали к нам в гости. А что с остальными? Где они?

— В том-то и дело, — невесело ответил Витя. — Мы остались с Тоней одни. Остальные не выходят на связь уже четвёртые сутки. Наши приёмники накрылись, потому я и пришёл к вам, чтобы выйти на связь через ваш передатчик.

Он в двух словах рассказал положение дел, а когда дошёл до Коржина, старик его вежливо перебил:

— Ваш егерь не убивал девушку.

В воздухе повисла изумлённая пауза.

— А кто же её убил? Сергей Борисович говорил, что застал Коржина с ключом в руке над поверженной Лизой...

— Он же её и убил.

— К-кто?.. — запнулся Витя с отвисшей челюстью, хотя до этого в душе и чувствовал какие-то зыбкие сомнения ещё с того времени, как Илья Фёдорович проводил своё расследование. Андрей нередко потом делился с ним своими выводами, но подозревать профессора Раевского у Вити не хватало духу.

— Ваш начальник станции и сам не осознавал, что творил в ту минуту, — меж тем продолжал старик. — Он стал зависим от злых сил шара. Растерзав девушку, он погнался за егерем, но тому удалось защититься, скрывшись затем с собакой в неизвестном направлении.

— Куда?

— Этого я не знаю. Знаю, что теперь все они мертвы. Шар истребил и вашего куратора станций, и главного инженера, и самого Сергея Борисовича.

Челюсть у Вити отвисла ещё больше. В эту минуту он был похож на ученика в школе, сидящего за партой и узнавшего от учителя новое доказательство теоремы Ферма. Однако спросить что-либо он уже не успел.

Далёким взрывом на западной стороне бухты тряхнуло воздух, в уши ударила звуковая волна, и Вите показалось, что его барабанные перепонки унесло волной к соседним хижинам. Костёр у жилища шамана разметало по всей поляне, небо закрыли сплошные, внезапно появившиеся тучи, его отбросило к выходу и, уже выползая к ближайшему дереву, Витя успел увидеть, как на его глазах исчезает посёлок. Земля вздыбилась под ногами, образуя огромную воронку, в которую стремительными потоками начали срываться камни, мох, песок, лишайник, дервца и прочая растительность. Туда же, в зияющую бездну устремились и предметы, находившиеся близ хижины: забор, столбы радиопередачи, вихри золы и сама хижина, разваливаясь попутно на различные фрагменты строения. Последнее, что увидел Витя-Василёк, это как в открывшийся зев черноты низвергся старик, так и не успевший до конца поведать своему гостю тайну загадочного космического монолита. Шамана поглотила воронка смерча, а Витя, теряя сознание, успел подумать:

«Господи! Там же на станции Тоня. Одна!»

...И наступила темнота.

Долгая, зловещая и непонятная.

Посёлок рыбаков перестал существовать. Хижины, сараи, одинокие чумы, лодки, лежащие у побережья, растянутые для просушки сети — всё разметало по территории, превратив в полный хлам домашнюю ут-

варь, посуду и предметы обихода сразу нескольких десятков семей, ушедших заблаговременно в глубокую тундру по велению шамана. Витя лежал в нелепой позе среди поросли карликовой берёзы и тщетно пытался прийти в себя после промчавшегося над посёлком вихря. В таком же состоянии было и всё живое в радиусе нескольких километров. Моржи, тюлени, крачки, казарки, даже величественные альбатросы перестали на время выказывать признаки жизни — всё обездвижилось, сгустив вокруг себя пространство, подобно колыхающемуся пудингу.

Огромный монолит колоссальных размеров мерно проплыл над землёй, паря в пространстве в нескольких метрах от её поверхности. Это был тот же «пузырь», испепеливший лагерь изыскателей и заставивший их истребить друг друга, прибегая даже к людоедству.

Повсюду у Пясинского залива валялись упавшие птицы. Некоторые лежали лапами вверх, распластав по земле бесполезные теперь крылья, но большинство разбилось о камни, потеряв внезапно способность летать, будто только сейчас вылупились из яйца. Подобная катастрофа застала и наземную живность, включая прибрежных нерп, тюленей и моржей. Лишь касатки избежали этой участи вместе с глубоководными рыбами, очевидно, не подвергшись излучению благодаря толще воды солёного Карского моря.

Витя поднялся, отряхнулся и зашагал назад к станции, где его ждала Тоня. Не подобрав ружья, ни разу не оглянувшись на исчезнувший посёлок и не поинтересовавшись, на какую глубину в воронку упал шаман, Витя стал подниматься по склону сопки.

Вот тут-то его и накрыло. С головой.

Будто две противоположные личности столкнулись воедино в его помутневшем сознании: две полярности, две различные ипостаси — отрицательная и положительная. Уже поднявшись по склону к вершине сопки, он вдруг внезапно почувствовал, что за ним кто-то следит.

Василёк резко обернулся и только теперь вспомнил, что, покидая разрушенный посёлок, он беспечно бросил своё ружьё. Сейчас он был безоружен и за ним кто-то наблюдал.

— Эй! — позвал он, высматривая в чахлах кустах и деревьях очевидную опасность. Это мог быть кто угодно: от полярной рыси до коварной росوماхи, встреча с которыми в равной степени не сулила ничего хорошего. Рысь, если она голодная, может напасть сбоку; росوماха предпочитает бросаться сзади на шею, а медведь идёт просто напролом, и в редких случаях оставляет свою жертву живой — обычно остаётся только скелет.

Василёк приготовился к худшему...

№ 28.

Ровно в полдень (по солнцу) Тоня бесцельно шла к столовой, как вдруг воздух на её пути спрессовался, обрёл некую полярность и превратился в осязаемый сгусток в форме дымчатого сфероида. Она вскрикнула от неожиданности и едва не лишилась сознания. Мгновенный порыв вихря отбросил её к двери столовой и, теряя чувство реальности, она сильно ударилась поясницей о ручку двери: вскрикнула вторично — теперь уже от боли — и на миг погрузилась в небытие.

А когда пришла в себя спустя минуту, то почувствовала влажный шершавый язык у себя на щеках. Открыла глаза и вскрикнула третий раз, морщась от боли, но теперь радостно.

Виляя хвостом и поскуливая от восторга, её облизывал Бадильон собственной персоной, неизвестно каким образом оказавшись рядом. Девушка, глотая слёзы, радостно бросилась к нему, обняла и уткнулась во влажную шерсть холки. Бадик весело гавкнул и облизал руки хозяйки.

Ещё через секунду послышался голос, заставивший девушку вздрогнуть от страха и едва не закричать четвёртый раз, последний, но теперь уже от ужаса. Она узнала голос егеря, пропавшего около года назад при загадочном убийстве Лизы.

То, что она прежде приняла за сфероидный объект, внезапно пропало в пространстве, и вместо колыхающегося в воздухе шара, прямо напротив неё у ступеней в столовую материализовался Коржин. Из пустоты.

— Ч... что эт-то? — непонимающе выдавила она из себя, заикаясь от неожиданности.

Тот стоял над ней и что-то нетерпеливо говорил. Попытался поднять её, но девушка отпрянула в ужасе. Заметив её потрясённый взгляд, он недовольно пробурчал:

— Не бойся меня. Я не убивал твою подругу. Это сделал наш начальник станции. Слышишь меня?

Он снова наклонился к ней, но Тоня едва не завизжала от страха.

— Вот упёртая девка! — в сердцах выругался егерь. — Говорю тебе, я не убивал Елизавету. Позови, лучше, кого-нибудь, чтобы помочь. Где все? Где твой Василёк?

— Что... что вам надо от меня? — глаза у Тони были полны страха и слёз. Откуда он взялся? Бадильон меж тем, словно знал, что происхо-

дит, тянул хозяйку за рукав со своей стороны, будто приглашал её посмотреть на нечто из ряда вон выходящее.

...И тут Тоня увидела.

Господи! Илья Фёдорович!

Тело раненого лежало у Коржина за спиной, на одной из ступеней порога. Каким образом оно здесь оказалось, Тоня не имела ни малейшего понятия. Да и до этого ли сейчас было? Илья Фёдорович, научный сотрудник всех метеорологических станций полуострова истекал кровью, и нужно было срочно что-то предпринимать!

Девушка бросилась к раненому и принялась осматривать рваные, будто вырванные зубами раны на шее, временно забыв о егере. Кровь уже не пульсировала, но её вытекло столь много, что весь воротник куртки превратился в сплошной набухший комок алого почерневшего цвета. Кровь уже свернулась и подсохла.

— Аптечку! — выкрикнула Тоня куда-то в пустоту, на миг забыв о только что появившемся Коржине, собаке и, собственно, о самом сфероиде, доставившем их сюда.

— Что? — неловко переспросил егерь, топтавшийся рядом и не знавший, чем ещё он может помочь.

— Аптечку! — повторила девушка, прижимая рукой сонную артерию учёного. — Она в столовой рядом с рюкзаком. Быстро!

Даже не взглянув на Коржина, она принялась лихорадочно обрабатывать раны, пытаясь предотвратить заражение крови. В течение нескольких минут сменила перевязку, промыла место укуса перекисью водорода, сделала укол от столбняка и, с помощью егеря, разжав учёному зубы, протолкнула в рот таблетку антибиотика.

— Коньяк! В столовой. Быстро! Ему нужен глоток коньяка.

— У меня с собой, — бросился Коржин к своему, а точнее, к чужому рюкзаку. Девушка влила несколько глотков, и когда веки учёного вздрогнули, только теперь еле перевела дыхание. Из груди Ильи Фёдоровича вырвался тихий вздох, говорящий о том, что организм учёного постепенно начал восстанавливать утраченные силы. Всё это время Коржин не отходил от девушки, помогая ей, то одним, то другим своим действием. Молчали. Все разговоры и объяснения отложили на потом — сейчас главное не допустить возможного сепсиса — остальное придёт позже.

— Я перенесу его в комнату на кровать, а ты займись всем остальным, — предложил Коржин. — Бульон ему свари, одежду поменяй, что там ещё...

Только теперь Тоня, казалось, очнулась от сна. Бросив испуганный взгляд на егеря, она со страхом ответила:

— Сейчас вернётся Витя, он недалеко вышел.

— А остальные? Где Андрей, где Раевский?

Тоня не знала, что говорить дальше. Вроде бы, агрессии у егеря никакой не было, даже помогал обрабатывать раны. Она невольно посмотрела на Бадика, словно спрашивая у него, стоит ли сейчас доверять его внезапно появившемуся хозяину? Пёс сидел у изголовья раненого и шумно втягивал воздух — непонятный, необычный — пропитавший всю станцию, казалось, насквозь.

— Сергей Борисович с Андреем ушли четыре дня назад в лагерь изыскателей. Связь с ними потеряна. — Она не стала пока говорить, что связь потеряна не только с ними, но и с остальным внешним миром тоже.

К её удивлению, он больше не расспрашивал, а показал кивком головы, чтобы она помогла ему закинуть тело учёного на плечо. Спустя несколько минут они уже укладывали пострадавшего в постель.

...День прошёл в заботах.

Коржин обошёл всю станцию, проверил водокачку, покопался в трансформаторе, убедившись, что тот не подлежит ремонту, покормил Бадика, иногда наведываясь к Тоне и помогая ей в уходе за раненым. Сама девушка постепенно отошла от страха и невольно начала привыкать к возвращению егеря, поскольку он не имел никаких намерений причинить ей зло — так, во всяком случае, ей теперь казалось. После очередной перевязки Коржин принёс в комнату кофе. Наконец появилась возможность спокойно побеседовать. Вопросов друг к другу была бездна, и первой их задала Тоня.

— Его кто-то кусал? Рысь?

— Нет.

Коржин сделал глоток и начал свой рассказ.

Девушка сидела, вытянув руки на коленях, и слушала егеря с широко раскрытыми от изумления глазами.

В течение получаса Коржин рассказал ей всё, начиная с того злопаятного дня, когда он ушёл в тундру и пропал на долгие месяцы. Он поведал ей о гигантском «пузыре»; как его прошили неведомые лучи и он, будучи без сознания, оказался внутри мегалита в какой-то лаборатории. Рассказывая о малом шаре, который она только что видела, он упомянул сторожку оленеводов, газету, датируемую будущим годом, и о своём возвращении назад, когда внезапно обнаружил в комнате отдыха профессора Раевского, склонившегося с ключом в руке над уже

поверженной Лизой. Тогда-то он и попытался скрыться от начальника станции, но тот, догнав его у релейной установки, напал, отчего Коржину пришлось защищаться. Ударив кое-как своего старшего коллегу, ему, тем не менее, удалось спрятаться за водокачку, где их и «подхватил» шар вместе с собакой. Вот, собственно, и вся история. Лизу он не убивал.

Тоня слушала, и глаза её расширялись всё больше и больше.

Уже в конце рассказа егерь упомянул и лагерь изыскателей, и трупы, и разруху с голодными мародёрами-людоедами. По его словам, Большой шар исчез, оставив после себя настоящее «поле смерти». Там-то он и обнаружил Илью Фёдоровича, после того, как Бадик перегрыз горло одному из зомби. Второй валялся рядом, убитый самим учёным. Малый сфероид «вобрал» их в себя, и вот... они здесь, собственно говоря, и сам не зная, каким образом.

Бывший егерь закончил свой рассказ словами:

— Как видишь, Елизавету я уже застал мёртвой. Что происходило у вас дальше, я не имею ни малейшего понятия. Знаю только, что «пузырь» исчез, и все, кто находились в лагере изыскателей, теперь мертвы. Павел Семёнович, Прохор, Степан Сергеевич... Если до лагеря добрались Андрей с Раевским, то и они тоже.

Егерь развёл руками:

— Отсюда и утеря связи с ними. Зомби разбили и разворотили всю аппаратуру, а если бы она и осталась сейчас в рабочем состоянии, всё равно ответить было бы некому. Все мертвы.

Прошла минута. Тоня смотрела на спящего учёного и у неё текли слёзы. Столько сразу новостей, и ни одной хорошей...

Наконец она решила. Если Андрей с Сергеем Борисовичем добрались до лагеря и теперь были мертвы, то их на станции осталось четверо: она, Коржин, Илья Фёдорович и, собственно, сам Витя, в возвращение которого она по-прежнему верила. А это значит, что, не считая посёлка рыбаков, они сейчас единственные люди на расстоянии сотен километров до ближайших признаков цивилизации, а до Диксона, Дудинки и Норильска ещё больше. Поэтому и решила:

— Связи нет не только с лагерем. Её нет со всем внешним миром. Наши рации и приёмники не работают. Позавчера ночью нас накрыло здесь каким-то непонятным выбросом в атмосферу, и сейчас обесточена вся станция — вы сами видели, что осталось от трансформаторной будки. Витя вчера утром ушёл в посёлок, обещая вечером вернуться, но его до сих пор нет. — У девушки навернулись слёзы. — Я днём слы-

шала какой-то взрыв со стороны залива, и теперь думаю, что Василёк попал в беду. Вот, собственно, и всё. Потом появились вы...

Илья Фёдорович по-прежнему спал. Тоня вкратце обрисовала ситуацию и, слушая её, Коржин приготовил себе сменное бельё, бритвенный прибор, а когда она закончила, отправился в душевую в полном молчании, размышляя о только что услышанном.

Так прошёл вечер, и наступила ночь — вторая ночь отсутствия пропавшего Василька. Тоня осталась в комнате больного, а Коржин отправился спать в свою спальню.

Что последует утром, никто из них в этот момент не имел абсолютно никаких представлений...

№ 29.

...Почти минута прошла с того момента, когда Василёк крикнул «Эй!» и приготовился к худшему. Оружия не было, а это мог быть и медведь, и росомаха. Когда же из зарослей чахлой берёзы вышел Андрей, Василёк едва удержался на ногах от нахлынувшей внезапно слабости.

— Андрюха! — воскликнул он и бросился к другу.

Бросился, но тотчас остановился, смутно осознавая какую-то едва заметную перемену, произошедшую с его приятелем. Позже он вспомнит этот краткий миг. Что-то неуловимое, непонятное произошло с Андреем, и Василёк это почувствовал.

...Взгляд Андрея был пуст.

Он блуждал где-то далеко, поверх головы Василька, будто был устремлён в небеса, отыскивая в облаках то, что Васильку было отнюдь не ведомо. Это был взгляд, не то обречённого, потерявшегося во времени, не то больного психическим расстройством, вышедшего на прогулку в стенах пансионата для умалишённых. Такой взгляд Витя видел в американских триллерах, где зомби ходили по пустым улицам и пожирали друг друга, едва узнавая своих соседей в лицо.

Одежда на Андрее обвисла мешком и была пропитана какой-то болотной тиной. За спиной висел рюкзак; давно не бритое лицо говорило о том, что последние дни он был лишён возможности какой-либо гигиены. Вся куртка Андрея была заляпана красными пятнами, похожими на разбрызганную акварель, будто некий маляр макнул кисточку в красный раствор и целенаправленным взмахом оросил одежду, совершенно не заботясь о последствиях. Тёмные разводы засохли, но Васильку отчего-то стало не по себе. Ещё и это молчание...

— Андрей, — повторил он уже не так уверенно. — Ты как тут оказался? Вы же с Раевским сейчас должны быть в карьере — мы с Тоней

как раз собирались к вам... — он замолк, не зная, что говорить дальше. Его старший друг продолжал стоять, и молча смотреть пустым взглядом куда-то поверх головы друга.

— Ты чего молчишь? Где Сергей Борисович? — Василёк хотел сделать пару шагов, обнять приятеля, но его что-то сдерживало, будто, не пуская вперёд из чувства самосохранения. — Что за пятна у тебя на куртке? Это кровь? — при последнем вопросе голос у Василька слегка задрожал, выказывая нахлынувший страх.

Только тут Андрей, казалось, пришёл в себя и посмотрел сверху вниз на свою куртку. Затем перевёл взгляд на озабоченного друга и как-то странно, возможно, даже с ликованием, ответил, точнее, процедил сквозь зубы:

— Мозги.

— Ч-что? — не понял Василёк, начиная заикаться, как бывало всегда, когда он был в крайней степени возбуждения. Сейчас даже было не возбуждение: сейчас был страх. — Ка... какие моз-ги? Чьи? — пролепетал он едва слышным голосом.

— Профессора.

— Ко-го-о???

— Нашего начальника станции. Раевского.

— Как это? — Витя едва не сполз спиной по дереву, ухватившись за ветку. — Ты... ты убил его?

— Ну да, — как ни в чём не бывало, ответил тот. — Он убил Лизу, а я убил его. Что тут непонятного?

Василёк охнул, и где-то в кроне дерева в тон ему ухнул полярный филин, словно повторяя эхом его звуки.

Андрей расхохотался диким смехом, сделал несколько шагов и хлопнул Василька по плечу. От него несло гарью и каким-то непонятным сладковатым запахом горелого мяса.

— Давай присядем, разожжём костёр и побеседуем, — подтолкнул он изумлённого друга. — За последние два дня, где я только не побывал. Устал безмерно, и спать хочу.

Говоря это, он принялся распаковывать набухший от провизии рюкзак, а Витя рефлекторно собирал сухие ветки и слушал его монолог, ещё не вполне осознавая случившегося. Уже сидя у разгоревшегося костра и смотря на раскрытые банки тушёнки, Василёк, как бы издалека, слушал рассказ своего лучшего когда-то друга. Вот только друг ли он теперь? Казалось, сейчас перед Витей сидит совсем иной человек, отрешённый от всего земного, словно побывавший где-то там, куда про-

стым смертным пропуск заказан. Ему пришла в голову мысль, что он беседует сейчас с безумцем.

Это был не Андрей.

Это был чужой.

— Всего не помню, — поедая горячее мясо из банки, рассказывал Андрей, — но что-то мне подсказывает, что меня подобрал какой-то шар, серебристый, парящий в воздухе, величиною с комнату в обычной квартире. Подплыл ко мне по воздуху, раздвинул створки, и... — он махнул рукой куда-то в небеса, — дальше ничего не помню. Открываю глаза — кругом пепелище, обгорелые трупы...

— Постой-постой, — перебил его Василёк. — Какие трупы? Какое пепелище? Вы добрались до лагеря?

— Не мы, а я. Раевский уже валялся с разнесённой ко всем чертям головой. Поделом ему, старому.

Витя обомлел.

— И ты так спокойно об этом говоришь?

— Ну да. — Андрей хохотнул, в то время, как у Вити по спине поползли мурашки ужаса.

— Десятки и десятки трупов. Они перебили друг друга, выгрызая печёнку и перерезая горла, словно в них вселился сам дьявол. «Пузырь» в карьере исчез, а его младший «собрат» доставил меня сюда, при этом я захватил ещё и рюкзак с продуктами. А ты отчего тут гуляешь?

— Ходил в посёлок рыбаков. — Витя в двух словах рассказал, как их ночью посетил непонятный всплеск гравитации, отключив питание на всей станции, и как он видел своими глазами гибель шамана в рухнувшем напрочь поселении. При упоминании, что Тоня осталась на базе одна, Василёк с ужасом увидел едва заметную ниточку слюны, стекавшую у Андрея изо рта на воротник куртки. Глаза безумца загорелись алчным огнём, и он как-то странно посмотрел на своего бывшего друга. Этот взгляд, безумный, пустой не предвещал ни Тоне, ни Васильку ничего хорошего.

Вите вдруг стало страшно. Что произойдёт, когда они вернуться к девушке?

Чужой Андрей тем временем уже шагал вперёд, абсолютно не заботясь о брошенном костре.

Он спешил.

— Эй! — крикнул, обернувшись, Андрей. — Брось к чертям собачьим этот костёр! Пошли быстрее, нужно до темноты успеть на станцию. Девка, поди, заждалась тебя...

Витя едва не споткнулся. Такими словами воспитанный во всех отношениях Андрей никогда не говорил. Это был не он. Существо, идущее сейчас впереди Вити, абсолютно не имело ничего общего с его бывшим другом.

— Надеюсь, печёнка у неё такая же вкусная, как и она сама, — донёсся как бы из пустоты хохочущий голос.

У Вити подкосились ноги. А когда он увидел взгляд, брошенный на него сквозь ветви деревьев, вообще лишился дара речи.

Глаза впереди идущего... светились в сумраке.

Как у кошки!

Витя сглотнул комок, подступивший к горлу.

Это был не Андрей. Впереди шёл похотливый маньяк, спешащий к своей новой жертве. Ещё час-полтора, и они окажутся в пределах станции. А там Тоня.

...И Василёк решил.

Осторожно, чтобы не вызвать подозрений, он завёл руку за спину, нащупал тёплую рукоять ножа, с которым никогда не расставался и который чудом сохранился после взрыва у хижины шамана, и с этой секунды мысли его заработали с лихорадочной быстротой.

— Тебе нельзя на станцию! — выкрикнул он остановившемуся Андрею.

Витю накрыла какая-то волна неведомой энергии, толкнула в грудь, прошла насквозь и подбросила вверх, образовав вокруг него поле сгустившегося вакуума. Он не допустит, чтобы этот, выживший из ума чужой тип, бывший некогда Андреем, добрался до станции и начал измываться над его Тоней. Таких надо убивать, мелькнуло у Вити в наполненном яростью сознании, и он даже не удивился, насколько просто он это воспринял. Мысль была только о Тоне.

Андрей, или то, что теперь им было, приблизился ближе, выдохнув в Василька смрадом переработанных кишок разлагающегося желудка:

— Печень, должно быть, у неё вкусная, да?

— У кого? — едва выдавил из себя Витя.

— У девки твоей. — Слюна потекла ещё обильнее. — Но сперва я отведаю твою, — голос маньяка перешёл на вкрадчивый шёпот. Руки потянулись к горлу. Витя прижался к дереву. Не осознавая и не контролируя свои движения, он, тем не менее, выхватил из-за спины армейский нож и целенаправленно, со всего размаха всадил его в грудь бывшего друга, по самую рукоятку, руководствуясь в этот краткий миг только чувством ярости и безграничным опасением за Тоню. Он ещё успел услышать противный шёпот, оборвавшийся на полуслове.

«Я съем твою пече...» — и глаза маньяка с кошачьими зрачками вдруг выкатились из орбит, вкрадчивый голос тихо охнул и безвольное тело бывшего Андрея, судорожно задёргалось в порослях лишайника. Торчащий из груди нож засел между рёбрами, да так и остался торчать снаружи, поблёскивая при вышедшей из облаков луне своей эбонитовой рукояткой.

То, что раньше было Андреем, теперь лежало под деревом трупом с остекленевшими глазами. Не в силах более выдерживать такой эмоциональной нагрузки, Витя прислонился к дереву и бурно разрыдался. Время подходило к ночи, и на станцию он теперь не спешил. Не разжигая костра, он просидел всю ночь у ног бывшего друга, а едва забрезжил рассвет, выкопал неглубокую яму, скинул тело и соорудил сверху невзрачный крест из веток карликовой берёзы. Взглянув последний раз на то, что некогда было его другом, Витя закинул рюкзак за плечи и зашагал к станции, где его уже третий день должна была ждать Тоня.

...Следом за ним, покачиваясь и, паря в воздухе, направился и малый сфероид, облучив сзади Василька своими неведомыми лучами.

Глаза парня хищно блеснули, обрели кошачьи зрачки, но он этого, разумеется, не заметил.

Его ждала Тоня.

Глава 6. МАЛЫЙ СФЕРОИД

№ 29.

В это время на сейсмологической станции «Таймыр» Илья Фёдорович, научный сотрудник экспедиции, пришёл в себя, абсолютно не понимая в первый момент, где он находится. Чистая комната, мягкая постель, капельница у кровати, перебинтованная шея... Последнее, что он помнил, это гарь пепелища, смрад разлагающихся тел, выстрел в метнувшуюся к нему призрачную тень и саднящую боль в области шеи. Дальше — пустота.

На станции «Таймыр» он бывал изредка, когда куратор Павел Семёнович проводил очередную инспекцию, поэтому не слишком отчетливо помнил расположение жилых комнат, а когда в дверях появилась Тоня с подносом в руках, то пришёл в крайнее изумление.

— Антонина! — прохрипел он, морщась от боли. Увидев, что раненый пришёл, наконец, в себя, девушка едва не выронила от радости поднос, но тотчас подбежала, стараясь уложить больного, приговаривая:

— Тише, Илья Фёдорович, тише! Вам нельзя пока разговаривать. Голосовые связки повреждены и не все раны от укуса затянулись.

Тоня засуетилась вокруг него. На подносе стояла чашка тёплого куриного бульона.

— Вас спас Бадильон, — обыденным тоном выдала она, наблюдая за его реакцией, проверяя пульс и поправляя подушку. Жара не было, температура снизилась до нормальной, учёный явно шёл на поправку. — Бадильон, а позже и Коржин.

— Кто-о? не выдержал Илья Фёдорович, ошарашенный таким известием.

Спустя несколько минут он уже всё знал. Глотая с ложечки бульон, которым кормила его Тоня, он слушал её рассказ о своём чудесном спасении в мёртвого лагере изыскателей. Выходит, егерь жив! И это после стольких месяцев отсутствия, неизвестно где!

— Он сейчас во дворе, — подтвердила Тоня. — Возится с трансформаторным блоком. Вся станция обесточена. — Девушка рассказала в двух словах о выбросе в атмосферу импульса гравитации.

— А где остальные? — выслушав её, поинтересовался раненый. — Где Сергей Борисович, Андрей, где твой Василёк?

Тоня невольно всхлипнула. Слезы застлали глаза, и она поспешно встала.

— Давайте, я лучше позову самого Коржина, он вам всё и расскажет. А я пока ужин приготовлю. Едва сдерживая слёзы, девушка исчезла в дверях. Провожая её взглядом, Илья Фёдорович крепко задумался. Спустя несколько минут в комнату вошёл бывший егерь, весь в мазуте и с гаечным ключом в руках.

На удивление, раненый учёный несколько не испугался, хотя и лежал сейчас бессильный перед убийцей, он давно уже выявил для себя, что в той истории с убийством Лизы было больше вопросов, нежели ответов. Не мог это быть Коржин. Первые сомнения закрались ещё тогда, когда он проводил собственное расследование. Стёжка, проходившая по ранту пим, была идентичной с такими же пимами начальника станции, и по всем предварительным выводам выходило, что с таким же успехом в комнате отдыха над поверженной девушкой мог находиться и сам Раевский.

Подошедший к постели егерь, впрочем, не выказывал никаких агрессивных намерений. Напротив, глаза его светились известной долей участия и лёгкого сожаления, чего учёный за ним никогда не замечал.

— С выздоровлением, — вымолвил он, поднимая руку и отсекая все неуместные в данный момент вопросы. — Вы будете молчать, я буду

говорить. Сразу хочу расставить все точки над «и». — Он придвинул кресло, отложил ключ в сторону, и начал свой длинный рассказ, с первой же фразы заставивший научного сотрудника поверить в его абсолютную достоверность.

— Я не убивал Лизу. Впрочем, вы, вероятно, об этом догадались сразу, сличив следы моих и профессорских отпечатков. Слушайте и запоминайте каждое моё слово, поскольку это крайне важно не только для меня, но и для всех, кто остался в живых на этой станции. Кроме вашего большого «пузыря», который вы исследовали в карьере, существует, по крайней мере, ещё один, а возможно и несколько его младших «собратьев» меньшего объема, но того же инородного происхождения. Они перемещаются в пространстве и времени с такой же лёгкостью, как, скажем, передвигается дельфин в океане: сравнение не слишком научное, но мне оно подходит. Эти объекты связаны между собой какой-то космической внеземной силой, не имеющей аналогов в земной природе — это я вам как егерь говорю. К ним можно присовокупить, я полагаю, и те каменные сейды, сохранившиеся по всему Таймыру со времён исчезнувшей когда-то Гипербореи. Не мне вам читать научную лекции, отмечу лишь, что большой «пузырь» насылает на людей смерть, уничтожает и истребляет их же методами, а малый сфероид, по каким-то своим собственным причинам перемещает тех или иных «пассажиров» куда ему заблагорассудится.

В течение полутора часов Коржин рассказал Илье Фёдоровичу свою одиссею странствий, начав со своего загадочного путешествия внутри гигантского монолита, и закончив перемещением сюда, на базу, внутри малого сфероида, уже вместе с раненым учёным и собакой. Затем был рассказ о непонятной газете, датируемой в тот момент следующим годом, и закончил Коржин словами:

— Вам вцепился в горло один из людоедов, в которых, своим излучением превратил большой сфероид всех работников карьера. Я подобрал вас у разрушено лагеря, превратившегося в сплошное пепелище, а малый шар, обездвижив нас, в свою очередь доставил сюда, а уж по какой — такой причине — увы, не имею абсолютно никакого понятия. Эта задачка как раз по вашим мозгам. Лежите, отдыхайте, приходите в себя и делайте выводы. Андрея нет, Василька тоже, а Раевский, он же и убийца Лизы, судя по всему, уже мёртвый, как и ваш Павел Семёнович с помощником и водителем. Вот и вся история. Что делать дальше — решать вам, теперь вы у нас за «старшего». А на досуге почитайте вот это...

Он протянул учёному ту самую газету, обнаруженную им в сторожке оленеводов.

И вышел.

№ 30.

Василёк подходил к метеостанции как раз на рассвете. Где он пробыл всю ночь, и куда его закинуло пространство перемещений загадочного сфероида, он не имел понятия. Память заблокировалась сама собой и уже, подходя к воротам базы у него, как и у Андрея, из уголков рта потекла вожделённая слюна. При мысли о Тоне алчно сверкнули его глаза, блеск кошачьих зрачков впился в забор станции, а похотливые мысли, независимо от его разума, нахлынули волной, полностью подчинив его волю.

Ему хотелось свежей печени.

...Двор был пуст. Дверь столовой была раскрыта настежь и едва поскрипывала на слабом утреннем ветерке. Ни лая собаки, ни восторженного восклицания девушки, ни каких-либо примет, что здесь недавно были люди...

Василька встречала тишина.

Предчувствуя что-то неуловимое и непонятное, витающее в воздухе, он осторожно, по-кошачьи пересёк двор и остановился у трансформаторной будки, которая представляла сейчас грудку ненужного хлама. Покинутая база представляла собой унылый пейзаж пустыни с катящимся по ней перекати-полем, подгоняемым ветром.

— Тоня! — выкрикнул он, удивляясь собственному хриплому голосу, прозвучавшему в тишине. Войдя в помещение столовой, он первым делом почувствовал запах медикаментов. В радиорубке было пусто и, проходя по коридору, он поочерёдно заглядывал во все комнаты, продолжая громко и настойчиво звать свою подругу.

— Тоня! Ты где? Отзовись, крошка моя!

Как же хотелось свежей печени! Сочной, кровянистой, пахнущей...

Комнаты были пусты, за исключением спальни бывшего егеря. Василёк изумлённо уставился внутрь на смятую постель Коржина. Кто мог здесь ночевать, пока его не было на станции, и пока он сидел у костра возле убитого им Андрея? Рядом с кроватью стояла капельница, на тумбочке поднос с чашками и перевязочными материалами. Форточка открыта, но специфический запах аптеки ещё не выветрился, следовательно, тут кто-то лежал, и, причём, относительно недавно.

В комнате отдыха его ожидал ещё один «сюрприз», и на этот раз весьма жуткий, заставивший Василька отпрянуть назад и схватиться за ручку распахнутой двери.

Пятно крови посреди комнаты имело те же размеры, а возможно, и похожие очертания, отложившиеся у Василька в памяти, поскольку он сам помогал Тоне отмывать его после следственного эксперимента и снятия улик. Тогда этим занимался Илья Фёдорович. Теперь всё повторилось. Зловещее пятно, уже подсохшее, темнело под его ногами, и Витя вспомнил, как научный сотрудник говорил что-то о гигантском прыжке, который должен был сделать убийца, когда увидел свидетеля. И снова след пима, как и в прошлый раз. На том же расстоянии прыжка, как и прежде, будто в абсолютной точности повторял прыжок годичной давности.

Что-то неуловимое проскользнуло в его воспалённом мозгу, и он внезапно почувствовал опасность. Кто-то стоял за его спиной.

Мгновенно обернувшись, как кошка, он, тем не менее, не успел прикрыться. Мощный удар по затылку сбил его с ног, и ему ещё повезло, что удар пришёлся по касательной, не убив его на месте. Из раны начала сочиться кровь, образуя новую свежую лужу у него под ногами. Прежде чем потерять сознание, он на миг успел заметить лицо напавшего, который тут же стремительно скрылся в проёме двери.

...Лицо принадлежало Илье Фёдоровичу, научному сотруднику всех сейсмологических станций полуострова Таймыр.

А случилось вот что.

Незадолго до этого, а именно, рано утром, когда полярное солнце только всходило над чахлой растительностью тундры и Василёк, закопав Андрея, двинулся к станции, Илья Фёдорович, проснувшись, вдруг почувствовал в себе некие необратимые перемены. Какая метаморфоза произошла с ним в течение ночи, он, собственно, не знал, но то, что шея перестала болеть, и состояние улучшилось, он понял мгновенно. Изрядно отдохнувший и выспавшийся, он даже не удивился столь внезапной перемене своего состояния. Источник смертоносных и пагубных лучей в виде малого сфероида покачивался сейчас у трансформаторной будки, но Илья Фёдорович, разумеется, его не видел, в мгновение ока, превратившись из благоразумного учёного в душевнобольного маньяка. В этот момент ему, как никогда в жизни, вдруг захотелось свежей печени. Человеческой.

Бывший учёный легко соскользнул с кровати и тихо вышел в коридор, прислушиваясь к утренним звукам, как хищный зверь перед броском на свою жертву.

Прежде всего, Коржин. Девка подождёт, пусть поспит ещё.

О том, что егеря его спас и вытащил из карьера ходячих мертвецов, Илья Фёдорович (или то, во что он превратился), сейчас абсолютно не думал. Да и не один ли чёрт, если в соседней комнате его дожидается вожделенный «подарок» — спящая, ничего не подозревающая и беззащитная жертва. Слюна на воротник пижамы потекла ещё обильнее.

В комнате отдыха, несмотря на раннее утро, уже находился егеря, очевидно, зашедший туда перед выходом во двор. Этим и воспользовался бывший учёный, подкравшись сзади по-кошачьи, мягко ступая ногами по утеплённому полу. Неимоверной силы удар в затылок подобраным по дороге огнетушителем сбил егеря с ног, и его голова стукнулась о подлокотник кресла в том месте, где некогда лежало тело Лизы. Стекающая из проломленного черепа кровь, наполнила то самое высохшее пятно, повторяя все его контуры, вплоть до мелких брызг некогда разбросанных ошмётков мозга. Тело егеря перестало конвульсивно дёргаться. Покачав от досады головой, бывший научный сотрудник разочарованно выдохнул. Придётся убирать. Он не хотел, чтобы девушка, проснувшись, увидела столь жуткую картину, сразу осознав, кто именно сотворил такое. Коржин был мёртв. Всё произошло настолько быстро и внезапно, что размышлять над этической стороной вопроса, сейчас просто не было времени. Взвалив мёртвое тело на плечо, он осторожно, крадучись по коридору, вынес его во двор, где и скинул за водокачкой до лучших времён. Важнее было сейчас вернуться и протереть следы стекавшей с трупа крови, пока он нёс его по коридору.

Так он и поступил. Где-то у трансформаторной будки гавкнула собака, словно предчувствуя, что случилось что-то плохое, страшное и непонятное её скудному разуму. Взяв из столовой тряпку с ведром, Илья Фёдорович поспешил в жилой блок, но замешкался перед выскокившим из-за радиорубки Бадильоном, потеряв драгоценные минуты. Собака грозно оскалилась и припала к земле, готовясь к прыжку. Именно в этот момент и выбежала Тоня, выискивая испуганными глазами хоть кого-то, кто смог бы ей объяснить наличие кровавых пятен рядом с отброшенным огнетушителем.

— Стой, Бадик! — выкрикнула она, заметив, что пёс вот-вот набросится на учёного. Странно. Выздоровел? Так быстро? А отчего животное такое агрессивное? Где Коржин, где его хозяин?

Мысли лихорадочно пронеслись в мозгу, и только тут она заметила в руках Ильи Фёдоровича тряпку и ведро. Руки научного сотрудника были в крови. Что здесь произошло?

Бадик застыл, повернулся на крик и потрусил к хозяйке, явно выка- зывая свою ярость на непонятное существо, каким ему сейчас казался учёный.

— Где Коржин? — испуганно спросила Тоня, прижимая к ноге дро- жавшего от злобы пса. Она и сама ещё не пришла в себя, проснувшись от какого-то смутного чувства тревоги. Вышла в коридор, заметила кровь на полу и поспешила к раскрытой настежь двери, не догадав- шись заглянуть в комнату отдыха. Если бы она увидела, что там только что произошло, она наверняка не стояла бы сейчас здесь, промелькну- ло в воспалённом мозгу учёного. Он заискивающе осклабился и остано- вился в нескольких шагах от неё, не решаясь приблизиться к рычащему псу.

Голос у Тони дрожал.

— Что с вашими руками? Порезались? Или Бадик укусил?

Девушку всю колотило от страха.

— Ни то, ни другое, — ехидно усмехнулся полузомби-получеловек. — Коржина нет. Василька твоего тоже. Теперь только мы с тобой. — Слюна на воротник потекла так обильно, что пришлось её стереть ру- кавом. — Теперь ты моя! — вождельно прохрипел он.

Девушка уже пятилась назад и готова была закричать, как вдруг пространство вокруг неё сгустилось, спрессовалось, и приняло конси- стенцию вязкого киселя, сквозь который невозможно было двигаться. Илья Фёдорович (или то, что от него осталось) открыл рот, застыл на месте и увидел буквально в пустоте материализующийся сгусток обла- ка, превращающийся на глазах в сфероидный объект вполне правиль- ных очертаний. Шар повис в пространстве, выпустил из себя сканирую- щие лучи зеленоватого цвета, «прощупал» ими территорию, и обволоч девушку колыхающимся туманом, словно коконом от личинки гусени- цы. В сияющем ореоле прозрачной субстанции Тоня медленно оторва- лась от земли, едва не крича от страха. Какая-то неведомая сила, пере- вернув в воздухе, заставила её принять горизонтальное положение и втянула внутрь замкнутого пространства. Безвольное тело девушки всосало словно пылесосом. Шар раздулся в размерах, переместил лучи на собаку и, парализовав её, всосал в себя тем же способом, что и её хозяйку. Операция была завершена в течение нескольких секунд, сфе- роид бликнул на прощание и... исчез, растворившись в пустоте, как ложка сахара в горячем стакане чая.

Что до Ильи Фёдоровича, то этот загадочный инцидент тут же был стёрт из его памяти неведомым облучением, пронизавшим его созна- ние в затылочной части головного мозга. Не было никакого шара. Ему

это привиделось. Вся информация была подвергнута тщательной зачистке, словно в капиллярах мозговой ткани начисто прошлись половой тряпкой, убирая за собой нежелательные улики. Пожав плечами и бессмысленно оглядев место только что исчезнувшего феномена, он поспешил с ведром в коридор, чтобы успеть смыть пятна крови, пока не проснулась его вожденная мечта. По его предположениям девка ещё спала, и надо было поспешить убраться перед её пробуждением. А там уже и свежая печень...

Собственно, в этот момент, когда безумный маньяк направился в комнату отдыха, и появился в воротах Витя-Василёк. Услышав, как парень, обходя территорию, принялся звать девушку, бывший учёный застался в кладовой, и когда Василёк добрался до комнаты отдыха, с ужасом увидев новое кровавое пятно, Илья Фёдорович напал на него сзади.

Оставив бессознательного Василька, безумный и умалишённый теперь убийца в образе некогда выдающегося учёного, прыгну по-кошачьи к спальне девушки, распахнул дверь и застыл на месте.

...Тони, разумеется, здесь уже не было.

№ 31.

Город Диксон находился на западной стороне Пясинского залива и был административным центром Таймырского Дагано-ненецкого национального округа. От метеостанции «Таймыр» его отделяло несколько сотен километров; это был едва ли не самый значимый порт Карского моря, куда сходились все торговые и коммуникационные пути. Именно из этого крупного населённого пункта на станцию поступала почта, продукты питания, оборудование, стараниями некогда живого Павла Семёновича — куратора всех станций полуострова Таймыр.

Однажды, ясным октябрьским утром, когда минусовая температура достигла уже пятнадцати градусов, в пределах города Диксон, на самой его окраине появилась довольно необычная собака, бродящая по округе в поисках мёрзлых останков рыбы-юколы. Эти потроха местные рыбаки сваливали в отхожих местах, где вскоре их подбирали песцы и городские хаски. Присмотревшись внимательнее, рыбаки заметили довольно отощавшего пса, который рылся в куче рыбных отходов, выискивая наиболее подходящие куски. Было видно, что животное не ело несколько дней, да и порода его не слишком подходила для суровой зимы. Таких «служак» держали больше в тёплых будках для охраны каких-либо значимых объектов, и в случае лютых морозов забирали внутрь, нежели оставляли мёрзнуть на улице. Пёс, видимо, как раз был

из числа таких охранников, на контакт не шёл, но и не прятался, когда к нему впервые подошёл кто-то из поморов. Так продолжалось три дня. Рыбаки заметили, что, насытившись отходами сам, он неизменно захватывал в пасти наиболее подходящий для еды кусок и уносил с собой. Таким образом, возник вполне риторический вопрос: кому он носит мёрзлые куски рыбы?

Посоветовавшись, на четвёртый день рыбаки решили проследить за необычным псом, взявшись буквально ниоткуда. Дождавшись, когда рано утром пёс отправится назад, четверо рыбаков во главе с бригадиром одного из сейнеров, стоящего в порту, отправились за ним, держа на приличном расстоянии, чтобы тот их не заметил. Миновав жилые блоки и технические постройки пригорода, рыбаки заметили, что пёс направляется к старому заброшенному маяку, стоящему на выступе мыса ещё со времён первых переселенцев, когда Диксон только начинал строиться. Кладка старой постройки обвалилась, и долгое время он простаивал в качестве заброшенного объекта с ржавой лестницей, бетонным цоколем и подземными ходами, в которых некогда располагались технические помещения. Туда-то и направлялся сейчас пёс, неся в зубах очередной кусок мороженой рыбы. Животное остановилось подле одного из подземных ходов, к чему-то прислушалось, вильнуло хвостом и исчезло в проёме развалившегося от времени бетонного цоколя. Здесь начинались катакомбы.

Выждав несколько минут и прихватив фонарь, бригадир последовал внутрь, наказав остальным дожидаться его снаружи. Было видно, что здесь давно никто не обитал, если не считать на пыльном полу следов собаки и какого-то странного отпечатка, тянувшегося вглубь подземелья. Пахло плесенью, рыбными отходами и... ещё чем-то. Бригадир принялся, сбил рукой свисавшую паутину и приподнял удивлённо брови.

Запах...

Вот, что удивило бригадира. Это был запах... женских духов. Он был женат, и такими духами зачастую пользовалась его супруга, поскольку такой флакончик можно было купить только в парфюмерном магазине города Диксон.

Запах ландыша...

Свежий.

Он посветил фонарём под ноги, и в пыли, лежавшей тут десятилетиями, увидел всё тот же странный след, будто по кирпичному полу протащили что-то ёмкое и тяжёлое. След был настолько ровным и чётким, что его можно было измерить линейкой. Прямая и идеально ров-

ная полоса начиналась от самих ступенек, а уходила в темноту развала, где исчезла собака.

Осторожно ступая, он вошёл в разрушенное подземелье и, посветив фонарём, застыл в крайнем изумлении. То, что он увидел в первую секунду, заставило его едва не лишиться дара речи. Сбоку, выступая из темноты, зарычал пёс.

...Под его ногами, на голых камнях, поросших мхом, лежала, свернувшись калачиком, девушка, едва прикрытая какой-то старой истлевшей хламидой. Она была без сознания, тихо всхлипывала, часто дышала, издавая едва внятное бормотание, то проваливаясь в лихорадочный сон, то приходя на несколько секунд в себя, чтобы снова всхлипнуть.

— Ви... ты, — прошептала она в бреду пересохшими от обезвоживания губами. Дёрнулась, замерла, затем раскинула руки и заметалась в бреду, словно птица, попавшая в клетку.

В первую секунду бригадир растерялся: он совершенно не ожидал увидеть тут кого-то живого, да ещё и человека. Девушку! Одну, без сознания, едва подающую признаки жизни. Он предполагал, в крайнем случае, наткнуться на щенят с умершей матерью, отчего пёс и таскал куски рыб. Они валялись повсюду и издавали тот тошнотворный запах, сквозь который он еле уловил аромат ландыша. Очевидно, подчиняясь своему природному инстинкту, верный друг приносил девушке корм, по своему собачьему убеждению полагая, что хоть этим уменьшит её страдания. Псу было невдомёк, что пребывая в бессознательном состоянии, девушка не могла воспользоваться его заботой, ровно как и отблагодарить. Таскал и таскал каждое утро, в течение уже четырёх дней: это было чисто рефлекторно. А то, что девушка умирала без воды, не в состоянии напиться, псу было неизвестно. Сейчас он стоял рядом и, видимо, почувствовав помощь со стороны незнакомца, смотрел ему в глаза преданным взглядом: «Помоги ей! Спаси её...»

Отчаянно выругавшись, бригадир бросился к девушке, закинул хрупкое тело на плечо и, не разбирая дороги, кинулся к выходу, на ходу срывая с себя меховую куртку, накинув её на живую ношу. Пёс метнулся вперёд, лаем указывая дорогу — там наверху их и встретили.

Спустя несколько минут её, укутанную со всех сторон, уложили в проезжающий мимо вездеход, и что есть мочи помчались в сторону поликлиники. Только тут бригадир сумел, наконец, рассмотреть бледное худое лицо измождённой девушки. Молоденькая, но вся грязная и отощавшая, она, теме не менее, ему кого-то напомнила. Пёс бежал за вездеходом и тихо поскуливал. Бригадир вспомнил, что видел несколько

раз эту девушку в сопровождении Раевского, начальника метеостанции «Таймыр», когда они приезжали в город за почтой и продуктами. Сейчас со станцией не было связи уже несколько дней и, вбежав в ординаторскую приёмного отделения больницы, пока девушку везли на носилках в палату, схватил трубку, прокричав в неё:

— Мы обнаружили одного из зрителей станции, что находится у Пясинского залива. Без сознания. Девушка. Лежала под присмотром собаки в развалинах старого маяка. Что? Нет. Одна. Как туда попала? — Он развёл руками. — Хотел бы и сам знать. Чудом осталась жива. Видимо, пёс притащил ей откуда-то накидку, и она в бреду укрылась ею, отчего и не замёрзла окончательно. Там в катакомбах сухо и относительно тепло. Выжила. Собака таскала ей рыбу, оттого и проследили за ней. Что? — Бригадир бросил взгляд на длинный коридор, в котором суетились врачи. — Да. Уже доставили. Лежит в «реанимации». Будет здесь, пока не выясним причину, каким образом она оказалась в катакомбах. Что? Не слышу! — Он потряс трубку. — Да. С Павлом Семёновичем тоже нет связи уже несколько дней. Карьер и лагерь изыскателей молчит, словно вымерли. (Бригадир, разумеется, не имел ни малейшего понятия, насколько он был недалёк от истины в эту краткую минуту).

— Мы пытались связаться с посёлком рыбаков, у подножия сопки, там есть рация, но они тоже молчат. Буду собирать спасательную команду. — Разговаривая с кем-то, видимо, из руководства полуострова, он проследовал в кабинет главврача, где на стене висела большая развёрнутая карта Таймыра. Выискивая координаты метеостанции, он уже отдавал указания своим помощникам.

— Выежаем на рассвете. На двух вездеходах двумя группами. Пусть спасатели соберут самое необходимое, прежде всего медикаменты и тёплые вещи. Возможно, нам после деревни рыбаков и метеостанции придётся срочно направляться к лагерю изыскателей. Две команды по пять человек на вездеход. В Географическом Обществе нам дали добро. Всё ясно?

Помощники кивнули и отправились подготавливать группы к завтрашней операции.

Тоня была спасена.

№ 32.

Витя пришёл в себя спустя несколько минут, когда его ударил кто-то по голове. Стоп! Почему же кто-то? Голова всё ещё гудела, кровь на затылке сочилась капельками за воротник, но он отчётливо вспомнил

лицо. Сомнений быть не могло. Это был Илья Фёдорович, научный сотрудник всех метеостанций полуострова. Но глаза его! Они излучали ярость, безумство и... отрешённую пустоту. Глаза маньяка.

О том, что его собственный взгляд был похож на кошачий, с узкими вертикальными зрачками, Василёк, разумеется, не ведал. Сейчас он находился в пограничном состоянии, нечто между реальной своей ипостасью и тем состоянием безумства, в котором пребывал, когда убил Андрея. Сейчас он не раздумывал: итак было ясно, что бывший учёный превратился в такого же зомби, как и его друг несколько часов назад. Приподнявшись и опершись спиной о косяк двери, Витя занёс огнетушитель над головой, чтобы ударить первым.

Шаги приближались.

Он выпрямился, шагнул к безумцу и врезал огнетушителем прямо в лицо. Удар был сильным, заставив того безвольным мешком рухнуть на пол. Илья Фёдорович, или тот зомби, в которого он превратился, был мёртв ещё до того, как затылок его стукнулся о поверхность пола. Причиной столь разрушительной силы удара, очевидно, был всё тот же шар, излучавший сейчас лучи из-за стен водокачки. Наклонившись и убедившись, что безумец мёртв, парень откинул в сторону огнетушитель и, держась за пульсирующие виски, выскочил из комнаты, едва не пересекая пространство одним гигантским прыжком, которому позавидовал бы любой хищный зверь, преследуя жертву.

Так закончил свой жизненный путь научный сотрудник Географического общества полуострова Илья Фёдорович, превратившийся в умилишённого маньяка посредством отравляющих лучей загадочного малого сфероида. Из всей вахты станции «Таймыр» в живых осталось двое: парень и девушка.

Какова была цель малого сфероида, переместившего Тоню ближе к пригороду Диксона, приходилось только гадать, если, разумеется, было, кому.

Витя остался на базе в одиночестве и, обнаружив тело Коржина, предал его земле рядом с бывшим учёным.

...В то же самое время, только в нескольких сотнях километров от места трагических событий, бригадир рыбаков сидел у койки, пришедшей в себя девушки, и слушал её сбивчивый рассказ о всём, что случилось с ней за последние несколько дней.

Тоне сделали обезболивающие и витаминные инъекции, поставили капельницу, сбили жар, отмыли, переодели в чистое бельё и накормили горячим куриным бульоном. Девушка выжила благодаря верному псу и вовремя подоспевшим рыбакам. Собака находилась под присмот-

ром, отъедаясь рыбой и получая от рыбаков заслуженный комфорт. Тоня подробно пересказывала бригадире свои ощущения, когда станцию посетил непонятный импульс гравитации, вырвавшийся в атмосферу близ Пясинского залива. Она уже знала сегодняшнее число, но где пробыла четыре дня вместе с собакой, не имела никакого понятия. Эта фаза была начисто стёрта из её жизни, и память не выдавала никакой полезной информации. Будто метлой вымели. Василёк ушёл в деревню и не вернулся — вот и всё, что она помнила. Были ещё какие-то смутные воспоминания, прорывающиеся сквозь завесу установленной кем-то блокировки о Коржине и раненом Илье Фёдоровиче, но они были настолько зыбки и далеки, что девушка не решалась их озвучить перед своим спасителем.

— Ничего, красавица наша, — успокаивал её бригадир. — Всё позади. Будем надеяться, что Витя твой найдётся. Мы намерены отправиться в посёлок рыбаков и на вашу станцию, а позже, смотря уже по обстоятельствам, посетим и карьер изыскателей.

— Связи так и нет? — спросила девушка, делая глоток горячего кофе. Вошла медсестра и поставила градусник, улыбнувшись пациентке.

— Увы... — сокрушённо покачал головой бригадир. — Но мы непременно что-то узнаем. Как могут просто так пропасть и исчезнуть несколько десятков геологов, да ещё и твои коллеги — причём, все! Тут кроется какая-то тайна, а возможно и глобальный катаклизм, коснувшийся всего побережья полуострова. — Он озадаченно почесал затылок. — В посёлке оставался местный шаман с детьми и женщинами. Рыбаки, как ты знаешь, все на сейнерах в море, но эти-то должны быть живы, верно?

Бригадир поднялся.

— Ладно, красавица. Выздоровливай, набирайся сил, теперь ты на станцию долго не попадёшь. Сдаётся мне, пустая она. Завтра выдвинемся в путь — приедем, посмотрим. Я тебе сообщу через врача. А пока — отдыхай.

Он пожал её хрупкую руку и вышел в дверь навстречу самому страшному дню в своей жизни.

...Больше Тоня его не увидит.

Глава 7. ПОСЛЕДНЯЯ АНОМАЛИЯ

№ 33.

Посёлок рыбаков представлял собой сплошную массу разрушенных и разбросанных во все стороны хижин без дверей, окон, а иных вообще без крыш. Ударная волна непонятной силы буквально смела все строения, разметав их на несколько десятков метров, как бывает при могучем взрыве. На месте жилища шамана зияла огромная воронка, и всё, что находилось в радиусе её действия, было сброшено в провал вместе с грудями камней, поваленных деревьев и мёртвых тушек всевозможной живности. Посёлок был пуст. Он был мёртв. То, что от него осталось, можно было определить одним словом: разруха. Ни детей, ни женщин, ни собак. Никого. Сплошной пустырь.

Бригадир спасателей стоял у вездехода и чесал затылок, наблюдая, как его коллеги бродят среди развалин в поисках кого-нибудь из живых.

Что здесь произошло? Какая сила могла смести с лица земли целое поселение, ни оставив после себя даже трупов? Не тот ли это выброс в атмосферу необъяснимой гравитации, о котором рассказывала девушка в больничной палате?

Подбежал пёс. Бригадир почесал его за ухом. Пса они взяли с собой, в надежде, что он сможет учуять знакомый запах кого-либо из своих хозяев, однако животное только вертело носом в разные стороны и металось среди разрушенных строений. Выше по склону, если пройти тундровый лес, как раз и располагалась та сейсмическая станция, из которой, судя по предположениям, нагрязнула эта необъяснимая катастрофа.

Оставив двух спасателей запускать генератор и подключать рацию для связи с Диксоном, начальник спасателей отозвал своих людей, приказав им рассаживаться по вездеходам. Двое оставшихся должны будут вызвать сюда новую группу спасателей, теперь уже с техникой, инструментами и оборудованием для восстановления разрушенного посёлка. Рыбаки на сейнерах были оповещены ещё при выезде спасателей из города, так что, уже все знали об исчезновении женщин и детей, а когда вернутся их мужья и отцы, начнутся повальные розыски по всей тундре, включая залив и саму сопку. Таков был план.

Преодолев склон и углубившись в тундровый лес, оба вездехода проехали несколько километров, остановившись в сплошных зарослях карликовых берёз и сосен. Дальше — пешком. Но прежде, перед походом, они разожгли костёр и основательно подкрепились.

Тут-то бригадир и заметил недавно брошенную кем-то стоянку пяти — шестидневной давности. Оставив людей заканчивать обед, он направился вслед за ошетинившимся псом, который, поскуливая, выдавал свой испуг, далеко не присущий такой отважной собаке, каким был Бадильон.

...Маленький, сделанный, видимо, впопыхах крест из двух кедровых веток предстал перед взором бригадира ещё прежде, чем он заметил саму могилу. Земля, насыпанная холмиком, была относительно свежей, следовательно, то, что покоилось под ней, было здесь захоронено совсем недавно. Ни таблички, ни надписи, ни объясняющей записки, начальник спасателей не обнаружил. И вот что странно...

Собака, проявлявшая до этого лишь признаки испуга и беспокойства, припала теперь к свежевырытой земле и пронзительно завывала, обратив морду к небу и поджав скорбно хвост. Так воют собаки, потеряв своего хозяина, будто чувствуя своим природным нутром, что он уже не жилец на этом свете.

Озадаченный бригадир обыскал всё кругом, но кроме следов россомахи и песцов, шнырявших, видимо, в поисках падали, ничего более не обнаружил. Возвратившись к своим товарищам, он так и не заметил далеко в кустах отброшенную в сторону винтовку с одним использованным патроном после выстрела.

Едва оттащив упирающегося пса к вездеходам, бригадир и его команда вскоре направили свой путь через тундру к высокому пику сопки. Вездеходы они оставили под присмотром двух водителей, и, таким образом, сейчас их насчитывалось восемь человек, следовавших к территории безмолвной станции «Таймыр».

Уже начинало темнеть, когда все восемь смельчаков, пройдя за несколько часов тундру, оказались в пределах видимости высокой радиорелейной установки, возвышающейся над станцией, словно пик Адмиралтейства на площади Санкт-Петербурга. Бадильон, отчаянно гавкнув, помчался вперёд и затерялся где-то в темноте между водокачкой и трансформаторной будкой. Пришлось включить карманные фонарики, которые были предусмотрительно захвачены с собой.

Станция казалась мёртвой.

По указанию бригадира один из спасателей выпустил в небо ракету: это был сигнал двум оставшимся водителям, что группа прибыла к месту назначения. Рации и передатчики перестали работать ещё тогда, когда восемь членов команды ещё только подходили к чернеющему вдаль объекту. Дальше остановились часы и стал бешено вращаться компас, показывая азимуты совершенно не тех направлений. А ещё

спустя час, когда они уже подходили к воротам, у всех восьмерых почувствовался внезапный упадок сил с необъяснимым головокружением.

Бригадир приблизился к воротам, пересёк условленную границу территории, и сделал первый шаг навстречу своей судьбе. Это был тот самый момент, из которого ему не суждено будет вернуться. ...Как, впрочем, и всем остальным.

№ 34.

...Дезоксирибонуклеиновая кислота, — вертелось у Вити в воспалённом мозгу. — Дезоксирибонуклеиновая кислота... мне нужно их ДНК. Мне нужно их ДНК.

Эта фраза, взявшаяся в его сознании ниоткуда, не покидала его мозг уже несколько минут, пока он наблюдал из укрытия за появлением незнакомцев. Кто они? Откуда прибыли? Что здесь делают, освещая фонариками двор, крадучись словно тени призраков?

Глаза его светились в темноте, как когда-то у Андрея на той поляне, где он его убил. Теперь вот эти... раз-два-три... семь, восемь. Он насчитал восьмерых. Где-то сбоку послышался знакомый лай Бадильона, но Витя уже почувствовал азарт охоты, не обратив на пса никакого внимания. Ему нужно было ДНК этих людей, а когда он их расчленил, тогда и поделится с верным псом свежей, сочной, пахнувшей кровью печенью. Человеческой печенью.

От предвкушения свежей крови у Вити (или то, что от него осталось) обильно потекла слюна. Он приготовился к прыжку и замер, оценивая ближайшую жертву.

Первым, крадучись в темноте и освещая фонариком забор, к водокачке пробирался рослый мужик, очевидно, главный из них, поскольку остальные следовали за ним. То существо, что прежде было Витей-Васильком, крепче сжало лопату и сверкнуло в темноте кошачьими вертикальными зрачками. Перед этим он похоронил своих двух коллег и тотчас начисто забыл о них, будто память вообще не принимала участия в его бессмысленных действиях. Расчленив тела Ильи Фёдоровича и Коржина, он лишь частично утолил свой голод, набросившись на свежую печень, выгрызая её зубами из не окоченевших ещё трупов, а похоронив затем, принялся бродить по опустевшей станции, пока не наступила темнота, и вновь не почувствовался лютей голод. Темнота, накрывшая территорию базы, в данном случае была его союзницей, скрывая все его хищные движения.

Держа винтовку на изготовке, первый незнакомец остановился и к чему-то прислушался. Он повернул голову назад и всмотрелся в темно-

ту, где по всей территории двора рассредоточились его помощники. Луна была скрыта в тучах, и свет фонариков мелькал тут и там, но это не мешало Вите видеть в темноте как кошка или более грозный её собрат, к примеру — ягуар. Стало холодно. Внезапный порыв студёного ветра пронзил группу насквозь и в долю секунды сковал все движения, будто в мгновение ока дохнул мёртвым окоченением. Бригадир всё ещё продолжал стоять, смотреть в зияющую черноту, и окоченевшими пальцами шарить по затвору винтовки, когда стремительный рывок ветра сбил его с ног, и прямо перед его глазами из чёрной пустоты выплыл малый сфероид, покачиваясь в пространстве как детский шар, привязанный к верёвке. Все замерли на месте.

— Не останавливаться! — едва выдавил из себя бригадир, обращаясь сразу ко всем. — Двигайтесь! Ружья на прицел! — язык прилип к нёбу, и слова, выдыхаемые вместе с морозными клубами пара, казались, застревали в горле, не имея возможности вырваться наружу.

— Я не могу сдвинуться с места... — донеслось до него из-за спины.

— Я тоже...

— У меня руки окоченели...

— А я падаю...

Бригадир попытался обернуться, однако судорога, прошившая его тело, заставила его едва не свалиться кулем на замёрзший вмиг под ногами мох.

— Назад! — выкрикнул он. — Немедленно отступить на несколько шагов!

Шар казалось, наблюдал за ними, покачиваясь в воздухе, не имея ни малейшего намерения провалиться куда-нибудь в тартарары. Бригадир мог только смотреть на его лучи, не имея возможности двигаться, с ужасом созерцая, как зеленоватый туман, обволакивал его товарищей.

— Фонари гаснут! — крикнул кто-то за его спиной.

— И мой...

— Чёрт! У меня тоже погас...

Начальник бросил взгляд на свой, едва тряся его обмороженными пальцами. Лампочка гасла необычно: постепенно, без бликов, делаясь всё более тусклой, будто внезапно кончился заряд аккумуляторов. У него похолодело сердце: но не у всех же сразу! Восемь фонарей в один миг потеряли заряд напряжения? Бред!

— Кто может, делайте как я, — с усилием выдавил он из себя. — Отступайте, не поворачиваясь. Держите этот чёртов объект под прицелом. Слышите меня?

Подул обжигающий ветер.

— Слышит, кто меня? — повторил он вопрос уже более взволнованным и хриплым голосом.

Ответом ему была тишина.

...И тут начался ужас.

Искрящийся шар уменьшился до размеров теннисного мяча, затем бликнул искоркой и, хлопнув, словно мыльный пузырь, исчез в пространстве, оставив после себя едва заметную точку. Что-то тихое и шелестящее пронеслось в воздухе, обдав спасателей смрадным запахом трупного разложения. Воздушный водоворот, вызванный гравитацией иноземного сфероида, сбил всех с ног, проволока тела по замёрзшему вмиг лишайнику и разметал их в разные стороны, разбрасывая ошметки плоти в радиусе нескольких десятков метров. Наступила тишина, хрупкая, как первый лёд на пруду, а потом ударная волна, пришедшая и навалившаяся ниоткуда, разорвала оставшиеся фрагменты тел в клочья. В этой липкой, почти осязаемой темноте начальник спасателей остался один. Двор станции был похож на военный полигон, по которому пронеслась смерть — с косой, безжалостная и вечная в своём мистическом ритуале. Людей разметало по территории от водокачки до трансформаторной будки. Давление высвободившейся из шара разорвало тела на куски всё ещё трепыхающегося мяса. Повсюду была кровь, мозги, оторванные члены и вывернутые внутренности. Луна вышла из облаков, освещая своим серебристым сиянием жуткую картину.

Спустя несколько секунд, обретя, наконец, дар речи, бригадир спасателей оглядел то, что осталось после малого сфероида, дико заорал и, падая на мёрзлую землю, лишился чувств.

Это было последнее, что он мог ощущать своим убывающим разумом.

...Он стал зомби.

№ 35.

Волна чужеродной энергии, заполонила сознание, погасила волю, и заставила его тело принять облик полузверя — получеловека. В несколько секунд из начальника спасателей бригадир превратился в пустой ходячий «сосуд» чужеродной сущности. Увидев две свежевыврытые могилы, он откинул бесполезное теперь ружьё, отшвырнул фонарь и кинулся к ним, с вожделением ощущая в себе непонятную жажду. Ему захотелось крови.

— Где моя Тоня? — услышал он за спиной хриплый, словно издалека, голос.

— Кто вы такие? Куда дели мою девушку?

Эти две фразы, последние, произнесённые во дворе станции, бригадир уже не слышал: он был мёртв, прежде чем последний звук хриплого крика разорвал тишину тундры. Всё было кончено. Оставив развороченное кровавое горло, Василёк принялся когтями раздирать внутренности тёплого, конвульсивно дёргающегося трупа. Сладострастное урчание огласило пустой двор, когда существо, некогда бывшее Витей, впилось зубами в трепыхающуюся, сочную от крови печень. Дальше только звук раздираемой плоти и омерзительное чавканье при свете глумливой луны.

Существо наслаждалось.

Вот, собственно, и всё.

Насытившись тёплой свежей печенью, существо поднялось с четверенек, окинуло кошачьими глазами территорию, подняло голову к чёрному небу и дико завыло.

Это был вой хищного зверя.

Из темноты ему откликнулся другой вой, менее жуткий и, скорее, более испуганный и жалкий. Поджимая хвост, принохиваясь и дрожа, из-за водокачки выступила тень Бадильона. Верный пёс не осознавал жуткую метаморфозу, произошедшую с одним из его бывших хозяев, однако своим животным инстинктом чувствовал перемену в облике стоящего перед ним полузверя — получеловека. Не решаясь подойти ближе, Бадик замер на месте, прижавшись брюхом к замёрзшему лишайнику. Странно... но холод, сковавший перед этим всю команду спасателей, внезапно отступил, как только во дворе промчался разрушающий вихрь. Сейчас было тихо, и только жалобное, вопросительное поскуливание собаки разрывало мёртвую тишину словно плачем, некогда шумной и заселённой станции «Таймыр».

Теперь тут стояла гробовая тишина.

Витя взглянул на собаку, наклонился над развороченным трупом бригадира и поманил пса к себе.

— Будешь? — протянул он ему кусок человеческой плоти.

Издав громкое рычание, собака попятилась и скрылась в кустах. Человечиной она не питалась.

Меж тем, круглый сфероид возник за спиной Вити, и... всё потонуло в пустоте.

Дальше он ничего не помнил. Пустая и заброшенная станция с горой развороченных трупов осталась позади.

...Несколькими часами позже, когда уже слабый рассвет начинал серебрить верхушки деревьев, а в морозном воздухе появились первые сверкающие снежинки, по направлению к стоянке вездеходов двига-

лось существо на двух ногах, иногда припадая к земле и вынюхивая на ней следы. Чуть в стороне от него, в десятке шагов, тихо урча и не выдавая своего присутствия, следовала собака, так до конца и не осознавшая, что произошло с её хозяином. То, что двигавшееся впереди существо уже не было Витей, она своим животным чутьём понимала, но, в то же время, ей не хватало чисто аналитического разума признать в нём наполовину превратившегося зверя, недавно на её глазах пожирающего человечину. Сейчас это существо шло впереди, а Бадик, следуя своему животному инстинкту, двигался следом: после всего произошедшего бедное животное совершенно не знало, как себя вести в подобных обстоятельствах.

...В то же самое время, в нескольких километрах дальше по тундре два водителя дежурили по очереди у оставленных вездеходов, сменяя друг друга каждые четыре часа. В этом не было особой необходимости, но из-за выхода из строя всех трансиверов и передатчиков, они наблюдали за небом, в ожидании, что рано или поздно в него взвьётся ракета, оповещая их о возвращении своих товарищей. Костёр был единственным ориентиром в течение всей ночи. Сейчас наступило утро. Просыпающиеся белки и лемминги попискивали над головами и под ногами, разбавляя картину наступающего дня своими природными звуками. Нужно было подбросить очередную порцию дров в затухающий костёр. Один из дежуривших открыл дверцу кабины и выпрыгну наружу, оставив товарища досыпать несколько минут после ночной смены. Воздух был морозным. Вездеходы стояли на поляне, соприкасаясь бортами, поэтому первый водитель просто обошёл их, наклонился, зачерпнул ладонями снег и принялся растирать сонное от тепла кабины лицо.

Странное что-то витало в воздухе.

Водитель не был подвержен мистике, но взгляд его сейчас был прикован к нечто непонятному. Прямо перед ним, в пелене падающих снежинок просматривалось какое-то пустое пространство идеально круглой формы, величиной с автомобильную шину, которое снег обволакивал со всех сторон, выделяя его контуром из общей картины. Водитель вгляделся пристальнее и мысленно чертыхнулся про себя.

«Как снежный ком облеплен, — пронеслось у него в мозгу. — Висит в воздухе, колыхается, будто так и надо. Никаких законов физики. А где же известная всем гравитация?»

Разумеется, ему было невдомёк, что перед ним сейчас находился малый космический сфероид — собрат гигантского «пузыря», посетившего Пясинский залив, и уничтожившего посёлок рыбаков, карьер изы-

скателей и, собственно, саму станцию «Таймыр», куда направились его коллеги, с которыми оборвалась связь ещё со вчерашнего вечера.

Сфероид меж тем, паря в воздухе, приблизился почти вплотную, и водитель ощутил, как по его коже прошла непонятная энергия, заставившие его... оскалиться. Странное это было ощущение, непонятное, никогда им ранее не испытываемое, неведомое и... жуткое. Его будто притянуло магнитом, затем, сковав все его движения, парализовав разум и волю, подняло в воздух, перевернуло горизонтально и... оставило качаться в пространстве, как маятник старинных настенных часов. Сфероид раздулся в объёме, раскрыл свои «объятия» и поглотил в себя, всосав обездвиженное тело словно пылесосом. Приняв в себя очередную «начинку», шар хлопнул, растворился в атмосфере и пропал, будто его и не было вовсе. Всё произошло тихо, без шума, лишь слабые электрические разряды прошли невидимыми лучами небольшую поляну — затем и это замерло навечно.

Где-то прошмыгнул песец.

Пахло человеком.

У Вити на подбородок стекла вязкая нить слюны, до сих пор окрашенная красным цветом после недавнего лакомства людской печенью. Осторожно, по-кошачьи подкравшись к первому тягачу, он заметил свежие следы, протянувшиеся от кабины в сторону леса, где они, к его удивлению, внезапно обрывались. Напрочь. На ровном месте. Будто некие неведомые ножницы взяли и обрезали лист чистой бумаги — вжик! — и пустота. Дальше только нетронутый снег и стена чахлых карликовых сосен с кедрами. Будто человек испарился на месте, вознёсшись в небеса внезапно выдернувшей его силой.

Рядом за деревьями послышался шум втягиваемого ноздрями воздуха. Припав к земле и урча от непонимания происходящего, на поляну выступила тень Бадильона. Не обращая внимания на собаку, Витя подпрыгнул как хищник, забрался на борт первого вездехода и рывком рванул люк входа. Силуэт зомби метнулся внутрь кабины и с диким рёвом набросился на первую попавшуюся спящую жертву. Послышался приглушённый стон, звук разрываемой плоти, а затем мерзкое и сладострастное чавканье, переходящее в блаженную икоту.

Возня прекратилась и всё затихло. Прошло несколько томительных минут, прежде чем нелюдь в образе Вити-Василька показался из люка кабины.

— Иди сюда, — поманил он пса, держа в окровавленной руке трепыхающийся внутренний орган человека. — Будешь?

Бадик оцетинился и отступил: с этим нелюдем он уже не будет иметь ничего общего. Перед ним был зверь.

Покидая место трагедии, пёс услышал, как на стоянке завёлся двигатель, хлопнула крышка люка, и вездеход взревел, оглашая лес своим могучим выхлопом отработанной солярки. Через минуту грозная машина промчалась мимо, прочь из леса, в низину, к склону сопки, в направлении посёлка рыбаков.

Пёс втянул ноздрями солярный дым, чихнул, и потрусил вслед за бронированным тягачом.

Теперь его путь лежал к Диксону. К хозяйке, которую он спас в развалинах маяка.

К Тоне.

...Оставшиеся в посёлке рыбаков спасатели были немало удивлены, когда мимо них, на полном ходу стремительно промчался один из вездеходов, не остановившись, не посигналив, и даже не свернув к их стоянке.

Странное что-то было с этим вездеходом.

Виляя из стороны в сторону, машина не слушалась руля, но, тем не менее, продолжала упорно двигаться в направлении Диксона, будто ею управлял не профессиональный водитель, а напившийся вдрызг дилетант, впервые столкнувшийся с рычагами управления. Обдав солярным смогом оторопевших членов спасательной команды, тягач, ревя, скрылся в долине, оглашая пустой посёлок эхом рокочущих двигателей. Всё произошло настолько быстро, необычно и неестественно, что старший из группы даже не успел понять, что, собственно, случилось. Тягач исчез так же внезапно, как и появился. Для спасателей этот стремительный визит тягача так и остался неразгаданным до конца своей жизни.

А жить им оставалось всего несколько минут.

Поскольку...

Вслед за вездеходом в расположение временного лагеря, состоявшего из двух тёплых палаток, растянутых у разрушенного жилища шамана, паря и качаясь в воздухе, вплыл сфероидный объект идеальной формы, испуская вокруг себя свечение. Оболочка сферы потрескивала от разрядов электромагнитного напряжения, а по контуру пробегали зигзаги коротких извилистых молний. Четверо спасателей, не успевшие прийти в себя после исчезнувшего внезапно вездехода, уставились на неведомое чудо. Ударная волна, взявшаяся буквально ниоткуда, подбросила их вверх, перевернула, швырнула о землю раз, затем ещё, потом ещё. Со всего размаха. Расплющив и размозжив головы, выброс гравитации разметал уже мёртвые тела по территории, оставляя тут и

там истерзанные клочья плоти, обрубки ног, сломанных лодыжек и вывернутых шей. Всё было кончено за какие-то секунды: четверо спасателей были мертвы ещё прежде, чем шар опустился, раскрыл своё нутро и вытолкнул из себя второго водителя вездехода. Ему повезло, поскольку именно он избежал участи своего напарника быть заживо съеденным Витей-Васильком.

А шар исчез. Растворился в воздухе, словно капля пресной воды в морской пучине. Пространство приняло в себя разложившийся на атомы чужеродный объект и, преодолев червоточину моста Эйнштейна-Розена, бросило мчавшиеся пучки электронов в район города Диксона. Там эти сгустки вновь материализовались в уже знакомый шаровидный сфероид.

Водитель вездехода остался один, наедине с четырьмя развороченными трупами своих товарищей. Окинув бессмысленным взглядом поле разрушения и, заметив останки тел, он с удовлетворением втянул ноздрями запах свежей человеческой печени и принялся вожаделенно чавкать, оглашая пустой посёлок своим омерзительным урчанием.

...Там и застал его Бадильон несколькими часами позже...

№ 36.

...Тоня проснулась от какого-то шума, доносившегося по ту сторону двери её палаты. Кто-то бегал, кто-то кричал, причём, жутко и с надрывом, что-то упало и проволочлось по полу, словно мешок, набитый цементом. Не осознав ничего толком, она бросилась к двери, попутно взглянув на настенные часы, которые, к её удивлению остановились на отметке «полночь». Сейчас было раннее утро и, следовательно, часы стояли, как минимум, уже часа четыре. Она вспомнила едва зыбкое чувство, что таким же образом часы останавливались и на станции «Таймыр», когда они с Васильком испытали на себе выброс гравитации, посетивший их, когда они остались вдвоём, без света и связи с внешним миром.

Внезапно всё стихло.

Где-то во дворе гавкнула собака, и этот звук заставил её замереть на месте, прежде чем она взялась за ручку двери. Тряхнув головой и отгоняя видение, девушка осторожно открыла дверь, сделала шаг в сумрачный коридор и...

Едва не лишилась чувств.

Прежде чем её стошнило прямо под ноги, она успела увидеть нечто такое, что позже будет преследовать её всю оставшуюся жизнь.

Свет в коридоре моргал, будто где-то замкнуло проводку, и поначалу ей показалось, что она видит в конце прохода, у самой лестницы, какие-то мечущиеся тени, скользящие по стенам, словно выходцы с того света. Игра теней была похожа на суматошную пляску шаманов у тлеющих костров, и эти тени двигались к ней, крадучись, подбираясь своими щупальцами всё ближе и ближе.

Где-то в торце прохода хлопнула дверь. Лай снаружи стал громче и превратился в яростный рык. То, что она увидела перед собой, помутило на миг её разум, захотелось в ужасе закричать, теряя контроль и самообладание.

Иначе, как адом, это трудно было назвать.

Все стены коридора были обрызганы сгустками крови, продолжавшей стекать к плинтусу свежими ручейками, чтобы собираться на полу в небольшие лужи. Она была повсюду, разбрызганная, растекающаяся, устремляющаяся к её ногам. В двух шагах от двери, расплостёртый на полу, валялся охранник поликлиники. Униформа была разорвана, словно по ней прошлись невидимые ножницы, оставляя за собой лоскуты ткани, обрывки карманов и все внутренности, разметавшиеся сейчас по полу. Охранник лежал навзничь, смотрел стеклянными глазами на мигание неоновых ламп, и был абсолютно мёртв, если здесь применимо такое слово. Тоня перевела взгляд на рядом лежащее тело: тут-то её и вырвало.

Это был труп медсестры, ухаживающей за ней. Молодая девушка валялась рядом, истерзанная, с вывернутой шеей и развороченными внутренностями.

Тоня закричала. Дико, долго, оседая на пол.

Меж тем, из торца соседнего крыла в коридор ступила фигура... второго водителя вездехода, бросившегося к Тоне, словно ягуар в саваннах Амазонки. Проснувшиеся от криков пациенты начали открывать двери соседних палат, выглядывать наружу — кто на костылях, кто, держась руками за косяки, кто вообще просто вызывал медсестру, лёжа под растяжками на койках. Левое крыло больницы проснулось. Водителю теперь некуда было деваться. Насытившись печенью медсестры и охранника, он хотел было добраться до Тони, но помешали проснувшиеся люди. Тот малый сфероид, что доставил его сюда под стены больницы, сейчас покачивался в пространстве за двором, приводя в неопишемую ярость верного пса, защищавшего, как он полагал, покой своей хозяйки. Водитель, весь в крови и вывороченных внутренностях двух жертв, разбил прыжком лампу на потолке, рванул по пути горло одному из калек, взвыл по-звериному и выскочил по лестнице наружу...

Где и столкнулся с Витей-Васильком, который как раз выбирался из кабины заглохнувшего во дворе вездехода.

Наткнувшись на второго водителя, Витя-Василёк, бывший возлюбленный Тони, рубаха-парень и любимец всей станции, дико взревев, бросился на соперника, целясь оскалившимися клыками тому в горло. Они почувствовали друг друга. Два превратившихся в зомби бывших человека, они узнали в противнике тот запах миазмов, издаваемый полуходячими мертвецами, после того, как большой «пузырь» облучил их, а его младший «брат» добавил всё остальное, превратив их в людоедов, мародёров и маньяков, желающих насытиться человеческой печенью. Два нелюдя схватились между собой: один, чтобы добраться до девушки, другой — чтобы её защитить. Оба существа, бывшие некогда людьми, вцепились зубами в сонные артерии, хрипло завывали и заматались на мёрзлой земле, словно дикие хищники, не поделившие добычу. Водитель под натиском более молодого Вити сипло захрипел, пустил струю пульсирующей крови, пару раз дёрнулся, и затих, вытянувшись во весь рост прямо у гусениц вездехода.

Наступила тишина.

А потом раздался истерический крик Тони.

...Всё это время младший «собрат» космического «пузыря» тихо и мерно покачивался в воздухе, словно наблюдая со стороны за всем происходящим, что творилось во дворе больницы. Из окон высовывались больные, а в левом крыле здания завывала пожарная сирена, очевидно, оповещая весь персонал срочно собраться на месте трагедии.

Начинался переполох.

Кричавшая на весь двор Тоня медленно охнула, поперхнулась, и стала оседать на ступени крыльца, увидев живого и невредимого Витю, отчего-то вгрызающегося зубами во внутренности водителя. Девушке было невдомёк, какая метаморфоза произошла с её возлюбленным за последние несколько дней. Последнее, что она увидела, прежде чем потерять сознание, это жёлтые, хищные глаза своего друга, некогда бывшие человеческими, а сейчас бессмысленными и безумными во время утоления жажды человеческой плотью. Рядом сидел Бадик и выл.

Малый сфероид, очевидно, полагая, что время настало, качнулся в воздухе, выпустил из себя зеленоватые лучи, обездвижил всех высунувшихся из окон и бегущих по лестницам людей, приблизился к Васильку и раздулся в размерах. При полной тишине и неподвижности, сфероид раскрылся и, подняв в воздухе нового «пассажира», поглотил в себя, словно сделал глоток. Спустя секунду туда последовал и пёс, с застывшей в лае пастью. А ещё через секунду, прежде чем Тоня и ос-

тальные пациенты начали приходить в себя, шар мигнул, испепелил дотла истерзанное тело водителя и исчез прочь, только его и видели. Последовал тихий хлопок, а за ним, как и прежде, всё вновь пришло в движение.

Тоня, очнувшись. Кто-то орал, кто-то визжал, где-то хлопали дверями, выла сигнализация, а впереди себя она видела лишь кучу пепла, оставшейся от водителя, заглухший вездеход и брызги крови, ещё не успевшие замёрзнуть на снегу.

И вот, что странно...

Ни Вити, ни водителя, ни её родной собаки у вездехода она не увидела. Будто померещилось.

Кто-то сзади поднял её, как пушинку бросил на носилки, и внес внутрь — два белых халата, две пары ног, две пары рук. В глазах всё затуманилось, и девушка вторично провалилась в небытие. ...Спустя два дня местная газета вышла с таким заголовком:

«ПРОПАЛА ВСЯ ВАХТОВАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ СО СТАНЦИИ «ТАЙМЫР».

В статье упоминались имена всех участников трагедии, и редактор, надеясь на помощь местного населения, просил тех, кто что-либо знает о происшедшем, звонить по телефону горячей линии. Ниже были перечислены события, случившиеся в Пясинском заливе за все предшествующие месяцы, прежде чем команда зрителей станции перестала существовать. Упоминалось так же исчезновение куратора станций с его заместителями, и чуть позже — команды спасателей во главе с бригадиром сейнера.

Было принято решение оповестить обо всём столичную печать и государственную власть.

Тоня лежала на койке и, ничего не помня, видела этот номер газеты, читала статьи, однако ничему не удивлялась, жалея только о погибших, которых она абсолютно не помнила. Что-то смутное витало у неё в голове: что-то зыбкое и непонятное, какие-то вихревые волны, собака, качающийся шар в пустоте... возможно даже какой-то парень, любивший её до безумия...

А потом...

Потом всё обрывалось. Она смотрела на фотографии и никого не узнавала.

Ей стёрли память.

Так прошло несколько дней. Однажды, встав поутру с койки и пройдя в умывальник, Тоня надолго прикинула к своему отражению в зеркале, однако что-то похожее с той девушкой на фотографии в газе-

те так и не обнаружила. Из этого следовало, что ей не только стёрли память, но и полностью изменили внешность.

Отсюда можно было сделать вывод, отчего её никто не сопоставлял с исчезнувшими коллегами по станции и произошедшими там жуткими событиями.

Она больше не существовала в этом мире.

Кто стёр память девушке, кто изменил её облик до неузнаваемости, кто истребил всех зрителей станции, посёлок рыбаков и лагерь изыскателей — так и осталось вечной и жуткой загадкой.

Вот, собственно, и всё.

...Сейсмическая станция «Таймыр» перестала существовать.

ЭПИЛОГ

Последний её представитель, девушка, выписавшаяся из больницы, стояла на морозном воздухе близ заброшенного маяка и смотрела в ночное звёздное небо. Что её привело сюда, она не знала. Следуя какому-то необъяснимому внутреннему голосу, зовущему её, она, как притянутая магнитом, задрала голову, смотрела в небеса, спускаясь к ней, парил чёрный гигантский монолит, закрывая собой луну и половину небосвода.

Шар завис, «ощупал» её лучами, раскрыл нижние створки, где помещалась лаборатория по созданию новых форм жизни, и, обездвижив тело — лёгкое и податливое — поглотил в себя как невесомую пушинку.

Последняя выжившая на станции «Таймыр» покинула Землю навсегда.

Её ждала НЕИЗВЕСТНОСТЬ.

***

...Где-то в параллельном пространстве, в ином измерении, гавкнул Бадик, послышался окрик Вити-Василька, и всё исчезло.

Тоня, разложившись на нейтроны, помчалась сквозь пространство навстречу своему любимому.

□□□□□

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Игнатов ПАРАДОКС ФЕРМИ	3
Анатолий Сахоненко ВОРОНЬЕ НЕБО	23
Оксана Соснина ПЛЮШЕВАЯ СКАЗКА	35
Игорь Бёзрук ФИКУС	38
СЛУЧАЙ С МИХЕЕВЫМ	43
КРАСНЫЕ РУКИ	47
ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ	54
Сергей Калабухин БОЛЬНИЧНЫЕ БАЙКИ	57
Дмитрий Аникин ГОЛЕМ. СТИХИ	85
Валентина Карпушина СТИХИ	91
Александр Зубенко СЕКРЕТНЫЙ ПРОЕКТ «ПЕТЛЯ МЁБИУСА»	96
СТАНЦИЯ «ТАЙМЫР»	233

**Литературный
альманах
«ЭДИТА» № 28**

**ЛИТО
«Edita Gelsen»**

edita gelsen

logobo2023@gmail.com

ISBN 978-3-910935-89-1

